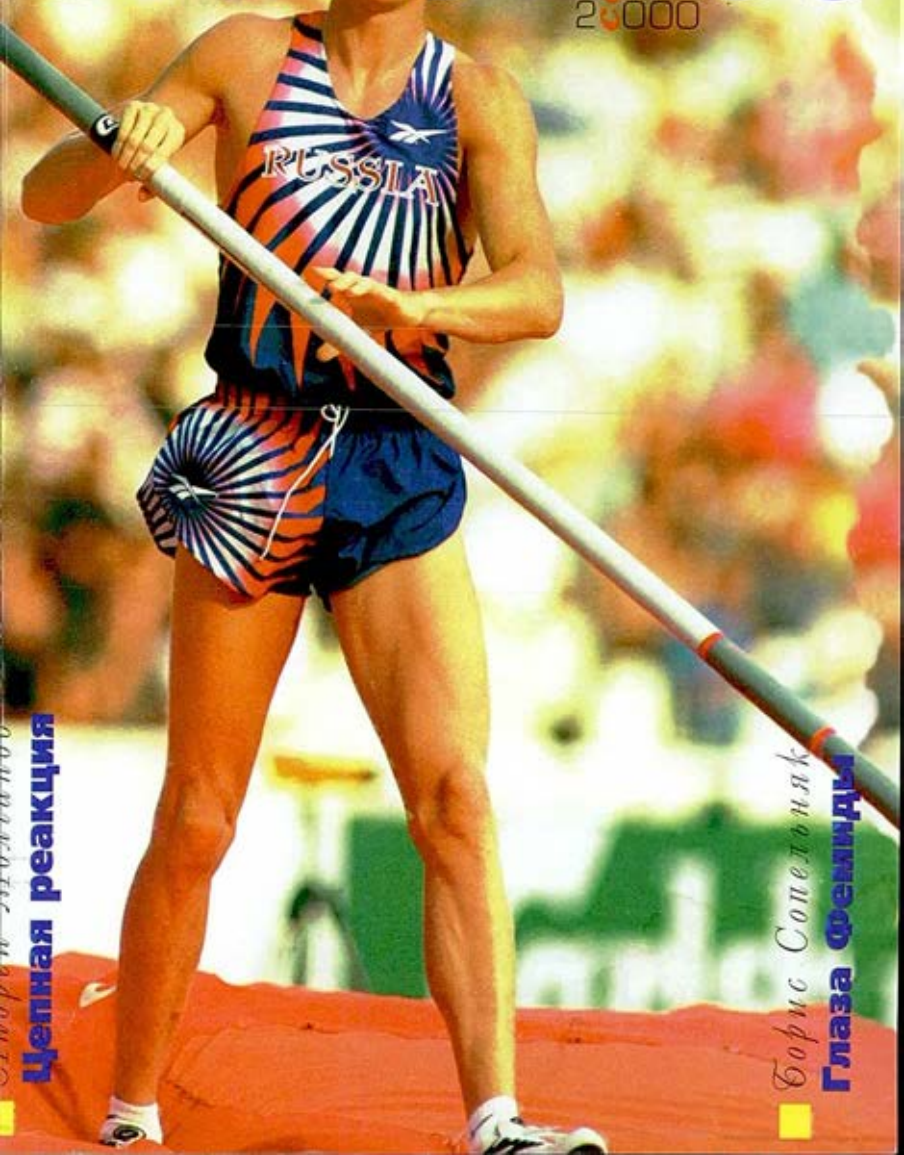

СМЕНА

сентябрь
2000

Цепная реакция

Борис Софронюк
Глаза Фемиды

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

**БЕРИ
НАСТОЯЩЕЕ**

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 933-4815

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинна

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

9 2000
сентябрь (1631)

Сдано в набор 17.7.2000.
Подписано к печати 10.8.2000.
Печать офсетная.
Заказ № 1959
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2000.

72 *Юрий Петелин*
**ТЕМНОЙ НОЧЬЮ
 НАД БУЛЬВАРОМ**
 Рассказ

128 *Андрей Молчанов*
ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ
 Детектив

4 *Николай Зуев*
**ОЛИМПИАДА-2000 —
 ПОБОЛЕЕМ
 ЗА НАШИХ!**

26 *Светлана
 Бестужева-Лада*
**И ЧЕРНОРАБОЧИИ,
 И БЕЛОРУЧКА**

38 *Борис Сопельняк*
ГЛАЗА ФЕМИДЫ

86 *Алексей Анастасьев*
**ЮРГА —
 СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ**

119 *Мария Мельникова*
**"ГДЕ ОБЕДАЛ,
 ВОРОБЕЙ?
 В ЗООПАРКЕ
 У ЗВЕРЕЙ"...**

252 *Сергей Каленикин*
**НЕСЛЫШИМЫЕ
 ЗВУКИ**

стр. 4

На 1-ой обложке:
 Олимпийский чемпион,
 чемпион мира 1999 г.
 Максим Тарасов
 фотоагентство Nota Bene

стр. 98

18 *Юрий Осипов*
**СЧАСТЛИВОЕ
МЕЛИХОВО**

52 *Любовь Русева*
**СЕЯТЕЛЬ
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

66 *Шатъяна Догилева:*
**"АДСКИЙ ТРУД БЫТЬ
РЕЖИССЕРОМ"**

98 *Лидия Байрамова*
МАНЕ

240 *Иван Вюзюкин*
СКАЗКА ЕГО ЖИЗНИ

260 *Рамазан Рамазанов*
"АХ, КАРНАВАЛ..."

16 *Дмитрий Филимонов*

35 *Ирина Пущяева*

Ольга Чайковская
ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Судебный очерк, в котором известная писательница анализирует приговор суда Ижевска по делу об убийстве трех человек в тире военной кафедры и приходит к выводу о том, что наказание в виде пожизненного заключения понес невинный человек.

октябрь '2000

10

Анна Малышева
**ПРИ ПОПЫТКЕ
ВЫЙТИ ЗАМУЖ**

В прошлом году мы познакомили читателей с первым романом молодой писательницы Анны Малышевой "Тело в шляпе", главная героиня которого, Александра Митина, помогает милиции раскрыть загадку гибели директора компьютерной фирмы и его невесты. В новом романе "При попытке выйти замуж" действует та же героиня — журналистка Александра, и опять ей приходится помогать опергруппе МУРа найти концы преступной ниточки, попадая при этом в самые невероятные ситуации.

АНОНС:

стр. 66

ОЛИМПИАДА

A-2000 —

поболеем за наших!

AN
TION

Вот и наступил самый долгожданный — ждать не пришлось целых четыре года — праздник для любителей спорта — 15 сентября в далекой Австралии, в Сиднее, откроется последняя в уходящем веке XXVII летняя Олимпиада-2000.

Наше дело, мы с вами, дорогие читатели, будем отчаянно болеть за нашу сборную, за то, чтобы она вновь подтвердила, что Россия была и остается величайшей спортивной державой. Познакомьтесь с двумя российскими олимпийцами — золотой надеждой сборной по синхронному плаванию, неоднократной чемпионкой мира Ольгой БРУСНИКИНОЙ и легкоатлеткой, чемпионкой мира в эстафетном беге 4x400 метров Татьяной ЧЕБЫКИНОЙ.

Русалка с Дмитровки

Николай ЗУЕВ

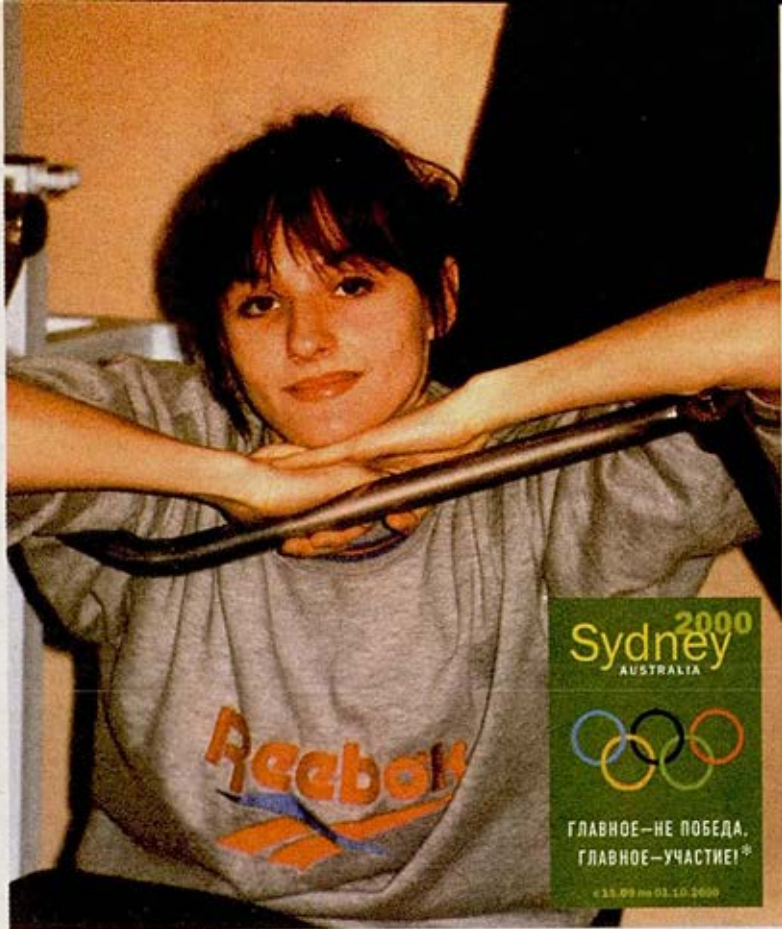
фото автора

За свою спортивную биографию Ольга Брусникина провела в воде больше времени, чем на суше. Именно поэтому друзья в шутку и называют ее русалкой. А в каждой шутке, как известно, есть доля правды.

— Оля, тебе всего 21 год, а ты уже завоевала столько титулов: стала призером Олимпиады в Атланте, двукратной чемпионкой мира, абсолютной чемпионкой Европы, на Играх доброй воли в паре с Машей Ниселевой выиграла соревнования дзюдо и внесла главный вклад в победу нашей восьмерки в командных состязаниях. Скажи честно, тебя мама случайно не в ванне родила?

— Не угадали! Я родилась в Москве 9 ноября 1978 года. Мое детство прошло в Измайлово, на одной из Парковых улиц. Родители развелись, когда я была еще маленькой. Моя мама Анна Михайловна работает тех-

Sydney²⁰⁰⁰
AUSTRALIA

ГЛАВНОЕ — НЕ ПОБЕДА,
ГЛАВНОЕ — УЧАСТИЕ!*

© 1999 по 01.10.2000

нологом по обуви в одном из совместных предприятий. В молодости она немного занималась волейболом. А я ходила в школу по соседству с домом, недалеко от метро "Первомайская", потом перешла в школу на Тверской, где учились дети артистов, певцов, деятелей искусства. До пятого класса училась хорошо, а потом начались тренировки и учеба медленно, но уверенно отодвинулась на второй план. Тренировалась во Дворце водного спорта, что на Мироновской улице. Маме благодарна за то,

что записала меня именно в секцию синхронного плавания. Не поверите, но с малых лет я боялась воды и даже в домашней ванне чувствовала какую-то скованность. Поэтому и удивительно, что уже с первых занятий понравилось делать "цветочки" на воде, а плавать я научилась всего за две недели. Моим первым тренером была и до сих пор остается Елена Николаевна Полянская. Тренироваться приходилось по шесть раз в неделю, после школы. Плавала с трех до семи часов вечера.

— С пятого класса плаваешь, как лягушка, практически каждый день. Тебя не тянет на сушу?

— Везде я чувствую себя, как в своей тарелке. Русалкам нравится быть в воде, ведь это их стихия. Птицам в небе тоже здорово. А танцевать в воде — что может быть красивее и зрелищнее?! Пять лет уже тренируюсь в бассейне 3-го Мосавтокомбината, что на Дмитровском шоссе. Кроме бассейна много времени провожу в тренажерном зале, где мы оттачиваем мастерство перед зеркалом.

— Куда ты отправилась на свои первые в жизни соревнования?

— В Италию. Я успешно там выступила, хотя тогда моду в синхронном плавании диктовали американки и канадки. Затем в Финляндии выступала в групповых соревнованиях. Там мы не заняли первое место и я даже плакала. Я — натура впечатлительная и порой достаточно неосторожного слова, чтобы я разревелась. Но мне так просто не подыдешь, но тренеру удалось найти со мной общий язык.

— Оля, что за казус произошел с тобой на соревнованиях в Харькове?

— Там я выступала дуэтом с одной девочкой. Только оказалась в воде, как у меня сломался зажим, который не позволяет воде попадать в нос. Тогда с этой нехитрой продукцией у нас был большой напряг. Пришлось выйти на бортик, взять у кого-то из подруг новый зажим и заново начать программу. Продолжить выступать без зажима в такой критической ситуации может лишь одна спортсменка в мире —

француженка Вирджиния Дидье. Медики определили у нее от рождения особое строение носовых перегородок.

— Грустный случай в твоей спортивной жизни был. А самый счастливый?

— Он еще впереди. Меня радует, что рядом со мной всегда есть друг — ватерполист Сережа Евстигнеев, на которого можно положиться. Недавно родной клуб МГФСО купил мне отдельную квартиру, а до этого приходилось жить с мамой в коммунальной. Кстати, мама до сих пор там живет. Моя новая квартира расположена рядом с Каналом имени Москвы. Так что летом плавать есть где!

— Интересно, а сколько ты уже наплавала километров?

— Даже страшно себе представить!

— Другие виды спорта тебе нравятся?

— Фигурное катание — этот вид очень близок к нашему.

— Ты была на Олимпийском балу в Кремле?

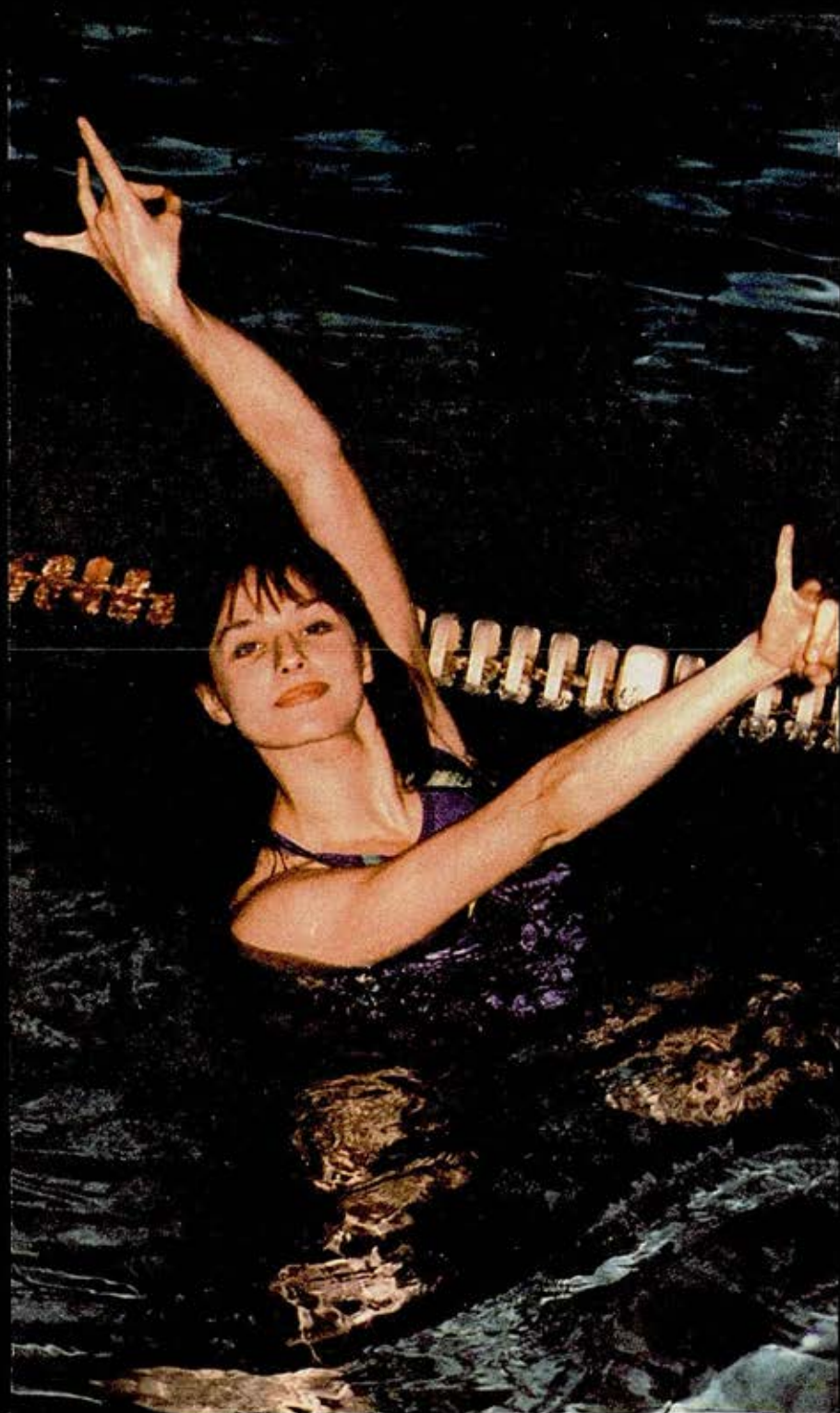
— Конечно, вместе с Сережей, он ведь член сборной России по водному поло. Бывает, что с ним мы не видимся по несколько месяцев. Кстати, по гороскопу он — Козерог, а я — Скорпион, эти знаки подходят друг другу. С ним мы редко ссоримся, понимаем друг друга с полуслова. Обычно Новый год встречаем вместе.

— У тебя есть мечта в жизни?

— Хочу выиграть эти Олимпийские игры! Ведь сейчас мы, россиянки, — лидеры в мировом синхронном плавании.

— Хобби у тебя есть?

— Люблю выпекать торты или что-нибудь сладенькое.

— Но ты такая стройная, неужели сидишь на диете?

— В еде совершенно себя не ограничиваю. Видно, у меня такое строение тела. В этом свой плюс, ведь есть много девушек, которые мечтают похудеть, а меня это не касается.

— Оля, а случается, что и пловчихи тонут?

— Всякое в жизни, тем более в спорте, бывает. На Кубке мира одна спортсменка чуть не утонула прямо перед выступлением моей подруги Маши Ниселевой. В обязательной программе под водой выполняются определенные фигуры, в том числе довольно длинные. Девушка выполнила такую фигуру и не выплыла из-под воды, пошла на дно. Ее, конечно, спасли, но было страшно на такое смотреть.

— Музыку под водой слышно?

— Только когда хорошие динамики. А если нет, то тренер отстунивает ритм каким-нибудь железным предметом. Иногда приходится отсчитывать музыкальные такты про себя. Так что в синхронном плавании обязательно надо иметь музыкальный слух и чувство ритма.

— У тебя есть мечта?

— Во Франции была на соревнованиях, а Парижа не видела. Мечтаю побывать в этом городе не на соревнованиях, а поехать специально, чтобы побродить по го-

роду без спешки, побывать в Лувре, на Елисейских полях. Посмотреть, как там "пашут" и "сеют".

— А какой из трех видов программы тебе нравится больше всего — соло, дуэт или командные соревнования?

— Соло! Я довольно самолюбива. Люблю, когда все внимание зрителей приковано к моей персоне. А вот с трибуны смотреть интереснее за группой.

— Говорят, на судейские оценки влияют костюмы. Кто вам их шьет?

— Раньше было немало проблем и шить костюмы приходилось чуть ли не вручную. Да и наряд был с блестками, бисером, которыми мы украшаем наряды. До недавнего времени форму для нас шило одно ателье, а сейчас обходимся помощью Елены Атрепьевой. Она — настоящий мастер по костюмам для плавания.

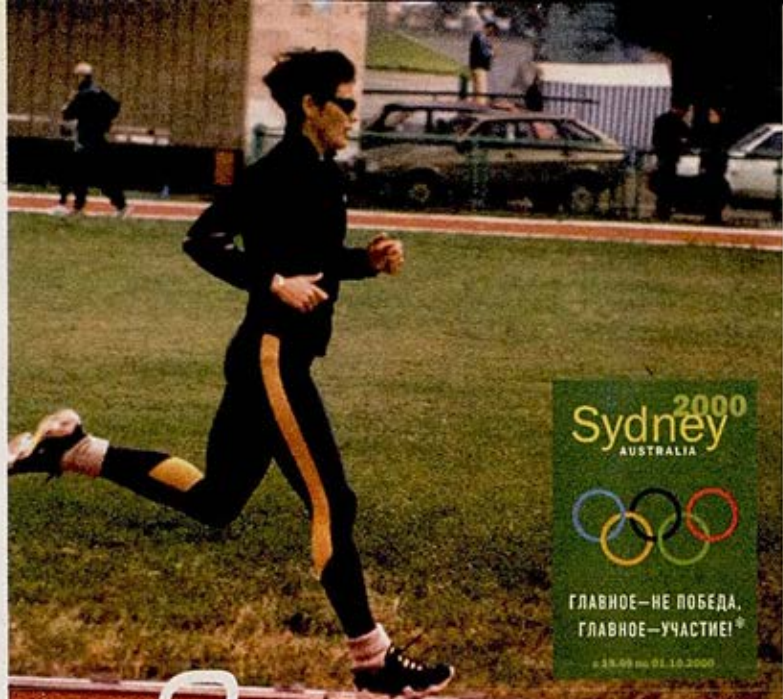
— Говорят, что ты не только спортсменка, активистка, но и студентка?

— Вы забыли слово "красавица"! Ну, а если без шуток, то учусь на третьем курсе Российской академии физической культуры и мечтаю после выступлений стать тренером.

— Твой любимый спортсмен?

— Американистический теннисист Пит Сампрас. Довольна, что наконец его в рейтинге обогнал наш Евгений Нафельников. Пора бы разобраться и с Агасси!

Sydney²⁰⁰⁰
AUSTRALIA

ГЛАВНОЕ — НЕ ПОБЕДА,
ГЛАВНОЕ — УЧАСТИЕ!*

© 1999 по 01.10.2000

Скорпион на беговой дорожке

Если скорпионы-пауки — бегуны нинкунды, то спортсмены, которые родились под этим знаком Зодиака — бегуны от Бога.

Яркий пример тому — российские легкоатлетки, с блеском выступившие на последнем чемпионате мира в Испании. Одна из них — четырехкратная чемпион-

на мира Татьяна Чебыкина, которая в эстафете 4x400 бежала на первом этапе. Сегодня, когда вы читаете этот номер, она вместе со своими подругами по команде готовится к самым ответственным стартам — на Олимпийских играх в Сиднее.

Мало кто знает, например, что у Татьяны спортивная семья. Муж у нее — ходоk, но не в том смысле, что налево, а спортсмен, которому ничего не стоит "прошагать" 50 километров. В испанской Севилье Николай Матюхин завоевал в этом виде для российской сборной бронзовую медаль, что является его высшим достижением за спортивную карьеру.

Просто и непринужденно договорился по телефону встретиться с Татьяной после тренировки в Лужниках. На южном легкоатлетическом ядре, где проводили тренировку бегуны, было довольно шумно, поэтому интервью пришлось брать в новенькой "тойоте", за рулем которой сидел Николай. А на все мои вопросы отвечала Татьяна.

— Любовь к спорту передается с генами?

— На этот вопрос сложно ответить однозначно, но мои родители были неравнодушны к спорту. Мама работала главным инженером, отец — газосварщик, но оба всю жизнь увлекались волейболом. А родилась я 22 ноября 1968 года в Нижнем Тагиле.

— Бегать, естественно, начала вокруг детской коляски?

— Этого я уже не помню, хотя не исключено. Скорпионы — они ведь непоседы, ни минуты на месте устоять не могут, словно у них шило сзади. Родители заме-

чали, что когда я играла с пацанами во дворе дома и кто-то из них пытался меня догнать — это редко кому удавалось. Маленькая, щупленькая, шустрая, я могла убежать даже от взрослого мальчишки. Уже поэтому меня в детстве мало кто мог обидеть. Ведь для этого догнать надо, а это не каждому под силу.

— Значит, в детстве, кроме беготни, ничем и не занималась?

— Наоборот — чем я только не занималась. И фигурным катанием, и лыжами, и волейболом. Из "фигурки" ушла потому, что меня на соревнованиях засудили. Мы пришли с папой на каток, было холодно и папа попросил, чтобы я не переодевалась — можно было простудиться. Я его послушалась, но судьям не понравилось, что я выступала в платье и они снизили мне оценки. Я так разобиделась, что на коньки мне после этого даже смотреть не хотелось.

— В детстве обегала весь Нижний Тагил?

— Бегать там не очень приятно, ведь это промышленный город и нередко в воздухе висела дыма. В этом городе я жила до 14 лет. А бегом занялась с двенадцати, когда папа отвел в секцию, где моим первым тренером стала Лилия Александровна Дорошева. Мне так нравилось тренироваться, что нередко даже пропускала уроки. Но никогда не прогуливала физкультуру, рисование, литературу и математику. Это были мои любимые предметы.

— И как же дальше пролегал твой путь в "большой спорт"?

— Сначала переехала в Свердловск, где училась в спортивном интернате. До десятого

класса тренировалась под руководством Игоря Васильевича Шувалова. Не поверите, но еще тогда мне руку лично пожал будущий президент России. Он был главой области и после успешного выступления на юношеском чемпионате мира пригласил свердловчан к себе на фуршет. От радости я даже нарушила спортивный режим и немного пригубила шампанского. После школы продолжала тренироваться, поступила в Свердловский пединститут — имею диплом учителя физкультуры.

— *Накая у тебя самая памятная победа?*

— Четыре года назад на чемпионате мира в Барселоне в эстафете 4x400. Тогда кое-кто говорил, что я бесперспективная и занимаю чуть ли не чужое место в сборной. Словом, поставили на мне жирный крест. Но я доказала, что списывать из команды меня рановато. Перешла к новому тренеру — Людмиле Владимировне Федоровой и мы утерли нос многим. Кстати, она тренирует меня до сих пор.

— *Назусы на дорожке случаются?*

— Практически на каждом соревновании. Со стороны кажется, что бег проходит гладко и спокойно. Это обманчиво. Идет такая борьба, что еле пробегаешь свою дистанцию. Порой приходится толкаться и руками, и локтями. Открою маленький секрет. После второго виража надо занять крайнюю дорожку и не пропустить никого вперед. А не то тебе самой перекроют ниспород, а вернее, короткую дорожку. Порой наберешь хорошую скорость, а под ногами кто-то ме-

шается, тут уж не выдержишь и крикнешь что-нибудь такое, чем так богат и могуч русский язык. Иностранки, правда, даже не реагируют, ведь мало кто из них по-русски понимает.

— *Спортивный режим приходилось нарушать?*

— Все мы живые люди и ничто человеческое нам не чуждо. Нарушаю, но только по праздникам. Из крепких напитков пробовала джин и водку — не понравились. Сейчас люблю пригубить чуть-чуть мартини — это то, что надо спортсмену.

— *А теперь открой секрет — как познакомилась с Николаем?*

— В поезде. Шесть лет назад ехала на соревнования в бывшую Чехословакию, в город Банска-Бистрица. Сажу в поезде еще в Москве и болтаю с Ольгой Вороновой. Вдруг в наше купе входит Николай. Он мне сразу понравился и, чтобы обратить на себя внимание, я даже спрятала его кроссовки — а то еще уйдет к соседям. В Банска-Бистрице жили в одной гостинице, гуляли по городу, любовались готическими церквушками, ратушей и домами в стиле ренессанса. Николай пригласил нас в бар, мы пили знаменитое чешское пиво с креветками и сырными лепешками.

— *Обратно, конечно, снова в одном купе ехали?*

— Видимо — это судьба. Правда, поезд прибыл в Москву в полночь и мне было страшно ехать на последней электричке домой, в Наро-Фоминск. Обрадовалась, когда Николай изъявил желание проводить меня. После этой поездки нас стали часто видеть вместе.

— *Свадьбу сыграли быстро?*

— Мы встречались долго и поженились только через четыре года. Я всего на три недели старше супруга. 26 сентября исполняется три года, как мы муж и жена.

— О чем жалеешь, что еще не успела сделать?

— Порой жалею, что не выучила иностранный язык. В школе учила французский, в институте — английский, а в итоге — никакой. Это пробел, который хотелось бы восполнить. Иногда еще вот о чем думаю: повидала десятки стран, завоевала кучу разных медалей, теперь бы пожить в свое удовольствие где-нибудь во Франции! А, может, попробовать себя в роли фотомодели? Ведь снялись же для "Плейбоя" Светлана Хоркина и Иоланда Чен! А потом успоаиваешься, нет — это не мое, надо тренироваться, как мой кумир в спорте Ирина Прива-

лова. Кстати, мы с ней родились в один год и в один день — Скорпионы!

— Чем обычно чемпионка "убивает" свое свободное время?

— Люблю разговаривать по телефону — это ведь женская слабость. Еще люблю жареные семечки. На природе не против отведать шашлыков и сходить за грибами. Признаюсь, готовить пока не научилась — это лучше получается у Николая. Видите, я — живой человек и у меня есть недостатки. Бывает, что могу вспылить на мужа, но быстро отхожу и прошу прощения. О ребенке пока не думаю, ведь впереди Олимпиада в Сиднее.

— Наной медали пока нет в твоей колленции?

— Олимпийской!

— Тогда — ни пуха...

— Н черту!

Дмитрий ФИЛИМОНОВ

ОСЕНЬ

*А ты жила в далекой стороне
и, может быть, за то меня любила,
что ничего не знала обо мне...
А я смотрел, как бьется в кровь рябина
головушкой по каменной стене,
и был бы рад вернуть судьбу назад,
но рейс давно бухгалтером оплачен,
и мало ли — чему я был бы рад?..
Года спешат, а прошлое оплатит
лимонный и багряный листопад.*

* * *

*Поставлена ложь во главу угла.
И тень, как проклятье, на мир легла.
И Век задохнулся, и сдох в тени.
И смрадом наполнились наши дни.*

*Плеснули на синее бурый тон.
Война и насилие взяли трон.
Но кто говорит, что спасенья нет?
Нет вечных туннелей, но вечен Свет!*

* * *

*Еще чуть-чуть... и сердце века остановится.
Не будет почестей и пышных похорон.
Не смерть с тупой косою тому виновица,
а неуклонное движение времен —*

*непостижимое, в крови, в дыму, в неясности
происходившего и дящегося зла,
дрянное варево, в котором вроде пряности —
пророки, гении и добрые дела.*

*Свершенья, слава и позор тысячелетия
в потоке вечности — мгновенный тленный труд.
А раздобревшие тома энциклопедии
возможно, снова, по традиции, сожгут.*

*Но так ли важно, что там в целом подытожится,
когда у каждого свой собственный итог?
И остро чувствуется личное ничтожество,
и обнадеживает сердце: "С нами Бог".*

* * *

Дни, уходящие в никуда,
Можно списать на валюту, но суммы
не остановят процесса. Безумны
рьяно растящие в банках счета.
Деньги — не полная мера труда,
не унести из горы ни песчинки.
Жизнь без любви — как пирог без начинки —
дни, уходящие в никуда.

Дни, уходящие в никуда,
как поезда — от реальных перронов.
И появление морщинок у рта
лишь отражение смерти нейронов.
Дни, уходящие в никуда —
вакуум, камера без кислорода
с необозначенной целью прихода
и перспективой уйти без следа.

* * *

Воспел бы я век уходящий,
но скорбен воистину вид,
где тьма воцарилась, и спящий
не слышит, как Ангел трубит,

где опыт не кладезь, а цепи
ошибок, стесняющих дух,
где цены понятней, чем цели,
а уши имеющий глух,

где смотрят, но видят едва ли,
где служит пороку герой,
где похоть с любовью сравняли,
а жизнь с виртуальной игрой,

где лидер не лучше паяца,
а судьи не больше воров,
где мнимой свободой гордятся
рабы бесконечных торгов,

где верить привыкли не чуду,
а ряду полей на счету,
где гибель грозит отовсюду
и зло преступило черту,

где каждый у страха в залоге
и вряд ли доволен судьбой,
где мало кто помнит о Боге,
не зная, как близок седьмой...

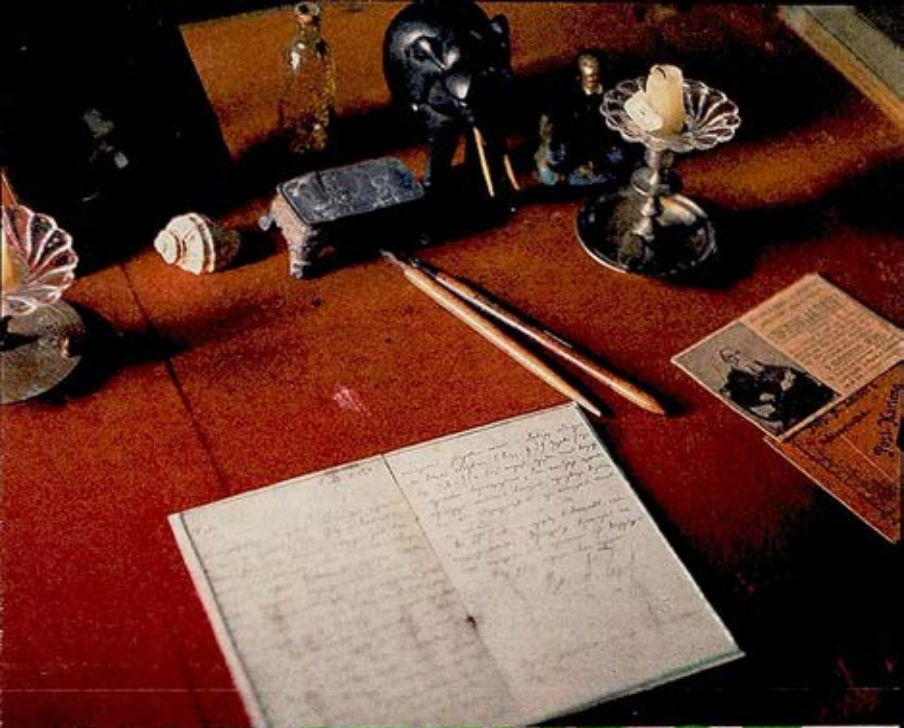

Юрий ОСИПОВ

В середине сентября — по недавней традиции — в подмосковном музее-заповеднике Мелихово большой литературный праздник — Чеховские дни.

"Красные ворота, широкий двор, низкие постройки... Расстилается луг. Влево — купа деревьев, прямая, как ремень, березовая аллея... "Какой наивный двор", — писал о нем Чехов. И правда, что-то милое в этих невысоких амбарах, строениях, конюшнях. Поражает изобилие изгородей, заборов, перегородок, плетней... Направо — одноэтажный, с затейливыми окнами дом с большой террасой, крытым переходом, соединяющим главное здание с пристройкой-кухней... Фли-

СЧАСТЛИВОЕ МЕЛИХОВО

гель — это тот самый маленький домик в саду, выстроенный самим Чеховым, в котором он жил и работал. Здесь написана "Чайка".

...Идем к дому. Навстречу выбежали две тансы... Точь-в-точь Хина и Бром... И казалось таким естественным, что вот сейчас выйдет и сам Антон Павлович и скажет, притворно сердясь на собаку: "Хотите, подарю пса? Вы не поверите, до чего глупая собака!"

И Чехов не выйдет... И собаки уже не те. И в доме уже не так, как было когда-то. Из вещей Ан-

тона Павловича остались здесь рояль да письменный стол, вот и все. Остальное вывезено в Ялту".

Таким увидели Мелихово накануне первой мировой войны поэт И. Белоусов и литературовед Ю. Соболев. Управлял тогда имением местный крестьянин Прокофий Симанов, тот, что был при Чехове старостой и близким доверенным лицом во всех хозяйственных и общественных начинаниях писателя, впоследствии — ревностным хранителем его памяти. Он и по-называл прибывшим "чеховские

владения". Их очерк, напечатанный в 1918 году в книжке "По родным местам", — первое описание Мелихова, появившееся после революции.

Скромное имение это в Серпуховском уезде Антон Павлович купил по объявлению в газете, не глядя, зимой 1892 года, вернувшись из своей героической поездки на Сахалин. После всего увиденного в путешествии им овладела жажда перемены обстановки. "Если я врач, мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангустом".

Из семи мелиховских лет две осени были отданы самоотверженной борьбе с холерой.

Пять холерных баранов и два медицинских пункта организовал доктор Чехов на своем участке. В каждом медицинском пункте — в Нрюнове (там теперь открыт филиал музея) и в Угрюмове — принимал больных дважды в неделю. Дома, в Мелихове, — ежедневно, с 5 до 9 часов утра. Более тысячи больных за два месяца!

Едва отступила холера, Чехов занялся устройством сельских школ (в двух сохранившихся — в самом Мелихове и в Новоселках — также филиалы музея).

С этого времени учитель делается непереманным действующим лицом многих чеховских рассказов. Жалоба задавленного нуждой таленжского учителя прозвучит в "Чайке". По своей инициативе, на свои деньги писатель строит в Талезе школу, описывая все тяготы строительства в повести "Моя жизнь". При этом он избегал упоминать, что за строительство

Таленжской школы был награжден орденом Станислава III степени. Новоселковскую школу Чехов строит в период обострения туберкулезного процесса, когда жизнь его буквально висела на волоске. А он еще шутил, что для содержания семьи ему достаточно трети тоннораров, все же остальное требуется для оправдания "литературных привычек", в число которых Антон Павлович, помимо школ, включал и прокладку дороги от станции Лопасня, и открытие на станции почтового отделения, и возведение колокольни, пожарного сарая, и постоянную помощь крестьянам.

Молчаливыми свидетелями подлинных его литературных привычек были лишь неразлучный письменный стол да стены рабочего кабинета, где в эти годы создавался цикл шедевров на крестьянские темы: "Мужики", "Новая дача", "По делам службы", "В овраге". Брат писателя М.П. Чехов вспоминал, что на каждой их странице "сквозят мелиховские картины и персонажи". А "Дядя Ваня", "Палата № 6", "Остров Сахалин"... Все они тоже "мелиховские".

...Устав, Антон Павлович выходит в соседнюю гостиную и, тихо прислонившись к двери, слушает, как поет под аккомпанемент кто-нибудь из гостей. Вечерами пламя керосиновых ламп освещало в маленькой гостиной матово поблескивающий бок рояля, точеный подбородок Лики Мизиновой и изможденный лоб Левитана. Пристроившись рядом с ним, Мария Павловна делала карандашом быстрые наброски собравшихся. А Павел Егорович настойчиво пред-

лагал им отведавать собственных разносолов: в Мелихове Чеховы впервые начали вести натуральное хозяйство, и душой его опять-таки являлся Антон Павлович, страшно гордившийся своим диковинным огородом "Юг Франции".

Счастливым дом — так отзывались о мелиховской усадьбе те, кому довелось побывать здесь. Сюда добирались по бездорожью знаменитые столичные художники, артисты, поэты. Отсюда Чехов отправил более двух тысяч писем.

Он расстался с Мелиховым не по своей воле, а по настоянию врачей, и рвался к нему из опустыленной Ялты, с нежностью вспоминал о нем в предсмертные баденвейлеровские часы. От того, быть может, этот тихий уголок подмосковной земли олицетворяет для нас живой облик Чехова.

"Подвижники нужны, как солнце", — говорил Антон Павлович, и слова эти с полным правом можно отнести к небольшому отряду работников музея-заповедника, на протяжении десятилетий неустанно возвращавших нам чеховскую первозданность Мелихова.

Давно нет в живых первых хранителей и собирателей чеховского мемориала, но вещи пережили людей, обрели новую жизнь и обросли легендами. В 1960 году из районной больницы имени А.П. Чехова переехали в музей буфет, фарфоровый таз и стерилизатор, которые поступили в больницу из Мелихова в 1918 году. Совсем недавно при оборудовании филиала музея — "Медицинский пункт доктора Чехова" в Крюкове — из той же больницы получено пять кресел, обитых кожей, и стоячая

вешалка. Архивные документы подтвердили их принадлежность чеховскому дому. Пролежавшие более шестидесяти лет в архиве сопроводительные описи стали метриками, по которым хранители фондов музея заполняют теперь научные паспорта, превращающие эти непритязательные, казалось бы, предметы домашнего обихода в бесценные экспонаты. Жизнь им предстоит долгая...

Вообще история создания Мелиховского музея-заповедника примечательная.

До конца войны оставалось еще полтора года, когда в Мелихово был командирован демобилизованный по ранению Петр Иванович Ванаг. Он завязал переписку с Марией Павловной Чеховой, бессменной хранительницей ялтинского Дома-музея.

"Уважаемая Мария Павловна, — писал он. — Осенью 43 года при крайне тяжелых условиях военного времени я и моя жена-педагог приступили к организации музея и библиотеки Антона Павловича в Мелихове... При содействии самой широкой советской общественности уже к 1 января 1944 года мне удалось привести в порядок парк и открыть во флигеле... музей, а в большом доме, перенесенном с усадьбы на другое место, перестроенном, библиотеку-читальню..."

Завершить создание музейной экспозиции Ванаг не успел. Обострилась болезнь, полученная на фронте. Вскоре он умер. Первая выставка "Чехов в Мелихове" открылась в 1950 году. Ни одного подлинного экспоната на ней не было, только фотокопии. Супругов Ванаг сменили супруги Юрий Константинович и Любовь Яковлевна

Авдеевы, чтобы продолжить все начатое и поставить Мелихово в один ряд с Ясной Поляной, Спасским-Лутовиновом, Михайловским...

Знаменательное совпадение. Именно через Пушкиногорье шел Юрий Константинович к Чехову. Фронтovým художником попал он туда со своей частью зимой 44-го. Ступая след в след за саперами, разминировавшими могилу Пушкина, его дом, видел пепел Михайловского и рисовал все, что считал важным и значительным.

Вчерашние фронтовики поднимали из руин памятники Отечества, "животворящие святыни" нашей духовной культуры. На усадьбе в Мелихове вновь застучали топоры — началось восстановление чеховского дома там, где он стоял когда-то.

— Главный архитектор реставрационной мастерской Афанасий Алесандрович Афанасьев обследовал каждый квадратный метр площади бывшей усадьбы, дане резные карнизы, уцелевшие в некоторых избах, — рассказывал Юрий Константинович Авдеев. — Затем провели раскопки фундамента дома и печей. Циркулем вымерялись каждая деталь окна, каждый лист кровельного железа, порог террасы, и все вычерчивалось на отдельных планшетах. Работа оказалась настолько трудоемкой, что кроме нас с Любовью Яковлевной в ней стали принимать участие старшие дети архитектора, а их у него было одиннадцать...

К созданию музея привлекли также художника С.М. Чехова, племянника писателя. С помощью Марии Павловны он сделал планы

дома, усадьбы и всего имения. Сам собой распределились роли в чеховской семье. Сестра Антона Павловича "царствовала" в Ялте. Вдова, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, шефствовала над его московским музеем. Племянник Сергей Михайлович посвятил себя Мелихову.

Архитектор Афанасьев умер, не завершив строительства основного дома. Трудности наваливались со всех сторон. Где теперь, например, возьмешь изразцы для голландских печей? Музейщикам повезло: ломали печи в особняках серпуховского знакомого Чехова Троицкого. Материал был обеспечен, включая медные отдушины, чугунные заслонки. Отыскался и печник, в совершенстве владевший этим хитрым ремеслом.

Приступили и к поиску рассеянных по округе мемориальных вещей. В деревне Чирново жили бывшие учительницы Таленжской школы сестры Бочковы. В архиве Чехова имелось только одно их письмо к писателю, личного знакомства между ними так и не произошло. Поэтому от встречи со старушками не приходилось ждать чего-то особенного. Тем не менее Авдеев отправился за шесть верст в Чирново.

Добрался к сестрам уже ночью, до нитки вымокший под дождем. Разговорились. "Ное-что осталось у нас на память", — неожиданно сообщили женщины и принесли книгу стихотворений С. Дрожжина с надписью в правом верхнем углу титульного листа: "Антон Чехов". "Это Антон Павлович в библиотеку школьную подарил... А вот вам визитная карточка", — простой прямоугольный кусочек картона и на нем четко в

две строки: "Антон Павлович Чехов".

Визитная карточка легла на зеленое сукно письменного стола, и Чехов как бы вновь стал хозяином мелиховской усадьбы. С тех пор все здесь подчинено его вкусу.

А стол писателя! У него своя эпопея.

Чехов привыкал к вещам, умел за ними ухаживать и не любил с ними расставаться. Стол же значил для него особенно много.

5 марта 1889 года, из письма А.С. Суворину: "...Меня захватило, и я почти не отхожу от стола. Между прочим, я купил себе новый стол". То был первый письменный стол, приобретенный писателем по собственному вкусу. С ним он переехал в 1891 году на Малую Дмитровку, а в 1892-м — в Мелихово. Там стол путешествовал из комнаты в комнату, из дома во флигель и обратно, пока в 1899 году не отправился следом за хозяином в Ялту. Брат писателя Михаил Павлович отмечает, что за этим столом, перевезенным из Мелихова, созданы все лучшие чеховские произведения с 1892-го по 1899-й годы включительно. Новый стол, посланный, по сообщению Марии Павловны, в Ялту из Москвы 5 мая 1900 года, понадобился, очевидно, потому, что более подходил интерьеру просторного, недавно отстроенного дома, в котором не хватало мебели. Когда Чехов приезжал по делам из Ялты в Москву, он и там хотел иметь только свой, а не чужой, взятый напрокат письменный стол.

Ныне мелиховский стол вернулся на прежнее законное место. Если говорить о подлинных вещах Антона Павловича, их куль-

турной ценности и эмоциональном воздействии на посетителей музея, то главным экспонатом, безусловно, является этот неповторимый письменный стол, служивший Чехову почти 12 из 25 лет его литературной деятельности...

"Не будьте педантами! Создавайте чеховское настроение", — этими словами напутствовала Мария Павловна чету Авдеевых, приехавшую к ней за консультацией. Не только напутствовала, но и одарила щедро. Из Ялты они увозили целую экспозицию. Со станции в Мелихово шли пешком (дороги еще не было, транспорта тоже). На салазках тащили тяжеленный чемодан, а в рюкзаке за плечами — гипсовые слепки, служившие в мелиховские годы Ма-Па (так шуточно звали Марию Павловну близкие) наглядными пособиями для занятий рисунком. "Черт знает, какие Чеховы все талантливые", — говорил Левитан, глядя на ее работы.

Первый дар хранительницы Ялтинского дома-музея писателя был приурочен к музейной премьере в Мелихове. 15 июля 1954 года по решению Всемирного Совета Мира и ЮНЕСКО широко отмечалось 50-летие со дня смерти А.П. Чехова. В этот день у ворот усадьбы, на большой поляне, окаймленной тенистыми вязами, прямо на земле расположились колхозники и молодежь из соседних сел. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Лопасненский район был переименован в Чеховский, а рабочий поселок Лопасня — в город Чехов. Тот год можно считать началом популярности Мелихова.

Начались и подарки новому музею. Первой явилась на свет

корзина, с которой Антон Павлович ездил на Сахалин. Ольге Леонардовне обшита кожей корзина приглянулась, и актриса брала ее в дальние заграничные вояжи.

В своих воспоминаниях вдова Чехова писала: "Три чудесных весенних солнечных дня провела я в Мелихове... Все там дышало уютом, простой здоровой жизнью... Антон Павлович, такой радостный, веселый... показывал свои "владения": пруд с карасями, которыми гордился, огород, цветник. Он очень любил все, что дает земля..." Второй раз Ольга Леонардовна навестила Мелихово в августе 1957 года. "У меня нет слов от воспоминаний", — записала она в книге отзывов. И прибавила: "Антон Павлович был бы доволен..."

Прошли годы. Давно восстановлен и успел состариться мелиховский дом. В него переселились от ближайших родственников писателя вначале сотни, а потом тысячи семейных реликвий. Миллионы посетителей побывали здесь за минувшие десятилетия. Возрожденное Мелихово превратилось в традиционное место паломничества кинематографистов, литераторов, ученых.

Мелкий осенний дождь зарядил с утра и шел весь день не переставая. Он обволанивал влажным пологом листву в мелиховских аллеях, лоснил кожаный верх старой пролетки, сплетая круги на темной глади укромного пруда. А люди, очень много людей, местных и приехавших издалека, растекались по узким дорожкам усадьбы от призывно поскрипывающего половицами одноэтажного деревянного дома к флигелю "Чайни". И торжественные музы-

канты в мокрых фраках встречали их у бронзового бюста писателя...

Суббота середины сентября не связана с какой-то датой жизни Чехова. И тем не менее уже несколько лет это — Чеховский праздник.

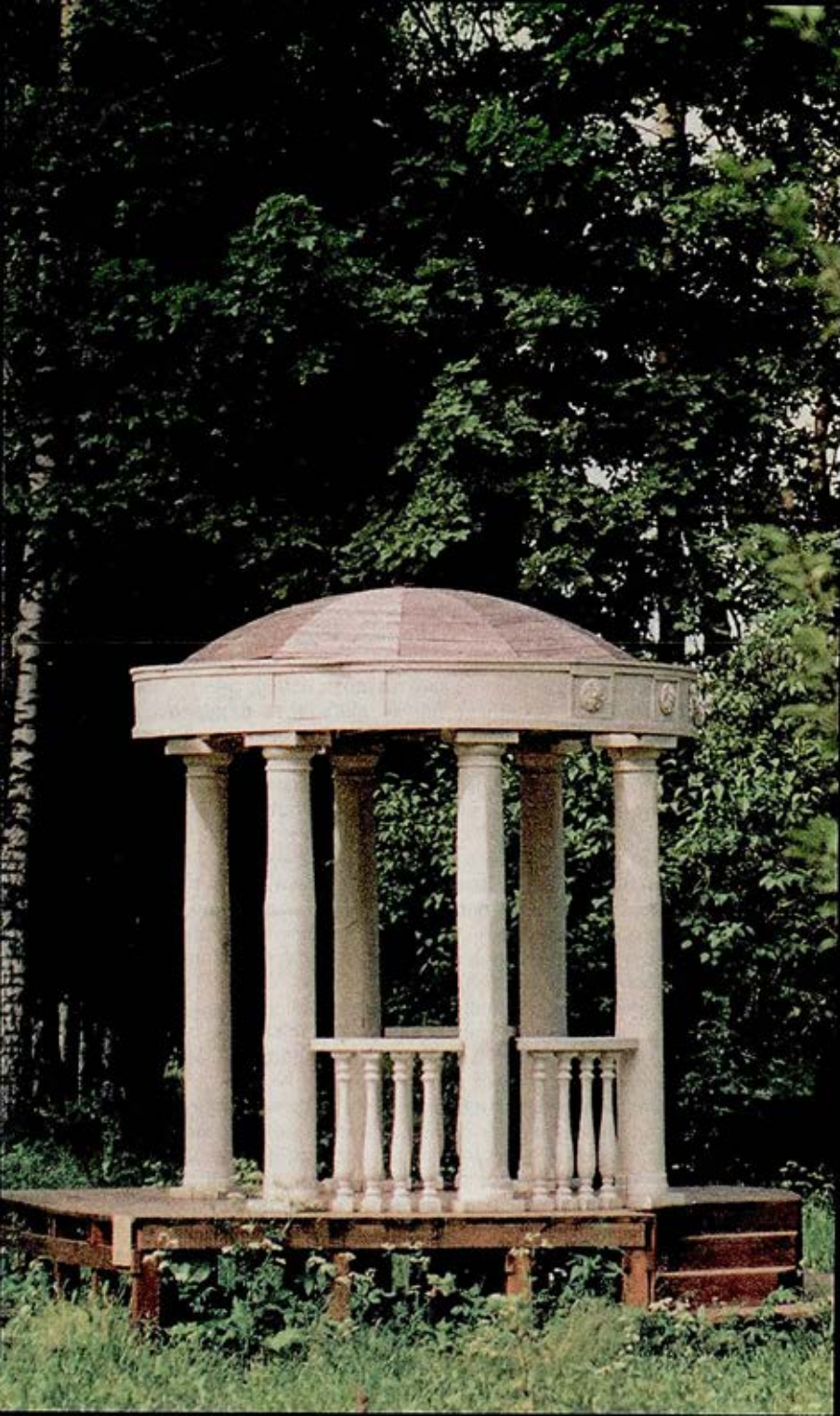
Но почему именно сентябрь? Просто Антон Павлович обычно бывал дома, в Мелихове. Возился в саду, лечил крестьян, строил школы, писал.

— А какая пора здесь самая лучшая? — спросил я в нашу последнюю встречу у Авдеевых (к великому сожалению, ни Юрий Константинович, ни Любовь Яковлевна не дожили до этого праздника).

— Лучшее время года у нас апрель и май, когда распускаются леса. Это слова Чехова, — сказал Юрий Константинович. — Лето пышное, красивое, множество цветов, деревья гнутся под тяжестью плодов. Также хорошо! Осень слегка грустная, с яркими кленами, с золотящимся вдали лесом. Красиво, аж дух захватывает... А еще лучше зима. Чехов в первые дни после переезда в Мелихово писал: "...снег, голые деревья, а представляйте себе, шуки нет. Сегодня я гулял в поле по снегу, кругом не было ни души, и мне казалось, что я гуляю по луне".

— Космическое какое-то ощущение, — продолжал Авдеев. — Чистота идеальная в природе. В Москве никогда вы такого снега не увидите. И птицы все равно голос подадут. Ворон у нас столетний, наверно, во дворе живет и все "ка-р-р" с верушки, "ка-р-р". Синицы кругом, чижи огромными стаями выются. Также ни с чем не сравнимая пора. Так что все времена года в Мелихове хороши, все чеховские...

ВЕСЫ

24 сентября — 23 октября

Начавшись в № 6 с созвездия Рака, наш астрологический звездный календарь подошел к созвездию Весов.

Весы ненавидят грубость и в то же время могут быть чрезмерно авторитарными. Весы обожают людей и ненавидят толпу; они, словно добрые феи, мирят тех, кто ссорится, и могут сами затеять ссору; они добры и общительны, но могут долго пребывать в дурном настроении; они умны и одновременно наивны; они непоседливы, но редко куда-нибудь спешат. В общем, в них, кажется, нет ни одного положительного качества, которое не уравновешивалось бы отрицательным, и наоборот.

Хотя символ этого знака Зодиака — весы, людьми уравновешенными Весы назвать нельзя. Пока придут в равное, спокойное состояние, Весы будут долго колебаться из стороны в сторону. Вспомните классические весы — то одна чаша перевесит, то другая, пока не установится равновесие.

Хотя Весы не являются двойным знаком, многие люди думают, что в них соединены два совершенно разных человека. Весы вечно пытаются достичь гармонии, но получается это не так часто.

Спорить с Весами бесполезно, ведь последнее слово все равно останется за ними. Своей медлительностью, нескончаемыми аргументами, неспособностью принять решение Весы могут довести людей решительных и нетерпеливых до белого каления. Но в деловых вопросах Весы кристально честны.

Весы страстно любят книги, причем не только за содержание, но и за внешний вид и даже запах. У многих

Весов огромные домашние библиотеки. Они — люди артистичные, равнодушные ко всем видам искусства: музыке, живописи, литературе. Они не любят ярких цветов, предпочитая пастельную гамму.

Под этим знаком родилось много незаурядных людей, одаренных самыми разнообразными талантами: Марчелло Мастроянни и Михаил Пермонтов, Брижит Бордо и Сара Бернар, Иван Бунин и Николай Рерих, Оскар Уайльд и Джон Леннон... Перечень можно продолжать еще очень долго, но на сей раз мы решили остановиться на Марине Цветаевой — личности неординарной и трагической, светлой и непостижимой, словом — настоящих Весов с их двойственностью, противоречивостью и невероятной одаренностью.

И чернорабочий, и белоручка

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Марина Цветаева сказала о себе устами одной из своих героинь: "Сентябрь месяц мне вместо колыбели дал Весы..." Туманность и загадочность этой фразы тут же уравнивается почти математической точностью формулировки в другом стихотворении:

Спорили сотни колонолов,

*День был субботний — Иоанн
Богослов...*

Для особо дотошных читателей отмечу, что родилась она 26 сентября 1892 года в Москве, в семье уже немолодого филолога и искусствоведа Ивана Цветаева и его второй жены Марии, урожденной Мейн, в жилах которой текла польская, сербская и немец-

ная кровь. Из этого "коктейля" Марина, на первый взгляд, взяла себе только одну составляющую:

*Такова у нас, Маринок, спесь —
У нас, полячек-то... —*

но до конца жизни гордилась и исконно русскими, крестьянскими корнями своего отца:

*Обеим бабнам я вышла внучка —
Чернорабочий и — белоручка!*

Классические Весы с классическими противоречиями натуры: то одна часть перевесит, то другая, но целостность личности от этого — вот парадокс! — никак не зависит. Эта цельность, эта непримиримость и бескомпромиссность — еще одна характерная для Весов черта! — поведут Цветаеву через жизнь, — от первой и практически единственной любви, через боль и тоску эмиграции, до Богом забытой, никому не известной Елабуги и до сих пор не найденной могилы.

Но до этого еще достаточно далеко — целая человеческая судьба, причудливо переплетенная с судьбой страны, которую Марина обожала, ненавидела, бежала из нее и так же неистово вралась обратно...

*Но если при дороге куст встает,
Особенно — рябины...*

Назвать Цветаеву поэтессой — не поворачивается язык. Ее можно называть только поэтом, потому что ей — редное исключение из правила! — совершенно не присущи черты типично женской лирики. Это редкий сплав мужской логики с женской интуицией, мужского ума с женской мудростью, плюс — уникальная четкость и чеканность слога. Вспоминаются слова Паустовского о Цветаевой: "Ее стихи — это колдовство. Как всякое колдовст-

во, они непостижимы и мучительны. Их можно повторять без конца, угорать от их томительных напевов и каждый раз удивляться тому, что они входят в память внезапно и навсегда".

Это колдовство родилось, похоже, точно так же — внезапно и навсегда. По воспоминаниям сестры Анастасии, Марина научилась читать чуть ли не раньше, чем говорить, одновременно с тем, как научилась играть на рояле. А начав читать, начала и писать, но не прозу — это произошло позже, много позже, — а стихи. И почти сразу — почти прощеские:

*Моим стихам, написанным
так рано,
Что и не знала я, что я —
поэт...*

*Моим стихам,
как драгоценным винам,
Настанет свой черед!*

Марина лукавила: она всегда прекрасно знала, что она — поэт. Более того, она всегда **ощущала** себя поэтом. Отсюда — почти родственное, более чем дружеское отношение к Пушкину, к "солнцу русской поэзии", с которым Цветаева беседовала, можно сказать, запросто:

*Пушкин! Ты знал бы по первому
слову,*

*Кто у тебя на пути,
И просил бы, и под руку в гору
Не предлонил бы идти...*

И при жизни Цветаевой, и тем более после ее трагической гибели много спорили о том, кому, какой любви было посвящено то или иное ее стихотворение. Искали чаще всего среди ее современников, забыв заглянуть в историю. А там — Пушкин, декабристы, Наполеон, сын Наполеона... Она их

всех любила ничуть не меньше, как если бы действительно была знакома с ними лично. И это так естественно для людей, рожденных под знаком Весов: не видеть разницы между реальностью и фантазией, между настоящим и прошлым, между живыми и уже ушедшими. Тем более, что Марина сама никогда не боялась мертвых:

*Не думай, что здесь могила,
Что я появлюсь, грозя.
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя...
Я тоже была, прохоний!
Прохоний, остановись!*

Лучше всего о характере Марины сказал в свое время Илья Эренбург: "Она... совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, пietet перед гармонией и любовь к душевному кособою, предельную гордость и предельную простоту. Ее жизнь была клубком прозрений и ошибок".

Прозрения не принесли ничего, кроме горечи, за ошибки она заплатила воистину непомерную цену. Долгое время ее поэзия находилась под негласным запретом (от гласного, от правли и преследований, которых не избежали, увы, слишком многие таланты, "спасла" только ранняя гибель), до революции "настоящие" поэты относились к ней снисходительно — не более того. Откровеннее других об этом написал Валерий Брюсов, считавшийся в начале века чуть ли не живым классиком: "Несомненно талантливая Марина Цветаева может дать нам настоящую поэзию интимной жизни и может, при той легкости, с какой она, как кажется, пишет стихи, растратить все свое дарование на

ненужные, хотя бы и изящные безделушки".

Где теперь Брюсов и его безупречно-правильные, "эталонные" стихи, написанные бундально потом, каторжным трудом? И где Цветаева, "легкость" творчества которой, мягко говоря, сомнительна? Многие современные песни написаны на ее стихи, хотя об этом мало кто знает. "Мне нравится, что вы больны не мной...", "Под лаской плюшевого пледа...", "Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса...", "Хочу у зеркала, где муть и сон туманящий...", "Уж сколько их упало в эту бездну, разверзтую вдали..."

Легкость... Даже детство Марины не было безоблачным. "Я у своей матери — старшая дочь, но любимая — не я. Мною она гордится, вторую любит". Так впоследствии написала сама Цветаева в автобиографических заметках. И там же пыталась оправдать мать, вышедшую замуж за вдовца с двумя детьми не **по** любви, а **от** любви, то есть пытаюсь в браке забыть свою неудачную первую любовь. Только рождение второй дочери — Анастасии — примирило ее с жизнью, а первую — Марину — она воспринимала, как долг, испытание, неизбежное следствие брака. Необычного брана.

"Когда мой дед, А.Д. Мейн, поставил ее между любимым и собой, она выбрала отца, а не любимого, и замуж потом вышла... по самому тяжелому жребью: вдвое старшего вдовца с двумя детьми, влюбленного в покойницу, — на детей и на чужую беду вышла замуж, любя и продолжая любить — того, с которым потом никогда не искала встречи и которому, впер-

вые и нечаянно встретившись с ним на лекции мужа, на вопрос о жизни, счастье и т.д. ответила: "Моей дочери год, она очень крупная и умная, я совершенно счастлива..." (Боже, как в эту минуту она должна была меня, умную и крупную, ненавидеть за то, что я — не его дочь!)"

А отрочество стало и вовсе тяжелым: мать заболела неизлечимым в то время туберкулезом. И первая поездка за границу, в Италию (1902 г.), к бездонному синему небу и безграничному синему морю, была отнюдь не романтическим вояжем: мать ехала лечиться и брала с собой детей. Да и столь заманчивые в нашем представлении "зарубежные путешествия" окрашены в тона трагические: здоровье Марии Александровны не улучшается, она переезжает из одного санатория в другой, а девочки надолго оказываются за границей абсолютно одиночками: отец не может оставить свою работу, в частности, и свой музей, и они, переезжая вслед за матерью из одного города в другой, живут в частных пансионатах (учатся) и тоскуют по родителям, по Москве и Тарусе.

Навестив детей в Лозанне летом 1903 года (Марине в это время нет еще и одиннадцати лет), Иван Владимирович Цветаев пишет: "За Марусю [Марину] да же страшно: говорит, как взрослый француз, изящным, прямо литературным языком... пишет по-русски правильнее и литературнее пяти — и шестиклассников в гимназиях... Экие дарования Господь ей дал. И на что они ей! После они могут принести ей больше вреда, чем пользы".

А еще говорят: нет пророна в своем отечестве. Все верно: гений почему-то испокон веков вызывает у окружающих не восхищение, а зависть и злость. Добавлю — особенно в России, причем вне зависимости от времени и режима. Такая вот национальная особенность. И именно от этого гению среди нас еще хуже, ибо: "Почему это гений — ты, а не я?" А ведь гениальность не дается просто так — за нее человек всегда платит страшную цену.

Только осенью 1905 года Мария Александровна с Мариной и Анастасией возвращаются на родину — живут сначала в Крыму, затем в Тарусе, на своей даче. Здесь в июле 1906 года Мария Александровна скончалась. Иван Владимирович пережил жену на семь лет: он умер в конце лета 1913 года.

Две тяжелейшие утраты одна за другой — можно ли считать **так** отрочество и юность счастливыми? Хотя незадолго до смерти отца судьба, назалось бы, улыбнулась Марине: она встретила своего будущего мужа — Сергея Яковлевича Эфрона. Ей было восемнадцать лет, ему — семнадцать. Меньше чем через год они обвенчались...

*Я с вызовом ношу его кольцо:
Да, в вечности жена,
не на бумаге!*

Но семейная жизнь была безоблачно-счастливой недолго. Супругов разлучали не только исторические события, но и убеждения. Сергей был дворянином, какое-то время одержимым идеей белогвардейского движения. Марина... Марина прежде всего была поэтом. Но их правилом было — помогать друг другу, а не мешать;

их правилом было — отстраняться на время, когда невольно становишься помехой.

Погибли они почти одновременно. По позднейшим данным, Сергей Яковлевич был расстрелян 16 октября 1941 года. То есть к тому времени, как Марина Ивановна решила уйти из жизни (31 августа), мужу оставалось жить полтора месяца. Предчувствовала ли это Цветаева? Возможно. Настоящим поэтам иногда бывают пророческие видения и озарения.

...Но пока до гибели если и не очень далеко по времени, то очень далеко по количеству и качеству впечатлений. С осени 1913 года и до отъезда к мужу за границу в мае 1922-го Цветаева живет в квартире причудливой планировки (двухэтажная, еще и с чердачной "комнатой-каютой", выходящей на крышу) в Борисоглебском переулке. К этому ("борисоглебскому") периоду ее жизни относится самое трагическое событие: умирает совсем маленькой вторая ее дочка, Ирина (1917-1920). С трудом удается выходить и первую, Ариадну (1912-1975).

И в этом же доме начинается новый взлет творчества. Она пишет несколько романтических пьес в стихах: "Червоный валет", "Метель", "Фортуна", "Наменный ангел", "Приключение". Романтические пьесы 1918-1919 годов написаны как сознательный отрыв от тягот невыносимого быта, и написаны слишком рано: москвичи были заняты добыванием дров, чтобы не замерзнуть в своих неотопливаемых квартирах; ходили в "новых" платьях, сшитых из старых занавесок; дарили друг другу "две морковинки", кусок хле-

ба, тарелку наши... Черед этим пьесам настал лишь к концу столетия.

В июле 1921 года Марина уехала к мужу в Прагу, где он учился в университете. О жизни семьи в Чехии никто не расскажет лучше, чем это сделала Ариадна Сергеевна Эфрон, дочь Цветаевой. В ее очерках-воспоминаниях — "Страницы жизни" и "Страницы былого" — не только факты и атмосфера семейной жизни, но и истинное понимание своей великой матери, ее принципов воспитания детей, ее свободолюбия, тесно переплетенного с уважением к живущим рядом и ответственностью перед ними.

За годы жизни в Чехии (в основном в пригородах Праги) — 1922-1925 — пережито много светлого: к этому времени относится и высокий накат творчества, и начало заочной дружбы с Пастернаком, и любовь, едва не разрушившая семью. Подлинные памятники этой любви — "Поэма горы", "Поэма конца" и несколько стихотворений, пронзительная боль и горечь которых непередаваемы. И в этой любви полностью проявились черты Весов: безумная гордость с одной стороны и столь же непомерное стремление раствориться в возлюбленном, пожертвовать ему жизнь — с другой.

*Жить приучил — в самом огне,
Сам бросил — в степь*

заледенелую...

Вот что ты, милый, сделал мне.

Мой милый, что тебе я

сделала?

Не стану называть героя этого романа. Какая разница, как его звали? Какая разница, кем он был, если в истории он остался

только потому, что его любила Марина Цветаева. И потому, что он не принял ее любви, отверг ее. Настоящие стихи пишутся кровью сердца, а не слезами счастья.

1 февраля 1925 года у Цветаевой родился сын, Георгий, который пережил мать всего лишь на три года и погиб в 1944 году. В ноябре 1925 года семья переехала в Париж. Здесь была сосредоточена русская эмигрантская интеллигенция, ее журналы и газеты, ее разнообразные общественные организации и партии со своими центрами, и было больше возможностей для Сергея Яковлевича — найти работу по специальности, для Марины Ивановны — печататься. Надежды оправдались слабо.

Время жизни во Франции, кроме всего прочего, — время обращения к прозе. Здесь Цветаева написала много очерков-воспоминаний — об отце и его музее, о матери, о друзьях. Публиковать прозу было так же трудно, как и стихи: круг русских читателей во Франции был все-таки узок, как и круг русских журналов и газет, не говоря уже о возможности издавать книги.

Печатали ее в первые годы эмиграции если и не помногу, то в достаточно широком кругу периодических изданий; но с годами круг этот все более сужался. Причина прежде всего в том, что Цветаева не принадлежала ни к каким группировкам, а, пытаясь вписать себя в них, втиснуться в узкие одеяния какого-либо "ордена", в конце концов разрывала всяческие путы. Да и могло ли это получиться у гения?.. Потому-то он, как правило, остается непоня-

тым современниками — ценить его в полную меру начинают потомки, способные быть непредвзятыми хотя бы в анализе общественных разногласий **ушедшей** эпохи.

Осенью 1937 года Сергей Яковлевич исчез: никто, кроме семьи, не знает, что он получил разрешение вернуться в СССР. Немного раньше, весной 1937 года, уже уехала в Москву дочь. Уехали они, как оказалось, для того, чтобы через два года быть арестованными как "шпионы", получившие задания от "врагов Советской власти". Но об этом не знали ни Марина Ивановна, ни ее четырнадцатилетний сын, и в июне 1939 года они покидают Францию. Сын рвался на родину своих предков не меньше, чем отец и сестра.

Говоря о том, хотела ли возвращаться всегда до боли любившая Россию Цветаева, мы обычно забываем вот о чем:

Можно ли вернуться

В дом, который — скрыт?

К 1937-1939 годам России, какую знала и любила Цветаева, действительно уже не было. Россия осталась больше в духовных достижениях прошлого (на наше счастье, бессмертных, возрождаемых), чем в реальном своем существовании. И эту реальность Цветаева не принимала даже издали; понимала, что жить ей в этой реальности будет невозможно. Поехала ради близких, чтобы не разрушать семью, как ради того же уехала в свое время из России. Единжды создав семью, Веса хранят ей верность на протяжении всей жизни.

Если и раньше она говорила о себе: "Воздух, которым я дышу, —

воздух трагедии", — то теперь, по возвращении на родину, из этой формулы полностью исчезает переносный, символический смысл: трагедия становится ежедневной реальностью.

Негде было жить, а главное — не на что. Марина была слишком горда, чтобы обивать высокие пороги, да и кто бы стал ей — жене и матери "врагов народа" — помогать? Две комнаты на неотопляемой даче в подмосковном Болшево, в которых какое-то время существовала (не жила же!) Цветаева, за время зимнего отсутствия хозяев оказались "реквизированными" — там поселился начальник местного поселкового Совета. Страшная ирония судьбы заключается в том, что в первый и в последний раз Цветаева увидела этого начальника... в гробу. Он удавился. Больше Марина в Болшево не возвращалась.

Вещи уцелели благодаря тому, что весь багаж, очень большой, около года пролежал на таможне под арестом, так как был адресован на имя дочери Цветаевой — Ариадны. Впрочем, вещи — это очень неточное определение. Кое-какое белье и одежда, весь литературный архив, и вся **огромная** библиотека. Именно то, с чем Весы практически никогда не расстаются, как бы ни сложились жизненные обстоятельства.

"Итак, я буквально на улице, со всеми вещами и книгами. Здесь, где я живу, меня больше не прописывают, и я уже 2 недели живу без прописки. Частная помощь друзей и все их усилия не привели ни к чему. Положение безвыходное. Я не истерична, я

совершенно здоровый, простой человек, спросите Бориса Леонидовича. Но меня жизнь за этот год — добила. Исхода не вижу. Вывожу к помощи. *Марина Цветаева*".

Последняя фраза — кровотокающая. Марина Цветаева **не умеет** просить. Не могла. Всегда была замкнута и сдержанна, она никогда не жаловалась. Была слишком горда, чтобы жаловаться... Так и жила: "Лоб запрокинув! — гордость велела".

И разговор вела всегда на отвлеченные темы, о стихах, о литературе, о прочитанной книге... Рассказывала о Париже, о Чехии, о Бальмонте, о Белом, читала стихи.

Как-то, выслушивая чужую исповедь и не найдя, чем же человек держится, Марина Ивановна спросила: "А для радости что?" Без радости она не представляла себе возможности жить. Какая же радость была или могла ждать ее в Елабуге? Получить право на прописку в Чистополе? Стать посудомойкой? Переехать в другую избу, получше?... Не мало ли для того, чтобы Гений смог продолжать жить среди нас? Или надо принять логику хозяина последнего жилища Цветаевой: "Зачем она повесилась, когда у них с сыном был еще целый мешок продуктов? Вот съели бы всё, тогда бы уж...?"

А сын? Понижая Елабугу, отдал бы случайным знакомым архив матери, а продукты и вещи забрал бы с собой. Георгий же поступил как человек, воспитанный Мариной Цветаевой: он бросил в Елабуге всё, кроме архива матери, — архив (ту его часть, которую Цветаева никому не доверила) до-

ставил в самое надежное место — к сестре отца, Елизавете Яковлевне Эфрон. Только поэтому он сохранился до настоящего времени. Рукописи, похоже, действительно не горят.

Родная, любимая Москва не приняла Цветаеву, ничего ей не дала, кроме горя, холода и унижений. Москвичи — то есть те, кто оказался в столице в то время — высокомерно спрашивали Марину: что дает ей право претендовать на "жилплощадь" в Первопрестольной? Что такого "она сама-то дала Москве?" Цветаева ответила только один раз — всем: "Что "я-то сама" дала Москве? "Стихи о Москве" — "Москва, какой огромный Странноприимный дом..." — "У меня в Москве — купола горят..." — "Купола — вокруг, облака — вокруг..." — "Семь холмов — как семь колоколов..." — много еще! — не помню, и помнить — не мне.

Но даже — не напиши я стихи о Москве — я имею право на нее в порядке русского поэта, в ней жившего и работавшего, книги которого в ее лучшей библиотеке. Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску (на доме, который снесен) претендую — на письменный стол, под которым пол, над которым потолок и вокруг которого 4 стены.

Итак, у меня два права на Москву: право Рождения и право Избрания. И в глубоком двойном смысле — я дала Москве то, что я в ней родилась.

М. Ц. 14 сент. 1940 г."

Чиновники, в чьих руках оказалась судьба Цветаевой после возвращения на родину летом

1939 года, сделали всё, чтобы завести ее судьбу в тупик безвыходности: в конце лета 1941-го, принимая решение эвакуироваться из Москвы вместе с семьями писателей, она не имела в Москве не только своей квартиры, но даже и комнаты на двоих; лишилась к этому времени и заработка: поэтические переводы, дававшие ей с сыном возможность существовать (да еще и помогать Ариадне и Сергею Яковлевичу, находившимся с осени 1939 года в заключении), больше издательству не требовались. В Чистополе жены писателей обсуждали, чем занять себя здесь, вдали от Москвы, — Цветаева, участвуя в этом обсуждении, решала вопрос не об "общественно полезной деятельности", а о хлебе насущном. И ощущение несправедливости разламывало ей голову, непреходящей болью сжимало сердце. Ее отец жизнь положил на то, чтобы создать для отечества Музей изящных искусств, достойный такого соседства, как Храм Христа Спасителя, — у дочери не оказалось ни в Москве, ни на всем российском пространстве своего угла.

Отсюда — гвоздь, веревка и исчезнувшая могила в Елабуге.

"Ибо раз голос тебе, поэт, дан — остальное — взято". У Марины было взято все, что только можно отнять у человека...

"И ничего не надобно отныне новопредставленной боярыне Марине..."

P.S. 2000 год — год снятия дочерью Ариадной запрета на публикацию дневников Цветаевой. ■

Ирина ПУТЯЕВА

*Ах! Зачем на излете изломанных лет
нам в итоге обещан неведомый свет.
Боже, лучше мне дай в этот сумрачный час
и любить, и страдать, и ласкать при свечах.
Я рябиной зажгусь в твоих сонных объятьях
и осыплюсь листвою ниспадающих платьев.*

ВО СНЕ

*Боже мой, что творится с нами!
Мы с тобой повенчались снами.
Как ласкали и как любили —
мы под утро с тобою забыли.
Только вспомнился бьющий до боли
фейерверк голубой приболя,
вечер, свечи в старинном замке
и горящий хворост вязанки...
Я шепчу: "До встречи во сне
обознаемся наяву!"
А потом босиком да в снег,
и, как в детстве, стою реву.*

* * *

*Мне будет памятник отлит —
последний бронзовый постскриптум.
И на развалины молитв
придут друзья мои без скрипок.
Вдруг память хлесткая, как плеть,
кого-то бросит на колени...
А здесь всего-то две ступени,
чтоб рай и ад преодолеть,
чтоб просто падать и лететь,
чтоб веток и тебя касаться...
И флейта в дырочках — как клять,
но музыка
должна остаться!
Исчезнет все, чем дорожим.
Свеча погаснет в одночасье.
Ты дал мне веру и причастье,
и счастье жить мне одолжил.*

* * *

*Я уйду без посоха, без грима,
без упреков, — как и быть должно, —
звездною дорогой пилигрима,
чтоб не постучать в твое окно.
В той стране, куда теперь бреду я,*

свет горит, но время не течет.
Лучше бы мне там тебя придумать:
Бог простит меня за мой расчет.
В той стране ничто не станет ложью —
ни любовь, ни ненависть, ни зло,
ведь никто не знает —
слишком сложно:
все пройдет, иль все уже прошло?..

* * *

Память моя живая,
смилуйся и прости:
я за собой сжигаю
бездны, а не мосты.
С грустью перебираю
письма в своем столе.
Боже! — не понимаю —
или прошло сто лет?
Наши мечты — заплаты
на лоскутах дней.
В кельях закатов
пламя седых огней.
В месте безлюдном самом, —
что это — божий дар?!
я на песке — замок,
ты — мой земной шар!

* * *

Жизнь — капризная девочка
в розовом платьице,
в поцелуях Иуды,
с распятым по пятницам.
То играла, ломала,
ласкала колени нам,
то бросала на рельсы нас
Анной Карениной.

* * *

Отзвенела пора влюбленных —
за окном поседели клены,
только лампы усталый свет,
губ твоих замерзавший след.
Скудный полдник духовной пищи.
Дни идут вереницей нищих —
просят денег, любви и хлеба...
С подаянием я одна.
Покатилась ребром по небу
девальвированная луна.

* * *

*Жаль, такого храма нет,
Где бы каждый день —
венчать ...*

*К синим звездам,
давшим свет,
не дотянется
свеча.*

*И слезами — по щекам,
поперек души — и вдоль —
отгуляв, — и к вам, и к вам
постучится чья-то боль.*

*Оттого, что жизнь горька,
оттого, что много лжи,
согласусь с кивком курка:
есть иная где-то жизнь.*

*Но и там, — как знать, как знать, —
чтобы жажду утолить,
будут Моцарта — читать...
и насвистывать Дали.*

* * *

Наяву это все — иль снится...

*В этом мире угроз и грез
покрывает иней ресницы,
что омыты прибоями гроз.*

*В жизнь играем легко, как дети,
забывая, когда — да и с кем?..
утонули сотни трагедий,
как Титаник на дне моих ген.*

ФОРΟΣ

Море, солнце и скалы...

Я устала немного.

*Голубые оскалы
волн, что лижут мне ноги.*

*И вознесшийся к Богу
храм, парящий в горах... —*

*Так вот кони с разбегу
застывали на — Ах!*

*И поставленной свечки
восковая слеза.*

*В заболевшем сердечке
сотни против и за...*

*Но оставлены дома
осторожность и робость.*

*Здесь садами Эдема
манит знойная пропасть.*

Глаза

Борис СОПЕЛЬНЯК

Вообще-то к бане я равнодушен, но когда в очередной раз отключили горячую воду, пришлось разыскать березовый веник. Если уж париться, то в лучшей бане Москвы, решил я, и отправился в Сандуны. Там-то и произошла встреча, о которой не могу не рассказать нашему читателю.

Моим соседом оказался довольно милый седенький старичок. Он раскритиковал мой веник, я посоветовал на погоду, он поздравил с новым президентом, я — с новыми ценами на воду... Вот так, болтая ни о чем, мы постепенно раздевались. На какое-то время я отвернулся, а потом, когда старичок предстал передо мной в первоизданной нагоде, я прямо-таки оторопел: все его тело было в татуировках. И в них! Кроме различных ножей, пауков и змей на нем было довольно много странных аббревиатур. Забыв о том, зачем пришел в баню, я несколько бесцеремонно начал "читать старика".

— Любопытствуешь? — лукаво усмехнулся он.

— Очень! Вы прямо как словарь Даля.

— Что там Даль! У нас своя речь и свои правила жизни. Ты вот кто будешь?

— Инженер, — соврал я.

ФЕМИДЫ I

— А я — КОТ. То есть коренной обитатель тюрьмы. На левой руке так и написано, — протянул он жилистое предплечье. — Я ведь первый раз загремел еще до войны, с тех пор так и кандехаю из одной зоны в другую.

— А что за СС? — ткнул я в правую руку. — Вы что, были членом СС?

— Ты про немцев? — сузил он глаза. — Этих фраеров замочил немало: два года в штрафбате чего-то стоят. К тому же я стучал из пулемета. Потом из-за одной намелии, короче, из-за бабы попал на шконки. А СС — это значит, смерть сунам. Сел-то я из-за стукача. Не забыл и намелию: видишь, на ляжке наколото ЛЕВ — значит, люблю ее вечно.

— Она вас дождалась? Семья у вас есть? — задал я бестактный вопрос.

— Какая семья?! Ты что, мало-хольный? Я же — в законе!

— А где вы были дольше — в зоне или на воле?

— Конечно, в зоне. Последний раз — под городом Горьким, где ясные зорьки. Нет, что ни говори, а зона там клевая, так что я жил, не тужил. А на волю ушел вот с этой наколкой, — повернулся он спиной, — ЖНССС.

— Никогда не расшифрую, — развел я руками.

— Эх ты, лох несчастный! Чтобы получить ЖНССС, надо посидеть с мое. ЖНССС расшифровывается так: жизнь научит смеяться сквозь слезы.

Потом мы мылись, парились и, конечно же, выпили эфира — коктейля из водки с пивом. Я чуточку захмелел, а у старика — ни в одном глазу. И тут я задал вопрос, за который при других обстоятельствах можно было бы схлопотать по физиономии.

— Скажите, уважаемый ветеран преступного мира, — начал я, стараясь казаться куда более пьяным, чем был на самом деле. — Вот вы много лет провели на шконках и обязаны этим — сыщикам, следователям, прокурорам и судьям. Ного из них вы больше всего ненавидите?

— Всех! — сверкнул он мгновенно застекленевшим глазом. — Но если честно, все они — шавки. Никого из них я бы сто раз обвел вокруг пальца и на волю ушел бы прямо из зала суда, если бы... Вот ведь, сучий потрох, — беззлобно рассмеялся он, — у меня двенадцать судимостей, и все — из-за эксперта.

— Ного-ного? — не понял я.

— Из-за эксперта-криминалиста. Есть такая гнусная профессия — находить следы и по наномунибудь отпечатку, осколку или запаху доказывать, что взорвал сейф, замочил фраера или поджег дачу именно ты. Всю жизнь воюю с этими экспертами и ни разу не победил! За что и уважаю. Хотя на шконки попадал именно из-за них. Эх, был бы я помоложе, — хлопнул он себя по тощей ляжке, — я бы им нос утер! Хотя, как сказать, — после паузы добавил он, — говорят, у них появились такие приборы, что могут определить, в бане мы были, в бане или в гараже. Так что в нашем деле без науки теперь не обойтись, будущее за ворами с высшим образованием, — сделал он совершенно неожиданный вывод.

Вот так-то! Не верить этому профессионалу с довоенным стажем нельзя, и я не удивлюсь, если выяснится, что крупные мафиозные группировки уже сегодня посылают своих людей в университеты или, наоборот, вербуют надры среди выпускников престижных вузов. Такие факты, кстати говоря, уже известны.

Но сейчас речь не об этом. Сейчас речь — об экспертах, или, если перевести это слово с латыни, об опытных специалистах, дающих заключение при рассмотрении какого-либо вопроса. Мой старичок был прав: без эксперта-криминалиста ни найти преступника, ни тем более изобличить и осудить практически невозможно.

Так что же за люди, эти самые эксперты? Этот вопрос так меня заинтересовал, что я пробился в уникальнейшее учреждение — Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Рос-

сии. Его начальник, генерал-лейтенант милиции Игорь Петрович Нарлин, выслушал мой "банный" расказ и понимающе нивнул.

— Лично с этим старичком не знаком, но, кажется, знаю, о ком идет речь. По большому счету он совершенно прав: "соревнование" между преступниками и экспертами-криминалистами идет давным-давно — одни пытаются скрыть следы преступления, а другие стараются их найти. Если учесть, что за решеткой находится более миллиона всякого рода злодеев, значит, чаще побеждаем мы. В прошлом году нашей службе исполнилось 80 лет, так что опыт кое-какой накоплен. Можно долго рассказывать о наших уникальных специалистах, все они, без преувеличения, штучный товар, к тому же именно они делают богиню правосудия Фемиду, если так можно выразиться, зрячей, вооружая ее неоспоримыми фактами, но лучше, если вы сами побываете в наших лабораториях, познакомитесь с людьми и узнаете о работе экспертов с их слов.

Что я с удовольствием и сделал.

Улики в огне не горят

Подполковник Стецневич мечтал летать в космос, но, окончив МВТУ имени Баумана, стал делать боеголовки ракет и кассетные снаряды. Специалистов в этой ценотливой области так мало, что они, в буквальном смысле слова, на вес золота, а это значит, что и почет, и неплохая зарплата вчерашнему "бауманцу" были гарантированы. Но... Алексей Стецневич почему-то отчаянно снучал, на работу ходил как на наторгу, а все вечера про-

водил в гремевшей на всю страну любимовской Таганке.

Трудно сказать, чем могло бы закончиться это раздвоение личности, если бы не случайное знакомство с девушкой, мать которой работала в НИИ судебных экспертиз. Аленсей зачастил к девушке, до поздней ночи засиживался за остывшим чаем, девушка млела от счастья и начала откладывать деньги на свадебное платье, но Аленсей интересовалась не девушкой, а ее мать. Она так красиво и так захватывающе интересно рассказывала о работе экспертов, что буквально через месяц Аленсей распрощался с боеголовками и пришел в НИИ судебных экспертиз. Молодого специалиста приняли с распростертыми объятиями и определили во взрывотехники.

— Десять лет отдал я этому институту, а потом перешел в Экспертно-криминалистический центр, — оглаживая густую бороду, рассказывает Аленсей Дмитриевич. — Пока стал главным экспертом, прошел все ступени и все время учился, учился и учился. Ведь каждая взрывотехническая экспертиза — иногда маленькая, а иногда большая научно-исследовательская работа. Взять хотя бы дело семьи Овечиных. Помните, как в 1988-м ансамбль "Семь Симеонов", состоявший из семи родных братьев, захватил самолет рейса Иркутск-Ленинград и потребовал, чтобы их доставили в Лондон? Посадили их для дозаправки якобы в Финляндии, а на самом деле под Выборгом, предварительно оформив аэродром "под заграницу". Увидев у "финских" солдат автоматы Калашникова, братья поняли, что их надули. А тут еще начался штурм, появились первые ране-

Подполковник Алесей Степанович.

ные, лежала в проходе и убитая братьями стюардесса...

Короче говоря, Овечиные решили не сдаваться и предприняли попытку коллективного самоубийства: у них было взрывное устройство, которое они привели в действие. Так случилось, что от взрыва никто не пострадал, а вот самолет загорелся. Пассажиры стали прыгать на бетон, некоторые попали под огонь наших солдат, в самолете дым, чад, кровь, крики. Понимая, что "вышки" не избежать, старший брат по просьбе матери пристрелил ее на месте, а потом четверо совершеннолетних перебили друг друга. В живых остались только малолетки, которым "вышка" не грозила.

Когда самолет догорел, было обнаружено девять трупов: пятеро Овечиных, стюардесса и трое пассажиров. Я примчался на аэродром через несколько часов. Нужно было установить, что за бомбу взорвали Овечиные, попытаться определить источник ее происхождения и таким образом выйти на людей, которые помогли в подготовке преступления. Стояла передо мной и более локальная задача: выяснить, мог ли взрыв стать причиной пожара, приведшего к полному уничтожению самолета.

Среди кучи обгоревшего железа мы нашли девять осколков, не

имевших отношения к деталям самолета. Потом вместе со специальной поисковой группой буквально просеяли землю довольно большого леса неподалеку от дома Овечкиных под Иркутском — и нашли несколько точно таких же осколков. Остальное было делом техники. Мы установили, что бомба представляет собой выточенный на станке стальной станок с приваренным электросварной днищем. По следам резца и кулачковых захватов нашли этот станок, а потом токаря и мастера производственного обучения одного из ПТУ — они за пару бутылок водки сделали несколько таких станков, которые Овечкины якобы хотели использовать в качестве противовесов для каких-то турецких барабанов, но вместо этого испытывали бомбы в близлежащем лесу.

— Значит, улики в огне не горят? — уточнил я.

— Нет, не горят. Другое дело, что их не всегда удается найти. Но если очень стараться, то найти можно. Каждый эксперт прекрасно понимает, что в его руках судьба уголовного дела, а значит, и человека: одного после экспер-

тизы посадят, а другого отпустят домой.

— А бывало ли так, что вы работали не по следам взрыва, а до него, тем самым предотвратив трагедию?

— Классическим примером такого случая является история с магазином "Болгарская роза". Был в Питере на Невском такой симпатичный магазинчик, а двумя этажами выше, в коммунальной квартире, жила супружеская пара, которая мечтала об отдельной квартире. А еще супруги мечтали о красивой жизни и об очень больших деньгах. Короче говоря, они сколотили банду, в которую входили не только отъявленные уголовники, но и преподаватель одного из вузов, химик по специальности — он-то и был научным консультантом банды.

На первом этапе бандиты хотели забросать самодельными гранатами несколько сбербанков, по трупам добраться до сейфов, набить деньгами сумки и уехать на угнанной машине. Этот план удался лишь наполовину, так как бандит, убивший водителя намеченной к угону машины, так перепачкался кровью и мозгами жертвы, что не

выдержал этого зрелища и позорно сбежал. Пока ждали, когда эта история хоть немного забудется, та самая супружеская пара решила заложить радиоуправляемое взрывное устройство в "Болгарскую розу", взорвать магазин, вместе с ним покупателей, прохожих и весь дом вместе с жильцами, а затем, явившись на развалины и будучи "погорельцами", требовать от властей отдельную квартиру.

Этому плану только потому не суждено было осуществиться, что оперативники вовремя обнаружили арсенал с очень коварными самоделками, а мы их сделали "беззубыми".

— Насколько я понимаю, самоделки становятся все совершеннее, а криминальные взрывы звучат все чаще...

— Как ни грустно об этом говорить, но это неизбежно. Во-первых, взрывчатые вещества становятся все доступнее — их или воруют с армейских складов, или продают обнищавшие офицеры, или везут из Чечни и других горячих точек. А во-вторых, на улице оказалось очень много специалистов с высшим образованием, которые изуча-

ли эти вещества в вузах, военных училищах и академиях. Появились и заначки, причем с большими деньгами. Круг, как видите, замкнулся: ингредиенты раздобыть не проблема, мозги и руки — тоже, так что бандитская конструкторская мысль бьет ключом. Да что там говорить, идемте в подвал и я покажу такую колленицию, какой вы больше нигде не увидите!

Мы тут же вскочили и почти бегом спустились на два пролета вниз... Стальные двери. Хитроумные замки. Кромешная тьма. Щелчок выключателя — и я буквально обомлел. Ракеты, мины, снаряды, бомбы, торпеды — и все это в идеальном порядке, все стоит по ранжиру и выглядит, не боюсь этого слова, красиво.

— Ну, что скажете? — любовно поглаживая крупнокалиберный снаряд, спросил Алексей Дмитриевич. — Впечатляет?

— Еще бы! А все это... действующее? — опасливо поинтересовался я. — Или это фанерные макеты?

— Обижаюте, — покровительственно улыбнулся подполковник. — Еще как действующее, хотя в данный момент опасности не

представляет, так как все мины и снаряды мы немного выпотрошили и теперь они не "окснар", то есть не окончательно снаряженные.

— А как все это оназальсь здесь?

— Конфисковано! Но сперва было украдено. Вот, например, боеголовка от зенитной ракеты класса "Земля-воздух", — пнул он нечто похожее на здоровенную бочку. — Здесь 140 килограммов взрывчатки. Кстати говоря, чтобы убить человека, достаточно одного грамма тротила, так что сами считайте, сколько опаснейших самоделок можно изготовить из этой боеголовки. А вот противотанковый управляемый реактивный снаряд — здесь тоже есть чем поживиться. Рядом — неуправляемые авиационные ракеты С-8. Знаете, как приспособились их запускать? С шиферной крыши. Ракета кладется в ложбину, подключается автомобильный аккумулятор — пшик! — и в нескольких километрах от крыши нет грузовина с людьми или роскошного особняка ненавистного конкурента.

Чуть дальше — переносной зенитно-ракетный комплекс "Стрела" — это наш, российский "Стингер", рядом — выстрел от гранатомета "Ноль", тут же менее известная "Малютка". Этот вполне пригодный к делу арсенал совсем недавно нашли в Иваново и Владимире.

А теперь — достижения научно-технической бандитской мысли, — распахнул большущий шнаф Алексей Дмитриевич. — Вот, например, классическое взрывное устройство в форме посылки. Снаружи — ничем не примечательный фанерный ящик, а внутри — гвозди, граната и для верности баллон

с бензином. Открывает счастливый получатель крышку, выдергивает чену — и готово, ни человека, ни его офиса. А вот это изделие похитрее. Получаете вы по почте бандероль с книгой. Внутри, как видите, 200-граммовая толстая шашка и батарейка "Крона". Стоит открыть книгу — и тут же последует взрыв. Еще более коварную штуку научились делать в Приднестровье. Перед нами банка пива, так? А внутри сплав тротила с генсогеном и две батарейки. Открывает человек банку, тут же проскакивает заряд — и следует мощный взрыв.

По такому же принципу сделана пачка сигарет или плитка шоколада — там не менее 50 граммов тротила. Чего проще — положить сигареты на стол шефа, а шоколадку подбросить в бардачок машины бизнес-дамы?! Точно так же действуют фонарик, электробритва, пылесос... А вот это полено — подарок для любителей посидеть у камина: рванет так, что не останется ни дома, ни камина. Эти же изделия могут быть либо с часовым механизмом, либо управляться по радио. Очень хитро сделана магнитная мина: ее можно незаметно прилепить к машине, а потом собирать болты и обгоревшие ности.

— Я понимаю, раз эти посылки, бандероли и пивные банки оказались у вас, значит, не разорван в клочья какой-то человек, не превратился в груды обгоревшего железа автомобиль...

— Или самолет, — подхватил Алексей Дмитриевич, — причем вместе с пассажирами.

— Да вы что?! — изумился я. — Было и такое?

— Было, — вздохнул он. — И хотя я человек не очень-то верующий, после этого случая пришел к

выводу, что Бог есть... Представьте себе такую картину. Летит на высоте десяти километров Ту-154. В нем 176 пассажиров, в том числе 9 детей. Рейс Киев — Нуйбышев (теперь это Самара) подходил к концу — и никаких ЧП. А между тем в пригороде Киева подполковник в отставке по фамилии Гриб не отходил от приемника: он ждал экстренного сообщения о гибели самолета. Но самолет благополучно приземлился, пассажиры разъехались по домам. И вдруг часа через два в здание аэровокзала взбешенной фурией ворвалась энергичная хохлушка и зашумела неслыханным скандалом. "Что вы мне подсунули?! — орала толстуха. — В Киеве я сдавала в багаж коробку с колбасой и салом, а получила черт знает что! Ворюги! Мерзавцы! Кровопийцы!"

Заглянув в коробку, сотрудники багажного отделения все, как один, шлепнулись в обморок. Придя в себя, отползли в сторону и вызвали милицию. Те с великими предосторожностями отнесли коробку в самый дальний угол летного поля и только после этого вызвали саперов. Чтобы демонтировать и расснарядить самодельное взрывное устройство, повозиться пришлось изрядно.

Организатора несостоявшегося теракта оперативники вычислили довольно быстро: им оказался муж скандальной хохлушки Василий Гриб. Выяснилось, что подполковник люто ненавидел жену и терпеть не мог поддерживающую ее дочь. Развестись он не решался. Суд, раздел имущества, размен квартиры — это его корбило и вызывало чувство внутреннего протеста. И тогда подполковник вознамерился свою благоверную

убить. Застрелить? Не из чего. Задушить или утопить? Не получится, женщина она здоровая. И тогда Гриб решил свою ненавистную спутницу жизни взорвать!

Так как во взрывчатых веществах он ничего не понимал, пришлось записаться в библиотеку Дома офицеров и тщательно изучить множество книг по взрывному делу и химии взрывчатых веществ. После этого Гриб приступил к экспериментам: сперва в гаражных условиях делал маленькие бомбочки, потом — все более внушительных размеров. И все они взрывались!

О том, что жена с дочерью собираются к родственникам в Самару, подполковник знал давно. Знал он и то, что жена приготовила коробку с дарами киевской земли, то есть с колбасой и салом. Сделать точно такую же коробку и подменить ее по дороге в аэропорт было делом техники.

— Но почему она не взорвалась?

— Вот-вот, именно на этом строил защиту адвокат Гриба в суде: он уверял, что подполковник хотел всего лишь припугнуть жену и горячо любимую дочку. Вскроют, мол, они коробку, увидят вместо колбасы взрывчатку, испугаются — и тут же раскаются в своем мерзком поведении по отношению к главе семьи. Я сделал по схеме подполковника штук пять точно таких же самоделок — и все они со страшной силой взрывались. А вот почему не рвануло в самолете, до сих пор не знаю: то ли из-за связанных со взлетом перегрузок само по себе вышло из строя одно из хитроумных устройств, то ли это сделал Бог. А коробочка, подобная той, вот она, на полке — учу по ней молодых взрывотехников.

Полковник Александр Мановнин.

— А сколько их, кстати, в России?

— На всю страну 150 человек. Если учесть, что они делают не менее 13 тысяч экспертиз в год, нагрузка, как понимаете, огромная. И еще одна любопытная цифра: рост взрывотехнических экспертиз — 30 процентов в год. О чем это говорит? О том, что российский криминалитет все более активно осваивает этот вид кровавых преступлений. Но, как я уже говорил, улики в огне не горят, и с помощью экспертов-взрывотехников все эти умельцы рано или поздно оказываются на скамье подсудимых.

Здесь делают настоящую милиционерскую работу

От довольно просторной дачи Академии наук остались одни головешки. В головешки же превратились и два трупа — мужской и

женский. Идентифицировать их удалось довольно быстро: в огне погибли известный ученый и его гражданская жена.

Но отчего возник пожар? И отчего погибли люди: угорели, не смогли выбраться наружу или... были убиты и оставлены догорать?

— На эти вопросы следствия должна была ответить пожарно-техническая экспертиза, — рассказывает полковник милиции Александр Мановнин. — Я начал с того, что составил план дачи. По обгоревшим болтам, шурупам и деревяшкам, если так можно выразиться, заново расставил мебель. Так мы выяснили, что трупы лежали около дивана и обеденного стола. Потом просеяли всю землю — никаких следов причины возникновения огня. Перебрали остатки телевизора, магнитофона — тоже ничего. Взялись за обгоревшие ошметки дивана: набрали 60 кусочков ткани, древесины и поролона. Пятьдесят восемь образцов ничего не дали, а на пятьдесят девятом и шестидесятом с помощью уникального прибора "Нолион-1" я нашел следы нефтепродуктов. А когда установил, что это за нефтепродукты, все стало ясно.

Дело в том, что "Нолион-1" обнаружил смесь солярки с бензином, а это не что иное, как хорошо известный "Коктейль Молотова". Напомню, что его использовали во время войны, поджигая немецкие танки. Значит, дачу подожгли! Но не сам же профессор сделал эту адскую смесь и не сам облил этим коктейлем собственный диван. Тогда кто?..

Пришлось максимально тщательно обследовать остатки трупов. Прежде всего меня интересовали бронхи: ведь если во время

пожара человек был жив, значит, он дышал дымом и, следовательно, в бронхах должны быть следы копоти. В бронхах профессора и его жены следов копоти не было! А это значит, что люди сперва были убиты, а потом брошены в огонь. Подтвердил это предположение и второй тест: дело в том, что от угарного газа резко повышается уровень карбонсимоглобина в крови, а у погибших он был в норме.

Итак, фант убийства и поджога был установлен со стопроцентной вероятностью. Это позволило следователю не закрывать дело, а вывести его на совершенно новый виток, подключить службу уголовного розыска и в конце концов вычислить виновников этой трагедии.

— Общаясь со взрывотехниками, я убедился, что улики в огне не горят. Вы в этом мнении укрепили еще больше. Так что же получается: совершить преступление и при этом не оставить никаких следов просто невозможно?

— Невозможно, — убежденно кивнул Александр Владимирович. — Другое дело, что их надо не только найти (это в конце концов не так уж и сложно), но и грамотно оценить, проанализировать, сделать выводы и, самое главное, эти выводы доказать на научно-технической основе.

Совсем недавно, — продолжал свой рассказ полковник, — я столкнулся с довольно кляузным делом, на котором кое-кто рассчитывал основательно поживиться. А суть этого дела в том, что у одного богатенького предпринимателя сгорела дача. Ущерб он оценил в 800 тысяч долларов, и именно на эту сумму подал иск в суд. От-

ветчином должно было стать КБ "Химмаш", которое кроме аэрокосмической продукции выпускает масляные радиаторы; по версии владельца дачи пожар возник именно из-за неисправности этого отопительного прибора. Дело осложнялось еще и тем, что интересы предпринимателя отстаивал скандально известный адвокат, который считает, что клиент, тем более тот, который хорошо платит, всегда прав.

Почти месяц провел я в библиотеках, изучая диссертации и рефераты, в которых хоть что-то говорилось о масле, радиаторах, выключателях и тому подобном — благо, что по образованию я инженер-энергетик. В конце концов доказал, что радиатор ни в чем не виноват, и пожар начался на кухне. Так что халва не прошла и мне удалось спасти КБ от больших расходов.

— А бывало ли так, что вы спасали людей?

— От огня? Но я же не огнеборец.

— Да нет, от суда.

— Спасал, и не раз. А вот от огня... Знаете, сколько людей в России гибнет от огня? Пятнадцать тысяч человек ежегодно! И материальный ущерб в два раза больше, чем от всякого рода экономических потрясений. Что касается избавления от суда... Расскажу-на я вам о пожаре в городе Иваново. Несколькими годами назад там практически дотла сгорел областной Центр культуры — это было грандиозно-величественное здание с тремя зрительными залами, репетиционными комнатами и роскошным фойе.

У этого Центра вообще трагическая история. Раньше на этом

месте была церковь, но в 1936-м ее снесли и на этом месте решили возвести тот самый Центр. Поднять успели только стены, которые почему-то пошли большими трещинами. Строителей тут же расстреляли, а стройку заморозили. Пятьдесят лет спустя к стройке вернулись заново. И надо же, за две недели до торжественного открытия случился страшнейший пожар! Само собой, заподозрили диверсию и, как водится, нашли потенциальных виновников.

А дело-то было в другом. Приехав в Иваново, я выяснил, что на стройке уже было шесть возгораний, но так как в залах отсутствовала "горючая нагрузка", то есть кресла, занавеси и портьеры, эти возгорания удавалось довольно быстро ликвидировать. Очередное возгорание, но уже с "горючей нагрузкой", произошло из-за очередной небрежности. Рано утром маляр начал что-то красить и, чтобы было виднее, подтянул поближе лампочку, которая тут же погасла. Он не придал этому никакого значения, но, как я выяснил, провода не были должным образом изолированы и произошло короткое замыкание. Сперва воспламенилась изоляция, потом — портьеры, все это стало падать на кресла — и пошло-поехало. Так что никакой диверсии не было и всех подозреваемых отпустили.

Были, правда, случаи с точностью до наоборот. Снажем, заведующая обувным магазином, чтобы скрыть недостачу, сама устроила пожар на складе — разобрались и посадили. А один деятель, обидевшись, что его выселяют из служебной квартиры, соорудил целое устройство, которое воспламенялось от контакта дверного звонка.

Сам владелец квартиры уехал в гости, а пришедший утром почтальон, ничего не подозревая, принес телеграмму, нажал на кнопку — и вспыхнул весь дом. Ничего, улики не сгорели, и поджигатель оказался на скамье подсудимых.

— Слышал, вам довелось расследовать причины самарской трагедии, когда в огне погибло 57 сотрудников Управления внутренних дел. Говорят, что всему виной непогашенный окуроч. Неужели это правда?

— К сожалению, именно так. Очаг пожара был в кабинете № 75, расположенном на втором этаже. Это мы установили по отслоениям штукатурки и термическим повреждениям наружных конструкций стен. Подтвердили эту версию и уцелевшие свидетели. Нашли мы и другое: аэрозольные баллончики из-под лака для волос. Восстановили картину: в набитую бумагами пластиновую урну кто-то бросил непогашенный окуроч. Сперва начали тлеть бумаги. Когда температура поднялась достаточно высоко, стали взрываться те самые баллончики, а в каждом использованном баллончике остается пять процентов лака, который, как известно, и горюч, и взрывоопасен. После этого занялась сама урна. Потом огонь перекинулся на стол, на портьеры — и так далее.

Мой брат — железный микроскоп

Это изобретение, сделанное двадцать лет назад, заставило схватиться за головы матерых "медвежатников", "форточников", угонщиков машин и других любителей поживиться за чужой счет. То,

Майор Николай Соолов.

что совершить преступление, не оставив никаких следов, практически невозможно, теоретики преступного мира знали давно, но они знали и другое: далеко не все следы можно обнаружить и, тем более, представить их в суде.

А тут вдруг... Француз по имени Ив Дандонно решил, говоря современным языком, кинуть страховую компанию, инсценировав собственную смерть. Для этого он напоил до положения риз бездомного бродягу, посадил его в свой автомобиль и устроил нечто вроде аварии, само собой, с невременным в таких случаях пожаром. Труп сгорел до костей, машина превратилась в груды металла — так что сообщники Дандонно, выступавшие в роли безутешных родственников, преспокойненько явились за деньгами.

Но сотрудники страховой компании заподозрили неладное и попросили эксперта исследовать на электронном микроскопе несгоревшие обрывки одежды. Тут-то все и прояснилось! На одежде жертвы были следы бензина. А это значит, что авария была мнимой: не мог же Дандонно сам себя облить, а затем поджечь. Афе-

ра со страховкой лопнула. А вскоре был задержан и сам Дандонно.

Об этой истории подробно писали французские газеты — и весь преступный мир крепко задумался, ведь надо было пересматривать всю концепцию грабежей, поджогов, взломов и убийств.

Еще больше подлила масла в огонь история с так называемыми "картинами принца". Один итальянский прохиндей, выдававший себя за потомка известного дворянского рода, сдал на хранение в парижский ломбард два десятка ценнейших картин. Потом он под эту коллекцию получил многомиллионный заем — и скрылся. Пятнадцать лет картины оставались не востребованными, и тогда ломбард решил продать их с аукциона. Аукционеры потребовали провести экспертизу, подтверждающую подлинность картин. Тут-то и выяснилось, что все они — подделки. Электронный микроскоп по составу красок мигмом выявил, что картины написаны не в XIV-XVII веках, а совсем недавно.

— Вот бы нам такую штучку, — со вздохом сказал я, выслушав рассказ майора Соолова о чудодейственных свойствах электронного микроскопа.

— А он у нас есть, — не моргнув глазом, ответил майор. — Если честно, я так слился с микроскопом, что нас стали называть братьями-близнецами. Во всяком случае, когда ищут меня, то знают, что я там, где микроскоп, — и наоборот.

— Для начала посмотрите на это, — высыпал Николай Соолов передо мной пригоршню чистейших бриллиантов. — Здесь есть довольно крупные, по 10-12 карат.

— Но это же целое состояние! — изумился я. — Сколько они, по-вашему, стоят?

— А шуг его знает! — отмахнулся он. — Стоимость этих "брюлинов" меня никогда не интересовала, а вот есть ли на них какие-нибудь следы — всегда.

— Как это, следы? Ведь на свете нет ничего тверже алмаза.

— Ничего не значит! Следы есть везде, надо лишь их найти. А задача, которую поставил передо мной следователь, такова: выяснить, "чистые" эти бриллианты или нет. Поясню. "Чистыми" мы называем те камни, которые не побывали в оправе, — ими частные лица торговать не имеют права. А если камушки побывали в кулоне, перстне или сережках, а потом были выковырены — ими торговать можно. Тут-то и возникает весьма любопытная коллизия. Ворюги, которые тащат камни с приисков и гранильных фабрик, уверяют, что наковыряли их из бабушкиных брошек: золото, мол, пошло на зубы, а "брюлики" из-за бедности пришлось пустить на продажу.

С помощью электронного микроскопа эта ложь в мгновение она выплывает наружу. Дело в том, что каждый бриллиант имеет так называемый рундист — это то место, где сходятся несколько граней и за которое держится оправка. Рундист более шероховат, нежели сами грани, хотя увидеть это можно только под микроскопом. И вот на этом-то рундисте всегда остаются следы оправы — золота, серебра или другого металла. Увидеть это может только мой "брат". Так вот, если он следов металла не нашел, значит, бриллиант не побывал в оправе и, следовательно,

был украден на прииске или на заводе.

— И много через ваши руни проходит таких "брюлинов"?

— По пятьсот-шестьсот штук в месяц... А недавно мы с "братишкой" одержали такую звонкую победу, что вспомнить приятно. Задержали оперативники одного деятеля с бриллиантом в 12,5 карат. Принесли камушек на предмет поисна каких-либо следов мне. И, знаете, что я обнаружил? Следы алюминия. Бриллиант и алюминий — согласитесь, что эти два понятия никак не сочетаются. Между тем адвокат этого прохиндея стал уверять, что его подзащитный сделал перстень из алюминия и вставил в него тот самый бриллиант. Версия, на первый взгляд, нелепая, но на самом деле убедительная. А почему, собственно, нет? Почему законопослушный гражданин России не может вставить доставшийся ему от бабушки бриллиант в алюминиевую оправку? Ну нет у него денег на достойную оправку из золота, платины или серебра! И что, за это сажать в тюрьму?

Теоретически подозреваемый мог отвертеться. Но дело в том, что при большом желании мой железный "братишка" может увеличивать не в 10 тысяч, а в 100 тысяч раз. Я его как следует попросил — и вот что он мне выдал: алюминий, обнаруженный на рундисте бриллианта, никак не соответствует алюминию, из которого якобы сделана оправка, но зато сходен с алюминиевой фольгой, в которую укладывают сигареты. И тут все стало ясно: тот самодовольный прохиндей носил бриллиант завернутым в сигаретную фольгу, которая оставила невидимый человеку, но видимый электронному микроскопу след.

Так что истина восторжествовала и ворюга получил причитающийся ему срок.

— Потрясающе! — восхитился я. — Но вы еще говорили, что микроскоп может обнаружить нечто совсем невидимое — ворсинки, пылинки и тому подобное...

— К этому "подобному" можно отнести следы электросварки.

— Как это?

— А так... Три парня, одетые в традиционно-бандитские кожаные куртки, решили проникнуть в одно весьма небедное учреждение со скромной целью увеличить свой наличный капитал. Принесли сварочный аппарат, которым, как известно, можно и резать, и начали вскрывать стальную дверь. А тут, откуда ни возьмись, милиция! Парни бросили аппарат, отошли в сторонку и закурили: мы, мол, ко всему этому не имеем никакого отношения. Их, конечно, задержали, но доказательств-то никаких нет: мало ли кто оставил этот аппарат.

Вопрос, который поставили передо мной, был, как всегда, прост: есть ли на одежде и обуви задержанных следы работы сварочного аппарата? И что вы думаете, я эти следы нашел. Больше того, я назвал того, кто держал резак в руках — на его куртке следов было гораздо больше, нежели на куртках его поделльников. На суде эти бандиты просто обалдели, а потом окончательно запутались, уверяя, что накануне работали в гараже и сваривали какие-то железяны. Я тут же доказал, что при сварке остаются одни следы, а при резке — совсем другие... В общем, получила эта троица по заслугам и отправилась отбывать наказание.

Но больше всего я горжусь не тем, что помогаю разоблачать всякого рода преступников, а тем, что возвращаю людям их честное имя. Приведу лишь один пример. В 1997-м году на космической станции "Мир" возник пожар. Не исключали, что виноваты в этом космонавты: они-де привели в действие твердотопливный источник кислорода с помощью гвоздя и молотка. Вот он, кстати, этот источник — весьма увесистая штука. Здесь, как видите, есть напсюль, по которому космонавты якобы шандарахнули молотком, и соответствующее наполнение. Оправдываться космонавтам было трудно. Затаскали их тогда, бедных, по разным инстанциям, заговорили о так называемом человеческом факторе, да и пресса не скрывала радости, найдя, как многим казалось, крайних. Но мы с моим "братцем" доказали, что космонавты в пожаре не виноваты. Больше того, своими умелыми действиями они спасли станцию от верной гибели. Этого заключения было достаточно, чтобы с них не только сняли подозрения в халатности, но и вернули доброе имя.

— Значит, никакого обвинительного уклона в вашей деятельности нет?

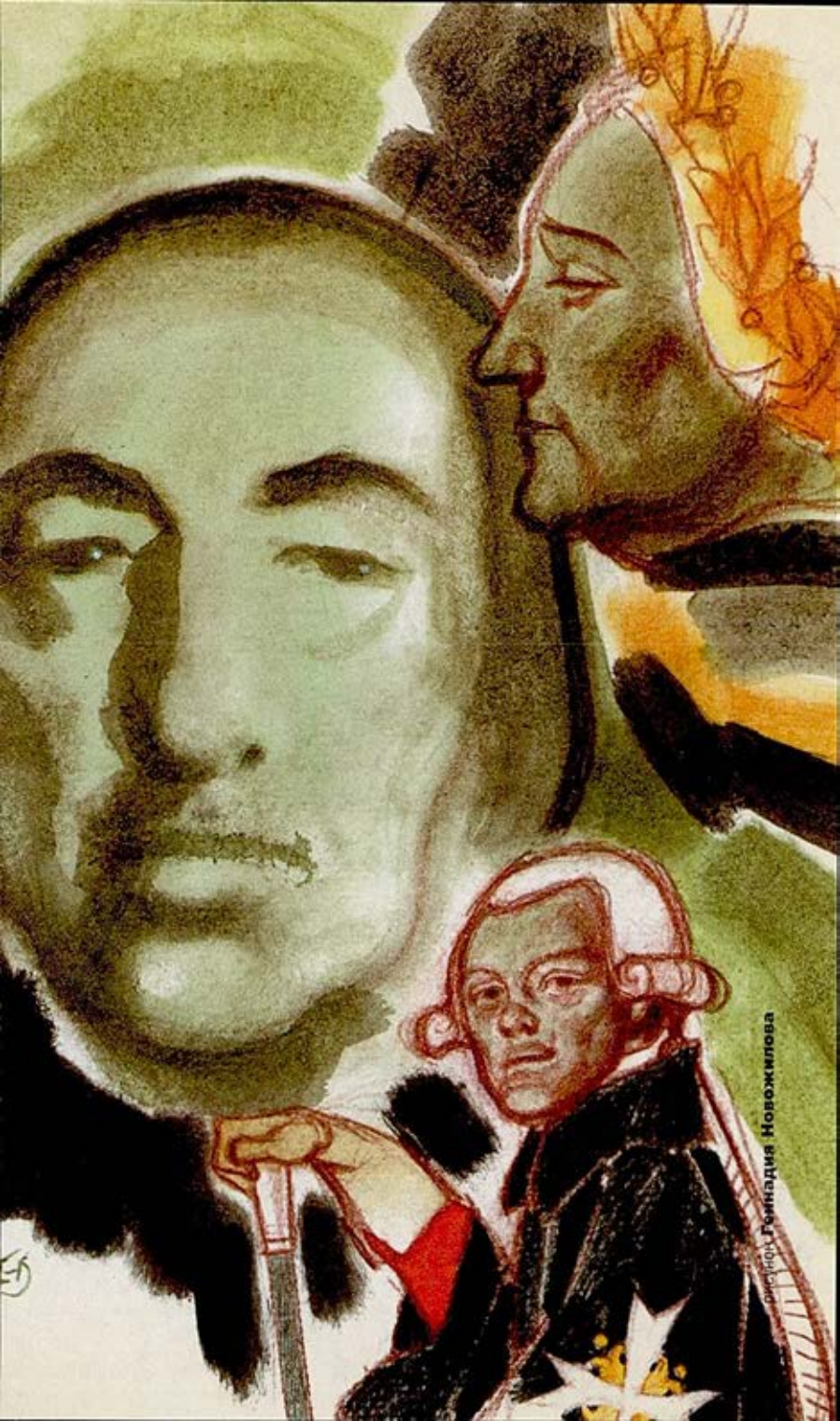
— Нет, не было и не будет! **Истина** и только **Истина** — вот что нас, экспертов, интересует, вот что мы ищем, ради чего работаем и ради чего живем. Как тут не вспомнить мудрейшие изречения, как нельзя лучше подходящие в данной ситуации: "Правда — это свет разума. Не в силе Бог, а в правде. Все минется, одна правда останется!" ■

Любовь РУСЕВА

СЯТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ

художник Геннадия Норожикова

— К уда бы вы желали определить вашего сына? — к Ивану Васильевичу Новикову подошел директор Московского университета Алексей Михайлович Аргамаков.

— В университет.

— А не молод ли он для университета? И знает ли язык латинский?

— Латинского не учил, а по церковному читает не хуже нашего дьячка, да, пожалуй что, и наставника своего превзошел.

— Ну, сие, верно, не мудрено, — улыбнулся Аргамаков, — но чтобы слушать профессорские речи, должно сначала обучиться языкам и первым основаниям наук. На то и учреждены при университете две гимназии — одна для дворян, другая для разночинцев.

— В ученые мы не метим. Семья наша военная. Отец мой был полковником, я службу проходил на флоте, старший сын в армии, и второму, — он кивнул в сторону Николая, — туда собираться пора.

— Батюшка, пустите меня по ученой части, — робко попросил юноша.

— Э, нет, голубчик. Ты записан в Измайловский полк, а после университета скоро выйдешь в офицеры, — возразил отец.

Сцена эта происходила в 1758 году. Четырнадцатилетний Николай Новиков был зачислен в дворянскую гимназию. Обучение в то время велось из рук вон плохо, уровень подготовки учителей был очень низок. Родители на науку смотрели как на нечто лишнее. Матери боялись, как бы дети не заболели “от усердного учения”. Хотя учились в общей сложности не больше 30-40 дней в году: то продолжительные каникулы, то многочисленные праздники, то именины и дни рождения папаш, мамаш, дедушек, тетюшек, сестер, братьев, а уж дальних родственников и не считать. И всех непременно надо поздравить, не то обидя кровная...

Подобное положение тревожило правительство, и оно принимало различные меры, чтобы заставить гимназистов учиться. Но на первых порах бессильны были и черная доска, на которую записывали имена лентяев, и темные карцеры, куда сажали нерадивых в конце месяца. Наконец университетская конференция решила: за “нерадение” исключать ленивых, а фамилии их печатать в газете “во всеобщее сведение” и для “устыжения”. В 1760 году в “Московских ведомостях” в списке исключенных “за леность” и “не хождение в классы” пропечатаны были фамилии Новикова и Потемкина. Таким образом, Николай Иванович в 16 лет поневоле покинул гимназию.

Новиков отправляется к месту службы — в Измайловский полк. Несмотря на формулировку исключения, тяга к знаниям была огромной, и Николай все свободное время посвящал чтению. В памятное утро 28 июня 1762 года он стоял на часах у подъемного моста через ров. Неожиданно у канцелярии Измай-

ловского полка остановилась коляска, в которой сидели Григорий Орлов и неизвестная молодая дама. Любимец гвардии прыгнул на землю и подошел к часовому.

— Подъем! Тревога! — закричал Орлов. — Встречайте государыню!

Так впервые Новиков увидел императрицу. Екатерина Великая не забыла, что измайловцы первые ей присягнули. Все участники переворота были награждены, не обошли и Николая. Государыня заметила молодого человека, серьезного и начитанного, произвела его в офицеры, доверяла важные бумаги. Новикову выпала честь стать секретарем "Комиссии Нового Уложения". Он был "летописцем" депутатских прений по важнейшим государственным вопросам. Блестящая перспектива открывалась перед молодым человеком, но неожиданно для сослуживцев и родственников он покидает военную службу, гробит, что называется, свою блестящую карьеру. И все ради чего? — ради какого-то просвещения.

Вступив на престол, Екатерина II не только пыталась выработать законодательство, но энергично повела войну против невежества. Стремясь к трону, она глубоко изучила народ, которым намеревалась править. Екатерина Алексеевна не сомневалась — просвещение и "облагораживание" нравов сделают ее великой императрицей великого государства и великого народа. Она создает условия для развития и расцвета журналистики, которая призвана была стать "рассадником" культуры и просвещения. Журналы мог основать и печатать любой желающий. Этим и воспользовался Николай Новиков. Первый журнал его "Трутень" издавался в 1769-70 годах. Новиков вступил в полемику со "Всякой всячиной" (журналом царицы) по вопросу предмета сатиры. В отличие от издателя "Трутня", императрица считала, что высмеивать и бороться необходимо с пороками и условиями, порождающими их, а исправлять нравы нужно не столько сатирами и бичеванием, сколько изображением добрых примеров. Новиков проникся этой точкой зрения, но примеры для подражания не находил в современной действительности, поэтому обратил свой взор к истории.

С 1772 года стал выходить "Живописец" — лучшее периодическое издание XVIII века. Журнал этот выдержал 7 переизданий (вплоть до 1864 года). В своих журналах Новиков вел борьбу с господствующими пороками общества. Особенно досталось галломании, которая из всей французской просветительской философии усвоила один лишь вольтеровский смех, превратив его в неразборчивое зубоскальство.

Журналы Новикова сыграли свою роль: журналистика бурно развивалась. Журналы стали появляться, словно грибы после дождя, а литературы катастрофически не хватало. И Николай Иванович приступает к издательской деятельности. В то время в моде было легкое чтение, завезенное с запада. Эти кни-

жонки могли развратить, но никак не улучшить нравы, а уж пищу для ума и вовсе не давали. Новиков берет на себя смелость обратить внимание образованного общества, что в России существует своя литература. Он издает знаменитый "Опыт исторического словаря о Российских писателях", куда вошло 317 имен.

Просветитель упорно идет против течения — в пору повального увлечения всем французским и открытого пренебрежения всем русским он, рискуя разориться, приступает к изданию памятников русской истории, культуры и быта. Серия эта называлась "Древняя Российская вивлиолика". Понимая значение этого грандиозного труда, Екатерина щедро субсидирует издание. "Вивлиолика" вызвала большой интерес у европейских ученых и интеллигенции.

Резкое несоответствие идеалов и действительности вызвали у Новикова серьезный духовный кризис. Обращение к истории Отечества, как это ни странно, усилило внутренний кризис. С одной стороны, Николай Иванович являлся ревностным приверженцем просвещения, почитателем Петра Великого, Кантемира, Ломоносова, Татищева, митрополита Амвросия, а с другой писал: древние российские государи предчувствовали, что введение в Россию наук и художеств безвозвратно погубят нравы — "наидрагоценнейшее российское сокровище".

Выход из кризиса Новиков нашел в масонстве. В европейских государствах господствовало два течения: вольтерьянство и масонство. С первым течением Николай Иванович боролся, как с вредным, ко второму относился скептически. Петербургские масоны, увлеченные поисками высших идеалов, были заинтересованы заполучить себе журналиста и издателя, стремившегося к просвещению России. В 1775 году им это удастся. "... находясь на распутье между вольтерьянством и религией, я не имел точки опоры, или краеугольного камня, на который мог бы основать душевное спокойствие, а потому неожиданно попал в общество". Но Новиков был принят в ложу "Астрея" на особых условиях: при вступлении не требовать от него присяги, оставляя за собой право выйти из братьев, если что-нибудь в их действиях и воззрениях шло в разрез с его собственными воззрениями. Кроме того, Новиков потребовал принять его прямо в 3-ю степень.

Заседания в те времена были публичными, поэтому Николай Иванович посещал заседания разных лож. Он оставался неудовлетворенным, не находил ответы на мучившие его вопросы. Его раздражали внешний блеск, пышные ужины и пирушки, которыми оканчивались собрания. Не удовлетворяли его и многочисленные путаницы и разрозненность в учении масонства разных систем.

---

* То есть библиотека.

Наконец по Петербургу стали распространяться слухи, что появилась ложа настоящих масонов — это была ложа некоего барона Рейхеля, в которой хранится истинное масонство. Новикову удалось встретиться сначала с наместником барона Розенбергом, которого он с товарищами упросил открыть новую ложу по Рейхелевой системе. Рейхель был последователем цинендорфской системы, или “Системы слабого наблюдения”.

В 1777 году князь Куракин вывез из Швеции, где он был с дипломатической миссией, систему “строгого наблюдения”. Новиков не знал, чему доверять, боялся быть хитростью втянутым в общество, преследующее недостойные цели. Он просил барона Рейхеля объяснить признаки, по которым истинных масонов можно отличить от ложных.

— В моем представлении масонство есть учение, которое путем самопознания и духовного просвещения вело кратчайшим путем к нравственному исправлению.

— Всякое масонство, преследующее политические цели, есть ложное. Истинные масоны не проповедуют равенства и братства, они не признают того, что масоны могут покоряться страстям и порокам; они не предаются пиршествам и разврату. Главный признак масонства — стремление к самоусовершенствованию по стезям христианского нравоучения. Истинных масонов очень мало, они не вербуют в орден, кого попало, и скрываются, избегая столкновений, которых очень много.

Встреча с бароном Рейхелем произвела сильное впечатление на Новикова. Идеалы были ему близки, и он принялся активно воплощать их в жизнь. Отныне целью жизни становится возвышение человеческой личности, которая есть центр мироздания. Просветитель стал издавать ежемесячный журнал “Утренний Свет”, вся выручка от которого шла на содержание основанных им двух училищ для бедных детей и сирот*. Новиков убивал двух зайцев: проповедовал религиозно-нравственные идеи и помогал нуждавшимся. Журнал проникнут духом уважения к разуму и к науке. Это был первый в России популярный философский журнал. Он имел успех и выписывался в 58 городах России. Журнал поддерживал училища: он приглашал к пожертвованиям и к принятию пансионеров на свой счет, имена жертвователей печатались на его страницах. Сотрудники не брали платы за свой труд; генерал-аудитор П.К. Хлебников пожертвовал бумагу на годовое издание журнала, гоффурьер Куприянов дал для училища безденежно помещение в своем доме; явились желающие принять на свой счет пансионеров, многие жертвовали деньги. Нравственное воздействие Новикова на пансионеров было велико. Он сумел передать своим воспитан-

* В 1777 году основано училище на 40 человек при церкви Владимирской Божьей Матери, впоследствии названном Екатерининским. В 1778-м — открылось Александровское училище, в 1779-м в обоих училось 93 человека.

никам чувства сострадания и любви к ближнему. Так, его ученики отказались на целый месяц от завтраков и ужинов, чтобы помочь 50 рублями другим бедным.

Деятельность Николая Ивановича привлекла к нему внимание московских масонов, представители которых специально приезжают в Петербург, чтобы уговорить просветителя переехать в Первопрестольную. Князю Трубецкому и Хераскову это удается, и в апреле 1779 года Новиков переезжает в Москву. За ним переезжают и его друзья масоны Кутузов, Чулков и Тургнев. Начинается знаменитое *“новиковское десятилетие”*.

“Это новиковское десятилетие — одна из лучших эпох в истории Московского университета, — писал Ключевский. — В тот год, когда Новиков взял в аренду университетскую типографию, университет доживал свое первое двадцатипятилетие. Но он еще не успел докончить своего образования: были аудитории и кафедры, профессора и студенты, были обстановка и личный состав науки, но сама наука с трудом пробивалась сквозь то и другое, не успела еще обжиться на новоселье. Число студентов в иные годы не доходило и до сотни; иногда на всем юридическом, как и на всем медицинском факультете, оставалось по одному студенту и по одному профессору, который читал все науки своего факультета; студенты занимались в университете не более 100 дней в году; родной речи почти не слышно было с кафедр; люди хорошего общества побаивались пускать в университет своих сыновей; благовоспитанность не всегда примечалась и порой как будто даже совсем отсутствовала...”

Состояние типографии Московского университета было настолько плачевным, когда Новиков ее принял, что в ней уже ничего не издавалось. Николай Иванович в кратчайший срок добился того, что она не только заработала, но стала приносить большую прибыль университету.

“Именно на поприще народного образования, — отмечал Ключевский, — обнаружил он это умение собирать раздробленные силы в большое дружное дело... Московский кружок Новикова — явление, не повторившееся в истории русского просвещения. Можно радоваться, что такой кружок составил именно в Москве, где особенно трудно было ожидать его появления”.

В городе, где он когда-то учился, Николай Иванович встречает первую и единственную свою любовь. Новиков был ярким противником крепостного права, врагом войны и всякого насилия, к которым он относил и поединки. С точки зрения просветителя, честь свою человек может защищать только добродетельной жизнью. Новиков постоянно в своих журналах поднимал и женский вопрос. Образование женщинам нужно так же как и мужчинам. Семейное счастье, с его точки зрения, возможно лишь при условии, чтобы жена могла разделять интересы мужа. Именно такую девушку и встретил Николай Ивано-

вич в доме своего друга Николая Никитича Трубецкого. Его племянница — Александра Егоровна Римская-Корсакова училась в Смольном монастыре и была образованной девушкой. Александру Егоровну увлекали степенные беседы гостей дядушки. Новиков ей приглянулся сразу — столько живости было в его лице, таким умом светились его добрые глаза, такой убежденностью веяло от его речей. Николай Иванович стал заезжать к Трубецким и в неназначенные дни, но скромной девушке было невдомек, что участвовавшие визиты связаны с ней — ведь она сирота и бесприданница.

Николай Никитич заметил чувства друга. Новиков сделал предложение, не заикнувшись о приданом — разве можно желать лучшей жены, чем девицу, которую любишь и которая тебя понимает! Свадьбу отпраздновали в 1781 году.

Переехав в Белокаменную, Николай Иванович сблизился с другим замечательным человеком, который достоин того, чтобы в России ему поставили памятник. Иван Григорьевич Шварц родом был из Трансильвании, он слышал о Новикове еще в Европе, мечтал с ним познакомиться и работать вместе, для чего и согласился приехать в Россию.

— Вдвоем мы много сделаем для России, — говорил Шварц.

Иван Григорьевич дни и вечера проводил в напряженной научной работе, в беседах со студентами, для которых не жалел ни времени, ни труда, ни материальных средств. За бедных студентов он платил собственными деньгами. Шварц не был богатым человеком, но, не задумываясь, пожертвовал 5.000 рублей на устройство учительской семинарии при университете.

Шварц не ошибся — вдвоем с Новиковым они для России сделали не просто “много”. Познакомившись, эти фанатики просвещения решили распространить просвещение по всей матушке-Руси. С этой целью ими было основано “Дружеское общество”, которое открывало типографии, издавало полезные книги, прискивало для бедных студентов уроки, переводы, некоторые из них печатали самостоятельные статьи в журналах этого общества. В первом детском журнале “Детское чтение” начинал свою карьеру журналиста Карамзин. “Детское чтение” было популярно не только среди детей, но и среди взрослых. В нем печатались серьезные и забавные статьи, поучительные и веселые рассказы и беседы о научных предметах, загадки, анекдоты.

Но, к сожалению, недолго продолжалось плодотворное сотрудничество двух замечательных людей. Шварц захворал, доктора объявили положение безнадежным. Смерть он встретил спокойно и просил лишь об одном: “все деньги, которые останутся после моей смерти, пусть пойдут на уплату за учение бедных студентов и на дела благотворительности”. С тем Иван Григорьевич и умер 33-х лет от роду. Он сгорел в расцвете сил, отдавая всего себя на дело распространения просвещения русско-

го народа. О жене и детях он не беспокоился, — знал, что верные друзья не оставят его семью. Умер Шварц 17 февраля 1784 года, но живы еще были Новиков и его кружок.

1 сентября 1784 года — в этот день учреждена Типографская компания — книгоиздательство на паях вкладчиков. Это событие стало ключевым в распространении просвещения в России. Никогда еще в нашем Отечестве не издавалось столько книг. Поток хлынул на читателя лучшая европейская и русская литература. Увидели свет произведения Сумарокова, Хераскова, Николаева, Фонвизина, Княжнина, Чулкова и других русских писателей. Рядом с ними на полках появились переводы Корнеля, Мольера, Расина, Руссо, Дидро, Даламбера, Свифта, Филдинга, Смоллетта, Стерна, Локка, Лессинга и многих других европейских авторов. В год выпускалось более 150 книг. За десять лет Новиков издал около 950 книг, в числе которых были и многочисленные сочинения.

Несмотря на то, что книги были очень дешевыми, они поражали своей красотой. Европейские издатели признавали, что российская полиграфия благодаря Новикову не просто поднялась на уровень европейской, но во многом превзошла ее. Просветительским задачам было подчинено и оформление книг, издатель стремился к единству формы и содержания продукции. Он сам разъяснял художникам оформление обложки и виньетки. Николай Иванович понимал, какую роль играет внешний вид книг. Читателю нравится красивый переплет, четкий новый шрифт, красочные иллюстрации.

Новиков был рачительным хозяином, прекрасным экономистом и талантливым бизнесменом. В нем сочетались черты редактора, типографа и писателя. В результате типография стала богатой. Ежегодный доход компании доходил до 40.000 рублей, а иногда и до 80.000 рублей. Когда в 1791 году компания распалась, книг осталось на 700.000 рублей, не считая 16.856 сожженных книг (как зловердных) и 7.158 книг, переданных в университетскую библиотеку.

Историк Ключевский высоко оценил эту сторону деятельности Николая Ивановича: “Новиков по-своему понимал задачи печатного станка и повел свое дело так, что в его лице русский издатель и книгопродавец стал общественной, народно-просветительской силой, и постигшая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатление, какого, кажется, не производило падение ни одной из многочисленных “случайных” звезд, появлявшихся на русском великосветском небосклоне...”.

Параллельно Новиков активно продолжал благотворительную деятельность. В конце 80 годов XVIII столетия Россию постигло бедствие — разразился страшный голод. Хлеб с каждым годом урождался все скуднее, наконец, сильные морозы в 1786 и 1787 годах уничтожили ржаные посевы. Цены подскочили

астрономически, люди употребляли уже в пищу листья и мох. Кружок Новикова выделил огромную сумму для раздачи пособий народу.

— Всякий, у кого есть дети, не может равнодушно отнестись к тому, что огромное число малюток умирает на груди своих матерей. Я видел исхудалые бледные личики, воспаленные глаза, полные слез и мольбы о помощи, тонкие, высохшие ручки, протянутые к каждому встречному с просьбой о корке черствого хлеба, — я все видел это собственными глазами и никогда не забуду этих вопиющих картин народного бедствия... Прочь веселье, радости и счастье! Раскроем свои сундуки, свои мешки золота, вынем из своих роскошных шкатулок драгоценные камни, браслеты, кольца, ожерелья, сложим все это к ногам голодающей братии и только тогда не будут нарушать наш сон и покой эти несчастные, не будут слышаться их стоны и вопли, не будет стыдно нам жить!

Эту горячую речь Новиков произнес на одном из дружеских собраний, произнес со слезами на глазах, бледный, с выражением искреннего страдания на лице. Слушали его, затаив дыхание; отставной гвардейский офицер, еще совсем молодой человек, плакал, утирал слезы. Известный богач Григорий Максимович Походяшин был настолько потрясен, что к концу вечера подошел к Новикову и шепнул на ухо:

— Я жертвую свое состояние на пользу голодающим.

Через несколько лет Григорий Максимович сам умрет в крайней нужде, истратив все свое миллионное состояние на благотворительность. Умирая, он с улыбкой смотрел на портрет Новикова и благодарил своего кумира за то, что тот открыл ему истину и научил быть настоящим христианином.

Получив деньги от Походяшина, Николай Иванович тут же стал скупать хлеб и раздавать его голодающим. Но раздавался хлеб не безвозмездно. Крестьяне давали расписки в его получение и обязались вернуть, либо деньги заплатить, когда смогут. Кто не мог рассчитаться деньгами или зерном, отработывал на полях, которые принадлежали "Дружескому обществу". Хлеб ссыпали в специальные амбары. Так была основана крестьянская ссуда. Нуждающимся пахарям выдавалось зерно, которое впоследствии ими постепенно возвращалось.

Но, как говорится, не делай добра — не получишь зла. Эта мрачная пословица очень подходит Новикову и его друзьям. Зависть породила клевету, которая поползла по России, вызывая недоверие правительства.

— Мы знаем, откуда у Новикова деньги. Честными путями не достанешь такой суммы. Он просто делает фальшивые монеты. А все поверили, будто он собрал деньги у хороших людей. Знаем мы этих хороших людей. Все вранье!

Клевета росла — чем больше добра делал Новиков, тем хуже было для него. Начались преследования. В результате Новиков

вынужден был бросить все: газету, типографию, издательство. Наконец-то все смогли убедиться, что никто из Дружеского общества не нажил себе ни гроша на благотворительности — члены его разорились.

В 1791 году умерла любимая жена Николая Ивановича. В 47 лет Новиков выглядел совсем дряхлым сторбленным стариком. После смерти жены он уже совсем занемог.

Просвещение, образование, распространение книг и учебников, основание школ, училищ, подготовка (на свои средства) медиков, переводчиков, учителей и многих других специалистов... Распространение обширной сети библиотек и аптек, где бедным лекарства выдавались бесплатно — все это дело рук Новикова, именно его деятельность энергично претворяла в жизнь планы и желания императрицы. Так почему же такая страшная участь в век просвещенной монархии, какой была Екатерина II? Роковое стечение несчастных обстоятельств, чудовищная провокация, грязная клевета, мелкая зависть — все соединилось, чтобы погубить этого человека и его дело. Кажется, что все зло не только русской земли, но и Европы ополчилось на него.

Последние годы царствования Екатерины Великой были омрачены не только революционными событиями в Европе. Один за другим уходили из жизни сподвижники ее первых годов царствования, сторонники просвещения. В результате Великой Французской революции наметилась коалиция: Россия, Австрия, Швеция, Пруссия. Но неожиданно 1 марта 1792 года умирает молодой австрийский император Леопольд II. Считали, что его отравили. Через две недели после него был убит шведский король Густав III. Неужели следующий жребий выпадет русской императрице? Из Пруссии летят депеши за депешами: французские якобинцы составили заговор против всех европейских монархов! Некий Бассевич послан ими убить русскую царицу! Он уже проскользнул через Пруссию, он в России, глядите в оба, его могли укрыть и масоны — одного поля ягоды... Над головами московских масонов собиралась гроза.

Московский генерал-губернатор Еропкин, не питавший к масонам неприязни, ушел в отставку. На его место заступил Брюс — ярый враг. Он всячески вредил Дружескому обществу, препятствовал их благотворительной деятельности, во всем видел криминал и пытался найти тому доказательства. На смену Брюсу пришел князь Александр Прозоровский. Когда Потемкин узнал, кто назначен московским генерал-губернатором, он написал императрице: "...Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая непременно будет стрелять в вашу цель, потому что своей не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества..."

Потемкин оказался прав. Тупое рвение Прозоровского, желание отличиться способствовали появлению пятен на мантии Екатерины. "Дело Новикова" простить императрице трудно, хотя ее можно понять, учитывая стечение всех обстоятельств, все "неопрровержимые" улики преступлений (против России и против нее лично) московского издателя.

Предвзятость Прозоровского, его уверенность, что Новиков злодей, заставляли этого ограниченного и глупого человека трактовать все против Новикова. Все преступное, что всплывало в России, отныне приписывалось непременно Николаю Ивановичу. Он во всем виноват!

Императрице доставляют раскольничье сочинение "История об отцах и страдальцах Соловецких", напечатанное церковным шрифтом. Книга антиправославная и антиправительственная. Кто же мог ее напечатать? — Только Новиков! Но он ликвидировал свою типографию, живет в деревне. То-то и оно, там легче печатать крамолу. — У себя в имении устроил тайную типографию! Екатерина предписывает произвести обыск — нет ли у Новикова старославянского шрифта. Шрифт не обнаружили, но нашли книги, напечатанные в тайной розенкрейцерской типографии и перевезенные в Авдотьино, когда на московских масонов началось гонение. Обыску подверглись не только московский дом Новикова и дом в его имении Авдотьино, но и все книжные лавки в Москве. Здесь обнаружено 48 изданий, напечатанных без разрешения. Продавцы сообщили, что книги принадлежат Новикову. Нашла полиция также и 20 изданий, запрещенных шесть лет назад. Но это еще цветочки.

Знаменитый архитектор Баженов тесно общался с наследником престола. Несколько раз через него Новиков передавал Павлу книги, изданные им. Баженов ведет переговоры с великим князем, об этом доложили императрице. Но архитектору мало вести беседы с Павлом Петровичем, из-за которых ему запретили появляться во дворце, он пишет подробное письмо Новикову. От содержания этого письма у просветителя волосы дыбом встали. Он опрометчиво прячет письмо и, когда решает его сжечь, найти не может. Письмо нашла полиция при обыске, и оно тут же попадает в руки государыни. Значит, Новиков участвует в заговоре против Екатерины! Мартинисты зашли слишком далеко. И не важно, что Новиков давно от них отошел. Кто поручится, что его благотворительность — не просто удобная ширма? Простить преступление против императрицы еще можно, а вот против Отечества!

Когда московские масоны стали мартинистами, ими фактически руководил присланный Берлином барон Шрёдер. К этому времени дела Типографской компании и Дружеского общества настолько разрослись, что им необходим был боль-

шой особняк. Барон Шрёдер убедил Лопухина и князя Трубецкого приобрести дом графа Гендрикова на Спасско-Садовой. Деньги на покупку барон обещал дать, так как должен получить от дяди богатое наследство. Оставив небольшой задаток, он уезжает в Берлин, чтобы вступить в права наследства. Руководители мартинистов — Трубецкой и Лопухин — поручили завершить сделку Новикову, который был категорически против покупки дома. Тем не менее ему пришлось уступить и выдать деньги компании. Оказалось, что дом был совершенно непригоден для цели, ради которой его приобрели, и Новикову пришлось истратить еще огромную сумму, чтобы его перестроить. Тут-то барон сообщает, что дядя лишил его наследства, он потребовал продать дом и деньги отдать ему. На этот раз Николай Иванович не уступил и убедил всех членов общества поддержать его. Тем самым Новиков обрел в лице барона Шрёдера злейшего врага. Барон жил в Берлине, но зорко следил за событиями в России, дожидаясь часа возмездия. Наконец он настал: начались преследования Новикова. Зная, что масонская почта вскрывается, барон стал писать письма своему врагу. В них он намекал на какие-то таинственные дела, известные Новикову, давал отчет в выполнении поручений, полученных от своего русского адресата. Из этих писем вырисовывалось государственное преступление, направленное на уничтожение империи. Естественно, что письма эти не доходили до Новикова, поэтому об их существовании, о "преданности и любви" к нему Шрёдера Николай Иванович узнал только во время допросов в Шлиссельбургской крепости. Итак, Новиков — государственный преступник, он посягает на само существование империи!

Доказательство сему Прозоровский нашел и в книгах, напечатанных Новиковым. Невежество этого человека простиралось до того, что при допросах арестованного он, указывая на сноски, победоносно воскликнул:

— Вот тут, под этими условными знаками, скрываются ваши зловредные замыслы и преступные учения, но все это теперь откроется!

Как опасного государственного преступника, хитрого и коварного, Новикова со всевозможными предосторожностями доставили тайно в Шлиссельбургскую крепость. Его сопровождал доктор Багрянский, не желавший покинуть в такое тяжелое время своего благодетеля, на чьи деньги он получил медицинское образование. Великого просветителя России заперли в той же комнате, в которой когда-то содержался свергнутый император Иоанн Антонович.

Следствие вел печально знаменитый Шешковский. 1 августа 1792 года императрица заменила смертный приговор пятнадцатью годами заключения в Шлиссельбургскую крепость. Но Николаю Ивановичу не пришлось отсидеть весь срок. В

1796 году Екатерина II скончалась. Император Павел тут же распорядился освободить Новикова. Комендант крепости посоветовал просветителю немедленно скакать в имение, никуда не заезжая. Больной и состарившийся узник последовал совету. Но не успел добраться до деревни, как за ним приехал фельдъегерь из Петербурга — император требовал его немедленно к себе. 5 декабря Новиков снова в Петербурге. Ему не разрешили переменить платье и сбрить бороду — прямо повели в кабинет Павла.

— Почему ты не поблагодарил меня, когда вышел из крепости?

Новиков извинился и поблагодарил избавителя.

— Тебе возвратят имущество, взятое в казну, — сказал государь. — Что я могу еще для тебя сделать?

Николай Иванович оставался верен себе даже после каземата. Он попросил освободить всех заключенных Шлиссельбурга, а его имение отдать родственникам Походяшина, благодаря деньгам которого были спасены от голодной смерти тысячи людей.

Николай Иванович Новиков прожил до 1818 года, умер он в том же Авдотьино, где и родился. Узнав о смерти великого русского просветителя, Карамзин обратился к императору Александру I с запиской. “Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживал общественную признательность. Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения, извинительного, но несправедливого. Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца...”

Неблагодарностью отличаются не только современники Новикова, травившие его. Последующие поколения тоже не отличились признательностью к истинному сеятелю просвещения. Только историк Ключевский отдал дань этому страдальцу за нас с вами: “В продолжение 10 лет издательская и книгопродавческая деятельность Новикова в Москве вносила в русское общество новые знания, вкусы, впечатления, настраивала умы в одном направлении, из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику, и сквозь вызванную ею усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков стало пробиваться то, с чем еще не знакомо было русское просвещенное общество: это — *общественное мнение*. Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарождение к годам московской деятельности Новикова, к этому *новиковскому десятилетию* (1779-1789). Типографщик, книгопродавец, журналист, историк литературы, школьный попечитель, филантроп, Новиков на всех этих поприщах оставался одним и тем же — сеятелем просвещения”.

**Татяна
ДОГИЛЕВА:**

“Адский труд быть режиссером”

Своими победами в кино Татьяна Догилева считает фильмы “Забытая мелодия для флейты” и “Блондинка за углом”. В театре — роль Элендры в спектакле-трилогии “Трагедия Эсхила” в постановке гениального немецкого режиссера Питера Штайна. А в течение последних четырех лет была полностью поглощена главным творчеством своей жизни — рождением и воспитанием дочери Кати. Артистическая карьера на этот период отошла на второй план. И вот в этом году Татьяна удивила всех не только возвращением в антрисы, но и первым опытом в театральной режиссуре.

— Теперь, когда дочка подросла, снова взялась за работу: снялась в нескольких фильмах, сама поставила спектакль “Лунный свет, медовый месяц”, с которым много гастролирую, играю в антрепризе Михаила Козакова... Но в каком бы городе ни находилась, обязательно звоню Кате на дачу и разговариваю с ней бунвально часами, с интересом выслушивая все ее новости... Маму ведь все равно никто не заменит. А Катя

моя требует постоянного внимания. Любит лепить, рисовать. Да я и в себе, занимаясь с дочкой, столько новых талантов открыла! Муж просто поражается моими пластилино-скульптурными способностями.

...Он был озабочен поиском антрисы на роль Пепиты в фильме “Вольный ветер” (Михаил Мишин был одним из авторов сценария картины). Однажды, включив телевизор, увидел ее в спектакле. Даже не утруждая себя в поисках имени антрисы, сообщил съемочной группе, что нашел подходящую кандидатуру. Стали наводить справки, и выяснилось, что артисткой, понравившейся Михаилу, была Татьяна Догилева. Но познакомились они уже в самом конце съемок “Вольного ветра”. После чего только и делали, что мчались друг к другу на встречу: то в Москву, то в Ленинград — им хотелось видаться как можно чаще. Года через три Михаил переехал в Москву, к Татьяне, дабы не ломать ее театральную карьеру. Ему лично (по признанию Михаила) было все равно, где стучать на машинке, он ведь литературный

"Ванксия", 1980.

"Блондинка за углом",
1983.

работник, а не театрально-киношный.

Татьяна уверяет, что они расписались скорее для знакомых и друзей, чем для себя.

— Это ваш первый брак?

— Нет, второй. Да и у мужа тоже второй. От первого брака у Миши взрослый сын.

До рождения Катеньки мы жили с мужем в маленькой квартирке на окраине Москвы. Когда родилась дочь, целый год прожили в пансионате за городом, пока с помощью городских властей не обосновались в просторной и светлой квартире в центре.

— А кто занимается обеспечением семьи провиантом: ходит по рынкам да магазинам?

— Да сама я хожу...

— А если узнают?

— Ну и узнают, что тут сверхъестественного? Меня это абсолютно не волнует. Я вообще стараюсь не выделяться из толпы. Езжу в троллейбусе, в метро, веду жизнь нормального человека. Но если у плиты приходится торчать каждый день — это во мне вызывает ненависть.

— Женское рукоделие, говорят, успокаивает. Шитье или вязанье, например...

— Пробовала и это. Поскольку я из бедной семьи, у меня в свое время была идея — саму себя обшивать, обвязывать. Очень завидовала девочкам-рукодельницам, проявлявшим невероятнейшие таланты.

"Три дня в плену", 1994.

И еще со школы принялась портить ткани и мотки шерсти, ну просто остановиться не могла, несмотря на то, что все мои свитера оказывались на редкость носыми, сидели ужасающе. Так продолжалось до того, как начала сниматься в кино и появились какие-то деньги. Тогда-то и сказала себе: все, Таня, хватит.

— Откуда вы родом?

— Родители из провинции, закончили фабрично-заводское училище. Я из рабочей семьи.

— И как же вы решились пойти в артистки?

— Ну, в театральный вуз поступить вообще непросто, с одной стороны. А с другой — очень просто.

— Как это?

— Представьте — двести девочек на одно место (во всяком случае, когда я поступала, было так). В эти двести входят барышни, не имеющие никакого отношения ни к сцене, ни к искусству вообще. И поэтому педагоги заинтересованы в отборе достойных, хотя процент "блатных" существует. В смысле сынки и дочки известных артистов. И я понимала, что им поступить в театральный вуз гораздо легче, чем мне. Но теперь я реальнее смотрю на вещи. Я ведь, поступая в театральный институт, и в театры-то не ходила! Кино, телевизор — вот и все. Но меня просто переполняла абсолютно несокрушимая энергия невежды. Мне казалось, что хороших-то артистов и не было, я на пустующем месте найду себя. Но когда поступила в ГИТИС и начала посещать театры... Тут-то и восхитилась числом талантливейших актеров и актрис... Московские сцены мне казались недостижимы-

ми. Я их побаивалась. Поэтому после окончания ГИТИСа позвонила в один из провинциальных театров. Когда представилась и сообщила, что хочу у них поработать, удивленный голос стал расспрашивать, сколько мне лет да как я выгляжу. Наверное, подумали, что звонит им какое-то столетнее чучело... Но потом меня перехватил Марк Захаров, увидев в дипломном спектакле "Много шума из ничего", и пригласил в свою труппу.

— А почему вы ушли из Ленкома? Случился конфликт с руководством?

— Ничего не случилось. И про Ленком вспоминаю с удовольствием, он навсегда останется моей первой любовью. И Захаровым я восхищаюсь. Но так случилось, что после удачного начала лет пять сидела вообще без ролей. Но я не считаю, что режиссер должен думать о судьбе актеров: играют они в спектаклях или нет. Это дело театральных агентов, менеджеров... Вот и отправилась в свободное плавание. Потом Фюнин позвал меня в "Современник". Я пришла на замену заболевшей актрисы в спектакле "Говори..." Потом были "Спортивные сцены", "Наш Декамерон"...

Мой театральный опыт подсказал, что я никогда ничему со сцены не научу. И каждый зритель видит то, что хочет видеть прежде всего. И ты не изменишь его психологию. Меня это настолько поразило, что я начала сомневаться в целесообразности своей профессии вообще. Питер Штайн помог мне понять — почему так? Он сказал, что театр — это удовольствие. И он занимается им ради своего удовольствия. Так что и

для меня театр — способ отвлечения от неинтересности обыденной жизни. Но я счастлива, что мне довелось работать с этим удивительным человеком, гением по мироощущению, по внутренней свободе...

— Теперь вы снова окунулись в творчество. Причем с богатейшим материнским опытом. Повлиял ли этот багаж на ваше амплу?

— Естественно! Например, снялась в детском фильме "Полианна" по повести известной американской писательницы Элинор Портер. Милая, смешная мелодрама про девочку-сиротку Полианну, которая добротой делает счастливыми всех окружающих. Играю служанку Нэнси, опекающую Полианну. Раньше я в таких фильмах никогда не играла. Но сейчас, благодаря моей дочурке, все детское кажется мне самым важным на свете.

Детям сейчас не хватает таких фильмов. Разучились мы снимать настоящие, добрые картины для маленьких людей... Хорошо, что и взрослое кино вырвалось из той бездны, в которой еще совсем недавно находилось. Я одно время даже телевизор боялась включать. Не фильмы показывали, а дикость какую-то, одни названия чего стоят: "Дрянь", "Тварь", "Выкидыш"... Кошмар, да и только.

— На дворе — компьютерная эра. К технике ребенка еще не приучаете?

— Да ну что вы! Я с техникой совершенно не умею обращаться — ни с какой!

— Вы ее не любите или она вас?

— Думаю, это у нас взаимное. Год у меня на кухне простояла посудомоечная машина, а я

никак не могла ее освоить. Один раз попыталась ее "завести": она пофырчала-пофырчала... и остановилась. Вечером муж пришел. Я к нему чуть ли не со слезами: "Миша, машина сломалась!" А я по инструкции действовала: вот здесь одну кнопку нажать, тут другую. Он говорит: "Ты все правильно сделала, только кран не открыла, чтобы вода текла..."

— Как вам удается сохранять себя в хорошей физической форме?

— Во-первых, гимнастикой занимаюсь каждый день, растяжку делаю... Многие ведь из моих ролей требуют серьезной физической подготовки. Кстати, гимнастикой начала заниматься еще в детстве, даже первый разряд имела. Потом пришлось выбирать между театром и большим спортом.

Правда, лет в 25 вдруг резко начала нагуливать вес, хотя занималась собой постоянно: бегала, прыгала, на тренажерах началась... Тогда перешла всерьез на диеты. Использовала все без исключения. Вроде сброшу лишний вес, а потом соблазнусь на что-нибудь вкусненькое, и все на смарку. Однажды мне все осточертело, махнула рукой и сказала себе, что перехожу в другую весовую категорию. И сразу словно чудо случилось — аппетит уменьшился и я перестала раздаваться вширь. А потом и похудела до нужной кондиции. Так что важно внутреннее спокойствие и полная уверенность в себе.

— Вам довелось работать с лучшими режиссерами: с Рязановым, Захаровым, Штайном... Какое они, как вы их воспринимали?

— Рязанова я до сих пор боюсь как режиссера, потрясшего мое детское воображение "Гусарской балладой". Штайна я вовсе не боялась, вела себя с ним очень даже нескромно. Но главное, что многому у них научилась. Ленком привил мне четность и пунктуальность, которая в целом не свойственна актерскому миру. Всегда прихожу заранее, лучше подожду, погуляю, чем заставлю других себя ждать.

В последние годы Михаил увлекся переводами театральных пьес. Одну по его сценарию поставил Михаил Нозанов, где Татьяна играет с ним в дуэте, а другую — "Лунный свет, медовый месяц" поставила сама Татьяна. И хотя рецензии на эту работу были не самыми лестными, она не отчаялась и сохранила уверенность в себе и своих силах. Татьяна ничуть не жалеет, что взялась за эту постановку.

— Проплакавшись, я задалась вопросом: решилась бы на это, заранее зная, чем все кончится?

И однозначно ответила: "Да!" Хотя бы ради того, чтобы на собственной шкуре испытать, что за адский труд быть режиссером. И теперь уже как актриса по-другому отношусь к мере ответственности за конечный результат. И с удвоенным рвением взялась за актерское творчество, слава Богу, работы как театральной актрисе мне пока хватает!

Беседу вел

Татьяна СЕКРИДОВА.

Фото из семейного архива.

С дочкой Натей.

О пять не могу уснуть. В такие моменты кровать превращается в пыточное ложе. Надо как-то затормозиться, расслабиться, отвлечься от роящихся в голове тяжелых, беспокойных мыслей. Не получается.

Соседка справа тихо посапывает во сне. У нее насморк. Перебираю в памяти варианты аутотренинга. В молодости помогало. Пытаюсь увидеть себя лежащей. Наезд на лицо сверху вниз трансфокатором. Пустой номер. Это очень тяжело. Нет, не в том смысле. Еще совсем недавно, ловя на себе чужие взгляды, я гордилась тем, как я выгляжу. Но за два месяца в клинике мне все осточертело, в том числе и моя внешность.

Тогда другой вариант. Ставлю перед глазами воображаемую живую картину. Пустынный пляж, солнце, голубое небо, соленый запах моря, тихая, прозрачная, набегающая на берег волна... Ну вот опять. Какие-то песчинки, прилипшие к ступням длинных загорелых волосатых ног. Знакомые тугие плавки и могучий торс. Их хозяин иезуитски улыбается, игриво протягивая мне свои руки. Все, хватит. Тысяча первая интерпретация старого эпизода. Так, знаю, будет хуже. Да, я люблю и эти руки, и этот торс, и эти ноги... Но от этого мне сейчас еще тяжелее.

Лучше идти по берегу, одной, легкой, гибкой, свободной, чтобы ветер обтягивал платье, шевелил волосы и бросал в ли-

Юрий ПЕТЕЛИН

темной ночью над бульваром

на, а тогда
се будет хорь
твое

цо прохладные брызги. И вот так идти, идти, спокойно, полной грудью вдыхая свежий пропитанный морем и цветами теплый воздух. Я все это чувствую. Мне хорошо, очень хорошо. Я закрываю глаза. Засыпаю, засыпаю... И вдруг с размаху утыкаюсь в чье-то мокрое лицо. И слышу его раскатистый смех. Я опять не сплю.

Окна палаты выходят на бульвар. Снег сошел. Тротуары высохли. На деревьях, из набухших жизнью липких почек вот-вот пробьется первозданная нежная зелень.

Нас в палате трое. Мы тоже, в каком-то смысле, почки. Набухаем себе потихоньку. И скоро, очень скоро, но когда и что, и как — это одному Богу известно.

Так, попробую снова. Я — красивая, я — умная, у меня все есть, у меня все будет хорошо. Это надо повторять про себя на каждый выдох. Я — сильная, я люблю свою работу, я люблю свой дом, я люблю своих родных... Кого? Зачем? Не надо было об этом. У меня ведь нет маленького, самого родного существа. Но, может быть, теперь оно у меня будет? И каким бы оно ни было, как же сильно я буду любить его! У меня был мой мужчина — близкий, дорогой, единственный. А теперь, видимо, его уже нет. Почему нельзя так, чтобы всем было хорошо? Почему жизнь устроена так, что если пришла радость, значит, скоро жди горя?

Тот, кто придумал белое стерильное пространство евроремонта, уверена, никогда не лежал в больничной палате больше одной недели. Теперь стены и потолки в моей квартире будут только цветными. И никаких белых рам с подоконниками, отшлифованными здесь сотнями женских попок. Хочется ярких красок и запаха дома. А не этого наполненного болью и холодом.

Вдруг по стеклам, стенам и потолку сполохом пронесся отраженный свет фар заблудившейся в ночи машины. Внизу, у одного из припаркованных автомобилей страшно взвизгнула и затихла сигнализация — вопль кошки и взбесившегося какаду. Придумали же такую гадость. Теперь, если кто-то и спал, то наверняка проснулся. Напротив ойкнула и села в кровати полная молодая дама в ярко-красной ночной сорочке. Обхватив поперек одеяла свой огромный живот, недоуменно оглядывалась по сторонам, словно не понимала, что, собственно, она тут делает. В исколесившей полсвета бывшей челночнице было наворочено много совершенно эклектичного. Ходила по палате и коридорам Наталья в малиновом французском пенюаре с кружавчиками на запястьях, в самопальных, на вид больших серых шлепанцах, соразмерных с заправленными в них, грубой домашней вязки, шерстяными носками. Одним словом, эдакий гамбургер напополам с килькой. Ее обаятельное, курносое, как правило, жующее лицо не покидало сложное сочетание мечтательного ожидания и сладострастного нетерпения.

— Олюня, ты не спишь? — это она мне. — Слушай, мне сейчас такая хреновина приснилась, ты не поверишь. Откуда только? Вроде ничего такого в последнее время по телеку не показывали. Такой наворот!

— Или быстрее рассказывай, или спим, — раздраженно заметила соседка с насморком, банкирша в декрете.

— А я что делаю. Короче, иду я, значит, по центру в таком элегантном прикиде и так мне клёво, что сразу понимаю — не то еще, не то уже, но я не беременная. Кругом по обычному народ галдит, машины шумят, а у меня сердце так и выпрыгивает. Сейчас что-то должно случиться. И точно. Идут прямо на меня два натуральных фашиста, высокие красавцы, в шикарной эсэсовской форме. Ну, один к одному, как в “Мгновениях весны”. Подходят, козыряют и молча берут с двух сторон под руки. В гестапо, подумала, что ли, хотя отлично понимаю, что это дикость какая-то. Тот, который прямо вылитый Антонио Бандерас, наклонился ко мне и задышал прямо в шею. “А что, — говорит, — дорогая Натали, не посидеть ли нам где-нибудь в уютном месте?” А сам тесно-тесно к бедру прижимает. Мне даже душно стало. Улыбаюсь и отвечаю, что, дескать, нет базара, вперед с песнями!

И вот сидим мы втроем в каком-то богатом зале. Играет музыка. Кругом столики со свечами. И много известной публики тусуется — актеры, политики, телевизионщики. Только я никак не могу вспомнить, как кого зовут. В это время, тот, который другой, тоже ничего, наливает в бокалы шампанского. А когда мы их подняли, обращается ко мне: “Давайте, Натали, выпьем за вашу тайну. Мы ее знаем. Это будет большая симпатяга”. И засмеялся. Мы выпили. Вдруг Бандерас берет меня за руку и ведет танцевать. Крепко так, нежно прижал к себе. Тут у меня даже дыхание остановилось и чувствую, как горячая-горячая волна пошла по всему телу. Слышу шепчет, почему-то голосом моего Бориса: “Мужчине для счастья нужна женщина, а для полного счастья — полная женщина. Натали, я от вас тащусь. Давайте с вами трахаться...”

— Тут в зале, — продолжала Наталья, — раздался какой-то ужасный визг и я проснулась... Ну чего вы корчитесь там, дурехи.

— Девочки, давайте обмоем этот эротический сон кефирчиком от Данона, — предложила я. — Натали, ты могла бы рассказать некоторые его пикантные подробности своему Борюньке. Этот безобидный зигзаг он бы тебе простил. Рога растут у того, кто их замечает.

Мы разлили наш фирменный алкоголь по чашкам и чокнулись.

— За любовь и за наши тайны, — предложила тост Алла, явно намекая на слова одного из фашистов, который не Бандерас.

— Нет, мои хорошие, этот сон и все другие сны, реальные и виртуальные, в которых были разные герои, для моего орла останутся тайной, — сказала Наталья безмятежным тоном и сладко потянулась всем своим большим и мягким телом. — Борюня не знал, не знает и, даст Бог, не узнает ничего и никогда.

— А что же делать с этим грузом? — С этими словами Алла направилась к окну, по дороге запахиваясь в одеяло и, взгромоздившись с ногами на подоконник, продолжила: — Просить прощения у Господа? А простит ли он? Кто знает?

Тут и я решила повыпендриваться:

— DIXI ET ANIMAM LEVAVI, — сказал и облегчил тем свою душу. Тем более, что по законам диалектики, как веревочке не виться — все тайное становится явным. Рано или поздно.

— Ну вы, блин, подруги, даете. Уже по латыни шпарите. Так вот, свою главную тайну в этой жизни я Борюньке не расскажу даже под пыткой, если только, — тут голос Натали дрогнул и она перевела дыхание, — если только он сам ее не узнает. А как узнает, тогда мне одна дорога — к архангелам.

— Девушка, ваш псевдоним, случайно, не Борис Акунин? — съехидничала банкирша.

— Господи, нас-то чего интриговать? — подхватила я. — Мы тут как в купе поезда дальнего следования — поели, поспали, поболтали и — разбежались навсегда. И потом, адюльтер, как смертельный номер под куполом, — редкость.

— Ну не скажи. — Алла продолжала поднимать температуру. — Чего в жизни не бывает? В любви мы все — каскадеры. Только разной квалификации. И потом, хорошая “месса” бывает только после стресса.

— Ну ладно, — сказала наша пышнотелая блондинка, подбивая подушку себе за поясницу. — Этот трюк меня угораздило отчебучить года полтора назад в Гамбурге, куда моталась на осенний сэйл. Уже все дела обштопала и билет обратный на самолет пробила, тут меня и угораздило увидеть афишу Рода Стюарта. Надо вам сказать, что этот мужик обожаем мною с самого детства. Невозможно было упустить такой случай.

В концерт-холле народу было тьма. Атмосфера такая, — не передать, — лихорадка! Под баночное пиво я вместе со всеми заходила: орала, стонала и колотилась всеми частями тела. Короче, два часа пролетели — оглянуться не успела. А на выходе была приличная давка. Там меня и притиснуло к одному эффектному незнакомцу. Он, между прочим, бурлил весь концерт недалеко от меня и пару-тройку раз мы поулыбались друг другу. А тут, в проходе, нас так притиснуло, что какой там петтинг, когда того гляди до соития дело дойдет. В общем, к тому моменту как свобода нас приняла к себе у вхо-

да, порядком истерзанных, мы были больше чем знакомые, — скорее, старые друзья-любовники. Тут, значит, Майкл, так его звали, предложил пойти посидеть куда-нибудь — лакирнуть впечатления и заодно отметить нашу замечательную встречу. Ну а дальше — ля-ля-тополя, танцы-шмансы — обычное дело. А парень, надо отдать ему должное, был очень хорош. Вот и встретились скромный инженер по тканям с простым дизайнером по интерьерам.

Тут я не выдержала этого “эпоса”:

— У тебя что, подруга, презерватива с собой не оказалось?

— Как же? Был. Только он не понадобился. Мальчик попался экипированный как надо и ничего не имел против безопасного секса. Так что оттянулись мы по полной программе — и так и эдак со всеми прибабасами. Молотильщик он оказался первоклассный.

— И тут вылезает зайка и как залает по собачьи, — заржала Алка.

— Вот-вот, — откликнулась Наталья потускневшим голосом, — только зайка этот заскулил так жалобно-жалобно и говорит: “Что же ты?!” Потому как контрацептив от нашего темперамента разлетелся вдребезги, в пух и прах.

— Это смахивает на анекдот, но именно так и бывает в жизни. А ты уверена, Наташенька, что должна была сохраняться здесь, в Центре матери и ребенка, а не на Соколиной горе? — мрачно и пошло пошутила я.

— Зарекалась ворона дерьмо не есть, — сипло прошипела в мой адрес банкирша.

— Бросьте, девчонки, тьфу, тьфу, тьфу, тут все в порядке. Иммуитет и кровь, и ДНК, и прочие параметры образцово-показательны. Не в этом дело.

— А в чем? Ну не тяни, Наталья, начала колотиться — колось, чего уж там, — воспользовавшись паузой, Алка обошла нас с очередной бутылкой кефира.

— Это могло бы быть смешно, если бы не было так грустно. Месяца два назад попалась мне в руки одна газета, а в ней статья. Ее текст я перечитывала столько раз, что, по-моему, выучила, как стихотворение. Речь шла о телегонии. Вы знаете что это такое?

— Понятия не имею. — Алка посмотрела на меня. — Эй, журналист, ты как дилетант широкого диапазона, в курсе событий?

— Достаточно смутно. Кажется, что-то вроде эффекта влияния мужской спермы на женский генотип в приближении его к генотипу любовника, особенно при дефлорации.

— Точнее не скажешь. Почти по тексту.

— Вы такие умные — мне даже как-то неудобно. Потому как совершенно не въезжаю. Это что же, сколько было любовников — столько было и влияния? — недоумевала Алка.

— Если отец будущего ребенка — первый и единственный твой мужчина, — информационный хлам в башке доставлял мне иногда удовольствие, — то тебе нечего беспокоиться.

— Какая же ты, Олюня, тварина. Нашла повод для сарказма. Ну и что там бывает в противном случае?

Эх, как Алка задержалась. Есть, есть у нас, у женщин, такие темы, когда нас пробирает аж до самых до окраин колотун, как у эпилептиков.

— Видишь ли, от секса с разными партнерами, если не предохраняться, засоряется хромосомная цепочка женщины. А это значит, шанс родить любимому генетически его ребенка становится призрачным. — Моему голосу явно не хватало жизнеутверждающей силы.

— Это тот случай, когда у интеллигентных родителей заходит ум за разум — в кого же это милое дитяtko, со злобными глазками, узким лобиком и манерами уголовника? Бедные папа с мамой излазили все генеалогическое древо и ничего не понимают — кругом приличные люди, — говоря это Алка смотрела в окно, зябко поеживаясь под одеялом.

— Мой случай, может быть, ничем не лучше. Одна надежда, что Борюня не хиляк супротив Майкла. А после Германии я была целомудренна, как бедная Лиза, — голос Натали задрожал.

Тут я не выдержала:

— Слушай, а что ты так заиклилась с этим Майклом. Всякое в жизни бывает. Еще одно приключение с благополучным финалом. Тем более, судя по твоим воспоминаниям, он был явно не дебил и не урод.

— Спасибо большое. А то я этого не понимаю. Все дело в том... Майкл, между прочим, негр.

Наши лица вытянулись. Такого поворота, при всем нашем воображении, мы не ожидали.

— Вдруг мои хромосомы выкинут фортель с черненьким покрытием? Или кучерявой головкой? Представляю, какой будет душераздирающий эффект. Что тогда делать? Мне же отсюда не выйти. Но я не хочу сидеть здесь пожизненно.

— Знаете что, девчонки, давайте выпьем за белое будущее Натали. Мы не расисты какие-нибудь, но тут конкретный случай. А вообще, пора и баньки, — сказала я, отправляясь к холодильнику. — У тебя, авантюристка, все будет хорошо.

— Ну ничего себе! Выпить кефирчику? Вы, конечно, выпьете за меня с удовольствием. Не сомневаюсь. Мое большое мерси за поддержку. Только что же это? Я, значит, разделась догола, а вы фыр и в койки. А ведь это ты, Олюня, подбила меня на эти откровения. Так нечестно. Пускай теперь кто-нибудь другой исповедуется. У нас ведь тут купе в поезде дальнего следования.

— Насчет “подбила” — не совсем точно. У нас с Алкой это было коллективным творчеством. А в принципе, ты права. Не вижу повода темнить. Боюсь только, что моя тайна не будет так романтична, как твоя.

— Это уж мы сами решим. Правда, Ал? — сказала Натали, протягивая мне пустую чашку из-под кефира. — Вы, вроде, хотели выпить за меня, если не ошибаюсь. Ну, чтобы не последняя!

— Слушайте тогда, — начала я. — Как бы это покороче...

— Только не надо имитации процесса, — предупредила Алка.

— Не бойсь. Все будет по-честному. Значит так. Мы с моим Василием женаты уже десятый год. Детей у нас не было и первые пять лет мы об этом как-то не задумывались. Предохранялись, конечно, но чисто автоматически. Работали, как черти. Я — в газете, он — на телевидении. Все серьезные размышления о ребенке откладывались на будущее. Постоянный дефицит времени. Надо все успеть. Везде побывать. Анталя, Кипр, Сейшелы, Канары, клубные тусовки. Опять с утра до глубокой ночи на работе. Жизнь летела в бешеном ритме. Только успевай менять одежду — зима, лето, снова зима. Этот калейдоскоп так бы и продолжался, если бы не катастрофический бюджетный облом. Васю поперли с работы. Очередная структурная реорганизация и моему профи дали коленкой под зад, впрочем, в этой ситуации у нас оказалось, по-моему, полстраны. А с нашим братом, журналистом, просто караул, потому как мы люди самые никчемные. Хотя бы в силу абстрактного образования. С одной стороны — вроде есть, а с другой — дырка от бублика. Ну, Вася туда-сюда потыркался, к друзьям, к знакомым, по объявлениям, резюме писал регулярно — тишина. Кругом, если и берут, то главным образом, — молодняк. Трудоголики в нем водятся редко, но с мозгами все в порядке. А самое главное — никаких церемоний. Время такое. А у моего орангутанга и седина, и лысина, и черт бы их побрал, амбиции. По психологии своей Вася не мог быть альфонсом. Вот и стал “бомбить” на наших поношенных “Жигулях”. Месяц, другой, — не густо, но хоть что-то. Я в свое место в газете вцепилась — зубы не разожмешь. Раньше такой правозащитницей была, таким карбонарием, а тут хвост поджала и язык в одно место. Потому как ряды коллег стали существенно редеть. А тут еще наш автомобильный бизнес накрылся медным тазом. Какая-то пьянь посулила Васе хорошие бабки, а сама дала ему по кумполу бутылкой. И машину угнали. Вася, слава Богу, отлежался. Сначала на тротуаре, потом дома. Это я сейчас юмору, а тогда ходила вся зареванная.

Вот уже два года как моя любимая обезьяна работает, по протекции, в одной испанской компании. Продает оливки и

экзотические фрукты из тех самых мест, где мы когда-то балдели.

Я это все рассказываю, чтобы было понятно, почему остро встал вопрос о ребенке. Жить стало так тяжело, что нам просто необходима была отдушина. Нужно было спасти себя, семью, любовь. А может быть, еще потому, что время мое пришло, а у Васи с головой что-то случилось?

В темноте раздался Алкин голос:

— “А спутница наша — тревога, несносней с течением лет. Все кажется, времени много. Оглянешься — времени нет”. Извини, пожалуйста, рассказывай дальше.

— Мы думали, что все будет просто. Наконец-то миллионы Васькиных сперматозоидов получат долгожданную свободу. Главное — принять решение. Проходили месяцы, а реклама прокладок была по-прежнему актуальной. Я ненавидела в себе то, чем раньше всегда гордилась, — свой железобетонный календарь. Васька не знал, как мне помочь. Стали сдавать нервы. Наконец мне это надоело. Началась врачебная эпопея — длинная тяжелая дорога. Пришлось пройти полную инвентаризацию детородных и прочих органов, а также сопутствующих им процессов. Гинекологическое кресло стало моей плахой, на которой день за днем надо мной издевались, просматривая, просвечивая, продувая, прощупывая. И все эти муки нужно было принять, чтобы однажды услышать: “Дорогуша, вы абсолютно нормальны и здоровы! А вот ваш муж...!” Наверное, после моих страданий Вася стал бы жрать землю и посыпать голову пеплом, если бы узнал, что его “биоматериал” может быть востребован только в парфюмерии.

Пришлось все взять на себя. “Вася, — сказала я ему, — оказывается у меня такое устройство, что твои “ребята” сами куда надо пробиться не могут. Придется им помочь”.

Вы, наверное, слышали об искусственном оплодотворении. Сейчас на Земле уже около двух миллионов детей, рожденных из пробирки. Практическому экстракорпоральному оплодотворению или ЭКО больше двадцати лет. Все просто — моя яйцеклетка в лабораторных условиях оплодотворяется донорским сперматозоидом, а потом через пару-тройку дней, если будет жива и здорова, переносится в свое естественное, природное место. Конечно, тут масса своих нюансов, но не об этом речь. Василий с чистой совестью принес целый пузырек своего богатства. А я воспользовалась обезличенным донорским банком. Не с бухты-баракты. Долго выбирала фото, чтобы хоть отдаленно напоминало раши продакши моего благоверного. Дальше все было как в аптеке. До позавчерашнего дня. Неожиданно получила письмецо. Из него вытекает, что обман мой раскрыт. Стали, оказывается, Васю одолевать сомнения, опасения, подозрения. Пошел опять проверяться.

Без меня. Тут ему и вынесли приговорчик, который обжалованию не подлежит. Пишет в послании своем, что меня не осуждает, но отцом ребенка быть не сможет. Я уж поревела потихоньку не раз. Домой и на фирму обзвонилась. Нет его нигде. Даже и не знаю, что делать? Мне ведь рожать недели через две, а этот дурак, Господи, кажется, разводиться со мной собрался... Вы там не уснули, подруги, случайно? Чего молчите-то?

— А чего говорить? — откликнулась банкирша. — Нет повести печальнее на свете...

— Да брось ты каркать, Алка. Донт ворри, Олюня, би хэпи и тэйк ит изи. Одним словом, расслабься и дыши глубоко и спокойно. Еще все сложится. Если от такой бабы мужик уходит, то туда ему и дорога. А может, действительно у него с головой что-то?

— Да ревнует он просто, по-черному. Все они одного поля ягода — ни пожертвовать, ни поступиться не могут, даже самым малым. Самовлюбленные эгоисты, мерзавцы, развратники и трусы — бьют только тех, кого не боятся, — все это банкирша говорила отрывисто и зло, ритмично выстукивая себе по коленке. — Не вынашивают, не рожают, не выкармливают, а вот понты колотить, гонор свой показывать — это как нечего делать.

— Чего ты так взъерепенилась? Среди них тоже люди попадают, — явно имея в виду своего Борюню, заступилась за мужчин Натали.

Вдруг с подоконника, на котором сидела банкирша, слышались горькие, надсаживающие душу рыдания. Наша суперженщина, уткнувшись головой в оконный косяк, размазывала рукой катящиеся по лицу слезы. Я подошла и обняла ее.

— Наталья, принеси воды. Ал, ну успокойся, ну не надо. Ну что с тобой? Ты же сильная, умная, стойкая. Мы же с тебя пример берем.

— В этом-то больше половины всех моих бед. Ты и лошадь, ты и бык, ты и баба, и мужик. Такой меня жизнь сделала. А жизнь эту я своими руками сложила.

Банкирша говорила с паузами, переводила дыхание, судорожными усилиями заталкивала в себя каждый глоток воды и понемногу успокаивалась. Отдышавшись, она продолжила:

— Не помню уже, говорила ли, что это у меня второй брак. Первый раз вышла замуж еще в институте, за однокурсника. Красавец, умница, из интеллигентной семьи. Потом, спустя какое-то время выяснилось, что он — пирожок ни с чем. Тряпка, слабак, ни честолубия, ни гордости. Поначалу я его шпыняла, тащила в разные структуры, туда-сюда, как могла. Просила, унижалась, заискивала перед разными обормотами, чтобы у него появилась возможность вылезти из своей ра-

---

ковины и поверить в себя. Но в этом моллюске не было огня. Коптил, тлел, а гореть не хотел, несмотря на все мои усилия. Хорош он был только в постели, но для семейной жизни этого мало. Аспирантуру мне пришлось бросить. Макроэкономические проблемы отступили перед проблемой выживания. На тот момент нашему сыну исполнилось два года. Нужно было обеспечивать нормальные условия для ребенка, моих родственников — мамы и бабушки, себе и мужу-иждивенцу.

Как бульдозер, я вгрызалась в работу, видя перед собой только конечную цель, и побеждала. Через три года мне предложили пост вице-президента крупного коммерческого банка. Мужу мои успехи были, как гвоздь в одном месте. Наконец до меня дошло, если любовь ушла, о ней надо забыть. Осталась одна со своим пацаном и двумя дамами в возрасте.

Банковский бизнес, надо сказать, один из самых рискованных. Во всяком случае, в наших Палестинах. Фасад может быть безупречен, а внутри такое Чикаго, такие джунгли, чтобы выжить — никакая интуиция не поможет. Только расчет и связи. В конце концов я стала мешать. Кто-то с кем-то встретился, посидели, поговорили и решили меня сдать. Враги тебе улыбаются, кланяются, пожимают руку, но ты ничего не знаешь. Пару-тройку раз отказала в очень крупном кредите, уверена была — не отдадут. Это был сигнал к началу атаки. Из банка, под предлогом форс-мажора, стала уходить вся наличка. Давние партнеры, те что клялись дружить и любить, — предали, не моргнув глазом. Кто так забрал деньги, кто перевел на другие счета. Замаячило банкротство, потому что у банка куча обязательств — перед государством, перед вкладчиками, по зарплатам, по текущим проектам. Тут тебе и юридические, и физические лица — накат идет по полной программе. Это только то, что на ковре, а под ним свои технологии и свои заморочки. Пошли проверки. Где деньги? Где ценные бумаги? Где документы? Не поймешь сразу, откуда ветер дует. То ли это нашим доблестным следователям интересно, то ли тем, кто за ними стоит? И поставили меня на деньги, и немалые — под миллион долларов. Так у них получилось по первой прикидке. Продала две квартиры, две машины, драгоценности, мебель, аппаратуру и осталась должна столько же. Я же не олигарх! А это никого не волнует. Вынь да положь! Пошла, без вины виноватая, к тому, к кому уже не раз ходила. Там меня успокоили: “Жди и смотри, не вякай что ни попадя...”

Потом КПЗ и шесть бесконечных месяцев СИЗО. Опустили меня не то что в канализацию, а еще ниже. Вот где я насмотрелась и наслушалась на всю оставшуюся жизнь. Вспоминать — с души воротит. У нас любят смаковать эту чернуху. Косяки с травкой, вертухаи с петухами, бандиты с проститутками, воры с гоп-стопниками, уголовники со шпаной и отмо-

---

розками. Но одно дело по телевизору и совсем другое — по уши в этой вони оказаться, с лишаями и экземами, с насекомыми и туберкулезом. И каждый день “интеллектуальное общение” на допросах, часов по пять. Я уже стала терять облик человеческий. Только, как говорится, — у каждого зека должен быть свой зихер, — шанс. Вытащили меня из этой ямы, понятное дело, за большие деньги. И “заказ”, который, оказывается, был на меня, — отменили.

А уж как я на ноги опять поднялась и как доброе имя себе вернула в банковском мире — отдельная песня. Скажу только, урок этот мне дорогого стоил. Озлобилась, ожесточилась, замкнулась в себе, стала нервной и мнительной. Депрессии, истерики дома — чуть ли не каждую неделю. На работе вида не показывала. Держала хвост пистолетом. А внутри меня все болталось на волоске.

Новая проблема — сын вырос. И мне все труднее с ним справляться. Стал врать, появился самоуверенный, наглый, хамский тон. Когда парня с младенчества окружают одни только тетки — в его башке неминуемы перекосы.

Нужен был нормальный мужик. Но где? Как? Кто? Мне так не хотелось идти по пути проб и ошибок. В тридцать пять лет прыгать из постели в постель с грузом старых и новых проблем. А оборону держать было все трудней. Со всех сторон к моему вакантному телу тянулись похотливые грабли разных преуспевающих фарисеев. Никого из них не интересовало, что у меня творится в душе. Помог его величество случай. Во время одного из экскурсов по ночным клубам с подругами. В “Метелице” к нашему столику подошел тот, кто мог бы мне понравиться. Высокий, спортивный шатен в костюме не то от Труссарди, не то от Мюглера, не поняла сразу в потемках. Он умело маскировал свой напор деликатными манерами. Скуластое лицо, прямой взгляд, волевой подбородок. Танцевал Алексей классно и в разговоре был весьма остроумен. Конечно, это был сплошной охмурез. И когда отвез ко мне домой на своем “субару”, и когда помог выйти, и когда руку поцеловал. Но, черт возьми, как это было приятно!

Мы стали встречаться. Редко, но регулярно. У Алексея тоже было мало свободного времени. Он занимался частной адвокатурой. Все происходило так, как я хотела. Он не торопил, не нажимал, не форсировал. Мне было страшно в очередной раз совершить ошибку. Мы просто дружили. А через два месяца расписались. Не могу сказать, что это время до ЗАГСА прошло, как на облаке. С моим-то характером Скорпиона. С диапазоном от сумасбродства до самодурства. Однажды его мягкий укор по поводу моей то ли неадекватности, то ли эксцентричности вызвал у меня жутко агрессивную реакцию. “Почему вы думаете, что нужны мне, что сможете занять какое-то место в моей жизни?! Откуда у вас такая самоуверен-

ность? У меня работа, ребенок и масса проблем, а вы хотите сделать все еще сложнее”, — кажется, моя эскапада прозвучала таким образом. Он ответил что-то типа: “Видимо, качество моей жизни вами в расчет вообще не принимается”.

Через три дня я набралась духу, позвонила ему и попросила прощения. Из своей двухкомнатной квартиры Алексей переехал в мою — четырехкомнатную. И потекла наша семейная жизнь. Я беспокоилась за сына. Но прошло не так много времени и мои мужчины подружились, да так крепко, что меня это стало все больше и больше раздражать. Я понимала, что примитивно ревную, но ничего не могла с собой поделать. Их явное удовольствие от общения друг с другом, какие-то спортивные интересы, специфические темы разговоров и юмор доводили меня чуть ли не до бешенства. Я не владела ситуацией. Казалось бы, желанная беременность должна была изменить все к лучшему, но стало еще хуже. После работы мне хотелось покоя, умиротворения, а почему-то ощущала себя чужой и лишней. Я ходила по квартире в поисках какого-нибудь предлога, чтобы устроить очередную склоку. Мне необходима была разрядка. И в этот момент раздавался стук парадной двери. Сын с отчимом сбегали из дома в парк, на прогулку. Вскоре Алексей сам предложил пожить какое-то время отдельно. Уж что ему пришлось выслушать тогда, и вспоминать не хочется. На другой вечер муж ночевать домой не приехал. У меня была жуткая истерика. Через какое-то время, по настоянию врачей, пришлось лечь сюда, в Центр, на сохранение.

Последний драматический штрих — мой вчерашний ночной звонок Леше. Случайно, без гудков, я вклинилась в разговор мужчины и женщины. Имен не было. Но это был определенно его голос. Они так мило ворковали, что меня чуть не вырвало. Сначала с омерзением хрюкнула трубкой по автомату, а потом до изнеможения редела на лестнице.

— Может, ты ошиблась, Ал? У нас эти АТС сама знаешь, как работают, — попыталась успокоить банкиршу Натали.

— Не знаю. Я теперь уже ничего не знаю. Пошел он к чертовой матери, полигамщик хренов, — ответила Алка и горько-горько заплакала.

Следующие полчаса мы все трое проревели, обнявшись у окна. В те минуты нам казалось, что несчастнее нас нет женщин на всем белом свете.

Под утро мне приснился большой, весело жужжащий шмель, который на необъятном ярко-зеленом лугу неуклюже плюхался с цветка на цветок. Когда он подлетел к моему лицу, я махнула на него рукой и проснулась. Над моей головой, с тумбочки свешивалась целая охапка пурпурных роз. Их аромат заполнил всю палату. Сверху на цветах лежала от-

---

крытка с изображением хитро улыбающегося младенца. На другой стороне крупным Васькиным почерком было выведено: "Родная, я тебя очень, очень люблю и скучаю. Все будет хорошо. Твоя обезьяна".

Я выписалась первой. На прощание Алла с Натали расцеловали меня, пообещав созвониться. А потом, по очереди, осторожно чмокнули моего маленького Ваську. В вестибюле нас встречал старший Василий и, как подобает в подобных случаях орангутангу, глупо и растерянно улыбался.

Через две недели позвонила Натали. Из нашей компании она рожала последней. Рассказала, захлебываясь от гордости, что Настасья Борисовна вся в нее: "Такой пухлый бутузик, — чудо, волосики белокурые, тельце розовое-розовое, а глазки карие". Спрашивала, не надо ли молока, потому как она им просто уливается.

Я спросила про банкиршу.

— У Алки все вроде тоже, о'кей. Родила девочку, темную шатенку, красавицу, с длинными стройными ножками топ-модели. Встречал ее муж — о-о-очень интересный господин и пацан — вылитая банкирша. Еще, — сказала Натали, — Алка наша выглядела жутко счастливой и мужиков своих просто зацеловала. ■

Если человек, никогда не бывавший на Ханты-Мансийском плато, попытается представить себе этот край, он, скорее всего, увидит странную, почти абсурдную картину — сплошные нефтяные вышки, скважины, нефтехранилища. Людей нет. В крайнем случае, несколько усталых нефтяников в спецодеждах с перепачканными пахучей жидкостью физиономиями. И в самом деле, еще не так давно считалось, что все население здесь — временное. Старожилы вспоминают, как в начале 80-х в вахтенном поселке Мамонтово, что стоял тогда на месте города, строители пря-

тали детей при появлении высокого начальства — не дай Бог, кто увидит. Во временных поселениях рожать не разрешалось. Теперь на месте Мамонтова и соседнего поселка Пыть-Ях — 42-тысячный град. И он продолжает расти. Не потому, что здесь лучше, чем где бы то ни было, и не потому, что большинству просто некуда ехать (у многих есть квартиры в "метрополии"), а потому, что у людей к этому месту, как говорится, прикипела душа, они считают эту землю — *домом*.

Сама жизнь располагает жен нефтяников к тому, чтобы не работать. Их очень трудно чем-то

Алексей АНАСТАСЬЕВ

Югра

занять — негде. В свое время нефтяники планировали открыть хлопчатобумажную фабрику. Подсчитали — прослезились. Из-за того же "семидесятипроцентного коэффициента" (помните северные надбавки?) пришлось бы платить слишком большие зарплаты. Как-то глупо шить рубашку по цене "Мерседеса".

Но все-таки многие жены нефтяников находят себе занятие, во всяком случае, летом. Занимаются они весьма экзотическим для приобских климатических условий делом: картошку сажают, огурцы, помидоры. Оказывается, здесь все это можно выращивать. Впрочем, ферме-

ры, которые появились было и в Ханты-Мансийском округе, разорились. Решительно невозможно вести здесь сельское хозяйство "по-крупному". А вот на своем небольшом огороде — в самый раз. Почти у каждой семьи есть дача. Под огороды здесь дают по четыре сотки. До странности мало, казалось бы, учитывая сибирские масштабы. Но, по статистике, почти половина этих "масштабов" — родовые угодья коренных жителей. Остальное — тайга. Природоохранные законы ограничивают ее вырубку. Ну и нефть, естественно. Так что под личные хозяйства больше никак не выходит.

A photograph showing the silhouettes of several people and a large tent against a bright, hazy sunset or sunrise sky. The scene is set outdoors, likely in a camp or settlement. The figures are dark against the light background, creating a dramatic, high-contrast image.

СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Пойковский градоначальник и другие

— Чего? Асфальта? Хренушки! Я скорее сдохну, чем дам им асфальта! Никакого асфальта! Ни за что!

Либерализм в суровых климатических условиях не проходит. Только автократия. И можно быть уверенным, что асфальта действительно не дадут, кто бы его ни просил, раз так распорядился Эдуард Худайнатов.

Вопреки расхожему мнению, что северяне уступают южанам в темпераменте, по нашим наблюдениям, активности, напористости и огня "на душу населения" здесь, может быть, и поболее. Однако даже на этом фоне энергия Эдуарда Худайнатова, главы администрации поселка Пойковский, удивляет. К нему можно подключать ГЭС.

Родился 40 лет назад в большой семье. Отправлен в интернат. Потом трехлетняя служба на пограничном катере, причем не в Одессе, откуда родом, а в Бухте PROVIDЕНИЯ. По комсомольской путевке приехал сюда, в Нефтеюганский район. Был бочарем, грузчиком (что примерно одно и то же по уровню физических нагрузок). Поступил в торговый техникум. После него — в Московскую академию предпринимательства. Тут как раз Горбачев заговорил о фермерстве. Худайнатов тут же построил хозяйство... на тысячу голов свиней. Ну а потом пошли магазины, рестораны, супермаркеты... И — приглашение во власть. Кстати, вы много видели людей, которые способны, потеряв сто миллионов, не потерять рассудок? Примерно такую сумму

Худайнатов потерял в Нефтеюганске Ханты-Мансийского округа. Не в последнюю очередь из-за трений с городской администрацией закрылся его знаменитый на весь город ресторан "Париж" с французским поваром. Повар теперь зовет его во Францию открывать совместное дело, но как оставишь родные места, где у тебя 18 тысяч "подданных". Да и бизнес еще остается. Например, одна из достопримечательностей Нефтеюганска — супермаркет "Европа" — тоже собственность Эдуарда Юрьевича.

То, что он обнаружил в Пойковском, когда приехал, называлось "балочные массивы". Представьте себе что-то вроде деревянного гаража, только с очень узкой дверью и крохотным чердачным оконцем, к тому же осевшее и покосившееся. Обветшалые крыши зияют откровенными дырами. Построены балочные кварталы — особенно хорошо это видно с воздуха — как будто нарочно бестолково. И это у нефтяного моря, где людям по всем законам логики, казалось бы, полагается жить не хуже, чем в Эмиратах.

— Помню, ко мне пришел пожилой нефтяник, живший в таком бараке, и швырнул мне в лицо медаль "XX лет в нефтяной отрасли". Что я мог ему сказать? Положено этому старику жилье по нашему законодательству. А где взять деньги?

Полгода Худайнатов "отвоевывал" землю, наконец закрепил ее за администрацией и сразу начал наводить порядок в строительстве жилья.

Халтурщикам при Худайнатове в Пойковском не удержаться. Он с треском выгнал отсюда каной-то

"Новосибирскстрой". Но работала здесь и одна литовская фирма. Ее деятельность оставила на внешнем облике поселка уникальный отпечаток: когда сворачиваешь сюда с трассы Нефтеюганск — Ханты-Мансийск, кажется, что попал в готическую Европу. Литовец Худайнатов оставил. Он как деловой человек оценил их добросовестность и трудолюбие.

Сотрудничество с литовцами не ограничилось строительством жилья. Совсем недавно они выстроили в поселке замечательную церковь на живописном берегу Обской протоки. При входе в новый красивый храм висит двуязычная русско-литовская памятная табличка. Теперь еще и мечеть построена — здесь немало мусульман...

В общем, у Эдуарда Юрьевича многое получается. В первую очередь потому, что он — профессиональный предприниматель — знает экономику и, главное, живет в свое время. Время купюр. Живой пример. В большом хозяйстве поселковой администрации есть нефтяная котельная. Так вот, без предоплаты здесь, в нефтяном краю, не могли достать для нее топлива! Худайнатов не просто достал топливо, но нашел способ, как решить эту проблему, чтобы она не возникла вновь через месяц-другой.

А кому придет в голову основать за сотни километров от ближайшего моря морской клуб? Конечно, пойновскому градоначальнику.

Наступило недолгое северное лето, Обская протока, на которой расположился клуб, стала похожей на Плещеево озеро времен строительства петровского фло-

та. Все время какие-то соревнования, занятия... Приезжает как-то раз адмирал. Перед ним — строй: триста ребят в форме с иголки.

— Здравствуйте, юные моряки!

— Здравия желаем, товарищ адмирал!

У нас сейчас и на флоте так дружно и ладно не приветствуют. Адмирал аж прослезился, не ожидал...

При въезде в Пойново торчит щит: "Пойновский — будущее Ханты-Мансийского округа". Не буду судить о том, насколько справедливо такое утверждение, но в небольшом парке в центре поселка в любую погоду можно увидеть влюбленных и молодых мамаш с колясками.

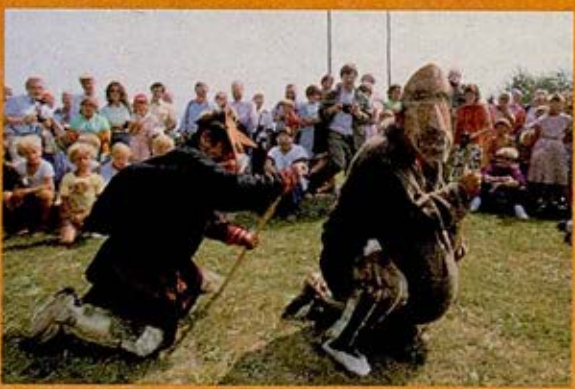
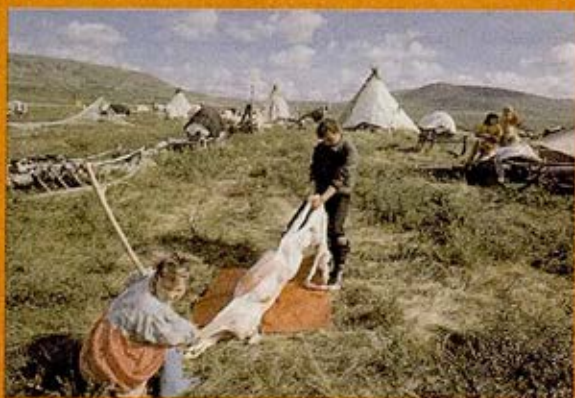
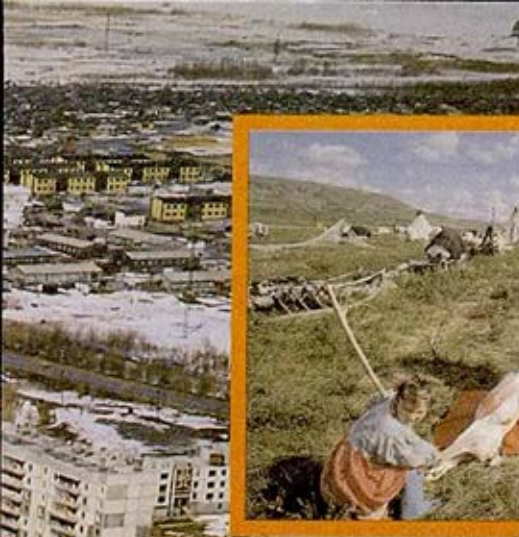
Пыть-Ях — столица души

Рассказывают, что однажды, когда в этих краях еще не было ни больших городов, ни нефтяных вышек, здесь появился молодой геолог. Он влюбился в юную хантыйскую девушку. Она ответила ему взаимностью и последовала за ним. А месту, которое они оставили, люди дали имя Юнк-Ях — юная женщина. Романтическая любовь расцвела на новом месте, названном впоследствии Пыть-Ях — добропорядочная женщина. В Нуть-Яхе, что переводится с хантыйского как "падшая женщина", у геолога и хантыйской девушки родился сын. А место, где они расстались, зовется с тех пор Сивысь-Ях — седая женщина: геолог уехал, а она поседела от горя.

Если верить легенде, то самое счастливое поселение — Пыть-Ях. Там влюбленные не знали забот. Нельзя сказать, будто сегодняш-

ний Пыть-Ях, что в 50 км от Нефтеюганска, не знает забот. Но он производит удивительно светлое впечатление. И жители искренне гордятся своим городом, которому в этом году исполнилось семь лет.

В Пыть-Яхе на удивление много "гуманитарных" учреждений: детская школа искусств, филиал знаменитой клиники микрохирургии глаза имени Святослава Федорова, вернее, ее екатеринбургского отделения, уникальный Детский реабилитационный центр, отделение эстрадно-джазового вокала музыкальной школы при училище им. Гнесиных. Филиал Тюменского университета, наконец. Система обучения в нем особенная: из Тюмени приезжает преподаватель и живет в местной гостинице (за счет городской администрации, разумеется) все время, пока читает курс. Затем принимает экзамен, уезжает, и его место занимает его коллега. Получается, что здешние студенты учатся по не вполне традиционной для российских вузов схеме: предмет за предметом. Нынешние питомцы пыть-яхского филиала будут учиться в родном городе два или три года — в зависимости от специальности, а затем отправятся в Тюмень завершать образование. Как мы заметили, здесь, в Нефтеюганском районе, молодежь после учебы возвращается домой. И, надо думать, многие сегодняшние первокурсники захотят вернуться в родной город, была бы работа.

Психологи, например, смогут найти ее в Детском реабилитационном центре. Думается — и, наверное, многие профессиональные врачи с этим согласятся, —

такое заведение могло бы украсить и столицу. Для детей работают компьютерный и спортивный клубы "Витязь". В общем, ребятам здесь есть чем заняться.

Пасынки нефтяной эпохи

Два поселка Нефтеюганского района Чеускино и Усть-Юган роднит то, что оба они, одни из немногих в этих краях, не имеют "нефтяного" происхождения.

Чеускино — старинный населенный пункт по сравнению с Пойновским или Нефтеюганском. В начале вена здесь стояли Юрты Чеускины — стойбище, названное по фамилии владельца родового угодья. В поселке и поныне живут его потомки. Место было пушное, купцы хорошо знали сюда дорогу. Потом появились сосланные, спецпереселенцы из Новосибирска, Челябинска, раскулаченные. Так возникло русское поселение. Ну и наконец создали так называемый "национальный поселок" — вместо юрт построили жилые дома и поселили в них 12 семей хантов. Это им не слишком понравилось — ханты привыкли жить отдельно. А тут еще пришлось учиться картошку сажать, за скотом ходить — при поселке организовали колхоз. Был нарушен жизненный уклад, быт, введен нормированный рабочий день — вообще несообразное для ханта понятие: не станешь ведь охотиться или рыбачить с 10 до 18. Они и хантами-то перестали себя считать, а называли так теперь только тех, кто остался на стойбищах.

Но дело сделано. Поселок стоит и, судя по всему, будет стоять.

В маленьком интернате при школе 30 детей. Не из поселков,

где нет школ, — таких уже практически не осталось в районе, — а из неблагополучных семей. Раньше детей со стойбищ забирала сюда, теперь решили, что не стоит ребятишек отрывать от земли, от навыков, которые они должны получить от отца — оленевода или охотника. Сегодня на стойбища летает учительница. Учит там ребятишек месяца, затем на вертолете — обратно в Чеускино, получать продукты, одежду, книги в библиотеке, и снова — на стойбище. В поселке детям адаптироваться трудно: кто им тут приготовит рыбу прямо над костром, к которой они привыкли дома? К тому же трудно им на уроках по 40 минут высиживать. Вот вывезла как-то раз учительница хантыйского мальчика на юг, на море. Ему там быстро надоело, и пришлось возвращаться домой раньше срока. А отец того мальчика поддержал его, сказав учительнице: "Зачем ему это море? Разве здесь не море?" И действительно кругом вода — река, озера, на высоком берегу недровый лес и белый-белый песок...

Колхоз, занимавшийся тут животноводством и переработкой молочных продуктов, всегда по сути дела был убыточным. Он и сейчас существует, правда, стал совхозом "Чеускинским". Едва сводят концы с концами, и директор совхоза считает, что сельское хозяйство в этих местах, в общем-то, не имеет смысла. Все равно привозить продукты дешевле.

В любом случае поселок будет жить, уверены чеускинцы: из каждого школьного выпуска примерно пятеро ребят поступают в вузы и почти все возвращаются обратно.

А поселок Усть-Юган появился на карте округа в 1972 году, когда здесь высадился строительный поезд. Строили железнодорожную ветку. Одновременно в 14 км отсюда основали еще один поселок — Юганская Обь, для строителей мостов. Через несколько лет жизнь здесь кипела вовсю. Над специальными площадками мужжили вертолеты, по Обской протоне подходили натера и разгружались баржи. Правда, вскоре водное сообщение прекратилось: нефтяники засыпали протону. А потом и работа кончилась. Руководство передвижного поезда забрало нужных им людей, а остальных — тех, кто уже не был занят в системе Минтрансстроя, бросили. Было это в 1989 году. Судьбы 320-и новых сибиряков повисли в воздухе. Что делать: переселять? Но ведь — знакомая уже история — пережились, нарожали детей, прижились. Районная администрация решила строить постоянное жилье. Нелегко пришлось и местному сельсовету, в ведении которого ныне, кроме Усть-Югана и Юганской Оби еще два поселка нефтяников и один — газовиков. Но пережили все-таки устьюганцы те критические времена, и теперь поселок не то чтобы полностью преобразился, но меняется потихонечку. Каждый год здесь поднимаются новые жилые дома.

Югорские ацтеки

Вот загадка. Что такое: "с железной головой, с железным животом — большой мужчина"? Или: "в красном сарафане — большая женщина"? Это загадки для взрослых. Ответ прост: железная вышна и горящий фанел нефтя-

ной скважины. Эти образы живут в сегодняшнем сознании хантов — самого многочисленного из коренных народов Ханты-Мансийского округа. Ведь именно для них нефть — угроза, а угроза часто предстает в виде метафоры. Горькой насмешкой кажется эта метафора, потому что именно железо и огонь всегда представляли духами-охранителями, друзьями человека в древней мифологии северных народов.

В истории прослеживается один грустный, но непреложный закон: когда две цивилизации, абсолютно разные, сталкиваются на одной земле, катаклизм неизбежен. Роковым стал для ацтеков момент, когда испанцы впервые ступили на их территорию. Прагматичный и самоуверенный век породил совсем уж диную, безумную формулу: "Хороший индеец — мертвый индеец". Правда, Россия никогда не доходила до подобных ужасов. Наследникам Ермака Тимофеевича скорее была присуща психология состязания с природой. Не подлежала никакому сомнению необходимость диние та-

ежные края осваивать, а "дикие" местные народы "приобщать к благам цивилизации". Так продолжалось несколько веков. Недавнее свидетельство тому — уже известные нам "национальные поселки", наследие времен коллективизации. Ученые ожидали, что после распада колхозов, оставшись без работы, "окультуренные" ханты и манси начнут переезжать в более крупные населенные пункты. Ничего подобного не случилось. Напротив, довольно значительная их часть вернулась в заброшенные стойбища и юрты — те самые, откуда они были насильственно выдворены полвека назад.

Несостоятельность прогноза ученых свидетельствует о том, что и поныне мы плохо понимаем северные народы. Вот, например, такая история. Однажды летом археологическая партия обнаружила в некотором отдалении от хантыйского поселения, на высоком берегу реки, уникальные деревянные идолы 300-летней давности. Разумеется, гости обрадовались удивительной находке, немедленно бросились осматривать и фотографировать изваяния. Такой, казалось бы, естественный с точки зрения европейского человека интерес обернулся трагедией для стойбища. Согласно хранимому сотни лет и передаваемому из поколения в поколение преданию хантов, на священную землю можно ступить только зимой (на снег), только мужчинам и только в определенные дни. И уж тем более там нельзя щелкать фотоаппаратами. Словом, святое место лишилось для хантов своей священной силы.

Однако вряд ли сегодняшнее положение коренных народов округа — а на его территории проживают ханты, манси и лесные ненцы — было бы столь тревожно, если бы речь шла только о культурном барьере между ними и пришельцами. Территория Ханты-Мансийского округа достаточно обширна, чтобы на ней могли сосуществовать две разные цивилизации, вовсе не соприкасаясь друг с другом. Но боги Земли распорядились так, что здесь в ее жилах течет черная кровь. И оказалось, что земли мало. Вернее, чуть ли не каждая ее пядь нужна нефтяникам. Родовые угодья исконных народов начали отступать. А "большая женщина в красном сарафане" — их преследовать. Сокращались олени пастбища, уменьшалось количество рыбы в реках, вырубались леса.

Сегодня и политики, и хозяйственники отдают себе отчет в том, что полностью избежать конфликта "нефть — коренные народы", по-видимому, невозможно. Но его можно минимизировать, применяя систему взаимных уступок. Общая любовь к родному дому становится связующим звеном в ценностях двух миров. Тому, кто принимает близко к сердцу проблемы своей земли, легче понять чувства соседа.

С начала 90-х в Ханты-Мансийском округе стали всерьез задумываться о проблемах коренных народов. В 1992 году решением тогда еще Совета народных депутатов было утверждено "Положение о статусе родовых угодий". До принятия "Положения" отношения недропользователей и владельцев родовых угодий регу-

лировались отдельными соглашениями. Это оставляло возможность для всякого рода обманов. Доходило до того, что в договоры вставлялись пункты о передаче земель за некие материальные блага: продукты, лодочные моторы... Получалось, что владелец отдает жизненно важную для себя и своей семьи территорию фактически бесплатно. "Положение" вписало конкретные договоры в общую правовую систему. Кроме того, в нем, чуть ли не впервые на местном уровне, был учтен экологический фактор — требование рекультивации земель или компенсации за нанесенный им вред.

Стойбищные ханты — их в Нефтеюганском районе около полусотни человек — живут в двенадцати поселениях. Я побывал на одном из стойбищ. От Пойковского до него — около часа лета на Ми-2. Здесь есть пара "избушек" в традиционном хантыйском стиле. Впрочем, это только снаружи дома кажутся "избушками". Захожу в один из

них. По части благоустройства он, думаю, не уступит средней подмосковной даче. На стенах ковры, на тумбочке телевизор, добротная мебель.

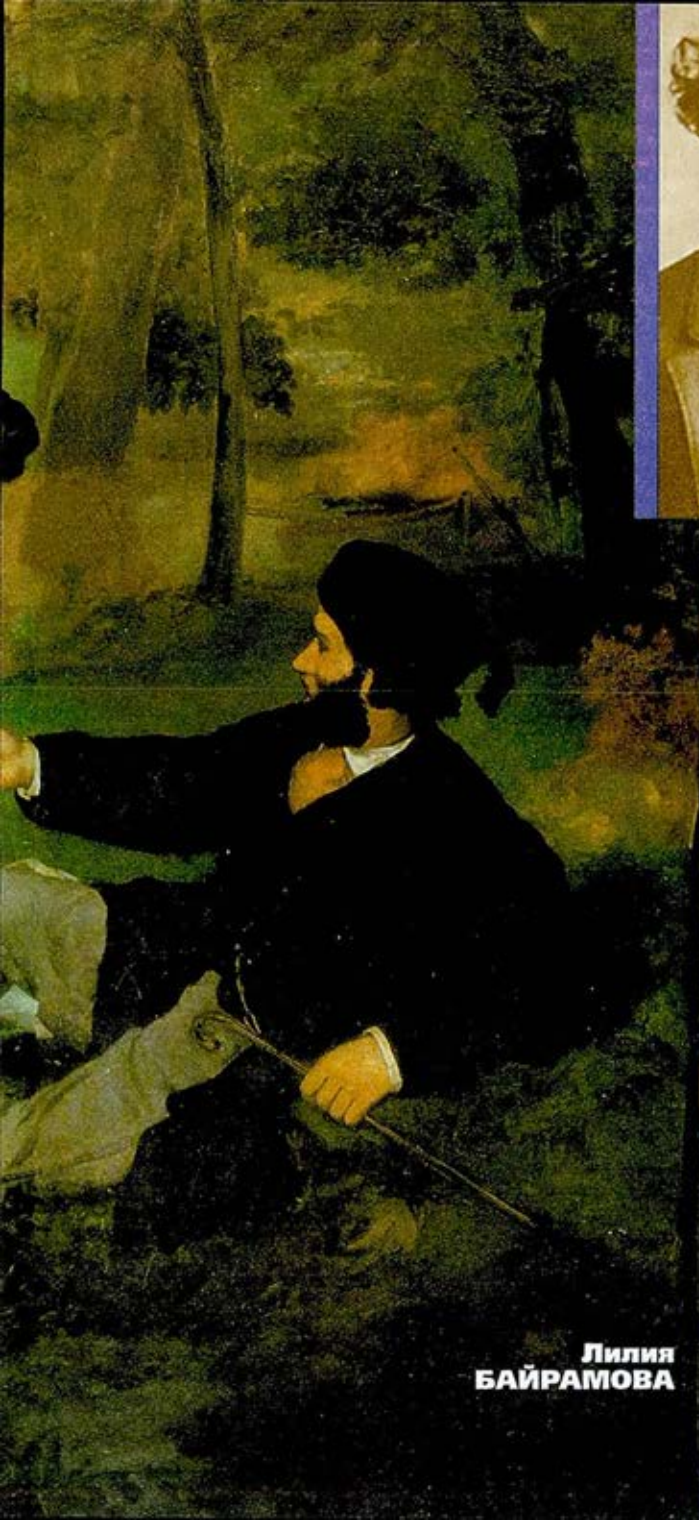
В соседнем доме интерьер выглядит и вовсе уж по-современному: японский телевизор, видеомэгафон с приличной коллекцией кассет, музыкальный центр и даже телефон. Это на стойбище-то! Ребенок в этом доме не страдает от недостатка игрушек, а детские книжки есть даже... на французском языке! Здесь европейская цивилизация явно прижилась рядом с, представьте себе, почти не тронутым традиционным сознанием. А в окна дома заглядывают ветви недр. К нему у семей этого стойбища особое, трепетное отношение. Когда строили этот дом, недр мешал — и корни под фундамент подходят, и ветви прямо на крышу ложатся. Но не срубили...

Дом стоит на пригорке, так что ему паводок не грозит. С крыльца открывается вид на все стойбище. И такая тишина... ■

Завтрак на траве. 1863.

Лилия
БАЙРАМОВА

МАТЕ

Замечательный французский художник Эдуард Мане вырос в семье весьма далекой от живописи и искусства. Его отец, Огюст Мане, был зажиточным человеком и служил в суде первой инстанции департамента Сены в Париже. Человек почтенный и уважаемый, ведущий размеренный образ жизни, он не мог и предположить, что его младший сын Эдуард в будущем возглавит “банду” импрессионистов и прославится как бунтарь и новатор.

Все годы детства и юности Эдуарда последовательно и методично готовят к престижной профессии чиновника или коммерсанта. В двенадцать лет его отдают на полный пансион в аристократичный парижский коллеж Роллен на улице Пост в надежде, что из ленивого и беспечного мальчугана вырастят прилежного и послушного ученика. Задача оказалась не из легких. Мечтательный, с большой ленцой, Мане бесконечно скучает на уроках латыни и математики, а оживает только на каникулах дома. Громоздкая школьная наука его тяготит, и по всем предметам он плетется в самом хвосте.

Единственной тайной страстью и увлечением было домашнее рисование, к которому его приучил родной дядюшка-офицер Фурнье. Любимым их развлечением стали воскресные прогулки по Лувру, где в 1838 году открылся так называемый “испанский музей”, то есть огромная коллекция картин (среди них — Веласкес, Мурильо, Гойя, Эль Греко и Сурбаран), очень выгодно купленная в Испании бароном Тейлором. Не из этих ли воскресных прогулок по сумрачным и прохладным луврским залам сложилась у впечатлительного Мане его привязанность к Испании, к мрачному, темному колориту ее картин и терпкой экзотике?

В пятнадцать лет, прежде послушный, Эдуард заявляет отцу, что хотел бы стать художником. Шокирующее сообщение вызывает у отца праведный гнев, но упрямый Мане умело находит обходные пути. Если не искусство, говорит он отцу, то хотя бы мореходка — все лучше, чем корпеть в ненавистном коллеже. Скрепя сердце, отец вынужден согласиться. Однако попытка “двоечника” Мане покорить Мореходную школу оканчивается неудачей, и, с грехом пополам все же окончив коллеж, он в декабре 1848 года на борту парусника “Гавр и Гваделупа” отправляется в экзотическое Рио-де-Жанейро. Путешествие разочаровывает его едва ли не с первых шагов: бурное море надолго укладывает в постель, спокойное же навеивает скуку и “отупляет”.

Слегка развлекает его небольшая стоянка в Рио, да и то потому, что в грязном, жалком и убогом городишке Мане познал свою первую любовь. Избранницей оказалась черная, как вакса, рабыня, отдавшаяся ему в одну из бешеных карнавальных ночей.

Через шесть месяцев повзрослевший и уставший от мореплавания Мане возвращается домой и объявляет отцу о своем твердом намерении стать живописцем. Вместо традиционной и уважаемой Школы изящных искусств он выбирает мастерскую

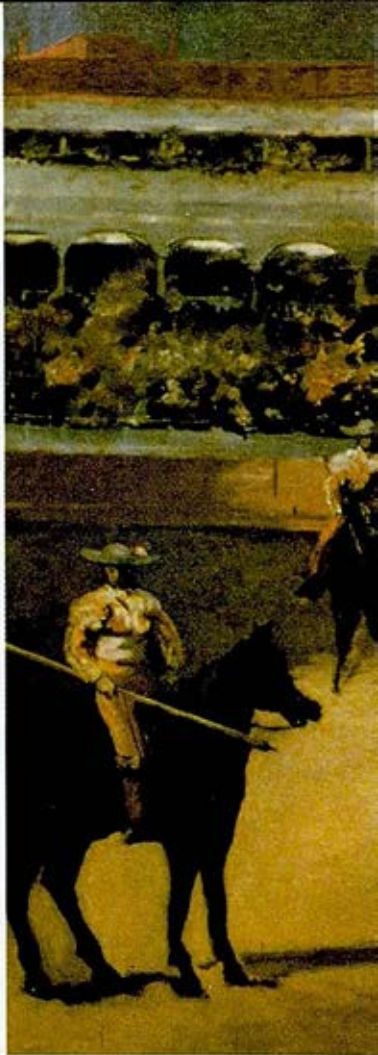
популярного тогда Тома Кутюра — заурядного, но чрезвычайно плодовитого академиста.

Работа по призванию резко меняет характер Мане: из легкомысленного и ленивого он превращается в терпеливого и въедливого ученика. По утрам аккуратно посещает сеансы в мастерской Кутюра, вечерами ходит в так называемую свободную академию, и главное — где только можно, рисует. Проходит время, и у этого остроумного, всегда веселого и элегантно одетого молодого человека появляется имя. Его смелые и яркие живописные работы все выделяют, о них говорят. Сам маэстро, господин Кутюр, ревнует его к успеху.

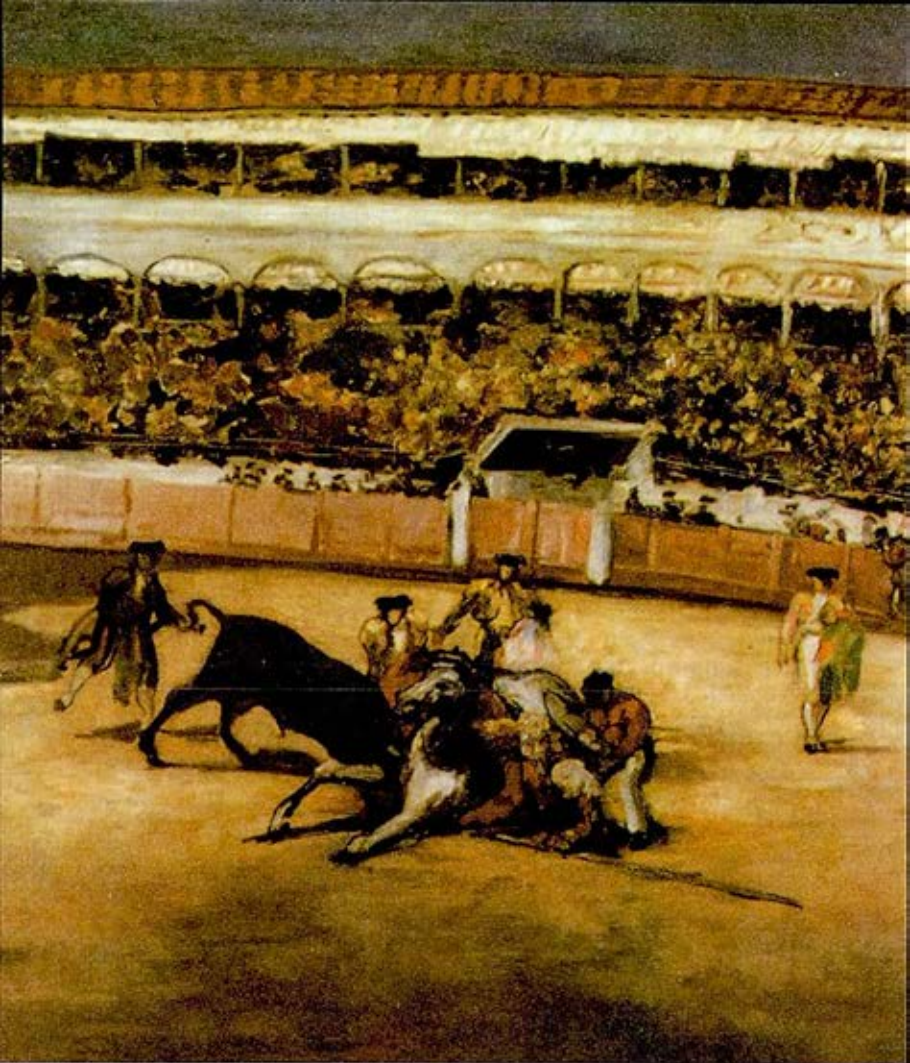
Однажды в мастерской Кутюра позировала хорошенькая натурщица — рыжая Мари. Мане с блеском написал с нее этюд и даже сорвал аплодисменты товарищей. Кутюр же сделал вид, что этюда не заметил. Правда, потом он все-таки насмешливо заявил: “Вы никогда не научитесь делать то, что видите!” На что Мане в ярости выпалил: “Я делаю то, что вижу, а не то, что нравится видеть другим. Я делаю то, что есть, а не то, чего нет”.

В этот же период у Мане завязывается роман с одной приезжей голландкой. Роман разворачивается по старой, как мир, и избитой схеме: она — очаровательная, но бедная девушка, вынужденная зарабатывать уроками музыки, он — сын преуспевающего господина, который эти уроки берет. Финал неизбежен. Сюзанна Ленхоф, так звали прелестную голландку, оказывается “в положении”, Эдуард боится раскрыть тайну отцу. Он долго лавирует между любовью к Сюзанне и сыновним страхом, но наконец признается в своих прегрешениях матери. Та расстраивается, но прощает.

29 января 1852 года на свет появляется мальчик — плод незаконной, но пламенной любви. Чересчур осторожный и боязливый Мане не решается зарегистрировать его под собственным именем, и мальчику присваивают фамилию никогда не существовавшего Козлла. Отныне он будет носить ее всю жизнь, а настоящая мать считаться ему старшей сестрой. Невенчанная жена Мане обосну-

ется вместе со своей матушкой, спешно прибывшей из Голландии, в уютной квартирке в квартале Батиньоль, и Мане станет вести вместе с ними “почти супружеский” образ жизни.

Между тем шли годы. Мане сотрудничал с мастерской Кутюра уже шесть лет, но большого удовлетворения не испытывал. Кутюр был, несомненно, мастер своего дела, отличный ремесленник, но все, что он ни делал, по-видимому, Мане не устраивало. Ему хотелось двигаться вперед, открывать какие-то собственные пути, и в 1856 году он уходит от Кутюра.

Теперь Мане делит мастерскую вместе с неким приятелем-аристократом, графом Альбером де Баллеруа. Чтобы подучиться живописи, он совершает своего рода учебное путешествие — едет

Бой быков. 1865.

в Гаагу, где копирует “Урок анатомии” Рембрандта, потом в Амстердам, в Германию, посещает Кассель, Дрезден, Вену и Прагу и повсюду внимательно штудировал художественные ценности. Возвратившись в Париж, по второму кругу едет в Венецию и Флоренцию.

Через два года, в 1858-м, его знакомят с великим и скандальным поэтом Франции — Шарлем Бодлером. Казалось, трудно найти двух более разных людей: один — респектабельный, молодой и стремящийся к успеху, другой — автор на шумевших “Цветов зла”, наркоман и безнадежно больной человек. И тем не менее они быстро сходятся. За приятной внешностью благополучного молодого человека Бодлер угадывает незаурядную художественную натуру, талант и подлинный живописный темперамент. “Этот человек, — пророчески восклицает он о Мане, — будет живописцем, тем настоящим живописцем, который сумеет ухватить в современной жизни эпическую сторону; он заставит нас увидеть и понять, как мы велики и поэтичны в своих галстуках и лакированных ботинках”. Однако вряд ли кто-нибудь в ту пору согласился бы с Бодлером, уж больно далек был Мане от образа великого живописца. Хотя сам он, без сомнения, стремился доказать противоположное.

В апреле 1859 года открывался очередной Салон, и Мане решает для выставки написать картину с оригинальным, новым и свежим сюжетом, поразившим бы современников. В это время, почти ежедневно бродя по Лувру, он натывается на живописную фигуру: высокий и худощавый, одетый в некое подобие длинного причудливого плаща и с пыльным цилиндром на голове, этот странный персонаж оказался обыкновенным старьевщиком и охотно согласился ему позировать.

Всю последующую зиму Мане самым усерднейшим образом трудится над портретом старьевщика, убежденный, что создает шедевр в духе любимого им испанца Веласкеса. И действительно, большое полотно, названное “Любитель абсента” и своим темным колоритом, и, главное, монументальной позой старьевщика и его каким-то горделивым величием, несмотря на жалкие одежды, напоминает классику и старые музейные картины.

Увы, то, что ныне воспринимается несомненной и устоявшейся классикой, тогда било по глазам и шокировало новым подходом к современности. Увлеченный работой и убежденный в собственной правоте, Мане приглашает к себе на просмотр Кутюра; ему крайне важно услышать мнение почтенного человека. Но Кутюр, всю жизнь писавший чистенькие и гладкие исторические картины, увидел в шедевре лишь портрет алкоголика и не более. “Друг мой, — говорит он смутившемуся Мане, — я вижу только пьяницу — и создал эту гнусность художник”.

Трудно представить себе более сильный удар, нанесенный самолюбию молодого художника... Это его первая большая самостоятельная работа, его вызов и надежда на успех, и вдруг — такое

глупое непонимание... жалкие замечания и от кого? От его же собственного учителя.

Его уверенность в себе сильно поколеблена, но еще теплятся надежды на грядущий Салон, может, там его поймут и оценят? Увы, в Салоне история повторяется: первое и любимое детище отвергнуто всеми членами жюри, за исключением Делакруа...

Это было его первое и страшное поражение, сколько их еще будет потом... Сколько ненависти, раздражения, неприятия выльется на него и сколько сил потребуется, чтобы выдержать непрерывный шквал обвинений.

С трудом Мане выходит из отчаяния, снова рвется в бой.

Однажды, гуляя по светскому, изысканному парку Тюильри, где всегда толпится красивая и нарядная публика, Мане задумывает большую картину, в которой выразилось бы это счастливое настроение праздника и беспечности. Пестрые, разноцветные наряды, шум толпы, музыка и никакого определенного сюжета, никакого жанра, просто красота живописных пятен и только.

Друзья, в числе них и Бодлер, принимают картину сдержанно и прохладно, и Мане решается написать что-нибудь более устоявшееся и классическое. Например, портрет отца и матери. Он усаживает постаревшего и больного отца в семейное кресло, сзади него ставит мать с традиционной корзинкой шерсти для вязания. Получилось очень красиво, живописно и классично.

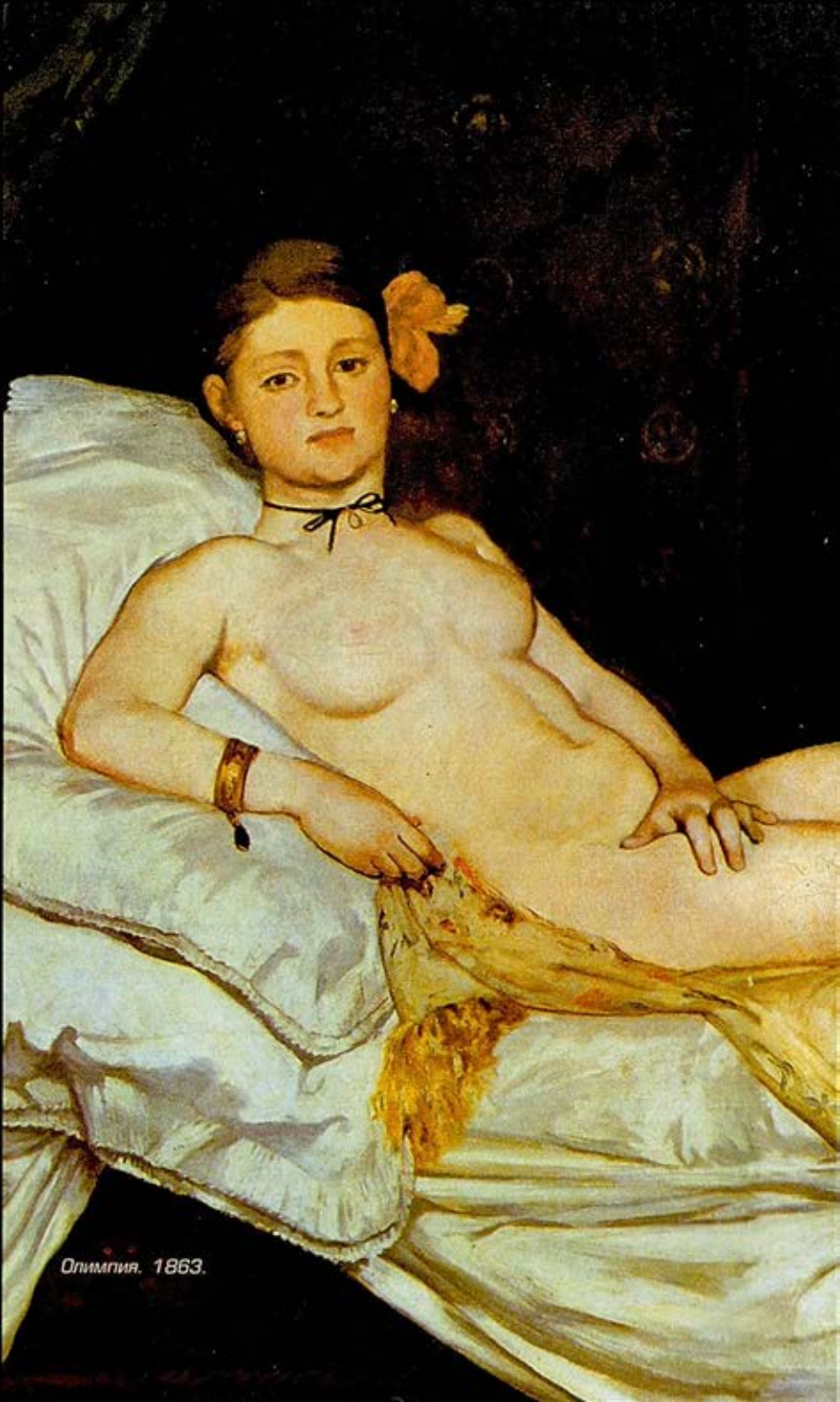
А вдогонку двойному портрету пишет в духе старых мастеров чудесного "Гитарреро" — испанца-натурщика.

Уверенный в успехе, он, беспечный и довольный, подает эти чудные вещи в Салон — и выигрывает! Наконец-то он добился своего — его поздравляют, с ним желают познакомиться — что может быть слаще для живописца.

Окрыленный успехом, Мане готов покорить теперь весь мир. За два года, оставшиеся до следующего Салона, написал большое количество отличных работ: лиричнейшего "Читающего", "Лолу из Валенсии", великолепный портрет смуглой возлюбленной Бодлера, возлежащей на диване в каком-то просто непомерном платье, но, главное, свою первую знаменитую работу — "Купание" или "Завтрак на траве", огромное полотно, сюжет, навеянный ему известным джорджоновским "Концертом".

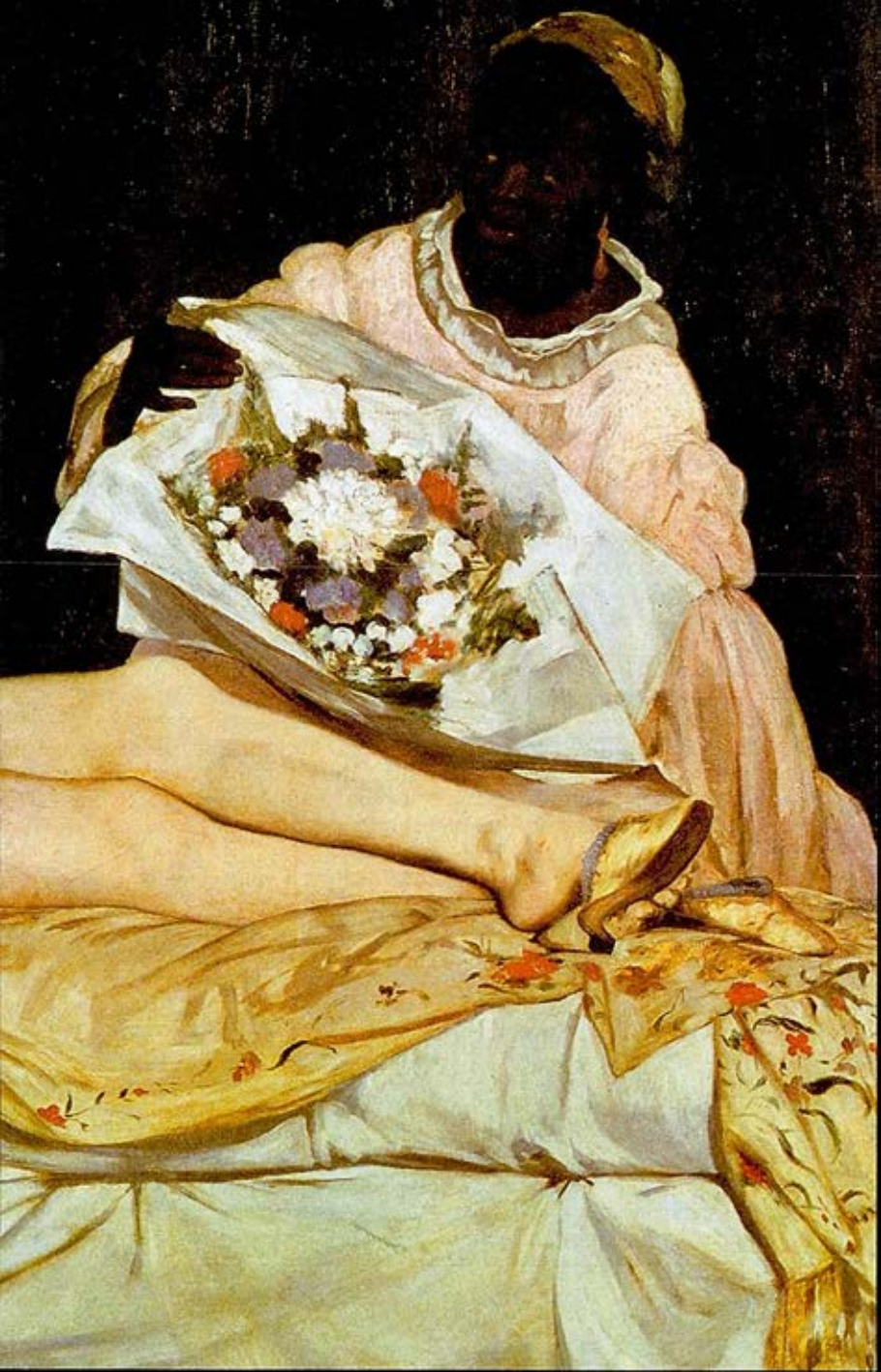
Потрудившись на славу, шлет свои картины в Салон, но на сей раз получает жестокий отказ. Все его честолюбивые мечты разлетаются в прах! Единственным утешением может служить лишь то обстоятельство, что обидели не его одного. Сотни художников очутились безвинно за бортом...

Весть о массовом недовольстве достигла ушей императора, и, о чудо, вышел беспрецедентный по своей либеральности указ, отныне разрешающий выставляться всем отвергнутым живописцам. Революционное известие моментально облетело художественный Париж и вызвало бурю ликования. По воспоминаниям современников, ошалевшие от свалившегося на их голову счастья, худож-

Олимпия. 1863.

ники “смеялись, целовались и плакали... Весь мир художников, от эспланады Обсерватории до Мулен-де-ла-Галлет, пребывал в великом возбуждении”.

Правда, кое-кто все-таки опасался выставляться в Контрсалоне, дабы не поссориться с основным, но Мане оказался не из робких. Ему не терпелось помериться силами со своими врагами. И вот, в мае 1863 года, Салон отвергнутых услужливо распахивает двери перед зрителями, и распаленную любопытством публику пускают внутрь.

Ах, какое зрелище! Подобного скандала Париж не видел давно. Публика рыдала, давилась и умирала от смеха — никакие ярмарочные бородатые женщины и уроды не могли бы вызвать в толпе подобного энтузиазма. Самый большой “успех” пришелся, пожалуй, на долю несчастного Мане и его известного теперь на весь мир полотна — “Завтрак на траве”.

Мане в отчаянии. Он не отдавал себе отчета, что представление о хорошей живописи далеко опережает его время, и ему придется за это расплачиваться.

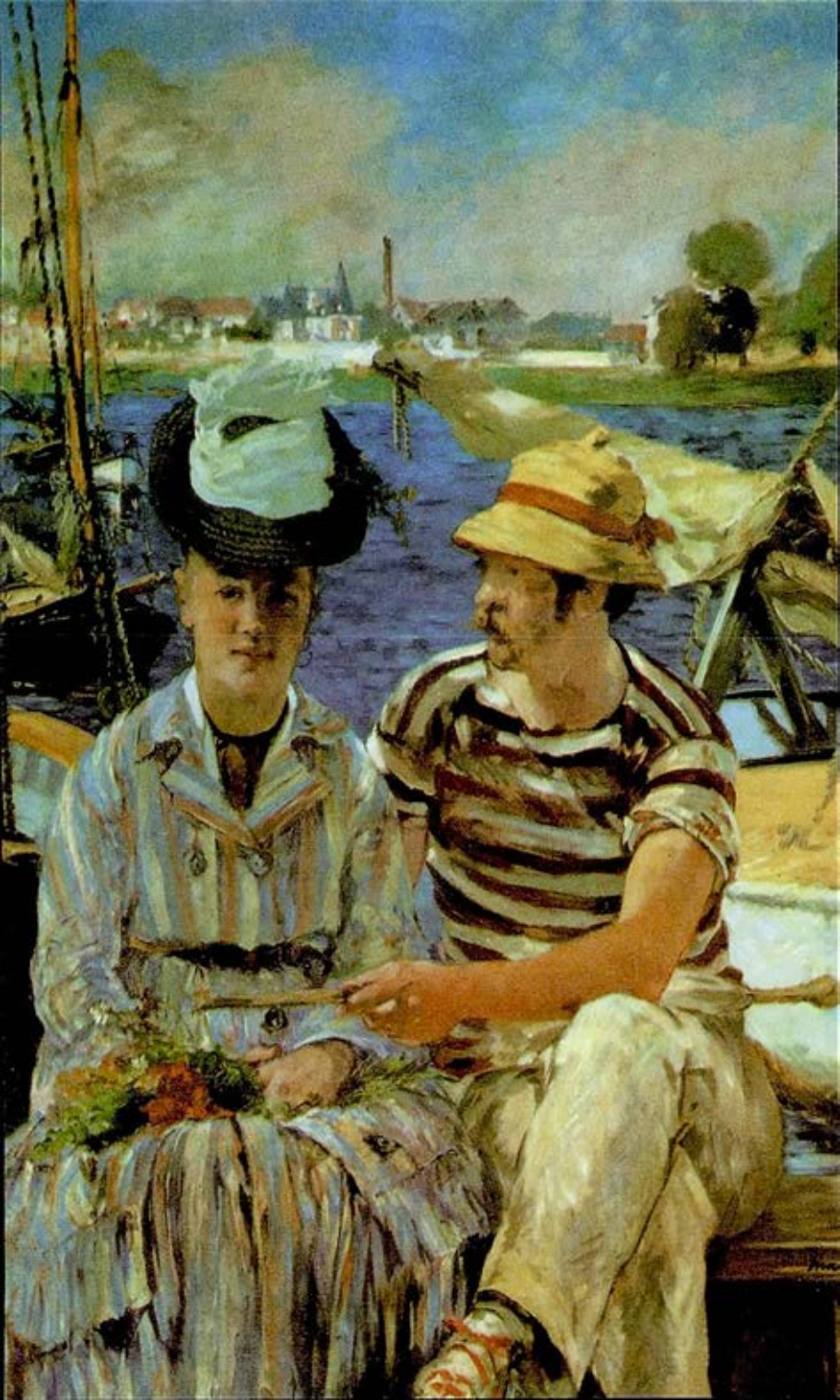
Тем не менее он снова рвется в бой и мечтает о реванше, вновь хочет показать всему миру, на что способен. Мане перебирает один сюжет за другим, пока не останавливается на классическом, который, по его мнению, без труда покорит Академию. Источником вдохновения и примером служит знаменитейшая “Венера Урбинская” Тициана. Классическая картина, но он сумеет переосмыслить ее на современный лад: он вообще любил цитаты и заимствования из классиков, ни в коей мере не считая такие переосмысленные, переиначенные заимствования плагиатом. В качестве модели приглашает натурщицу: маленькую, хрупкую и изящную блондинку Викторину Меран, совсем не похожую на пышнотелых тициановских красавиц. Мане познакомился с ней у одного из своих приятелей. Девушка сразу приглянулась ему незаурядной внешностью: большие, орехового цвета глаза, дерзкий, вызывающий и чувственный взгляд.

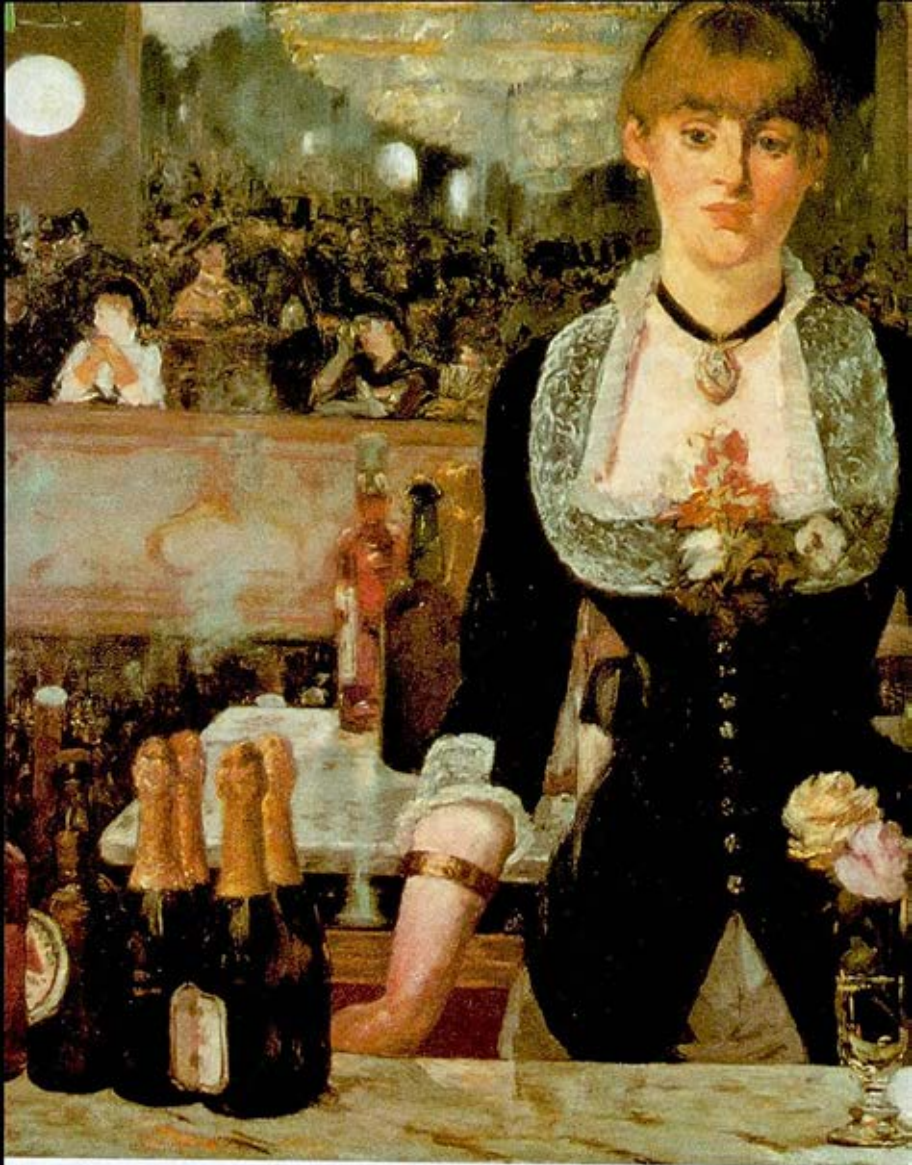
Мане она заинтересовала не только как удобная, красивая модель, но и как женщина. Между ними возникла связь, о которой говорил тогда весь Париж, но о которой так и не узнала его милая Сюзанна. Впрочем, волочиться за женщинами было вполне в характере Мане, и Сюзанне оставалось только мириться с этим.

Так же как Тициан, Мане положил свою маленькую Викторину на ослепительно белые простыни, но в отличие от великого венецианца придать лицу своей тонкой красавицы не выражение томительной неги и лени, а что-то вызывающее и порочное. Как будто жрица современного Парижа бесстыже возлежала на своем царственном ложе.

Чтобы оживить картину, он поместил у ног Викторины служанку с роскошным букетом цветов, превращенную по совету Бодлера в негритянку, дабы ее светлая кожа не отвлекала от главного действующего лица, и черную кошку, любимицу Бодлера и

Мане. Полотно написано на одном дыхании — легко и вдохновенно, как пишется, собственно, все настоящие шедевры. Тем не менее художник был настолько подавлен прошлой критикой и разгромами, что решает не выставлять свою лучшую работу, прячет ее в угол мастерской.

Между тем в личной жизни художника намечаются перемены. Его старый, больной отец наконец умирает, а вместе с ним умирает и причина скрывать свою тринадцатилетнюю связь. В

Бар Фолли-Бернер. 1882.

наследство от отца ему достается кругленькая сумма — около 70 тысяч франков, и он спешит упорядочить свои отношения с Сюзанной.

Венчание назначили на конец октября 1863 года в нидерландском городке Залт-Бомме, и Бодлер спешит поведать своему близкому приятелю: “Мане только что сообщил мне сверхнеожиданную новость. Сегодня вечером он уезжает в Голландию, откуда возвратится с женой. Все же он достоин снисхождения, так как, по слухам, жена его красива, очень добра и к тому же превосходная музыкантша. Сколько достоинств в лице одной особы женского пола — не слишком ли это?”

Единственный человек, нисколько не выигравший от изменившегося положения, двенадцатилетний сын Мане и Сюзанны — Леон Козлла. Мане так и не решился “обнародовать” свою многолетнюю связь с голландкой и внушал всем своим друзьям и знако-

мым, что Леон — всего лишь малолетний брат Сюзанны.

Мане с радостью погрузился в семейные хлопоты. Вместе с Сюзанной они переселяются в хорошенькую квартирку на бульваре Батиньоль и с удовольствием начинают устраивать свои приемы. Матушка Мане обожает принимать гостей и ценит талант невестки-музыкантши. В общем, все идет хорошо, если бы не “утроза” очередного Салона. По совету Бодлера, он рискует выставить на нем свою несравненную “Олимпию”.

Наконец наступает первое мая — торжественный день открытия Салона. И на Мане выливается ушат грязи и издевательств. Даже отвратительный прием, устроенный его несчастному “Завтраку на траве”, кажется ему ласковой песней по сравнению с той ужасной травлей, которую ему устроили сейчас.

“Что за одалиска с желтым животом, — спрашивал про его изящную “Олимпию” один репортер, — жалкая натурщица, подобранная бог знает где?” “Никому и никогда не доводилось видеть собственными глазами более циничного зрелища... — вторил ему другой. — Беременным женщинам и девушкам следовало бы избегать таких впечатлений”.

“Самка гориллы”, “гнусные выверты”, порнография — обидные, несправедливые и больно бьющие слова нужно было слушать в благодарность за создание одной из самых красивых вещей в XIX веке. У кого бы хватило характера и нервов, чтобы выдержать подобное? И Мане не выдерживает — сомневается, комплексует и нервничает. В отчаянии жалуется Бодлеру: “Как бы я хотел, чтобы вы были здесь. Ругательства сыплются на меня градом, еще никогда на мою долю не выпадало такого праздника... От этих криков можно оглохнуть, но очевидно одно — кто-то здесь ошибается”. Бодлер отвечает ему суровой отповедью. “Над вами смеются, — пишет он, — насмешки раздражают вас, к вам несправедливы и т.д. и т.п. Вы думаете, что вы — первый человек, попавший в такое положение? Вы что, талантливее Шатобриана или Вагнера? А ведь над ними издевались ничуть не меньше”. Это письмо Мане будет помнить всю жизнь, и оно его хотя бы отчасти утешит.

Но — жизнь по-прежнему продолжалась, и, подавив горечь, Мане уехал в Испанию. Вернувшись, пишет одну из самых лучших и совершенных вещей — портрет мальчишки-флейтиста. Живой, зеленый колеблющийся фон и словно углем обведенная фигура музыканта. Сколько здесь простоты, обаяния и музыкальности линий!

Мане усердно работает, пишет, а жизнь тем временем преподносит ему приятный подарок. Кто-то приводит к нему в гости двух очаровательных девушек-сестер, Эдму и Берту Моризо, с увлечением занимающихся искусством. Обе девушки были так одарены, что после первых же уроков, взятых ими у какого-то художника, тот прибежал к их матери и сказал, что, если так и дальше пойдет, они станут настоящими профессионалками и это будет революцией в их респектабельно-благополучном мирке.

Правда, Эдма вскорости вышла замуж и оставила живопись, а вот Берта, похоже, с живописью расставаться не желала. Когда Мане с ней познакомился, ей было уже двадцать семь. Кажется, они сразу оценили и поняли друг друга. Берта не сомневалась в гениальности Мане, а тот в свою очередь восхищался ее живописью. Он первой поведал ей о своем намерении писать “Балкон”, картину в духе гойевских “Мах на балконе” и предложил позировать для одной из фигур.

С этого собственно и начался их вполне невинный, тихий и платонический роман. В сопровождении матушки Берта обычно приходила к художнику, и он переносил на полотно ее длинное белое платье и серьезное, строгое лицо. Такой она и осталась навечно в его "Балконе", облокотившейся на ярко-зеленые перила и смотрящей вниз — как будто на него.

Их нежные, романтические отношения продлились еще несколько лет, влюбленный Мане напишет десяток портретов с нее, а потом Берту выдадут замуж за его брата Эжена, и на этом вся романтика кончится.

Впрочем, наступило время, когда Мане, да и всем остальным, стало не до романтики и любви. В конце 1870 года Наполеон III объявил войну Пруссии. Мане, охваченный чувством патриотизма, отправив семью в провинцию, остается в Париже. Участвует вместе со всеми в охране укреплений, спит на соломе и голодает. В феврале 1871 года он уезжает из столицы, но в конце мая, привлеченный слухами о гражданской войне и падении Коммуны, возвращается.

То, что он видит в разгромленном городе, ужасает. Горят Дворец правосудия и Счетная палата, слышны залпы орудий, он наблюдает дикие сцены расстрелов и мертвые тела, разбросанные вокруг. В конце концов нервы не выдерживают, и его друг, доктор Сиреде, советует художнику срочно выбраться из страшного города. Мане уезжает к морю, которое, как и всегда, успокаивает и убаюкивает его.

Несчастья как будто преследуют его, но совсем неожиданно и ему улыбается удача. Как-то он поведал о своих горестях одному приятелю, преуспевающему живописцу, живущему в отличие от него на широкую ногу. Мане попросил приятеля повесить у того дома пару своих полотен, авось какой-нибудь богатый клиент польстится и клюнет. Результаты превзошли все ожидания.

В роскошную гостиную художника заглянул известный торговец картинами Дюран-Рюэль, моментально оценил живописные достоинства полотен Мане и тут же купил их. На следующий день он бросился уже к самому Мане и скупил у него 23 картины на общую сумму в 35 тысяч франков, а еще через несколько дней докупил картины на сумму в 16 тысяч.

Вне себя от счастья, Мане бросился в родное кафе Гербуа, где собирались только свои, живописцы, и объявил, что за неделю заработал 51 тысячу золотых франков. Окрыленный фантастически удачными распродажами, он захотел укрепить успех в Салоне. Тут же в кафе Гербуа нашел себе и подходящую модель — литографа Эмиля Белло, тучного и добродушного человека. Мане усаживает его за столик в кафе — с трубкой во рту и с традиционной кружкой пива в руке — и пишет с него своего знаменитого "Курильщика".

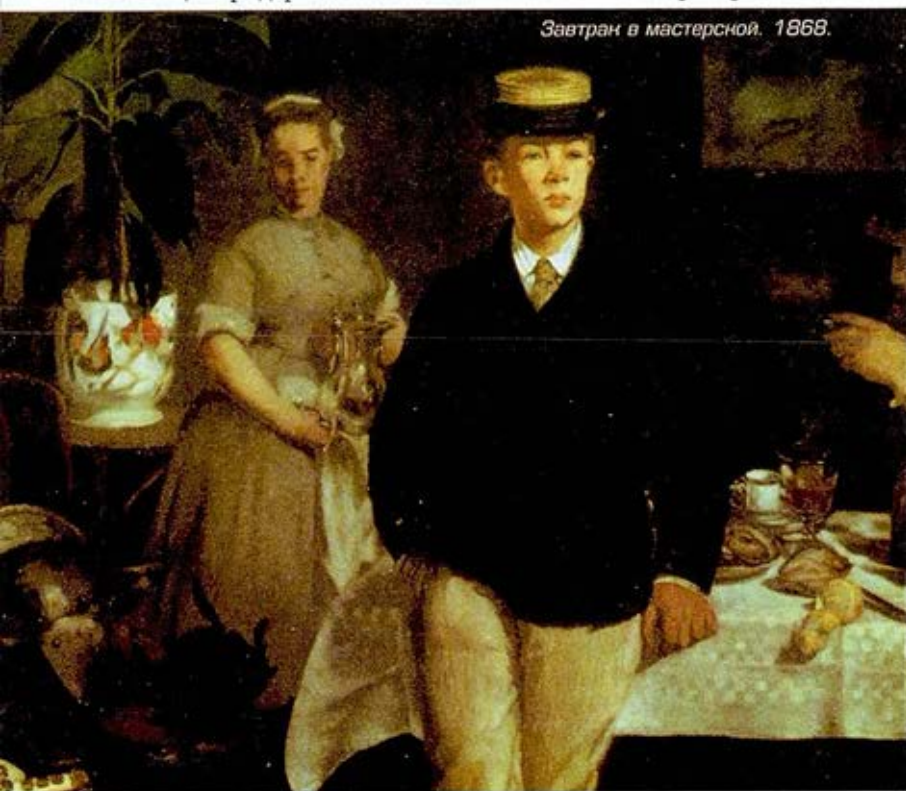
Портрет действительно вышел на славу, и Мане ждал полный успех, — это едва ли не единственный случай, когда высокомер-

ный и гордый Салон безоговорочно принял его работу. Симпатичная, милая вещица с добродушным курильщиком пришлась по вкусу всем: репродукции с нее украшали книжные и табачные лавки и даже пивные.

Мане был доволен, наконец-то сбылась его заветная мечта — стать признанным, хорошо оплачиваемым живописцем. Стоит еще чуть-чуть поднажать, и ему, пожалуй, дадут медаль, в таком случае он сможет выставляться вне конкурса. Однако его друзья-живописцы придерживаются иного мнения. Они презирают вы-

Завтрак в мастерской. 1868.

дохшийся и устаревший Салон и хотят организовывать альтернативные выставки. Мане сопротивляется, между художниками происходят стычки, до последнего момента он верит, что Салон примет его, и он станет своим, но не тут-то было...

В начале мая 1874 года до него доходит ужасная новость — Салон отклонил две его последние работы: “Ласточки” и “Бал-маскарад”. Новое унижение приводит его в ярость, и он соглашается выставиться вместе с бунтовщиками. Увы, эта выставка, после которой их всех прозвали импрессионистами, оправдала худшие

ожидания. Народ шумел и возмущался на ней, как и в худшие времена “Олимпии”.

После окончания выставки Мане уезжает на берега Сены вместе с Клодом Моне. Очарованный нарядными, праздничными работами Моне и царящей вокруг атмосферой праздности и веселья, он устанавливает свой мольберт на берегу реки и тоже пишет великолепные пленэрные работы. Самые известные из них — “В лодке” и “Аржантей”.

Мане любит все праздничное, яркое и веселое, ему импонируют женщины, деньги и успех. Так хочется быть понятым своими современниками, и так трудно найти с ними общий язык. И когда это все-таки происходит, он радуется, как ребенок.

Однажды на выставке, устроенной в собственной мастерской, он услышал, как приятным женским голоском кто-то произнес возле его картин: “Но ведь это же очень хорошо!” Мане выглянул из-за занавески и увидел элегантную женщину. Ею оказалась Мери Лоран, возлюбленная знаменитого доктора Эванса, одна из красивейших женщин Парижа.

Мане и Мери тут же познакомились, и их знакомство переросло в красивый, легкий роман. Словно мальчишка, он тайком посещает роскошно убранную квартиру Мери, когда по вечерам отсюда удаляется Эванс. Возможно, именно этой связью навеяна картина Мане “Нана”, где подсмотрена живая, интимная сценка: богатый, важный господин наблюдает за одеванием своей ветреной возлюбленной. Правда, в роли кокетки ему позировала не Мери Лоран, а другая известная парижская куртизанка — Генриэтта Хаузер, любовница принца Оранского.

За нарядную, красивую и такую живую картину Мане тогда тоже досталось. В который раз его обвиняли в безнравственности и порнографии и поливали грязью вместе с его другом Золя. “Все эти Золя и Мане, — писала пресса, — импрессионисты и натуралисты — одного поля ягоды: сборище нарушителей покоя и коммунаров”.

Впрочем, скоро все эти неприятности, заботы и хлопоты отошли для Мане на второй план. В сорок шесть лет, в самый расцвет жизни, он почувствует сильные боли в левой ноге. У него начались головокружения и сильные головные боли. Однажды, возвращаясь домой из мастерской, он от резкой боли в пояснице упал на тротуар. Доктор Сиреде скрывает от него диагноз, но Мане скоро все узнает: атакия — страшная болезнь, от которой умер в жутких муках его друг Бодлер. Он мучительно копается в собственном прошлом, пытаясь найти причину болезни. Неужели виной всему давняя прогулка по джунглям Бразилии, когда его укусила змея, или та чернокожая рабыня, которую он любил во время карнавальных веселий?

С тех пор его жизнь превращается в непрерывную борьбу со страданием и смертью. Жизнерадостный, веселый и легкий, он верит, что сможет одолеть болезнь. Отчаянно много работает, пытаясь за-

глушить и боль, и тревогу. Когда нет сил стоять на ногах у мольберта, хватается за постель и все равно работает, работает и работает.

Из-под его карандаша выходят портреты очаровательных женщин — дам полусвета и его хороших знакомых, которые с утра до вечера толпятся в мастерской. “Изабелла с розой”, “Изабелла с золотой булавкой”, “Изабелла в вечернем туалете”. Ну кто бы мог подумать, что человек, пишущий таких здоровых и беззаботных красавиц, сам страдает жестокой болезнью.

К очередному Салону 1881 года Мане готовит две большие работы, причем одну из них довольно задиристую. На ней он намерен изобразить бежавшего с каторги коммунара. Снова, как и в былые времена, рвется в бой и на этот раз — побеждает. Жюри Салона, а среди них уже много новых и молодых художников, отдает предпочтение Мане, и он получает вторую медаль, дающую право выставляться вне конкурса. Преодолевая боль в ноге, он отправляется благодарить всех семнадцать членов жюри, проголосовавших за него. Оживленный и радостный, начинает новый холст, который называет символически — “Весна”.

А между тем боли усиливаются, он вынужден прибегать к наркотикам, и врачи предостерегают его от слишком беспорядочного лечения. На лето Мане уезжает в Версаль — писать на природе, а по возвращении в Париж узнает, что по городу ходят о его здоровье самые мрачные слухи. Тогда назло всем, и себе и болезни, он пишет одну из самых красочных, нарядных и легкомысленно-беспечных картин — “Бар в Фоли-Бержер”. Стойка бара, уставленная бутылками с яркими этикетками, огромный зал, хрустальные люстры и рыжеволосая Сюзан, обтянутая черным бархатным жакетом. Все то, что так любил в своей жизни Мане.

Пока он писал эту работу, приходит и еще одна счастливая весть. 30 декабря 1881 года новое правительство награждает его орденом Почетного легиона. Ирония друзей-импрессионистов по этому поводу не могла омрачить радость, он всегда добивался официального признания и наград. Мане ликовал от счастья, и лишь тяжелая, неотвратимая болезнь отравляла минуты долгожданного торжества.

Еще больше года длилось противоборство художника и болезни. До последнего момента он упорно писал все для того же Салона. Когда не было сил делать большие вещи, писал цветы, которые ему охотками приносили в мастерскую. “Мне хотелось бы написать их все”, — говорил он с восхищением о цветах.

Накануне Пасхи, 24 марта, Мане пишет свой последний женский портрет, приходит домой и больше не встает. К утру его нога становится черного цвета: начинается гангрена. Через три недели врачи принимают решение — ампутировать левую ногу, другого выхода у них просто нет.

Операция проходит как будто успешно, но 29 апреля 1883 года у Мане начинается агония. Священник приходит его соборовать, и на следующий день он умирает на руках у сына. ■

Мария МЕЛЬНИКОВА

“Где обедал,
воробей?”

В зоопарке у зверей”...

“Ой, мама, смотри: тут и воробьи есть!” — восторженно вопит малыш. Мама (раздраженно): “Да что тебе воробьи, воробьев и на улице увидеть можно. Ты смотри на то, чего на улице нет!”

Действительно, уж если выбрали совершить экскурсию по ознакомлению с живой природой, то нечего отвлекаться по пустякам. Благо в Московском зоопарке полно экзотических морд, которые уютно и с комфортом расположились, после капитальной реставрации, в новых загонах и

стеклянных вольерах. Клеток с решетками практически не осталось, а подсобные помещения замаскированы под миленькие каменные гроты. Так вот, об экзотике. Например, напибара. Выходец из Южной Америки считается самым крупным грызуном в мире. То есть это просто мышка, только ростом с небольшого поросенка. Но главное в напибаре не шерсть, а выражение "морды-лица". Вообще, у многих животных с "портрета" довольно легко прочтываются разнообразные эмоции: ирония, надменность, наивность... Напибара же погружена в постоянное философское раздумье, спокойна и отрешена от мирской суеты. Может, ей действительно есть о чем поразмышлять? А вот павильон "Ночной мир". Внутри ти-

шина, темнота — полная иллюзия ночи. Слабо освещены только стеклянные вольеры. На песчаном холме в красноватом свете лампы застыло существо с другой планеты. Покрытое мехом, абсолютно круглое тело на четырех тоненьких ножках, уши-антенны. Спереди хоботок, как у всех инопланетян из фантастических фильмов. Покрасовавшись с минуту на холме, "пришелец" бесшумно исчезает за его гребнем. Оказывается, это жирнохвостая песчанка, обитающая в Азии.

Московский зоопарк старейший в России. Основан в 1864 году Всероссийским императорским обществом акклиматизации растений и животных с целью "приспособления зверей к российским условиям", ну а заодно для ознакомления населения с животным царством. Содержали зверей на добровольные пожертвования членов общества, простого народа, меценатов, среди которых бы-

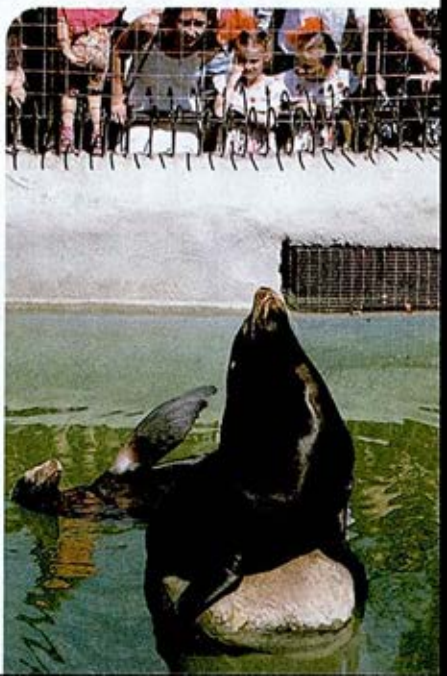

ли Юсупов и семья Феррейнов. Правительство также не осталось в стороне: выделило тысячу рублей золотом, кстати, не такая уж большая по тем временам сумма.

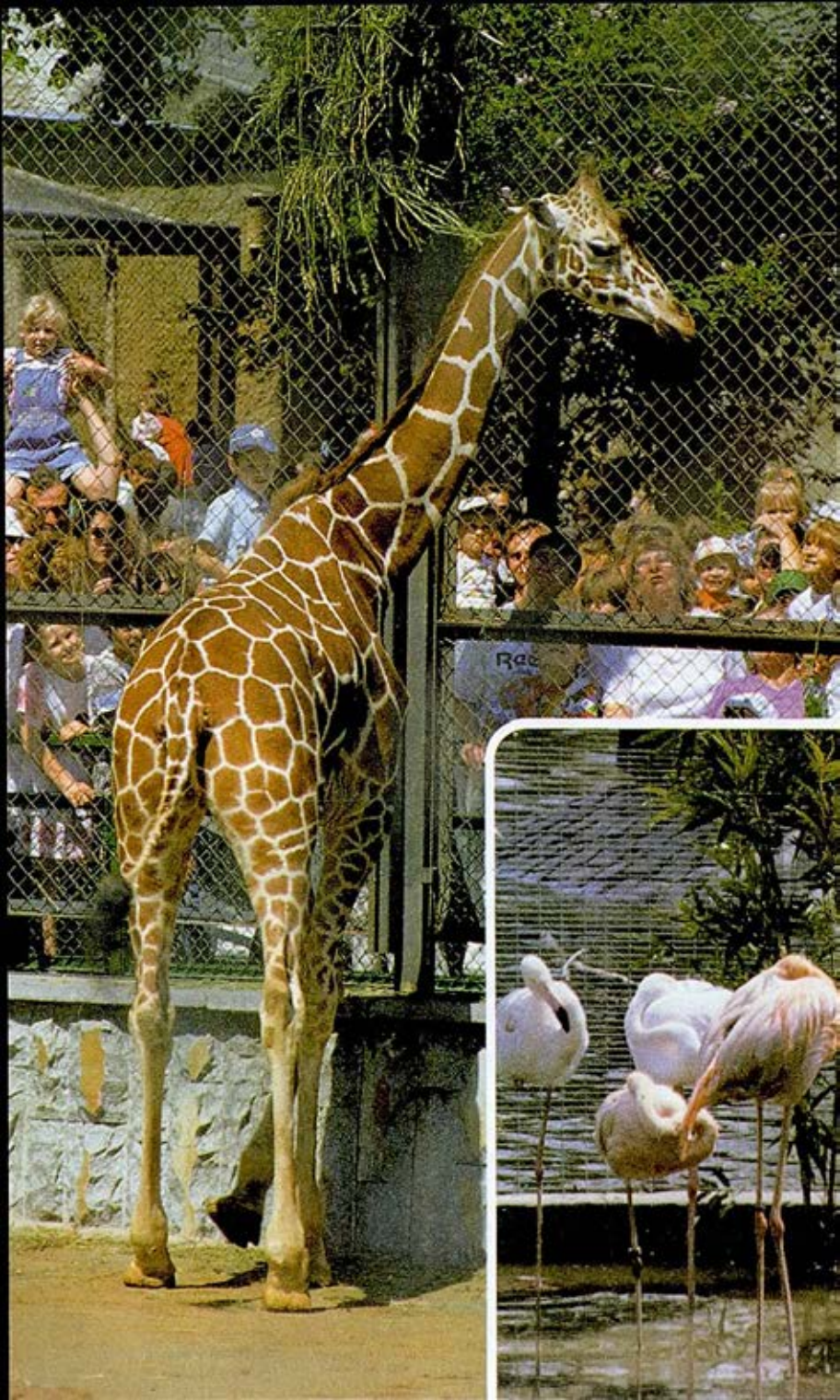

Первоначально зоопарк насчитывал двести с лишним экземпляров животных, привезенных с разных концов света. Уже в 1907 году в нем успешно размножались львы, яки, антилопы-зебу и пони. Здесь можно было не только любоваться на зверей, но и покататься на лодках летом и на коньках зимой, посмотреть выставки собак, кроликов, голубей. Все это устраивалось для привлечения посетителей, так как в то время Москва еще не распухла до немислимых размеров, и зоопарк еще не находился в центре. В 1919 году его национализировали, а в 1922 передали в ведение Моссовета. Он и по сей день находится в распоряжении Правительства Москвы. Как ни удивительно, но годы

войн, революций и потрясений зоопарк пережил спокойно. Во время Великой Отечественной продолжал работать, его посетило полтора миллиона человек.

На вопрос о насущных проблемах сотрудники зоопарка уверенно ответили, что проблем никаких нет, а есть только временные сложности. Самая главная связана со слонником, а точнее, с его отсутствием. Ситуация почти абсурдная: в зоопарке есть слоны — семь африканских и три азиатских, а показать их посетителям нельзя. Старый слоний вольер разрушили за непригодностью во время реконструкции, а на постройку нового не хватило денег. И живут в основном зоопарке семь самых больших наземных млекопитающих планеты совершенно невидимо для народа. Интересно, а не скучают ли

слоны без посетителей? Оказалось, что без нас спокойно обходятся не только слоны, но и все обитатели. Не зря же животным предоставляется "выходной" день, чтобы отдохнуть от нашего внимания.

Хотя дела в зоопарке идут хорошо, каждому желающему пре-

доставляется возможность по-
быть меценатом, как в старые
времена. Вот уже четыре года
действует программа "Возьми
опеку над животным". Любая ор-
ганизация или частное лицо могут
взять "шефство" над понравив-

шимся обитателем зоопарка, ежемесячно выдавая деньги на его содержание. Поскольку в Московском зоопарке живут совершенно разные животные, "наедающие" в месяц на разные суммы, вам легко можно будет подобрать зверя, опека над которым не разорит семейный бюджет. Если крупная фирма оплачивает содержание медведицы, то группа школьников может позаботиться о красном ибисе. Поскольку, как говорилось выше, проблем с питанием и лечением в зоопарке нет, ваши деньги пойдут на то, что в администрации зоопарка называют очень красиво: "расширение научно-просветительских программ в области природоохранного образования". На деле это висящие над каждой клеткой или вольером нарядные таблички, где популярно объясняется, где данный зверь живет, что жует, сколько у него детенышей, и сообщаются прочие интересные факты. Так что вы будете

помогать не только зоопарку, но и содействовать полезному делу народного просвещения. Английский зоолог Джеральд Даррелл писал в своей книге, что видел в зоопарке (где таких табличек не было) мальчишка, кричащего у клетки с тигром: "Мама, мама, посмотри на эту зебру!"

Одними табличками приобщение посетителей зоопарка к знаниям не ограничивается. Если вы не можете прийти в зоопарк и просветиться, то стоит только захотеть и заплатить и к вам по вызову придет

специальный сотрудник, привезет животное (дрессированное настолько, чтобы не укусило, ничего не разбило и нигуда не убежало) и все про него расскажет. Тигра или медведя "на дом" заказать, конечно, нельзя, а вот зайца, ежа, орла или мангуста — пожалуйста. Если же мангусты не вызывают у вас теплых чувств, то можно заказать лектора без мангуста: он в популярной форме расскажет о животном мире. Чаще всего подобными услугами зоопарка пользуются школы, детские сады, детские дома. Но что вам мешает, например, порадовать заболевшего ребенка или преподнести кому-нибудь оригинальный подарок на день рождения?

Профессия сотрудника зоопарка — героическая. Это и выращивание саранчи и кормовых таранов на корм зверям, и выхаживание детенышей, и, что самое сложное, защита животных от чрезмерной, защитительной любви. Воспоминание из детства: зоопарк, лето, вокруг вольера огромное количество людей, а внутри несколько куланов и очень сердитый сотрудник с метлой, отгоняющий от решетки животных, кричащий на посетителей, грозящий и тем и дру-

гим всеми мыслимыми и немыслимыми расправами, но все равно не имеющий возможности помешать людям кормить куланов тем, от чего у них бывает несварение желудка и отравления. Последнего посетителя, к сожалению, не понимают. Известен случай, когда пожилые супруги ответили на вопрос возмущенных работников зоопарка, зачем они кормят черную антилопу черным хлебом: "Мы всю войну на черном хлебе прожили и ей хорошо будет". К сведению посетителей, от свежего черного хлеба у антилоп начинаются колики. Что поделаешь, люди хотят приобщаться к животному миру, хотят проявить любовь и внимание. И хотят, чтобы животные проявили любовь и внимание к ним. Из-за этого желания работники зоопарка ни при каких условиях не разглашают кличек своих подопечных, иначе зверям просто не дадут жить.

Работники зоопарка могут рассказать о животных много такого, о чем мы, простые посетители, и не подозреваем. Оказывается, большая часть того, что мы знаем о характерах животных из народных сказок и книжек Майн Рида, не соответствует действительности. Одно из самых дружелюбно настроенных к человеку животных, кто бы мог подумать, гиена. А медведь Михайло Потапыч, Олимпийский мишна, наш национальный символ, наоборот, хитер, зол и коварен. Когда-то в Московском зоопарке жил старый одинокий медведь по кличке Кучум. Развлекался он так: когда сердобольные посетители бросали ему что-нибудь съестное, он притворялся, что не может достать. И как только чело-

век просовывал в клетку руку, чтобы медведю помочь, в нее тут же вонзались кучумовы когти. А вот гориллы вовсе не имеют обыкновения отрывать людям головы и похищать красивых женщин, как показывает Голливуд. Они одни из самых миролюбивых обезьян. Это еще не все. Оказывается, животные совершенно не страдают от пребывания в клетках. В отличие от нас, зверям никто не внушал, что счастье — есть борьба, и задунытых песен про волю-волюшку им никто никогда не пел. У животных вообще нет понятий "воля" и "неволя". В природе у зверя есть участок, в пределах которого он добывает пищу и за пределы которого, если пищи достаточно, не выходит. А в зоопарке его кормит человек, и никакой необходимости покидать клетку у зверя нет. Клетка — его среда обитания.

Главное отличие диких зверей от зверей, живущих в зоопарке, то, что последние не боятся человека. И зря. В зоопарке был случай, когда человек пролез в вольер с бе-

лыми медведями и начал наносить самне удары двумя кухонными ножами. Медведицу спасли, а медведь-самец, все это видевший, прожил после происшествия только несколько месяцев — не пережил стресса. Позже был другой случай: какие-то люди пробрались ночью в зоопарк и натравили на кенгуру Беннета собак, надо понимать, забавы ради. "Забавка" удалась: собаки насмерть загрызли нескольких животных. Среди них были и самки с детенышами в сумках.

Но, слава Богу, такая дикость "братьев старших" случается крайне редко. Для нормальных же людей поход в зоопарк всегда возвращение в безоблачное детство. А для малышни не только праздник, который устраивают родители по воскресеньям, но и возможность увидеть "живьем" героев любимых мультфильмов, сравнить нарисованных Тигру и Винни-Пуха с настоящими мишками и тиграми. Чудесная, сказочная страна Зоопарк. ■

фото Владимира Чейшвили

ЩЕЛНЯЯ

Андрей МОЛЧАНОВ

РЕАКЦИЯ

Женщина что-то говорила. Убедительно, с напором, даже с ненавистью...

Куда исчезла та усталая мягкость черт, когда она опустилась перед ним на стул в кухне, спросила, не голоден ли он?..

С каждой фразой его повинных объяснений лицо напротив становилось неприступно-отчужденным, презрительным, откровенно враждебным...

А потом последовал ее вопрос, которого он ждал...

Как же пронзительно точно он все предусмотрел! И этот вопрос, и смену ее настроения, и обличающие, унижительные для него слова...

Она, кажется, даже и не поняла, что случилось, даже не осознала, что в лицо ей наведен пистолет, который он достал из-за пояса...

Патрон от "мелкашки" бабахнул не так уж и громко, зря он боялся, что шум выстрела могут услышать соседи.

Она привалилась к стенке, и тонкая струйка крови из черно-багрового пятнышка на лбу медленно потянулась к верхней губе.

Скрипнула дверь комнаты: звук выстрела привлек ее дочку — до этого пятилетняя девочка играла с куклами в своей комнате.

Он поднялся со стула. И осознал, что не испытывает ни страха, ни растерянности, ни раскаяния. Он был абсолютно спокоен. Даже окрыленно спокоен... Как ангел смерти.

Мелькнуло в коридоре белое платье, донесся вопрос:

— Мама, ты чего стреляешь?

— Это кастрюля упала, деточка, — мягко проговорил он, шагая ребенку навстречу. — Пойдем поиграем...

И ствол пистолета уперся в золотистые кудряшки детских нежных волос...

ЭКСПЕРТ СОБЦОВА

Сообщество человеческое делится на две категории людей — на тех, кто работает на дядю, и на тех, кто работает на себя. "Дядя" — зачастую понятие абстрактное; им может быть тот, кто работает на себя, выплачивая зарплату тем, кто работает на дядю, а может быть и государство как таковое, — безликая система, чьи интересы обслуживают миллионы дядь и тетей — самостоятельных и подневольных.

Людмила Собцова, старший эксперт-криминалист районного управления внутренних дел, принадлежала как раз к той категории граждан, что трудились за полагающуюся им зарплату, соотнося свои потребности и запросы с ее удручающе тесными рамками. Но — ах, как тоскливо сознавать мизерность средств, выделяемых на жизнь скаредной бухгалтерией, необходимо просыпаться по звонку безжалостного будильника, почтительно внимать придирам начальства и хиреть в однообразии будней,

ожидаю скоротечного, как чих, отпуска... И нет выхода из этого круга, коли судьба и природа не дали тебе предпринимательской смекалки или же связей среди власть придержащих. А потому — тащись, стиснув зубы, по колее карьеры мелкого милицейского служащего... Карьеры, впрочем, отмеченной некоторой привлекательной спецификой, то бишь, чиновной манной социальных льгот. Но что эти льготы — типа бесплатного проезда на автобусе, когда видишь за окном кабинета спящие в изобилии заморские лимузины, набитые прилавки с привлекательной продукцией и непривлекательными ценами на эту продукцию и думаешь, что надо в субботу тащиться на оптовый рынок, дабы в очередной раз сэкономить гроши, которые к осени воплотятся в новые полусапожки.

А значит, в субботу надо растолкать самозабвенно храпящее под боком существо, гордо именуемое мужем, вручить ему тележку на колесиках и удовлетвориться хотя бы той мыслью, что толк от существа как переносчика тяжести все-таки есть!

Да, муж ей попался нерасторопный, лишенный какой-либо сметки лежебока с единственным жизненным интересом: глядеть в телевизор.

Уже двадцать лет муж работал фрезеровщиком на оборонном заводе.

С наступлением капиталистической эпохи производство на заводе наглухо застопорилось, специалисты разбежались кто куда, однако десяток ветеранов, не нашедших себе иных стезей, остались, выполняя редкие и нерегулярные заказы и получая зарплату, более похожую на подачку. Таким образом, времени для просмотра телевизионных программ у мужа Людмилы имелось в избытке.

Роптать на инертность супруга было бессмысленно: фрезеровщик владел лишь единственной благоприобретенной специальностью, способов зарабатывания денег из воздуха не ведал, в потребностях своих был неприхотлив, как верблюд, столь же невозмутим, и умел, подобно данному жвачному животному, обильно плевать — в переносном, конечно, смысле, на все несуразности экономически неблагополучного бытия.

Раздражение на мужа Людмила выплескивала постоянно, грозила разводом, однако понимала, что развод — дело пустое. Способностью к материнству судьба ее обделила, зато наградила плоским рябоватым лицом, носом-уточкой, редкими рыжими волосами и кривоватыми нижними конечностями.

Начальница Людмилы — майор Зинаида Башмакова заглянула в кабинет подчиненной под вечер. Присела на край письменного стола; болтая ногой, на икре которой сизо просвечивали сквозь колготки узлы уродливо вспученных вен, открыла сумочку, вытащила пачку сигарет. Закурив, спросила:

— Деньги из "обменки" посмотрела?

— Только сегодня принесли, когда же успеть?..

Деньги, в долларовом эквиваленте составлявшие около пятидесяти тысяч, привезли в экспертно-криминалистический отдел для исследования из управления по экономическим преступлениям, изъяз мешок дензнаков в проштрафившемся пункте обмена валюты.

— Есть к тебе дело, Люд, — доверительно промолвила Башмакова. — Можно очень хорошо заработать... На ровном месте.

— Ну...

Начальница поерзала на письменном столе, вытатила, состроив недовольную гримасу, канцелярскую скрепку из-под плотно обтянутой форменной юбкой ягодицы. Настороженно взглянув на дверь, продолжила на полусепоте:

— У меня сестра тоже в пункте обмена... Ну вот. Давай завтра к ней с этим мешком... Курс растет... Понимаешь? Махнем рубли на доллары, протянем месячишко, а потом опять поменяем. Навар — пополам.

— А протянем месячишко? — засомневалась Людмила.

— Протянем! — Зинаида уверенно ткнула сигаретой в щербатое дно алюминиевой пепельницы. — С УЭП договорюсь: завал работы, то-се...

Людмила задумчиво посмотрела на стальной шкаф-сейф, где хранился искомый мешок. Мелькнуло:

“А почему бы действительно...”

— А то жулики каждый день по такому тюку загребают, а у меня вон... — Зинаида, вывернув ногу, продемонстрировала эксперту серую, с ветхими краями проплешину на подошве босоножки. — На улицу скоро не выйти... Да и у тебя... — Кивнула на старенькие туфельки подчиненной. — В таких уже не ходят, а ты вот...

— Так ведь одна кручусь... — горестно вздохнула Людмила. — От моего-то какой толк? Ни украсть, ни покараулить... Живет на белом свете, как алоэ в горшке...

— Ну, толк не толк... — произнесла начальница задумчиво. — А все же — мужик... Вот я — да, все в одиночку... Да еще с лоботрясом великовозрастным! Вчера из милиции вызволяла...

— Чего натворил?

— Поперся с приятелем на какой-то диспут по изгнанию нечистой силы. Вырядились: приятель Иисусом Христом, а мой — дьяволом! С хвостом и с рогами! Ну и задержали придурков! Иисуса, правда, выпустили, а моего олуха в клетку засунули, и, если б не я, то на штраф бы точно устроился. И ладно бы спасибо матери сказал, так нет, всю дорогу орал: почему, мол, дискриминация прав?! Ну ладно, опечатавай ящики и — по домам.

— Я тогда задержусь, посмотрю быстренько деньги, — засуетилась Людмила. — Чтобы с самого утра поменять... Курс ведь скачет, как конь ретивый...

— Ну давай, давай...

Оставшись одна, Людмила механическим жестом вытряхнула из пепельницы в корзину для бумаг начальственный окурок и призадумалась.

Финансовая операция, предложенная ей Башмаковой, с каждой минутой казалась все более простой и привлекательной. Кроме того, вряд ли стоило отказывать Зинаиде даже в том случае, если бы в махинации присутствовал какой-либо элемент риска — начальница была дамой жесткой и злопамятной.

В отдел они пришли работать шесть лет назад, сразу сдружились, но когда Зинаиду повысили и перевели на должность начальника отдела, дружба дала стремительно растущую трещину.

Никаких ожидаемых поблажек от подруги Людмиле не перепало; напротив, та неустанно отчитывала ее за опоздания, устраивала выволочки за малейшую небрежность, и выражала откровенное возмущение, если подчиненная без предварительного доклада заглядывала в ее кабинет. А около недели назад, подкараулив Людмилу, решившую затянуть обеденный перерыв для похода по магазинам, высказалась в том духе, что нерадивому эксперту, видимо, стоит всерьез подумать о перемене места работы...

Так что сегодняшнее предложение Зинаиды несло в себе двойную выгоду, ибо общая махинация повяжет их деловыми тайными узами. А там, глядишь, приволокут на экспертизу новый мешок...

Домой Людмила вернулась в прекрасном расположении духа. Тупо покачивающийся в кресле муж, сосредоточенно глевающий в экран и то и дело щелкающий пультом, привычного раздражения у нее не вызвал — ну таким уродился, что подделывать...

А утром следующего дня на машине приятеля Зинаиды она отправилась в указанный пункт обмена валюты.

Обмен произошел без проволочек.

Увесистый мешок сомнительных российских купюр преобразовался в пять аккуратных пачек американской достопочтенной валюты, уместившихся в сумочке Людмилы.

А буквально через полчаса она положила в служебный сейф эти пять пачек — ровно пятьдесят тысяч долларов.

КРУЧЕНЫЙ

Три первых срока он провел в компании известных на всю страну воров, научивших его ремеслу и "понятиям", давших связи на воле, где не надо было приспосабливаться и юлить, экономя гроши и лебезя перед дешевками из всяких там отделов кадров, а делать свое воровское дело, не ведая счет женщинам, тряпкам и деньгам... А после — и крови.

Зона стала не просто привычной частью жизни; оттуда он черпал силу, уверенность и наконец слепо ему подчиненных со-

общников; зона дала ему звание вора в законе, кличку Крученый и тайную власть.

Ему было за шестьдесят, но выглядел он на десяток лет моложе, обладал неукротимой физической силой, целые недели мог проводить в нескончаемых оргиях, забываясь лишь на часок-другой в чутком сне, и в тюремных больничных покоях кантовался лишь из-за ран, ненароком полученных в стычках, либо по необходимому “закоосу”, не ведая не то чтобы о болезнях, но и об элементарном насморке. Что такое грипп — он попросту не понимал.

Когда общественные реформации начала девяностых годов повергли идол коммунизма, и на нем, как на трухлявом пне, стремительно разросся развесистыми поганками властительный куст криминала, он возликовал!

Он, Крученый, выиграл! Выиграл все блага, ибо вор в законе из враждебной благолепным труженикам касты вторичного теневого мира трансформировался в общественно значимую фигуру управления теми, кто ранее блатовал с гитарой и финкой в подворотне, подметая асфальт штанинами флотских “клешей”, а ныне с пачками “расстрельных” некогда баксов раскатывал, ничего и никого не боясь, кроме пули конкурентов, на роскошных лимузинах, которые недавним партийным боссам и во снах их номенклатурных даже смутно не виделись.

Да, золотое выпало времечко, неизбывное! Разгромленный КГБ, растерянная, утратившая ориентиры милиция, подменившие закон постановления, противоречащие друг другу...

Нет, спохватились! Вспомнили о государственности. Создали, в частности, РУБОП. И не какую-нибудь страшилку, а департамент на принципах спецслужбы — основательный, с выверенным кадровым составом и с безусловной установкой для каждого сотрудника: шаг в коррупцию — шаг в пропасть.

И понес уголовный мир утраты, как пирующий лагерь кочевников от попадания в его эпицентр многотонной, невесть откуда взявшейся авиабомбы.

Ударом этой взрывной волны вновь отбросило Крученого за колючую проволоку, хотя и по пустяковой статье: за незаконное хранение огнестрельного оружия. А когда освободился он в очередной раз, вольный мир встретил его новой реальностью: группировки действовали по схемам изощренно-профессиональным, прямое вымогательство пресекалось, как примитивный дебош, многие из соратников ушли в официальный бизнес, окружив себя разного рода экономистами и компьютерщиками, криминальные капиталы вкладывались в игры политиков, в чью компанию безудержно устремлялись и некоторые из бывших шестерок Крученого, сумевших откусить куски от бюджетного пирога, а он... он превосходно понимал, что останется тем, кем был — вором, и не более того.

А потому, покидая простенок караульного помещения колонии и слыша за спиной лязг металлических штырей, водворяе-

мых в приваренные к решетчатым дверям пазы, он, Крученный, уже скудно и твердо знал, что ему уготовано почетное место советника в крупной московской группировке, полновластный контроль над одним из рынков, и — полная свобода личной творческой инициативы...

Следовало подумать и о вербовке молодой поросли — это его будущее, кормильцы, опора в старости.

СОБЦОВА

Уже двадцать дней пачки американской валюты лежали в чреве стального шкафа, однако ни малейшей радости от их нахождения в своем служебном кабинете эксперт-криминалист Собцова не испытывала. Проклятый курс падал на глазах, грозя прямым убытком.

Начальница Зинаида тоже не находила себе места: УЭП каждый день настаивал на возвращении денег с экспертизы, обменный пункт, где работала ее сестрица, закрылся, и ни о каком льготном обмене долларов на рубли думать уже не приходилось.

— Ну что, подруга? — нервно покуривая, говорила она поникшей Собцовой. — По-моему, пролетели мы со своей коммерцией... Подождем еще недельку, а потом надо делать возврат... Кстати, подумай, где перехватить недостачу...

— А ты?

— Да у меня один долг другим погоняет!

— Но ты же сама все придума...

— Ага! А ты — агнец невинный! — с внезапной злобой гаркнула Зинаида. — Нашла крайнюю! Уж если так дело пошло, то за тобой эти денежки числятся, поняла?!

— Ну ты и стерва! — Лицо Собцовой словно опалило огнем.

— Какая есть! Я справедливо рассуждаю: попали в дерьмо, вместе его и хлебать!

— Ага! А деньги я должна одалживать!

— И я пробовать буду!

— Знаю я эти пробы!

— Лучше бы мне с тобой не связываться!

— Это еще кому лучше!

Когда за разъяренной начальницей захлопнулась дверь, Людмила, присев на стульчик, аккуратно всплакнула, чувствуя себя обманутой и оскорбленной.

К кому идти за деньгами? Все ее знакомые — абсолютно нищие люди. Знакомые мужа? Голытьба! Вот, кстати, братец его — житель сельского поселка под Владимиром сегодня приезжает — опять расходы на водку и ужин... А братец, кстати, при деле: возит товар из Москвы в свой микрополис, приторговывает. Но ведь ни копейки не даст, жлоб! Ему бы только на дармовщинку прокатиться, а попроси чего — шиш!

Придя домой, еще с порога она расслышала уверенный басок деревенского гостя и звон вилок о тарелки — братья ужинали на кухне.

Хмуро оглядев стоящую на столе литровую бутылку с водкой, она оттолкнула локтем ползшего целоваться деверя Леху — загорелого светловолосого крепыша с простецким мужицким лицом. Обронила недовольно:

— Ты моего не спаивай, понял?! Если тебе без водки — не жизнь, то других по себе не равняй!

— У-у! — протянул Леха глумливо. — Тебя что, из ментовской в общество трезвости перевели? Экспертом по алкоголю? Тогда возьми внештатником. Работать буду, как слон! — Загоготал жизнерадостно.

Вяло отмахнувшись от наглого деверя, пронять которого было ей не под силу, Людмила прошла в комнату.

Сняла колготки, переделась в домашний халат, продолжая размышлять о том, как покрыть недостачу, и вдруг замерла от внезапно пришедшей в голову мысли...

Леха! Этот бесшабашный негодяй в отличие от своего квелого брата всегда отличался авантюризмом и практической сметкой, и почему бы...

И тут же из-за двери раздался голос деверя:

— Люд, в натуре, ты чего кислая, как ревень? Щи из тебя в пору варить! Давай к нам, дерни рюмашку, повеселеет...

Не без труда преодолев острый приступ неприязни к бесцеремонному родственничку, Людмила присела с края стола, пригубила рюмку. Спросила отчужденным тоном:

— Леха, денег не одолжишь?

— Х-хе! — Деверь усмешливо дернул щекой. — Вопрос по неправильному адресу!

— Ну я так и знала... — произнесла Людмила с многозначительным презрением в голосе.

— Ты, Люда, зря, — вступился за брата муж. — У человека — беда...

— Засада просто! — бодро подтвердил Леха, заправляя в пасть шмат ветчины, предназначенный для семейных завтраков в течение будущей рабочей недели. — На тачке я по пьянке конулся. Тачку — в утиль, права отобрали. Теперь с корешем за товаром езжу, арендую телегу. Хотя — чего езжу? — Леха недоуменно пожал широкими плечами. — Товар встал — в деревне нищета. Натуральным хозяйством народ пробавляется.

— А, ну теперь пей смело... — сделала вывод Людмила.

— Чего и вам желаю! — Леха налил очередную рюмку.

— Ладно... — Людмила поднялась из-за стола. — Пируйте, алкаши, а я спать пойду.

— Каждому — свое, — рыгнув, согласился деверь.

Поговорить с Лехой Людмиле удалось лишь утром, когда муж ушел на свой разоренный завод точить железяки для под-

вернувшейся ненароком халтурки. Посвящать супруга в тот план, что возник у нее накануне, ей не хотелось.

Убирая остатки былой трапезы и холодно поглядывая на заспанного, истомленного похмельем Леху, недовольно щурившегося на бьющее в раскрытое окно утреннее солнце, Людмила произнесла:

— Есть возможность заработать двадцать тысяч зеленых. Интересно?

— Излагай... — Деверь раскрыл холодильник, внимательно изучил его содержимое. — Вроде, тут пиво было...

— Размечтался! Потерпишь!

Разочарованно закрыв холодильник, Леха откинулся на спинку низенького кухонного диванчика. Проговорил:

— Ну, двадцать тысяч. Продолжай.

— Вот и "ну". Только разговор между нами... Мой благоверный — ни при чем, ясно? Все равно толку от него, как от кота на пашне... Присоска к телевизору!

— Я понял.

— Значит, так. У меня тоже проблемы. Долг, проценты... В общем, личное. А в нашей конторе у начальницы в сейфе эти самые двадцать тысяч... Для экспертизы. Времени — в обрез...

— То есть?

— Их УЭП прислал, надо возвращать...

— И чего предлагаешь?

— Мы с ней останемся в отделе вдвоем под вечер... Я тебе сигнал дам... Встану у подоконника, закурю... Только не напивайся! Во-от... Вы входите в подъезд, он у нас общий с военкоматом, поднимаетесь на второй этаж...

— Кто это — "вы"?

— Н-не знаю... Ну, есть у тебя друг какой-нибудь?.. Надежный только...

— Ладно, давай дальше...

— Ну, связываете нас, вскрываете сейфы...

— Х-хе! Нашла медвежатника!

— Ну вы же ключи заберете... И у меня, и у Зинки...

— Кто такая?

— Шефиня моя. Да и сейфы-то там... — Махнула рукой. — У моего, если приподнять, дверцы с петель сами свалятся...

— Ну ты даешь! — Леха в изумлении покачал кудлатой, нечесаной со сна головой. — Откуда прыть-то взялась?.. Вроде цапа накрахмаленная, вся из себя на идее...

— Ты мне характеристики не расписывай... Прыть! Тут запрыгаешь! — Людмила шмыгнула носом. Капнула нечаянная слеза на приготовленный деверю бутерброд с заскорузлым дешевым сыром.

— Ну чего... — Взгляд Лехи растерянно прошелся по стенам кухни. — Дело, конечно, живое... А Зинка в курсе? Имею в виду — насчет договоренности?..

— Да ты сам посчитай, — произнесла Людмила с терпеливым укором. — Если будет с ней договоренность, то что получится? Четверо в доле? И не рискнет она... Ей зачем на задницу приключений искать? Она — богатая стерва!.. А потом — так даже лучше: она все честь по чести подтвердит — нападение, пострадали совместно, неизвестные мужчины... А?

— Так-с, — произнес Леха задумчиво. — А если крик-шум? Мне ее чего, мочить, что ли?

— Какой шум? Молчать она будет, как рыба в пироге! Ножик ей покажи — упишется!

— Не, стремно...

— Эх, Леха! — промолвила Людмила разочарованно. — Дело... Бабу припугнуть... Я-то думала...

— Чего ты думала? — Леха встал из-за стола, тяжело дыша, прошелся по тесной кухне. — Что заклею тебе хлебало, приклепаю к батарее, полежишь чуток, а там ваши мусора тебя и освободят? А мне потом...

— Во-первых, попрошу не выражаться!

— А чего я?..

— Это у тебя — хлебало! И прежде, чем его раскрыть, рассуди: накроют тебя, значит, и мне несдобровать.

— Двадцать штук... — Вытянув подбородок, Леха остервенело поскреб пятерней заросшее суточной щетиной горло.

— И оружие, — добавила Людмила.

— Какое еще оружие?

— У нас же экспертно-криминалистический отдел, — назидательно пояснила милицейская дама. — И по уголовным делам на экспертизу поступает оружие: холодное и огнестрельное. Ясно? С целью квалификации его пригодности для боевого употребления, так сказать... Этот пистолет, к примеру, стрелять не может, а этот — еще как; этот кинжал — сувенирный, хотя, кажется, быка надвое развалит...

— И много у вас пушек? — полюбопытствовал гость — как всякий нормальный мужчина, тяготеющий к оружию.

— Хватает. Вчера один вещдок принесли... "Вальтер" наградной. Времен войны. В позолоте, с надписью готической... Я уж на что к этим стрелялкам равнодушна, но себе бы взяла...

— И на какую сумму этого железа?

— Почем мне знать? Как продашь... Только, — поправились, — продавать кому не попадя — сгоришь... Но оружие взять надо. Причем — обязательно надо. И знаешь, почему? Потому что думать будут, что за ним вы и явились... А попутно и деньги взяли. Оружие закопаем. До лучших времен. Пусть будет, как капитал...

— Подумать надо...

— Если есть чем — думай!

ИРИНА ГАНИЧЕВА

Жизнь одинокой деловой женщины, имеющей собственный бизнес, неизменно связана с принятием не просто самостоятельных, но и тщательно спрогнозированных решений, поскольку скоропалительность или же всякого рода "авось" чреваты катастрофическим крахом всех предыдущих, удачно завершенных начинаний. А если под крылом у тебя двое детей, еще в младенчестве оставленных ушедшим из семьи муженьком, не пожелавшим мириться с главенством пробивной и энергичной супруги, то ежечасно и глубоко надо ей, одинокой волчице, сознавать: будущее ребят только в твоих руках и, ослабей эти руки, выскользнет из них и твое будущее...

Родилась и выросла Ирина в крупном сибирском мегаполисе, здесь же вышла замуж, закончила институт, аспирантуру, занимала руководящую должность на нефтеперерабатывающем комбинате; после развода с мужем сблизилась с директором предприятия — властолюбивым старичком, а когда грянула приватизация, оказалась в узком круге допущенных к местному нефтяному пирогу лиц, получив собственные акции и — главенство над частной компанией, обслуживающей необходимое руководству комбината посредничество между производителем и разбросанными по всей стране клиентами.

Для интимных свиданий с подчиненной любовницей директор снимал небольшую квартирку, где они встречались строго по графику, вечером каждого четверга, но подобного рода randevу раз от раза убеждали Ирину, что плата за аренду квартирki — блажь, ибо дряхлеющий шеф, претерпевавший прогрессирующую половую немощь, компенсировал ее пространными разговорами о жизни и вообще, которые мог вести со своей пассией не то что в присутствии посторонних, но и в компании собственной супруги и домочадцев...

Однако правила игры диктовал властительный старичок — инструмент созидания капитала, и Ирина с терпеливым усердием инструмент улаживала, зная, что без старичка — никуда!

Она заработала весомые деньги, когда произошло неизбежное: власть на комбинате не без вмешательства криминальных структур поменялась, застрелили первого заместителя директора, и старичок спешно ушел на пенсию, позвонив в офис Ирины и сказав, что ей предстоит разговор с людьми, должными сделать ей предложение, которое она, умница, пускай воспримет как обязательный для исполнения приказ.

Предложение, то бишь, вердикт, вынесенный ей вежливыми молодыми мужчинами, внешнестью напоминавшими предупредительных банковских клерков, было незатейливо: получить скромную отступную сумму, передать руководство фирмой указанному лицу и — уходить в самостоятельное автономное плавание в неизвестность дальнейшего бытия — кстати, как намекнули, любезно дарованного ей некими высшими земными силами.

Ненавязчиво поторговавшись относительно величины компенсационного гонорара за свое благосклонное восприятие нагло ультиматума и получив твердый отказ, Ирина приняла незамедлительно врученные деньги и отправилась домой, обреченно уясняя, что в этом городе делать ей, собственно, уже нечего... Да и детям тоже.

Попутно размышляла она и о другом предложении, сделанном накануне московскими клиентами, покупателями нефти, задолжавшими лично ей полмиллиона долларов за поставки сырья и упорно навязывающими в счет оплаты части долга роскошную четырехкомнатную квартиру с евроремонтом, новенькой бытовой техникой и антикварной мебелью в одном из уважаемых районов столицы.

Еще вчера данный вариант представлялся ей напрочь лишеным какой-нибудь практической целесообразности, однако, избегая резких решений, она взяла тайм-аут для раздумья, и, как обнаружилось в итоге, поступила мудро: приобретение жилья в Москве ныне вышло уже не капризом, а необходимостью, и с положительным ответом стоило поторопиться: прознай москвичи о смене руководства на комбинате и о ее сегодняшней никчемности — сгорели денежки! Да какие! Практически все плоды ее тяжких трудов, включающих улаживание дряблого старца...

Позвонив в Москву, она сообщила, что сложное финансовое положение должников готова понять, а, поскольку завтра улетит в столицу для решения неразберих комбината с министерством, то заодно готова осмотреть предлагаемую ей недвижимость. И — с сокрушенным вздохом присовокупила, что частые командировки в Москву для решения всевозможных организационных несуразиц, видимо, поневоле заставят ее, из соображений чисто практических, приобрести вынужденный собственный приют.

Такое заявление кредитора должники восприняли с нескрываемым восторгом.

На вечернем семейном совете — хотя, впрочем, какой еще совет? — советов она уже давно ни у кого не просила; итак, за семейным ужином в окружении детей — семнадцатилетнего Антона и Олечки, чье пятнадцатилетие готовились отметить на будущей неделе, она объявила, что потеряла работу, никаких перспектив в своем пребывании на земле сибирской не видит, а в самом богатом городе России — Москве их ждет не дождется великолепное жилье и масса ослепительных возможностей...

А как незаметно подросли дети! Антон — двухметровый атлет, сложенный с чарующим женский взор великолепием, помешанный на компьютерах и каратэ; Олечка... Ох, Олечка!.. Еще соплушка, а зрелость и законченность форм двадцатилетней девушки! И ведь, глядишь, а охмурят ненароком местные оболтусы, — подрастающее быдло и пьянь, затают в убожество своего

прозябания, и — увянет в этой безотрадной сибирской провинции нежный цветок, а то и попросту затопчется копытами вонючей плебейской нечисти...

Теперь ей невыносимо хотелось в Москву, и, проворочавшись в кровати без сна до утра, она, спешно убрав постель и дав последние наставления детям с указанием надлежащего режима трат оставленного им недельного продуктового запаса в холодильнике, помчалась в аэропорт.

Московская квартира буквально ослепила ее своим простором и роскошью.

Властно забрав у шестерок-экскурсоводов ключи и выпроводив их вон, прошла по свежему, солнечному паркету комнат, трогая золоченые рамы зеркал, канделябры, увешанные разноцветно мерцающими подвесками из горного хрусталя; открыла новенький, с девственно чистым зевом холодильник, невольно представив, как он заполнится пестрыми упаковками разной вкусющей всячины...

Квартиру оформили на ее имя в течение следующего дня.

СОБЦОВА

От идеи разбойного нападения на сотрудников милицейского учреждения Леха категорически отказался.

— Ладно, сделаем по-другому, — с услужливой торопливостью принялась уговаривать его Людмила. — У нас в конторе третий день сигнализация не работает... Я тебе дубликаты ключей дам, все покажу предварительно, ты войдешь под вечер, когда подъезд военкомата закроется и...

— А на выходе меня и примут... В объятья!

— Я подстрахую! В случае чего — наш, мол, сотрудник...

— Угу. По ночам доллары и пушки перетаскивает! В известном направлении из известного учреждения.

— Хорошо, сделаем по-другому... Войдешь тихонько, за ночь все загрузишь, спустишь сумки под окно, там кусты, а потом машину подгонишь... Ну, Леха! Чего ты трусишь?! Я не трушу, а ты...

— Ладно, давай показывай, где чего...

В помещение отдела Людмила провела деверя под вечер. Показала шкафы, осмотрев которые, Леха заявил, что запросто вскрыет их монтировкой; пояснила, что необходимо инсценировать проникновение через окно ее кабинета, взломав шпингалеты рам и оставив следы на подоконнике. Далее, кивнув на сейф начальницы, сказала, что искомые двадцать тысяч находятся именно в нем.

Продемонстрировала хранящийся в отделе арсенал: три автомата "Калашникова", две винтовки, четыре пистолета, пятизарядный карабин, приборы для бесшумной стрельбы, штык-ножи, кинжалы и коробки со всевозможными патронами. Позолоченный "вальтер" с готической надписью отложила в сторону —

дескать, это мой, к вам в лапы попадет, обратно не допросишься...

Ограбление было решено произвести двумя часами позже, с наступлением темноты.

Проектаменовав будущего взломщика и вручив ему банку с молотым перцем, дабы создать препятствие для служебной собаки, Людмила проводила его до выхода, а затем вернулась в кабинет.

Открыла шкаф, вытащила заветные пять пачек, уместив их в своей хозяйственной сумке. Следом в сумку отправились пятнадцать тысяч, прошедших экспертизу и подлежащих возврату в УЭП уже завтрашним утром. После, достав из кармана имеющийся дубликат ключа от сейфа Зинаиды, она отперла стальную дверцу.

Двадцать тысяч, посуленных олуху Лехе, в сейфе, конечно же, не набралось: в рублях, долларах и марках она насчитала четырнадцать тысяч.

Оставив четыре тысячи в качестве гонорара незадачливому взломщику, она заперла железный ящик и поспешила на улицу.

Первостепенной задачей теперь виделось надежное укрытие похищенных денег.

Выбросив в канаву дубликат сейфового ключа, она дошла до остановки трамвая, доехала в полупустом вагоне до лесопарка и побрела аллеей к примеченному месту, где под старой березой еще со вчерашнего вечера выкопала ямку, замаскированную тщательно вырезанным из почвы шматом дерна. Вытащила из ямки также заранее приготовленную трехлитровую банку.

Скрывшись в кустах, набила банку пачками валюты и одела на горлышко полиэтиленовую плотную крышку.

Действовала не торопясь, с удивлением обнаруживая в себе завидное хладнокровие и педантичность.

Опустив банку в землю, уместила поверх нее пистолет, обмотанный промасленной ветошью, затем надела резиновые перчатки, заполнила пустоты землей, загодя сгруженной в пакет и — аккуратно утрамбовала дерн.

Июньские долгие сумерки уже истаявали, неохотно уступая свой черед недолгой и теплой ночи, когда злоумышленница вернулась домой, выслушав краткий и безучастный доклад уставившегося в телевизор супруга:

— Зинка звонила...

— И что? — Сердце Людмилы оборвалось.

— Да ничего... Тебя спрашивала.

— А ты? — Чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, она уцепилась в косяк двери.

— А чего я? Не пришла еще, говорю...

Людмила кинулась к телефону. Набрала номер. Занято!

Неужели что-то случилось? Неужели провал?

Ее кидало то в жар, то в озноб.

— Алло? — раздался в трубке голос ненавистной бывшей подруги.

— Звонила? — спросила она, стараясь привести в голос безмятежную интонацию.

— Ну да... Ты где шляешься?

— Да так... Прогулялась. Вечер — сказка!

— Слушай, у нас большие проблемы...

Все тело Людмилы стало ватным. Преодолевая обморочный звон в ушах и подступающую тошноту, выдавила:

— Что такое?

— Послезавтра ревизия. Как у тебя с... Ну, ты понимаешь...

Закрыв в изнеможении глаза, она произнесла через силу:

— Завтра обещали дать...

— С гарантией?

— Да...

— Ну давай, подруга, не подведи, а то — полный абзац!

Положив трубку, она прошла в ванную, пустила воду и, глядя на тугую перевитую струю, с брызгами разбивающуюся о потертую голубенькую эмаль, постаралась всеми силами взять себя в руки.

Леха позвонил в восемь часов утра, как и уславливались. Прошипел со злобой:

— Ну ты меня и подставила, родственница дорогая!

— Что такое? — пролепетала Людмила с испугом.

— Ты говорила двадцать? А там... всего лишь одна!

— Как... одна? — искренне озадачилась сообщница, не сразу уяснив финт вероломного деверя.

— А так! За что старались? В общем, сувениры у меня, двигаю в деревню. В столице появлюсь на следующей неделе, разберемся. Бывай!

Хлестнули короткие гудки, и Людмила, ошарашенно вслушиваясь в их череду, с невероятным облегчением уяснила: получилось! А Леха... Вот же мазурик! Что было бы, если б она поступила с ним по-честному?... Хрен бы чего обломилось! Ха! Тысяча в сейфе... На трешку нагрел! Ну и подавись своей трешкой, жлоб распроклятый! А ведь еще наверняка станет претензии выдвигать, хамло! Ну и выдвигай! Откуда ей знать, куда начальница из сейфа деньги дела? Было двадцать... Где остальные — вопрос к Зине. Хочешь ей его задать? То-то! Сиди и не рыпайся, суслик косолапый в своей сельской местности! Выращивай огурцы на закусь! Но все же — мерзавец! Надуть на трешку!

— Кто звонил? Чего ты бормочешь? — обернул к ней сонное лицо муж.

ЛЕХА

Повесив трубку уличного телефона-автомата, Леха поспешил к ожидавшей его за углом машине.

Обуревали Лехой чувства достаточно сложные. Гнев и радость, разочарование и одновременно — облегчение от безнаказанно совершенной кражи.

Относительно двадцати тысяч баксов Людка, ясное дело, ему насвистела, а может, и прикарманила их большую часть, но как это докажешь? Свалит все на Зинаиду и — баста! Проворная гангрена! Но коли так, то и он ничего не знает! Была в сейфе штука зелененьких и — привет! А оружие потихоньку продаст, этот товар всегда в цене, на все времена товар! Людке же сообщит: в деле был кореш, подписался кореш на дело за десятку зеленых, так что мы корешу еще и должны за туфтовую наводочку... Тем более, скажет, кореш — мужик серьезный, три ходки за ним, так что шуточки в сторону...

Он покосился на управлявшего машиной Витька — своего соседа по поселковой улице. Витёк в самом деле имел три судимости — две за хулиганство, одну — за мелкую кражу, но с недавней поры остепенился, работал на коммерческой лесопилке, приобрел поддержаную “девятку” и ныне за скромные гонорары ездил с Лехой за товаром в столицу.

О краже Витёк ничего не знал. Леха попросту указал ему переулок, куда надлежало подъехать ранним утром. Спустившись через окно по канату в кусты, отсиделся в них до рассвета, ожидая нанятого водилу. Далее, не вдаваясь в пояснения, погрузил сумки с оружием в багажник и вручил Витьку сотню долларов гонорара за сутки простоя и раннее пробуждение.

Истомленно крикнув, Леха достал из пакета ледяную бутылку пива, скovyрнул торцом зажигалки пробку и с наслаждением проглотил янтарную морозную жидкость. Хлопнул по плечу Витька:

— Чего грустный, мастер баранки? Выпить хочешь, а нельзя?

Витёк равнодушно посмотрел на самодовольную физиономию Лехи. Его серенькие выцветшие глаза, глубоко сидящие под выпирающими, как у шимпанзе, надбровными дугами, были как всегда отрешенно-пусты.

— А чего радоваться?

— Как чего? — удивился Леха. — За ночь — стоху срубил... А всего-то дел...

— Каких дел? — донесся неприязненный вопрос.

— Ну... вот и я о том же... Ночку в машине посидел, покемарил, все искусство... — Леха запнулся: в тоне водителя он почувствовал некую враждебность.

— А-а... Это — да! — неожиданно широко и беззаботно улыбнулся Витёк, обнажив мелкие и редкие зубы. — Это — чтоб так каждую ночку!

Подкатившая настроенность, уколывшая Леху, моментально испарилась.

— Я бы и сам не против, — сокрушенно сообщил он, вновь прикладываясь к бутылке. — Но планида наша иная... Один раз — фарт, пять раз — без карт...

— Но сегодня ты, чувствуя, козырную игру провернул, — благожелательно уточнил Витёк, сворачивая с трассы на бетонку, ведущую к поселку.

— Ну, как сказать... — отозвался Леха, вновь озабоченно постигая какую-то неприятную нотку в голосе водилы.

— Вот и скажи... — Витёк принял вправо, притормозив у края березовой рощицы. Заглушил двигатель. — Вот и скажи, — повторил уже с откровенной неприязнью, — почему меня за фраера гнутого держишь? А?

— Ты чего, в натуре, пасть не по делу расклеил?! — остервенело вскинулся Леха на собеседника, но тут же и осекся: в лоб ему смотрел зрачок “парабеллума”, и держала пистолет, как дошло сразу же, ослепительно-охлаживающе, — твердая и безжалостная рука.

Тот самый “парабеллум”, который сейчас должен лежать в одной из сумок в багажнике...

И всплыло: пока он трепался с Людкой, этот любознательный примат влез в багажник...

— Так вот — насчет фраера, — глухо и спокойно объяснил Витёк. — Что меня с собой на дело не взял, воля твоя. Что на стоху меня подписал — я не в претензии. А в претензии, Леха, милый друг, я на то, что сыграл ты со мной в темный лес, рискнув и своей шкурой, и моей башкой... — Приблизив ствол пистолета ко лбу оторопевшего пассажира, он с доверительной укоризной продолжил: — Взяли бы нас с тобой у тех кустиков, где ты хоронился со своим карго огнестрельным, поплыл бы я опять в вагоне с решеточками, в тесноте и убожестве, на север дальний, во тьму промозглую... Да и останови машинку для проверки любопытный мусорок с палочкой полосатой, тоже крупная незадача бы вывинтилась... С учетом моей боевой биографии. Так ведь?

— Ладно, давай по-честному, — дрогнувшим голосом предложил Леха.

— Вот и давай, — согласился Витёк. — Роток раскрывай, доклад зачинай...

— О чем доклад-то?

— Кто навел, кто в лес завел... — На досуге Витёк грешил сочинительством стихотворных виршей, в основном — матерных частушек, но порой позволял себе поупражняться в рифмах и в бытовых разговорах.

Лихорадочно соображая, что неосторожный и чистосердечный ответ несет в себе угрозу гибели, Леха сбивчиво поведал о знакомой, работающей в экспертно-криминалистическом отделе и проговорившейся в его присутствии мужу об оружии и сломанной сигнализации. О похищении денег он,

естественно, умолчал, равно как и о преднамеренном сговоре с Людмилой.

Вдумчиво выслушав арендатора его транспортного средства, Витёк скучно поинтересовался:

— А проговорилась-то баба накануне?

— Не, неделю назад! — успокоил его Леха. — На кухне мужу... А я в сортире был, слышал...

— То есть — все чистяком? — уточнил Витёк.

— Конечно! Ты ствол-то убери, а?

— Уберу-уберу, только вот перекурю, — сказал Витёк, однако как держал “парабеллум” зорко и агрессивно, так держать и продолжал, ни малейшей попытки закурить при этом не предпринимая. — Так и что с пушками ты, лох, делать-то собрался? А?

— Ну... давай... реализуем потихоньку... Все в пополаме... — сконфуженно потирая руки, молвил Леха.

— Во! — умудренно качнул головой Витёк. — Реализуем, стерилизуем... А кому и как — не сообразуем... Ладно! Считай, за подставу я тебя простил, но вот что ты, друг, упустил: спалишься ты с этим патронташем! И выйдет: не нашим и не вашим...

— Да хватит тебе хореями шпарить! — поморщился Леха.

— Хватит, так хватит... — К большому облегчению Лехи, Витёк убрал пистолет под сиденье. Пустил движок. Сказал твердо: — Кому стволы спулить — знаю. Есть концы. Вместе на киче парились. Серьезная московская братва. Сколько дадут — поделим. И — только так! — Мотнул решительно головой. — А твои клиенты — верный прогар. От них к тебе точняком мусора притопают, а там и ко мне дорога недолгая... Так что вылезай возле своей хаты налегке, а я товар заховаю.

Возражать ушлому Витьку Леха не решился, хотя первый испуг, связанный с возможностью огнестрельного ранения в череп, уже прошел.

— Ну тогда и ствольничек верни... — осмелел он. — Коль дело общее... Так ведь, коли по справедливости-то? Я ж тебе еще и бензин оплатил, и амортизацию...

— А я бы мог твою абортацию не оплачивать... — Витёк со значением кивнул на скрывающуюся за багажником автомобиля березовую рощицу. — И вообще утилизацию... Стока — моральный ущерб, осознай, друг!

— А когда ты мне ствол в рыло, а?

— За дело, товарищ! За дело! Меня ваша хитрость задела. И заела!

— Опять ты за свои прибаутки... — Леха беспомощно уронил на сиденье онемевшие руки.

Ему неимоверно хотелось пристукнуть шустрого и сметливого, как хорек Витька, но одновременно с безысходной обреченностью сознавалось, что совершить это он попросту не в силах.

И когда запыленная машина Витька скрылась за поворотом поселковой улицы, он, ощутив потайной карман брюк, где лежали похищенные доллары и марки, перевел рассеянный взор на свой тщательно ухоженный домик с кованой калиткой, с внезапным ужасом осознав, что вскоре в этот дом могут войти решительно и по-хозяйски люди с неприветливыми лицами, ляжет на скатерть постановление об обыске и — здравствуй, паровоз на север страны!

Но изменить что-либо было уже невозможно. Оставалось надеяться и ждать. Надеяться на безуспешность следствия и ждать, увы, возмездия за грехи тяжкие...

ВИТЁК

Тюки с оружием Витёк закопал в той самой березовой рошце, на краю которой состоялся, благодаря “парабеллуму”, откровенный разговор с хитрецом Лехой.

Зла на Леху, сыгравшему с ним втемную, Витёк не держал, он и сам бы поступил подобным образом; не собирался он землячка и убивать, поскольку великолепно понимал: исчезновение Лехи чревато расследованием, а выйди милиция на след похитителя оружия, да прознай, что тот канул в неведомые дали, непременно окажется он, Витёк, за прочной решеткой по подозрению в убийстве подельника. А это уже не срочок за хулиганку, это — финиш, пожизненная прописка на нарах.

Прошлый тюремный опыт диктовал действия, связанные с конкретными уголовными стереотипами, а именно: надлежало продать оружие не праздным дилетантам, а умелым профессионалам, которые, и попадись, не выдадут источник приобретения стволов.

Такой человек на примете у Витька был: Сеня-Чума.

С Чумой он познакомился в зоне, где отбывал последний срок; Чума, имевший семь судимостей, относился к касте блатных, входил в состав одной из московских группировок и, пребывая за колючей проволокой, имел горячий “подогрев” с воли, потчuya себя деликатесами, французским коньячком и балуясь экзотическим кокаином.

Витек, не имевший в мире воров ни малейших заслуг, кроме, разве, трех краткосрочных посиделок, был Чумой примечен, обласкан и произведен в должность доверенной шестерки.

Из зоны они вышли практически одновременно.

Чума, в мирной гражданской жизни специализирующийся на разбоях и грабежах, предложил услужливому Витьку присоединиться к его команде.

Взяв для приличия время на раздумье и записав телефон Чумы, к предложению бандита он, тем не менее, отнесся крайне отрицательно.

Как бы ни был Чума крут, как бы ни жировал в зоне, пример его Витька не вдохновлял. Многочисленные судимости уголов-

ника явственно указывали на то, что злодеяниям его неотвратимо уготовано воздаяние, а, значит, аналогичная участь ждет и его поделщиков.

В жизни своей Витёк совершал много краж, но, как правило, брал то, что плохо лежит, дабы утянуть добро в собственный дом, неизменно этот дом благоустраивая хотя бы и за счет других. Да и все равно погорел, когда спер со стройки два десятка труб, должных стать опорами для нового забора...

Что же касается ненароком попавшего к нему оружия, то связываться с его продажей Витёк едва бы решился, не будь одного обстоятельства: он знал, что Чума, хотя и погорит рано или поздно с этими автоматами и пистолетами, но его не выдаст. О ненависти матерого бандита к милиции и о его каменной замкнутости в общении со следователями и операми, в зоне ходили легенды.

Один из пистолетов — небольшой газовый “маузер”, переделанный для стрельбы мелкокалиберными патронами, Витёк оставил себе, спрятав под шиферным листом крыши сарая. Пистолетик был ладный, красивый, легко и незаметно умещался в кармане, а потому то и дело извлекался из тайника для праздного любования изяществом его мастерски выверенных форм.

Сидя в трусах на летней веранде и попивая пивко, Витёк в который раз разглядывал лежащий на столе пистолет и раздумывал, где бы опробовать его огнестрельную силу.

Время шло к обеду, на кухне шипела в сковородке картошка, клокотала вода в кастрюльке с молочными сосисками и погромыхивала крышка на чане с варевом собачьей каши — дом сторожил огромный брехливый сенбернар по кличке Понтыра — наружности устрашающей, но нрава жизнерадостного и кроткого.

После смерти матери и развода с женой Витёк уже третий год жил один, удовлетворяясь компанией сенбернара и ночными рандеву с соседкой, чей муж трудился на стройках в Москве и приезжал домой лишь на выходные.

От созерцания пистолета, в котором присутствовал элемент некоей медитации, Витёк оторвал восторженный скулеж сенбернара.

Рассеянно оглянувшись на собаку, Витёк подскочил со стула: из слюнявой бело-рыжей пасти свисал, болтая поникшими ушами, огромный бежевый кролик, изгвазданный в песке и в глине.

Отобрав у гордого своими охотничьими достижениями пса дохлого кролика и дав сенбернару увесистого пинка, Витёк с опаской посмотрел на соседний дом, приметив с досадой раскрытую кроличью клетку, стоявшую у торца гаража.

На входной двери соседского дома красовался навесной замок: сосед, видимо, куда-то отошел по делам.

Сосед — Юра Хвастунов, всегда одалживающий Витёку деньги и импортный инструмент, купил дом в поселке около двух лет назад, поначалу используя его, как дачу, а после, выгодно сдав в

аренду квартиру в Москве, окончательно переселился за город. Дохлый кролик, в настоящий момент валявшийся на веранде Витька, был его гордостью: грызун, являвший собой редчайшую породу, был привезен из Австралии, бережно Юрием выращен на специальном корме и витаминах, и, прознай сосед про сенбернары козни, добра от него Витьку бы не видать уже никогда!

Метнувшись в дом, Витёк принялся обтирать кролика от грязи влажной тряпкой.

Тряпка оказалась средством неважным, и тогда в дело включился пылесос.

Отчистив покойника от мелкого песка, въевшегося в шкурку, Витёк судорожно расчесал ее собственной расческой и вновь выглянул из-за сарая в сторону соседнего дома.

Замок на двери висел...

С трудом втиснувшись в прореху сетки забора и больно оцарапав шею о рваную проволоку, Витёк, держа мертвого кролика под мышкой, как балерина на пуантах подлетел к клетке и уместил в нее облагороженный трупик.

Закрыв клетку на щеколду, опрометью кинулся домой.

Посадив на цепь нашкодившего пса, прошел в комнату, приступив наконец к запоздалой трапезе.

Донесшийся с веранды требовательный стук в дверь заставил его поперхнуться сосиской: на столе веранды лежал пистолет!

И тут скользнула парализующая сознание мысль:

“А если менты?”

С обреченностью висельника Витёк направился к двери.

На пороге стоял сосед Юра. С отрешенным и, как показалось Витьку, злым лицом.

— Ты чего пушки разбрасываешь? — мрачно кивнул Юра на беспечно оставленный на столе “маузер”.

— Да какая еще пушка... — промямлил Витёк. — Так, газавик...

— Без перегородки и с обоей под мелкашку... Повнимательнее надо! — Юрий устало опустил на стул. Затем вытащил из кармана пиджака бутылку водки. Сказал: — Выпить мне надо. Поддержишь?

— Без вопросов... — промолвил Витёк осторожно. — Напряги какие?

— Крыша у меня съехала, по-моему... — мрачно проговорил Юрий. — От всех моих жизненных заморочек...

— Так в чем проблема? — спросил Витёк, стараясь не глядеть в глаза собеседнику.

— Кролик у меня умер, — молвил Юра отчужденно.

— Как?! Отчего?!

— А хрен знает... Подхожу вчера вечером к клетке — готов...

— Э-э... Вчера?

— Ну да... — Юра рассеянно посмотрел по сторонам. — Давай стаканы, что ли...

— Момент...

— Во-от, — продолжил сосед на горьком выдохе. — Утром похоронил его, поехал по делам, а вернулся — он снова в клетке... Ты понял?

Витёк, вытянувшись всем корпусом к потолку, сунул руки в карманы, прошелся по веранде, надувая щеки и раздумывая, чтобы ответить... Наконец сказал:

— Так это... он живой?

— Да мертвый!

— Во, как...

— Ну да...

Булькнула в стаканах водка.

Выпили, порассуждали о невероятных явлениях мистического толка, сопровождающих всю историю рода человеческого, после чего сосед обратился к неприятной для Витька теме: уже месяц, как тот был должен вернуть Юрию долг — двести долларов.

— Подожди еще недельку, — говорил Витёк, обнадеженный перспективой скорой продажи оружия. — Если хочешь — с процентами...

— А давай я пушку у тебя куплю! — предложил Юрий.

— Ну, она не две сотни стоит...

— Хорошо, триста даю... "Макар" столько тянет! А тут мелкашка левая...

— Но сделана-то как!

— Это еще проверить надо... — Юрий задумался. Затем осторожно оглянувшись через плечо, произнес: — А... чистая волына?

— Хрен знает, — не стал врать Витёк. — По случаю досталась.

— Ну?! Триста! И — прямо сейчас!

— Идет...

Погасив таким образом долг и заработав сотню, Витёк отправился к Лехе, встретившему его довольно враждебно. Поинтересовался, есть ли какие новости из столицы?

Сквозь стиснутые зубы Леха ответил, что со своими московскими знакомыми не связывался, а если новости и поступят, то Витька, следуя логике успешного милицейского расследования, обязательно навестит участковый и обсуждать новости они станут уже в камере следственного изолятора.

Леха выглядел издерганным и больным. Чувствовалось, что его гложут самые неприятные предчувствия.

Шагая от Лехи домой по вечерней улице, Витёк утверждался в мысли, что от опасного огнестрельного железа надо избавляться как можно скорее.

На следующий день, передав сенбернара на попечение любовницы, он наведался в Москву, прямо с вокзала позвонив своему бывшему боссу.

Услышав голос Витька, тот выразил заинтересованную готовность к свиданию с верной тюремной шестеркой.

Отметили встречу в кафе, контролируемом бандой Чумы.

Чума — двухметровый верзила с покатыми плечами, стриженный “бобриком”, не отрывая от гостя змеиного застывшего взора своих желтых, с едва различимыми зрачками глаз, щедро потчевал Витька, накладывая ему в тарелку половники икры и сочащиеся янтарным жиром ломти севрюжьего шашлыка.

— Вот так и живем, корешок, — приговаривал Чума. — Работы невпроворот, но и витаминов за труды тяжкие перепадает в полном ассортименте... Чего, заскучал среди коров и овец по делу живому, по людям правильным? Понимаю...

— Да-а, ты, Чума, в тузах, — отвечал Витёк, захмелевшим взором уставившись на татуированную лапу собутыльника, поглаживающую складный зад наклонившейся над столиком официантки. — Конечно, заскучал... Да только куда мне, деревне, до ваших высот... Вообще мозгов...

— Научим, Витёк, не дрейфь!

— Э, Чума, коль уродился недомерком, то и в гробу не устаканишься...

— А чего звонил? — В голосе Чумы прозвучала неприязненная нотка.

Зыркнув на удаляющуюся от стола официантку, Витёк кратко доложил:

— Есть стволы.

— Так... — посерьезнел Чума. — Откуда-чего?

Витёк объяснил ситуацию. Скрывать ничего не стал, зная, что утаенные факты грозят кровавыми последствиями. О проданном соседу “маузере”, правда, умолчал. Да и подумаешь — газавик...

В случае чего — пробовал, не стреляет... Вот и отдал одному фраеру за сотку зеленых, пусть слесарит-химичит... К тому же, товар его, Витька. И кому чего он впарит, кого касается?

— Странно-странно... — произнес Чума, усиленно морща лоб. — Сельский фраер грабанул ментовскую... Влегкую. Как козу подоил!

— Ну стволы-то у меня! — стукнул кулаком в грудь Витёк. — Не сказки же сочиняю! И фуфлом не воняю... — не удержался от присовокупления рифмочки.

— Стволы-то возьмем, тебя не обидим... — в задумчивости пробормотал Чума. — Вещи в нашем хозяйстве значимые... Так где эта ментовская контора распласталась? Дай координаты...

Витёк сбивчиво пояснил.

— Ага... Пробьем. А баба, говоришь, его кореша?.. Ну этого, форточника... У ментов она подвизается?

— Он так сказал.

— А фамилия бабы?

Витёк пожал плечами.

— Вот чего, — промолвил Чума, облизывая белесым языком тонкие, в мелких шрамах, губы. — Ты, Витюша, пей-закусывай, после ко мне на ночлег погребем, телок тебе поставлю, проведешь ночь незабвенную... А через денек-другой тронемся к тебе в гости... Угостишь нас молочком из-под коровки... Угостишь, нет?

— Да я... — Витёк растерянно поводит в воздухе заскорузлыми конечностями.

— Шу-у-чу, — протянул Чума, расплывшись в улыбке. — Не стану тебя в расход вводить...

— Это... как?

— А-а!.. — Уяснив двусмысленность своего обещания, Чума загоготал. — Не бойсь! И жив будешь, и бабок отсыпем!

— Может, я того... домой?.. — почувствовав себя в высшей степени неуютно, молвил Витёк осипшим голосом. — Адресок дам, буду ждать... А то — дела, да и вообще... Собака не кормлена...

Вместо ответа Чума взглянул на него столь грозно и пронзительно своими гадючьими зенками, что бывшая лагерная шестерка тут же жалобно поправилась:

— Хотя — раз надо, так надо... Вашей головой — думать, моей — кланяться...

— Вот так-то лучше, — буркнул бандит.

ИЗ ЖИЗНИ ИРИНЫ ГАНИЧЕВОЙ

Жизнь в столице, поначалу представлявшаяся Ирине нескончаемой цепью новых знакомств и, соответственно, предложений разного рода работы и бизнеса, на поверку оказалась пространством с разреженной атмосферой какого-либо человеческого участия и заинтересованности к ближнему. Отчужденность друг от друга населяющих огромный город людей была едва ли не основой их бытия, а борьба за кусок хлеба насущного велась здесь с особым остервенением и безжалостностью.

Однако очутившись в вакууме собственной неостребованности, она не отчаивалась, методично завершая связанные с переездом дела: удачно продала прежнюю квартиру, перевезла на новое место жительства дорогую ее сердцу утварь, устроила детей в школу и постепенно стала налаживать и укреплять прежние шапочные знакомства с людьми из министерства, которых знала благодаря прежним командировкам.

За должниками еще оставалась сумма в двести тысяч долларов, однако дошедшая до них новость об отстранении Ирины от дел существенным и естественным образом повлияла на прежнюю готовность платить по счетам, и вероломные обещания Ганичевой относительно будущих поставок нефти обернулись, как и следовало ожидать, подобного же рода заверениями в погашении оставшейся задолженности. При этом в голо-

сах заверяющих, уяснивших ее уловку со срочным приобретением квартиры, отчетливо слышались злорадные и мстительные нотки.

Противопоставить что-либо бесстыдству неплательщиков Ирина не могла: попытка решения дела в официальном порядке означала возникновение вполне понятного интереса к ее персоне со стороны налоговых служб, а обращение к неформальным, то бишь, криминальным адвокатам, было чревато непредсказуемыми последствиями, поскольку, как она слышала, у должников имелась свирепая и давняя уголовная "крыша".

Одна из министерских дам, ставшая с недавней поры поверенной свежепомазанной москвички, и с удовольствием навещавшая ее званые обильные ужины, с решением проблемы возврата долга пообещала помочь, обронив, что ее дальний родственник, недавно переживший аналогичный конфликт, сумел получить долг сполна благодаря наивлиятельнейшему в криминальных кругах лицу, способному выколотить деньги хотя бы и из самого верховного главнокомандующего.

Подобная характеристика загадочного уголовного авторитета страшила, но одновременно и обнадеживала, и потому, решив, что первый предварительный разговор ее ничем не обяжет, Ирина попросила подругу устроить ей встречу с всемогущим вышибалой теневого капитала.

Вышибала оказался представительным, со вкусом одетым мужчиной лет пятидесяти с небольшим; неукротимость и твердость его волевой натуры сквозили в каждом жесте и слове, миг заворожив Ирину, впервые, возможно, почувствовавшую себя податливо-беспомощной и потерянной; однако превосходством своего положения гость не злоупотреблял, был снисходительно насмешлив и участлив в расспросах, хотя небрежно-циничные интонации его тона сеяли в Ганичевой пугливые сомнения.

Александр Иванович, как представился респектабельный вышибала, ходить вокруг да около предложенной ему темы не стал. Заключение, что по существу описанной ему ситуации, потерпевшая стоит на самой, что ни на есть, неуязвимой позиции, он предложил услуги в восстановлении справедливости, обозначив стоимость процесса восстановления в тридцать процентов от общей суммы. При этом заметил, что никакие "крыши" его не пугают, однако для начала реальных действий ему необходимы установочные данные на должников. В том, конечно, случае, если его персону вызывает доверие у милейшей дамы, чье разочарование и боль, вызванные кознями подлых мерзавцев, он готов разделить, воздав обидчикам слабых сполна.

Она начеркала на листке название и адрес фирмы, предъявила ксерокопии долговых расписок с автографами ответственных лиц.

— Получат козлы по рогам! — уверил ее Александр Иванович, убирая бумаги в карман элегантного, в маленькую клеточку, пиджака.

На следующую встречу, необходимую ему для уточнения некоторых данных, касающихся личностных характеристик руководителей недобросовестной фирмы, он приехал с влажной охапкой черно-багровых роз, огромным тортом и с пластиковой, перевязанной ажурными лентами коробочкой с коллекционным испанским вином. Вручая цветы, пояснил:

— Не люблю являться в приличный дом с пустыми руками. А тем более в дом, где обитает такой редкой красоты женщина...

Ирина зарделась.

Наслышанный об увлечении Антона каратэ, Александр Иванович подарил мальчишке настоящее японское кимоно, а Оле — тоненькую золотую цепочку с медальончиком.

Стоимость детских подарков недвусмысленно указывала на определенные симпатии Александра Ивановича к родительнице, но лепет Ирины относительно непомерной щедрости гостя он пресек, заявив, что дешевок и жмотов всегда презирал, и дарующий прежде всего приносит радость самому себе, как, впрочем, становится богаче и тот, кто возвращает свои долги.

В этот вечер они засиделись допоздна, обсуждая проблемы текущего бытия и рассказывая друг другу о собственном прошлом.

Александр Иванович не скрывал, что многократно сидел, в основном, правда, за незаконные валютные операции, ныне, после свержения проклятого большевизма, ставшие бытовой нормой; при этом нисколько своей тюремной биографии не стеснялся, и главные постулаты личностного мировоззрения формулировал так:

— В России у каждого за спиной зона маячит, просто не каждый шею вывернуть в ту сторону желает, да присмотреться, призадумавшись... Вот ты, Ира, коли уж на брудершафт выпили, и толкуем, как товарищи, скажи: эти двести штук — что, личным ударным трудом заработаны? Нет, просто сколотилась у вас компашка с долевым участием, и кто в нее не попал, тот нефть качал и разливал за гроши, а кто попал, тот, рук не мара, сидел в белой рубашечке-блузочке, да выручку пересчитывал за конечный продукт... Так ведь? Потому вывод: как ты украл — неважно, главное — не попался. Вот и весь сказ. И чего лицемерить? Чего мораль разводите? Кстати, эти, сегодняшние... — ткнул пальцем в потолок, — уже на ясном глазу заявляют: да, мой дом этот, к примеру, Газпром, и — баста! Посторонние — от винта! А кто его строил и налаживал — плевать! Я — хапнул и охранную ксиву в сейф положил. Вот и весь главный козырь. Прямой нагляд! И скажи чего против?.. Побурчали маленько сырые и заткнулись, свыклись. А что сделаешь?

Кто в компашку этих хаповиков не уместился, тому одно осталось — пресмыкание... А компашка сплотилась и очень даже внимательно за всеми ключевыми позициями следить начала, чтобы постороннего на них за три версты не подпустить! Вот такая кодла образовалась... И если платит кодла налог то как в общак, на свое же благо. А что других касаемо, то налог с них взывается под угрозой и — тоже в общак идет... А оттуда — отстежка на привилегии той же самой компашки. Замкнутый круг. А в компашке правила жесткие, потому что, не соблюдай их, не только из доли выковырнут, но ведь и посадят, как нечего делать... Ведь у каждого рыло не то чтобы в пушку, а в бородище путаной до колен... Так что, Ира, закон в России один: или воруй грамотно, или прозябай. А кто прозябает, тот, как слабенький зайчик в лесу дремучем и голодном: непременно сожран будет. — Подумав, прибавил, наливая в бокалы вино: — Ну а мы выпьем с тобой за свою компанию... Как думаешь насчет такого предложения?

Она лишь послушно кивнула.

Дети уже спали, когда, встав из-за стола, он подошел к ней, приподнял за локти и властно прижал свои жесткие губы к ее — податливо распахнувшимся...

Вскоре он переехал жить к ней, став полновластным хозяином в доме.

Несмотря на изрядный возраст, — Александру Ивановичу, оказывается, перевалило за шестьдесят, он был неутомимым и искусным любовником, хотя порой секс с ним отличался жесткостью и чрезмерно извращенными, как ей казалось, фантазиями; однако в быту относился он к ней ровно, иногда проявляя трогательную, предупредительную нежность; много времени посвящал детям, возил их на дачи к своим друзьям, откуда те возвращались, сияя гордостью за своего старшего друга, почитаемого людьми известными и властительными.

На Олю и Антона каждодневно сыпались всевозможные дары: золотые украшения, престижные тряпки, а что касается Ирины, то вскоре Александр Иванович принес ей первую выплату от должников — десять тысяч долларов, сказав, что у фирмы действительно серьезные проблемы, но к концу года окончательный расчет, включающий начисленные им проценты, будет непременно произведен. От каких-либо гонораров он отказывается, ведь они — одна семья, а кроме того ему вполне достаточно собственных денег.

Ирина была счастлива. Безоглядно и упоенно. Порой ей даже казалось, что в эйфории этого счастья есть что-то настораживающе странное, но мысль о сути этой странности набегала и исчезала, как проскользнувшее под солнышком облачко...

Транквилизаторы и наркотики, в диких количествах подмешиваемые ей в еду и питье воров Крученым, неуклонно делали свое дело: Ирина постепенно сходила с ума.

КРУЧЕНЫЙ

Судьба, как не без оснований полагал Крученный, преподнесла ему внезапный и роскошный подарок: практичная и состоятельная женщина Ирина Ганичева, обладательница роскошной четырехкомнатной квартиры в спальном районе столичного Юго-Запада, на поверку оказалась безвольной, глупенькой курицей, тотчас же угодившей в его незамысловатые сети комплиментов, подарочков-трофеев, взятых при квартирных налетах и — обещаний выбить долг.

“Крыша” у оппонентов Ирины была крепкой, однако авторитет Крученого свое дело сделал, долг был признан и половину его он сразу же получил, отдав некоторую толику заказчице, в скором времени должной ни малейшей нужды в каких-либо дензнаках не испытывать, ибо обильные и каждодневные дозы зелья, замешанные корешком Чумы по кличке Аптекарь, вскоре должны были превратить хваткую, сообразительную бабенку в блаженную, непоправимо свихнувшуюся особь, навечно прописанную в палате дурдома.

Когда психперевозка увезла бессмысленно улыбающуюся и распеваящую арии из опер и оперетт Ирину к ее собратьям по несчастью, Крученный, усадив за стол Антона и Ольгу, сообщил, что болезнь их матери, связанная с потерей работы и денег, с которыми смылись в неизвестные дали ее должники, эта болезнь поддается лечению крайне тяжело, а потому он, заботливый и ответственный отчим, обязанности попечителя и наставника отныне берет на себя, требуя беспрекословного подчинения всем его указаниям и пожеланиям.

Собственно, подобного рода декларация была излишней: каждое его слово дети ловили с вниманием и восторгом.

Как только Ирину увезли в больницу, на всякие хождения в школу был наложен категорический запрет: нечего забивать себе голову дурацкими формулами и книжонками, он сам ответит им на все вопросы и даст любые, действительно необходимые знания.

Что же касается школы каратэ, посещаемой Антоном, то это — дело стоящее и похвальное: умело сворачивать головы недругам — искусство, чья востребованность неизбежна в той красочной и увлекательной судьбе, которую он уже уготовил своему воспитаннику...

Подъехав вместе с Чумой ко входу в подвал, где располагалась шарашка по обучению восточным единоборствам, Крученный повторил подчиненному бандиту инструктаж, глядя на висевший у двери рекламный плакат с изображением двух бойцов со зверскими рожами, один из которых пяткой расплющивал нос другому в прыжке, которому мог бы позавидовать матерый самец кенгуру.

По ходу инструктажа сообразительный Чума вставлял ремарки, корректирующие предстоящее охмурение несмышленища Антона.

Раскрасневшийся пасынок, выйдя из подвала и узрев машину отчима, расплылся в довольной улыбке от подобной заботы и ощущения превосходства над сверстниками: небрежно уселся на глазах товарищей в роскошный "линкольн", дожидаящийся тебя на выходе с тренировки, — это кайф!

Первым делом поехали перекусить в маленький уютный ресторанчик.

Одной рукой поглаживая Антона по голове и другой щедро подкладывая ему дымящуюся аппетитным парком снедь в тарелку, Крученый с озабоченностью выговаривал, что юному атлету необходимо регулярно и качественно питаться, дабы стать настоящим, сильным мужчиной.

Подыгрывая расписанному сценарию, трогательную заботу проявил и Чума, невинно спросив, есть ли у Антона девушка. Узнав, что парень питает симпатии к одной из одноклассниц, тем же нейтральным тоном уточнил, хороша ли девчонка в постели?

Лицо Антона вспыхнуло густым пунцом.

— Э, брат, ты чего? — искренне изумился Чума, присвистнув. — Ты ее не это?.. Или она тебе, вроде, как статуя какой безрукий из музея? Ее ж надо по полному графику, ударными темпами, иначе до них не доходит... Иначе она тебя, как козла на поводке водить станет... Чего на меня глазами сверкаешь? Правду тебе говорю жизненную. Думаешь, ей твои вздохи и всхлипы нужны? Так это только сейчас... А завтра ей другое подавай, сама не отстанет... Не веришь?

Антон лишь смущенно пыхтел.

— Вот, кстати, и мое упущение... — задумчиво выпятил губу Крученый. — Как я о главном-то не подумал?.. Ты, Антоша, кореша нашего не стесняйся и не серчай на него — он парень искренний, простой... И правды не таит, чего думает, то и режет... А вот насчет женского полу я с ним согласен — с бабами надо решительно, строго, чуть что — по рогам!.. Ну, вообще-то, прежде, чем уложить дамочку в постель, желательно поцеловать ей ручку, это им нравится... А дальше — рви ее, как вепрь, понял? — Прищурился испытующе. — Ну, а теперь признайся, тут все свои... Ты хоть раз пробовал?..

— Н-нет, — с натугой прохрипел Антон, глядя в тарелку.

— Понял, ничего страшного, — деловито отозвался Крученый. — Любой вопрос состоит из двух частей: из загогулины кривой и конкретной точки. Загогулину мы, считай, проехали, а вот точку... — Выжидающе уставился на Чуму.

— Точку поставим! — бодро откликнулся тот. — Прямо щас отзвоню телкам, пусть две самые классные подкатят... Чтoб все парню показали, чтoб без формальностей...

— И чтобы чистые были, отвечаешь! — насупил брови Крученый.

— Ясный месяц! К тебе их на хату везти?

— К нам... К нам на хату! — хлопнув мальчишку по плечу, поправил Чуму доброхот.

Шлюх из подчиненного Чуме борделя и в самом деле привезли отборных — двух ладных, смазливых украинок, надлежащим образом проинструктированных “мамочкой”.

Антон, которому Крученый заблаговременно дал попробовать анаши, икал, обалдело таращась на обнаженные женские прелести.

Проститутки, беспечно посмеиваясь, раздели его и уложили в постель.

Чума остался на кухне в качестве надзирающего за обстановкой, а Крученый, прихватив бутылку вина и бокалы, прошел в комнату к Оле, присел рядом с ней на кровать.

— Какая-то Олечка ты сегодня квелая... — произнес, обняв воспитанницу за плечи. — Что сердце гложет, красавица, поведай?

— Что там за девчонки приехали? — испуганным шепотом отозвалась она.

— К Антоше гости, — добродушно поведал Крученый, наполняя до краев бокалы. — Парень он молодой, надо ему, понимаешь? Понимаешь, нет?! — повторил с напором.

Она осторожно пожала плечами, отведя взгляд в сторону.

— Ты отвечай, когда спрашивают! — повысил он голос.

— Ну надо так надо...

— А тебе интересно взглянуть?

— Вот еще... — фыркнула и осеклась испуганно — прежде подобный тон со своим благодетелем позволить себе она не могла.

— Значит, отсутствует любопытство... — ледяным голосом произнес Крученый. — Зря, много теряешь. — Беспцеремонно помял ее грудь. — Подросла девка, пора бы... Ну-ка, раздевайся...

— Да вы что, дядя Саш... — В голосе ее сквозило отчаяние.

— Ладно, давай выпей стаканчик, надо тебе настроение поднять, чувствую...

— Не хочу я...

— Я тебе дам — “не хочу”! — Он легонько хлопнул ее кончиками пальцев по щеке. — Ну-ка... без разговоров! Пей!

Он влил в нее всю бутылку вина, затем, слабо сопротивляющуюся, еле ворочающую языком, раздел, и, зажимая грубой сильной ладонью рот, разверзнутый в немом крике, изнасиловал.

Насиловал долго, наслаждаясь покорным и хрупким девичьим телом, утробно рыча и скрипя зубами.

Один раз, перепутав, видимо, комнаты, дверь открыл голый, одуревший от анаши и бесстыдного блуда Антон. Ошалело посмотрев на отчима и сестру, мотнул головой, словно отгоняя навязание, но услышав рык Крученого: “Вали!” — моментально ретировался, подчинившись своему нынешнему властителю.

А следующим утром, Крученый, проснувшись возле девочки, неподвижно лежавшей в постели с пустым взглядом, устремленным в потолок, грубо приказал:

— Чего разлеглась? Завтрак иди готовь!

— Дядя Саша... — прошептала она. — Мы что же теперь?.. Я что, ваша жена? А мама?

— С мамой разберемся, — буркнул он. — И с тобой у нас все будет, как надо. Иди-иди...

— Там Антон... — смущенно произнесла она. — И этот ваш...

— Чума? — зевнул Крученый, сознавая, что свою миссию надсмотрщика и циничного наставника над одуревшим от разнузданного разврата юнцом бандит исполнил с надлежащим коварством и искусностью опытного психолога.

Позавтракали, внимая шуточкам-прибауточкам Чумы, потом поехали в гости к одному из воров, живших в пригороде, жарили шашлыки, пили, затем настало новое утро, и, сидя за столом, Крученый, подмигнув Чуме, обратился к подавленно молчащим подросткам:

— Пора, ребята, заработать нам денег на хлеб насущный... И коли мы одна семья, то и бизнес у нас, выходит, семейный... Значит, так. Должен мне один фраерок денег. Но вот тянет с долгом, тянет, паскуда... А должок... — указал на заставленный яствами стол, — это то, что нам завтра есть и пить, на что тебе, Антоша, девок выписывать... В общем так: ты, — кивнул на Олю, — едешь с нами. Поднимаемся на этаж, где гнида эта тaitся; одеваешь, солнце мое, халатик домашний, звонишь в дверь, говоришь, что, мол, я — ваша соседка снизу, у вас протечка, нас заливает... Ты, — обратил взгляд на Антона, — сядешь на корточки у нее за спиной. Чума — за тобой. Я с ребятами — возле лифта... Как дверь откроется, влетаете в хату. — Усмехнулся. — Чума подтолкнет... Мы — следом. Ну и все, — улыбнулся беспечно. — Дальше наши дела, как с терпилами беседы беседовать. Спускаетесь к машине и ждете. Понятно? Или трусим?

— Да я чего? Я — всегда... — пробормотал Антон.

— Я всегда! — передразнил Крученый. — Ты, кстати, вчера на даче еще одну телку окупил, как мне тут доложили? Презервативом-то пользовался? А, раздолбай? А то еще лечить тебя... Нам тут с Ольгой заразы не надо, учти!

— Да он с головой парень! — вступился за своего подопечного Чума.

— Ну то-то... — Голос Крученого потеплел. — А то ему — удовольствие, а мне потом расхлебывай... Правда, Олечка? — внимательно посмотрел на девочку, механически ему кивнувшую.

Многоопытный Чума лишь покачал в недоумении головой: вот дела, вот куролесит вор с подскоками, вот черт натуральный...

— Ну, пора на дело. — Крученный встал. — Весло, небось, уже зажался. А тебе, Антоша, вот еще что скажу: ты в этой секции своей присматривай пареньков подходящих. Таких... Чтобы на красный свет перли без тормозов... Есть на примете? Вот и хорошо, в гости ребят пригласи, без подарков не останутся, меня знаешь...

Только после третьего налета на квартиры коммерсантов до Антона дошло, что история с выбиванием долгов — блеф.

— Я же вчера телевизор смотрел, видел... Та квартира, где мы были! — плачущим голосом выговаривал он своему “повелителю”. — Я диван узнал, буфет... Все убиты...

— И чего? — невозмутимо спросил Крученный, поглядывая на окаменевшую от испуга Ольгу. — Чего еще плели?

— Что пожар был, от газа все вспыхнуло...

— Во. Правильно, от газа... — согласился Крученный. — Считай, списано. Проехали. Думаешь, интересно ментам себе на шею лишнее дело вешать? Не, у них и так дерьма невпроворот.

— Но если поймают...

— Утри сопли, кого еще поймают? Уж если поймают, то не тебя, а меня. Ты — кто? Или она? — указал на Ольгу. — Малолетки! Сказал отчим, что долги получать едем, вот и поехали. Или мусорам ломануть хочешь? Ну так это, — усмехнулся тонко, — это уже измена, Антоша. И тогда выгораживать тебя не стану. Тогда ты — мой сообщник. И, считай, устроился на нарах прочно, врос в них. Будешь вставать в тюрьме с первыми петухами... Я тебя, вроде, об их мытарствах просвещал... Во-от. А уж коли запалишься ненароком, но твердо станешь мазу держать, то в любой камере коротко объявляешь: я — сын Крученого. И — все. Жить будешь не хуже, чем на воле, пальцем тебя никто не тронет, на цырлах вокруг все будут выплясывать. И менты, и блатные. А дрогнешь, хана тебе, ад у тебя под копытами развернется, геенна смрадная... Давай, в холодильник слазай, икорки черной нам с рынка прислали, покушаем... Олечка, вон, голодная... О сестре не думаешь совершенно! Кстати... — Полез в карман, достал изящное колечко с крупным, чистым изумрудом. — Ну-ка, миленькая моя, давай пальчик... О, как идет тебе... — Откинул восхищенно голову. — Лепота! К тому пальчику колечко, угадал я!

А вскоре, лежа с Крученым в постели и привычно припав щекой к его груди, Ольга заговорщеским тоном сообщила ему, что познакомилась с молодым мужчиной, который довез ее на своем “кадиллаке” до магазина, а после предложил пообедать в кафе. От предложения она не отказалась, а когда кавалер пригласил ее после обеда домой, то поехала с ним, навестив апартаменты столь роскошные, что ее ухоженная квартира ныне представляется ей убогим сараем.

— И сейф у него есть в стене, — говорила она доверительно. — Он код набрал, дверцу открыл, а там денег — сплошные пачки... И коробочки всякие сафьяновые... Драгоценности, наверное, дядя Саш...

— Ты чего... — спросил Крученный сквозь зубы, — легла с ним? Ну, — упер колючий взор в поджавшуюся девчонку, — отвечай!

— Ну... всего один раз...

Крученный задумчиво пожевал губами. Что же... Устраивать скандал этой сучке не стоит. Пусть. Чем быстрее пооботрется в этой жизни, чем больше изощрится, тем лучше. Все равно его будет, какими бы сторонами не блуждала...

— Знаешь, что с тобой сделаю, если хворь какую мне принесешь? — спросил грозно.

— Да я с резинкой...

— Ну то-то! И помни: башку отрежу...

— Да вы чего, дядь Саш... Я ж не дура...

— Вообще... Как можно в машину к незнакомым мужикам запрыгивать? Вдруг — насильник какой или грабитель?..

— Да он хороший, я сразу поняла.

— Адрес этого хорошего запомнила?

— Конечно, записала даже.

— Вот и дура! Мозги молодые, запомни и храни все в башке! Башка-то у тебя золотая... — потрепал ее по мягким, пышным волосам.

МАЙОР ПАКУРО

Служба в РУБОП преподносила майору Пакуро регулярные сюрпризы, и были эти сюрпризы, как правило, малоприятного свойства.

Вот и сейчас, бродя по квартире, где произошло убийство, он, рассеянно наблюдая возню экспертов, раздумывал о кульбитах и несообразностях судеб своих подопечных, приходя к мысли, что несообразности эти подопечные исподволь или нарочито создают себе сами, ступая на разного рода авантюрные стези... Но все же такого поворота в судьбе убитой Валентины Рудаковой, бывшей начальницы кредитного управления одного из коммерческих банков, он ожидать не мог.

Лишь на прошлой неделе было принято решение об оперативной разработке ответственной банковской служащей по факту ее связи с чеченскими мафиозо, отмывающими через банк черную долларовую наличность, и — нате! Разработку теперь придется осуществлять паталогоанатомам, а ему, Пакуро, прибавится еще одно текущее дело, связанное с насильственным отправлением в загробные дали некогда благополучной и даже респектабельной дамочки.

Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что убийца был Рудаковой знаком и в квартиру она его впустила без принужде-

ния; далее, судя по всему, между хозяйкой и гостем состоялся некий принципиальный разговор, и итогом разговора стал выстрел из мелкокалиберного пистолета, оборвавший ее жизнь. После мерзавец застрелил дочку Рудаковой, убрав таким образом свидетеля.

Гильз не оставил — возможно, стрелял из переделанного под боевой патрон газового “барабана” или же самоделки, на что указывали застрявшие в черепах жертв пули: убойная сила оружия была невысока. Велась бы стрельба из того же расхожего “Марголина”, свинец прошил бы головы убитых навывлет.

Зато оставил убийца странное послание, начертанное губной помадой хозяйки на зеркале в ванной и предназначенное, видимо, для Пакуро. То есть, не персонально для Пакуро, а для того, кто будет вести расследование и кем оказался именно он, майор РУБОП. Странное послание состояло из трех частей: исламский знак, изображающий полумесяц со звездой, короткий текст на турецком, предположительно, языке, и — номер телефона.

Полумесяц со звездой обозначал, судя по всему, косвенную или же прямую причастность злодея к мусульманскому миру, если, конечно, тот не ставил себе целью отвести следствие на ложный путь; текст на турецком гласил, что тот, кто хочет с убийцей пообщаться, легко может это сделать, позвонив по указанному ниже телефону, а сам телефон принадлежал редакции одной из известных газет. И, как выяснилось буквально несколько минут назад, относился телефон к отделу редакции, ведущему рубрику: “Телефон невозможных встреч”.

В рубрике печатались воззвания тех, кто потерял друг друга на этой земле и не чаял встретиться вновь при помощи популярного издания.

Убийца определенно обладал некоторым чувством черного юмора, причем механизм этого юмора нуждался в исследовании квалифицированного психолога, который в штате РУБОП числился, и чьими услугами майор решил в данном случае не пренебрегать.

“Итак, — крутилось в голове у Пакуро. — Версия номер один: покойная Валя поссорилась со своими чеченскими клиентами. Поскольку чеченцы, имеющие отношения к банку, контролируются РУБОП плотно, а с этого часа и круглосуточно, их причастность к убийству должна проясниться довольно-таки быстро. Начнутся обсуждения свершенного, проскользнет вторичная информация... Версия номер два: убийство на бытовой почве, что означает неизбежную рутину — тщательную проработку всего круга знакомых покойницы. Муторный, тоскливый процесс... Однако, чувствуется, неизбежный. А коли душегуб подбрисил телефончик газеты, придется “волей-неволей” знакомиться с кучей сотрудников этого средства массовой информации, устанавливая, где в определенный период времени эти сотрудники находились. Данная версия включает в себя и корист-

ный мотив: вдруг в квартире хранились существенные ценности? Тем более, кошелек покойницы оказался пуст, но золотые побрякушки, с другой стороны, не взяты... Наконец версия номер три, самая, что ни на есть, противная в своей загадочности: убийство связано с профессиональной деятельностью мужа Валентины..."

Именно благодаря этой версии сюда, на квартиру, уже выехали офицеры ФСБ: муж убитой работал дипломатом в одной из исламских стран, где символ в виде полумесяца со звездой был популярен не менее, нежели в России — двуглавый орел...

Вздохнув, майор посмотрел на цветную фотографию в резной ореховой рамке, стоявшую в нише буфета: мужчина, женщина и девочка сидят на солнечном песчаном пляже на берегу моря. На лицах всех троих — печать беспечного отдохновения и счастья от сознания сплоченности своего маленького родного сообщества...

И даже не верится, что двоих персонажей этой жизнерадостной фотографии уже везет в черных пластиковых мешках в судный морг труповозка.

От философских размышлений о хрупкости человеческого бытия майора оторвал вернувшийся с опроса соседей верный напарник — капитан Борис Гуменюк.

— Ну, вот, потолковал с народом, — доложил он прямо с порога. — Вести обычные: никто — ничего... Публика к ней захаживала разнообразная, кое-кто бывал регулярно; предварительные описания собрал... Выстрелов соседи не слышали... Записную книжку ее нашли?

Пакуро отрицательно покачал головой.

— Значит, этот унес...

— А почему не *эта*?

— Интуиция, — ответил Боря небрежно. — Я, конечно, не экстрасенс, но... мужик тут накуролесил, нутром чувствую. Кстати... Последний раз с мужем она виделась восемь месяцев назад, как соседка сказала. Ездил к нему за границу с дочерью.

— Версия с любовником? — прищурился Пакуро скептически. — А что? Элементик рабочий... Хотя и из категории копания в грязном белье... Но нам, как прачкам, мораль позволяет...

— Где только время взять на эти элементики рабочие? — с усталым раздражением отозвался Борис. — Тут каждый день их по целой периодической таблице плюсуется! Благодаря всяким химикам...

— Ну кто его знает, может, господа из ФСБ дело к себе заберут? — предположил Пакуро. — Тогда во всех смыслах, прости Господи, баба с возу...

— Ну тогда и болягу с чеченскими банковскими махинациями им заодно перепулим, и "наружку" свою от дополнительных забот избавим... Ты готов поверить в эти замечательные чудеса? Нет? Правильно, товарищ майор, дело будет обстоять по-друго-

му: московская кутерьма ляжет на нас, а на них — всякие заграничные таинства, связанные с персоной супруга покойной. Такое вот разделение труда — гарантирую.

Приехавшие корректные чекисты, с многозначительным видом рассмотрев оставленную убийцей надпись на зеркале в ванной, сказали, что муж-дипломат о случившемся извещен, сегодня они встречают его в аэропорту и начинают с ним работу.

Кроме того берут на себя и возможные контакты убитой с сотрудниками редакции, в частности — с ведущими рубрики “Невозможных встреч”.

Данный факт и Пакуро, и Гуменюка немало порадовал и озадачил: с плеч сваливался груз огромной кропотливой работы, любезно взятой на себя спецами из госбезопасности.

— Ну хоть чуть-чуть кислорода прибавилось, — усаживаясь в служебную машину, говорил напарнику майор. — Удружили ребята. А ты говорил... Давай в банк, начинаем устанавливать контакты бедной Вали...

— Да, благородно... — в изумлении качал головой Борис. — И, вроде, не мальчишки, а энтузиазм, какой стажерам положен...

Уже на подъезде к банку зазвонил сотовый телефон. Извиняющийся голос чекиста, с кем они расстались пятнадцать минут назад, произнес:

— Мы только что говорили со своим руководством... По поводу расследования в редакции...

— Угу, и руководство сказала, чтобы вы не отвлекались на мелочи, — продолжил за собеседника майор.

— В общем, да...

— Понятно, займемся и редакцией — Пакуро, покосившись на Бориса, увидел на его лице кривую догадливую усмешечку. Отключив связь, сказал: — Сюрпризов в нашей жизни, товарищ капитан, до хрена... Но пора бы нам привыкнуть, что все они также — хреновые. И где подарок, там жди подвоха. К нашему берегу все, что полегче: дерьмо и бревна...

— В общем, я оставляю тебя в банке, а сам качу в редакцию... — отозвался Борис.

— Во-от! — Пакуро многозначительно поднял палец. — Это называется: первоначальная версия стала версией итоговой. На счет реального разделения труда...

ВИТЁК

Два дня Витёк жил на одной из съемных квартир Чумы с одним из его подручных по кличке Весло — долговязым угрюмым типом лет сорока, с мертвыми, как у дохлой рыбины, глазами и могучей жилистой мускулатурой, испещренной тюремными наколками.

Суда по его рассказам, Весло контролировал три борделя с проститутками, приехавшими в столицу на заработки из нищих Украины и Молдавии.

Каждодневно пили, обильно закусывали, беседа о жизни в зонах и вспоминая общих знакомых по нарам, а также устраивали "субботники" являвшимся в приказном порядке шлюхам.

Чума навестил квартиру под утро третьего дня этой пьяной разухабистой неволи. Был он сосредоточенно суров, нетороплив в словах и в жестах.

Усевшись на диване, глотнул минералки из поданной Веслом пластиковой бутылки; сморщившись, сплюнул на изгвазданный ковер с блеклым, едва различимым узором:

— Левак, сода с солью... Чем, сука, травишь?! — И наотмашь отбросил бутылку в невозмутимую морду подчиненного. — Сок принеси... — Затем, помедлив, обратился к Витьку: — Ну, пробили мы твою историю. — Выждал паузу. Затем зловещим тоном спросил: — Добавить к ней ничего не желаешь?

Мысли Витька сразу же заполошно обратились к проданному соседу пистолету.

— Ну-у... разве... Пушку одну я продал, — сказал, стараясь придать голосу развязную уверенность. — Хотя — какая там пушка! — недоразумение житейское... Газовик, под мелкашку сляпанный...

— Во, видишь как... Выплывают новости! — заметил Чума и совершил глубокий глоток из принесенного ему пакета с соком.

— Так ведь имел право! — позволил себе дерзость Витёк.

— Ну... — Чума поиграл задумчивыми морщинами на лбу. — Может, оно и так, свое продавал... Но только есть тут одна заковыка, к ней еще воротимся, и не на полусогнутых... Воротимся! — пообещал со значением. — А пока вопрос: с бабками вы как решили? Поровну разъехаться?

— С какими еще бабками? Кто с кем решил? — Витёк возмущенно привстал со стула, но тут же, ощутив на плечах чугунные длаи вставшего за его спиной Весла, опустил на место, положив руки на бедра, как послушный школьник.

— Вот и еще новость, — констатировал Чума лениво. — Про бабки ты, значит, не в курсе...

— Да... вообще! — выдохнул Витёк недоуменно.

— Тогда объясню, — продолжил Чума вдумчиво. — Кореш твой — не дурак парень, свинтил из мусорской не только стволы, но и бабки. Хорошенькую, скажу по секрету, сумму! Одних рубликов — целый мешок. Они же там экспертизу, оказывается, проводят, мусора эти... — пояснил, обратившись к замершему за спиной пленника Веслу. — Волены, купюры... На все руки мастера! Вот. А ты, Витюха, значит, мешка этого в помине не видел? Ась? — Поднес глумливо ладонь к уху.

— Еще раз говорю... — с пламенной интонацией начал допрашиваемый, но Чума, лениво отмахнувшись, перебил:

— А я верю... Чего тебе врать? Коли срубили вы бабки, то какие у меня претензии? Никаких. Орлы, да и только! А вот коли

не знал ты про купюрки, то чего же выходит? Выходит, что кореш твой тебя вообще влегкую поимел, так?

— Ну да...

— А тогда мы тебе, Витёк, поможем... — произнес Чума, загадочно и жутковато осклабясь в гнусной своей улыбочке. — Поможем вернуть долю. Так? Или сам с корешем разберешься?

— Да за такой "развод" его, крысу, в тисках прессовать надо по квартальному графику! — с чувством проговорил Витёк. — Ну я его!.. Не, — поправился, — конечно, вместе с тобой прищемим гниду, это — ясно...

— Тогда, Весло, наливай, обсудим проблему. — Чума вновь преисполнился озабоченности. — Куда же хрен этот мог подевать бабки? Ты в сумках его хорошо смотрел?

— Я ж их к себе забрал, он пустой из тачки вышел!

— Ну, будем! — Чума выпил на одном дыхании поднесенный стакан водки.

Примеру его последовал и Витёк. Через полчаса, заискивая глядя в бестрепетные глаза уголовников, он, прижимая ладони к груди, проникновенно рассуждал заплетающимся языком:

— Ты мне, Чума, верь! Это кто такой, Леха замотанный? Фуфель, лох ухищренный... А мы же свои пацаны, мы же друг с другом, как это... Не видеть мне белого света! Все по понятиям, правильно?

Чума коротенько и покладисто кивал, то и дело с презрительной хитрецей подмигивая в сторону ухмыляющегося покровительственно Весла, но данной мимики у бандитов, позволяющих себе выслушать подлизывающегося к ним никчемного прилипалу, Витёк не замечал. Им руководило только одно желание: заслужить расположение окружающих его упырей.

К обеду подкатили вызванные Чумой две машины с подчиненными ему братками, Витьку дали несколько минут на сборы, и наконец щелкнул за его спиной замок проклятого притона...

А вскоре понеслось перед его глазами знакомое шоссе, ведущее домой, в деревню. Только суждено ли ему войти в свой дом? От вероломного и кровожадного Чумы он ожидал любой пакости.

Витька пробирал озноб. Опьянение ушло и мелькали в голове вопросы: что будет? Как пройдет разговор с Лехой? Даст ли Чума денег? Ведь ни о какой обозначенной доле речь не велась... И, чувствуется, неспроста! Ох, неспроста! Значит, не видать доли... Но лишь бы так! Главное — остаться живым. А это — еще вопрос!

Словно читая его мысли, сидевший рядом с ним с усталой прикрытыми веками Чума медленно произнес:

— С долей твоей разберемся на месте. Чего пока делить? Фраер слово скажет, от слова и плясать станем... Так?

— Это понятно... — пробормотал Витёк.

— Теперь. Второй фраер на месте будет? Тот, у кого пушка? Газовик этот?..

— Должен...

Больше за всю дорогу Чума не проронил ни слова, пребывая в какой-то отстраненной осовелой полудреме и лишь изредка шевеля, как сонный сом, своими бледными, в оторочке мелких шрафиков, губами.

А в голове поникшего Витька отчаянно стучало:

“Когда же все это кончится?!”

Машины оставили в лесных кустах, рядом с задними дворами поселка, к которому прошли по утопанной глиняной дороге, вившейся через лужок. После огородами пробрались к Лехиному дому.

Хозяин, в надетом на голое тело рабочем драном комбинезоне, стоял у притороченного к бревенчатой стене сарая верстака под кривым навесом и разбирал, орудуя гаечными ключами, бензопилу.

— Кто еще в доме? — шепотом спросил Чума Витька.

— Вроде, жены его нет... — пробормотал тот, глядя на пустое высокое крыльцо с перекинутым через перило полотенцем. — И дочери тоже, кажется... На ферму, видать, подались...

— Ну, проверь! — подтолкнул его в спину Чума.

Витёк, выйдя из-за куста сирени, открыл заднюю калитку. Обронил, направляясь к сараю:

— Здоров, Леха! Один?

— Ну... — настороженно оторвавшись от пилы, произнес тот.

— А куда бабы ушли?

— Известно куда, коров доить, у нас тут Тверских улиц нет... — отозвался Леха неприязненно. — Чего приперся?

— Да вот выяснить... — Витёк почесал затылок. — Какие новости... Вообще...

— Москву имеешь в виду? Не был еще там! — Леха вновь обрattился к пиле.

— А вот у меня новости есть... — Витёк приглашающе махнул рукой.

В тот же миг бандиты цепочкой вошли через калитку во двор.

Леха оторопел. Зловещая внешность незваных гостей не оставляла никаких сомнений в агрессивности их намерений. Глаза его округлились, руки судорожно заплесали по верстаку, словно нащупывая подходящий предмет для обороны, и эта нелепая жестикуляция заставила Витька невольно усмехнуться. Впрочем, усмешка вышла судорожной и горькой: чувства соседа были ему весьма близки и понятны.

— Так вот ты какой, мудрец сельскохозяйственный... — озаряясь своей жуткой улыбочкой, приветствовал хозяина дома Чума. — Ну чего, начнем беседу задушевную, козлик ты наш ненаглядный, вонючий... Имеются у нас, козлик, к тебе претензии, и немалые... И не по своей воле пришли мы сюда, а

за кореша заступиться, правды найти... — хлопнул Витька по плечу. — За что же ты, мразь, — произнес, пришептывая с яростью, — правильного пацана кинул, как дешевку?

У Лехи, окруженного свирепыми бандитскими рожами, подталкиваемого к стене сарая литыми плечами, застучали в испуге зубы и подогнулись колени.

— Ну давай выкладывай про бабули, — начал Чума, неторопливо доставая из рукава куртки заточку и приставляя ее острое жертве под подбородок. — И попробуй фуфло прогнать, приколю к плоскости, как ботаник бабочку...

Истекающий смертным потом животного страха, Леха без утайки поведал предысторию ограбления. Услышав о сумме, похищенной из отдела экспертизы, лишь растерянно, будто отгоня ная наваждение, провел ладонью по лицу. Промямлил:

— Вот, значит, как... Так я и думал... Наколола, ведьма! Я только четыре штуки из ящика взял... Только четыре! Клянись!

— Значит, баба братца твоего все учудила, — подвел итог Чума. — Ну, ладно, коли так... А твои-то баксы где? Надо, — кивнул на Витьку, — отстегнуть подельничку... Да и нам причита-ется.

— Да моя... убрала... — Леха виновато развел руками. Затем кивнул на пилу. — Вот... инструмент еще купил... Забирайте, коли надо...

На лицах бандитов задергались брезгливые ухмылки.

— А моя с фермы придет, значит, я сразу...

Договорить Леха не успел: Чума, отведя в сторону от его подбородка жало заточки, тут же, резко вывернув кисть руки, всадил узкое лезвие по рукоять в глаз жертве.

Витёк, поскуливая от ужаса и ощущая горячую влагу в штанах, отпрянул в сторону.

— Чего дергаешься? — спокойно проронил в его сторону Чума, глядя на оседающий у края верстака труп. — Раскололи бы твоего лоха менты одним ногтем, как орех гнилой, вот тогда бы ты и подергался... А так — концы срезаны, пароход отчалил в туман... — Зыркнул на Весло, разворачивавшего невесть откуда взявшийся плотный пластиковый мешок на "молнии". — Пакуй жмурика и в тачку его — быстро! В лесу прикопаем. Тут все перчиком покропите... Для собачки. Ты, Антоша, — кивнул в сторону молодого высокого парня с румяным лицом, — со мной на второй разбор гребешь... Ты, — указал на Витьку, — тоже... Соседа твоего щупать будем.

Сосед Юра Хвастунов, пивший чаек с пряниками и смотрящий телевизор, к визиту Витька и двух бандитов отнесся совершенно спокойно.

— Вот... — как бы в извинении покосился Витёк на Чуму, — незадача у нас, Юра, вышла. Пушка — кореша. И, значит, думал я, что... В общем, Юра, все бывает... Надо, короче, вернуть.

— Ты на него, Юрок, не сердчай, — заметил Чума добродушно, пощелкивая длинными сильными пальцами в синих татуированных перстнях. — Ошибочку допустил Витюша ненароком. У нас с ним свои пирожки тухлые, сами и сжуем... А что денег ты дал, вот... — Чума бросил на стол четыре серо-зеленые сотенные бумажки. — Включая моральный ущерб. — Затем, упервшись в Юрия гадючьим взором своих очей, со значением прибавил: — Теперь за тобой слово... Ждем.

Юрий, равнодушно покривившись, отставил в сторону чашку с чаем, проговорил:

— Что ж, бывает... Обождите здесь... — И вышел из комнаты. Шаги его прозвучали на бетонных плитах, опоясывающих подножие дома, скрипнула дверь баньки...

Через минуту он появился в комнате с тряпичным свертком. Развернув широкий лоскут цветастой ткани, вывалил на скатерть пистолет, к которому незамедлительно потянулись узловые пальцы Чумы.

— Красавец! — пригнувшись к стволу "маузера", проронил бандит. — Э-э?... А чего гарью несет? Палил из него?

— Еще не успел, — процедил Юрий недружелюбно. — Каков ствол был, таким и возвращаю. Обойма полная, можете убедиться.

— Ну смотри...

— Это тебе теперь смотреть надо, — холодно произнес Хвастунов.

Чума, пристально взглянув на строптивного, чувствовалось, фразера, покровительственно усмехнулся:

— Удалой ты... экземпляр.

— Какой есть.

— Ладно, бывай... — Чума, передав пистолет румяному молчаливому бойцу, потянул Витьку за рукав на улицу, где уже сгустились, озаряя горизонт нежной розовой пастелью, теплые июльские сумерки. Выйдя за калитку, сказал: — А теперь стволы едем копать...

— Прямо сейчас? — перепугался Витёк.

— Прямо-прямо... — передразнил Чума. — Ты чего, в натуре, переживаешь? Тебя, что ли, на их место зароем? Не-ет, — покачал головой. — Тогда и лошок этот говорливый... — кивнул на дом Юрия, — тоже в распыл бы ушел... Неправильно, Витюша, мыслишь. Я перебора не люблю. А сосед твой, в случае чего, для алиби тебе сгодится, коли жмурика очень уж усердно шукать станут... Вместе чай пили, понял? Обувку мы тебе сменную дадим, чтобы со двора того чего на подметку не зацепил... Это, конечно, тоже перебор, но — полезный... А кончать мне тебя проку нет. Ты колоться не станешь. Чего тебе колоться? Чтобы в тюрьге на пику нарваться? Не тебя стращать и не тебе втолковывать, попарился со мной, все раскладушки знаешь, грамотный...

В лесу, уместив оружие в багажник машины, Чума, вновь обратясь к трясущемуся Витьку, миролюбиво заявил:

— Ну давай лапку, дружок. Прощаться жаль, но радуется сердце, что погулял ты на моей хате всласть, будет о чем вспомнить. Если будут проблемы с воздержанием, Весло подсобит, телефончик его знаешь. Об одном горюю: бабки, видишь, незадача какая, — менты сперли, мы тут не при делах... К их проискам не подступишься, вода там темна... Теперь — о доле твоей... Долю, считаю, мы отработали. Как говорится, кровью искупили. — Помедлил. Затем, покусав губы, продолжил со злостью и с напором: — Ты наконец врубился, что было бы, если Леху этого следок тряханул?! Сколько от его хаты до твоей легавым ковылять? Усекаешь?

— Ну... — покорно согласился Витёк.

— Дальше едем. Должок твой покрыли с лихвой. Сотенную подклеили, жаться не стали, так?

— Ну...

— Теперь вопрос: сколько, считаешь, я тебе еще должен? — кивнул Чума на багажник машины.

— О чем базар?... Вообще ничего...

— Во. А теперь о пушке, которую ты сдуру фраеру впаял... Пушка-то с экспертизы, усекаешь? Значит, взяли бы твоего фраера прямо на тротуаре на предмет какой-либо проверочки те же менты, нащупали бы под прикидом железа, и началась бы веселая карусель. Волына свеченая, кололи бы неимоверно. От него на тебя бы вышли, точняк, а от тебя до Лехи путь недолог, я уже говорил... И запрыгала бы история дальше по ухабам... За “калаши” эти, — вновь кивнул на багажник, — спуску вам не дали бы, и на что, Витек, тебе верю, но приплыл бы ты на “чистуху”. То есть, соображаешь, в какую бы нас пропасть сверг, а?!

Витёк понуро молчал.

— В общем, — сказал Чума, — адрес знаешь, завезешь Веслу штраф: пять штук зеленых... Сроку — месяц.

— Так откуда...

— Думай сам... Тачка, дом... Крутись. — И бандит нырнул в услужливо приоткрытую дверь машины.

Глядя на удаляющиеся в темноту габаритные огни, Витёк присел на теплую глину проселка и гнусаво завыл, колотя себя в бока кулаками.

СОБЦОВА

Первые страхи Людмилы, связанные с расследованием похищения денег и стволов из отдела, потихонечку улетучивались, тем более оперативную поддержку следствия обеспечивал РУ-БОП, что означало: ищут организованную преступную группу, польстившуюся на оружие, дабы использовать его в кровавых бандитских акциях. А вся организованная группа — она, да деревенский увалень Леха... Даже смешно.

Следователь, правда, упорно интересовался вопросом, как именно она провела вечер и ночь, выпавшие на период проникновения злоумышленников в отдел, но то, что она находилась в своей постели, когда вскрывались служебные сейфы, не пришлось подтверждать даже ее мужу. Единственно, на нее косилась с откровенным подозрением зловредная Зинка, однако Собцова сама пошла на довольно-таки агрессивную инициативу в объяснениях: выйдя на улицу с начальницей после работы, она со злобой заметила, что если у кого и есть повод для многозначительных взоров, то у нее, Собцовой, поскольку вокруг Зинаиды вращается целая куча ушлых хахалей с сомнительными связями, а она, кукуя свой век с недотепой фрезеровщиком, иных компаний не водит. А поведением сыночка Зинаиды вообще свидетельствует о социально неблагополучном климате в семье офицера милиции...

На днях, как стало известно Собцовой, отпрыск начальницы, без спроса позаимствовав "жигуленок" ее любовника, вместе с приятелем-лоботрясом решили с помощью буксировочного мощного троса, привязанного к заднему бамперу, выдернуть из стены банкомат. Воришек спугнула проезжавшая неподалеку патрульная машина, и операция прошла скомканно и неудачно: банкомат остался на месте, трос, судя по звуку, лопнул, и, уяснив данный факт, недоросли поспешили скрыться, оставив на месте преступления выдранный из кузова бампер — оснащенный, естественно, номерным знаком. Треск выкорчеванного из кузова бампера жулики ошибочно и недальновидно приняли за агонию изнемогшего от непосильной нагрузки троса.

Зинаида, издерганная свалившимися на ее голову бедами и грозящим увольнением с работы, прямо на улице разревелась, прося Собцову дать ей надлежащую положительную характеристику перед нагрянувшей в ЭКО комиссией. Вовремя неотремонтированная сигнализация и выявленная халатность в отношении хранения вещдоков сулили ей весьма незавидное будущее.

Заверив бывшую подругу-подельницу в произнесении самых лестных отзывов о ее персоне перед компетентной комиссией, Собцова поймала себя на подлой и постыдной мысли, что делать этого она расчетливо и мстительно не собирается: возможное увольнение шефини наверняка означало кадровую перетряску, знаменуюемую переводом ее, Людмилы, на место опальной начальницы.

Словом, все складывалось не так уж и плохо: тупые рубоповцы искали мифических бандитов, следователь явно потерял острый актуальный интерес к морально выдержанному и дисциплинированному эксперту Собцовой; Леха наверняка трясся от страха в своей деревне, боясь нос высунуть в столицу, а происки Зинаиды были надежно нейтрализованы действиями ревизирующих ЭКО инстанций.

Настораживал, правда, тот факт, что всем сотрудникам ЭКО предложили в связи с серьезностью случившегося пройти проверку на полиграфе, и, поскольку противиться такому предложению никто не стал, согласилась на данную процедуру и Людмила, предварительно выпив пузырек успокоивающего нервы настоя валерьянки.

Отслужив не один год в милиции, она и ведать не ведала, какими методами вводится в заблуждение хитрый прибор, который обслуживали четверо молчаливых и вежливых мужчин непонятной ведомственной принадлежности. Пятый мужчина, сидевший у нее за спиной, мирным голосом задавал вопросы. Каверзные, надо сказать, вопросы! Поначалу нейтральные, расслабляющие, типа: любите ли вы птичек? — а после — внезапно-конкретные и очень грамотно сформулированные.

Один из вопросов: “Участвовали в совершении преступления родственники вашего мужа?” — словно опалил сознание Людмилы, и, произнося в тон дознавателю отчужденное “Нет”, она одновременно с ужасом осознала, что, кажется, непоправимо прокололась...

Однако, сняв с нее датчики, персонал, сохраняющий таинственную невозмутимость, вежливо с ней распрощался, на кокетливый ее вопрос: “Сильно ли я волновалась?” — ответили добродушной рекомендацией смело идти на работу и спокойно трудиться, а, поделившись впечатлениями с сослуживцами, Людмила выяснила, что аналогичные вопросы задавались и им. Что, в общем-то, опять-таки, успокаивало...

Последнюю неделю в городе стояла влажная, удушающая жара, и в обеденный перерыв Людмила ходила домой — съесть тарелку ледяной окрошки из холодильника и насладиться прохладным душем.

В очередной раз обронив рассеянно кивнувшей Зинаиде, что задержится после перерыва на полчаса, Людмила заперла кабинет и отправилась знакомой улицей к высившейся над кронами старых тополей кремовой двенадцатиэтажной башне своего дома, заглядывая под тряпичные навесы продуктовых палаток и прицениваясь ко всякой всячине.

Купила сочную летнюю клубнику, свежий домашний творог и деревенские, заботливо выращенные овощи...

Укладывая в сумку провизию, не без раздражения подумала о раздолбае-муженьке, воспринимающем недавнее появление разносолов в семейном рационе как некую данность. Хотя в последнее время супруг проявлял некоторые целенаправленные усилия в поисках халтуры, уходя из дома утром и возвращаясь каждый вечер пусть с мизерным, но заработанным гонораром.

Приняв душ, она едва успела надеть халат, как вдруг раздался звонок в дверь.

В криво и сплюснуто искаженном оптикой дверного "глазка" пространстве общего коридорчика, увиделась девочка в легком, свободного покроя платье.

— Что вам надо? — неприязненно спросила Людмила, отирая полотенцем намокшие пряди.

— Я ваша соседка с нижнего этажа, — проворковал юный ангельский голосок. — У вас что-то с трубами, нас заливают...

Собцова механически отодвинула стопорную задвижку, высунувшись в коридор.

И тут же, не успев рассмотреть лицо неведомой соседки, из-за спины которой внезапно вынырнули двое доселе сидевших на корточках громил, получила увесистый толчок в грудь, под горло, и, упав навзничь, проскользила спиной по линолеуму, стукнувшись головой о ножку серванта.

В следующий момент в ошеломленном сознании запечатлелся скрип петель запираемой двери, ведущей в квартиру, грубые руки подхватили ее под мышки и швырнули на диван.

— Заорешь — пристрелю, сучка! — донеслось хриплое предупреждение, и в плавающей перед глазами мути сначала возник направленный ей в лицо пистолет, а после — дегенеративная, плохо выбритая физиономия бандита лет сорока с тусклыми белесыми зенками и пористым носом.

С замороженным испугом она вглядывалась в его угрожающе отвисшую челюсть, впалые щеки, короткую стрижку-кляксу жиденьких, тронутых сединой волос.

Потерянно осмотрелась, узрев выворачивающего ящики серванта молодого плечистого парня лет восемнадцати, одетого в светлую футболку и джинсы, из-за пояса которых выглядывала рукоять револьвера.

Из кухни донесся звон посуды — видимо, там орудовала расторопная малолетняя девица, сыгравшая роль приманки.

Приблизив к ней страшную рожу, потраченный временем ублюдок, изрыгавший из слюнявой пасти смрадное дыхание, развязно спросил:

— Где деньги, тварь?

— Какие деньги? — пискнула Собцова жалобно. — Я на зарплате, муж не работает... — Тут она уяснила, что халат распахнулся, и бандит откровенно рассматривает ее грудь. Поправила одежду, судорожно подоткнув ворот под подбородок и сцепив на нем пальцы.

— Во, правильно, — одобрительно наклонил бугристый череп подонок. — А то на вымя твое зырить отвисшее — с души воротит... — И смачно сплюнул мутной, с зеленью, слюной в любовно оттертый от пыли экран телевизора.

Комментировать такое определение своих женских прелестей Людмила не решилась, хотя почувствовала себя в немалой степени уязвленной.

— В общем, слушай, коза драная, — продолжил бандит размеренным тоном. — Леха нам все ваши сопли размотал. Видишь пушку? — качнул перед носом Собцовой пистолетом. — От твоих задумок к нам пришла. Не узнаешь? Ну и не надо. А вот с деньгами Леху ты прокатила круто. Сказать, сколько сперла? Одних рублишек на пятьдесят тысяч баксов... Мы ведь все знаем, нас на мякине не проведешь... А потому, — убрал пистолет в карман, — помощь тебе звать не резон, не будет тебе никакой подмоги. Уяснила? Тебя спрашиваю!

Людмила механически качнула головой, выражая вялое согласие.

— Не, шмоном ничего не добьемся, — обратившись к старшему бандиту, промолвил румяный переросток, с озлоблением пнув носком кроссовки распотрошенный ящик серванта с нитками и вязанием. — Придется гладить тетю утюжком... Или тетя не даст себя жадности погубить? — Он раскрыл валявшийся на тумбочке кошелек Людмилы, вытряхнул его содержимое, составленное из мелкой рублевой наличности, на ковер. Произнес вопросительно: — Остатки мусорской зарплаты?

Его старший напарник хлестнул Собцову по лицу, как плетью, костлявым веером пальцев. С яростью повторил:

— Где деньги?!

Жуть и оторопь владели Собцовой, предчувствие пыток и гибели обрывало сердце и перехватывало горло парализующей смертной тоской, озноб бил ослабшее, словно чужое тело, и так хотелось признаться, что зарыты деньги и уникальный “вальтер” под березкой в парке, и готова она следовать туда хоть сейчас, только пощадите ее, только заберите все... Стоп! Никогда! Ведь что же выходит? Скомкав всю свою прошлую жизнь подобно измаранной бумажной салфетке и отшвырнув ее вон, как никчемный мусор, она сделала это напрасно? Да и разве оставят ее живой эти вурдалаки в человеческом обличье? Ведь потому и без масок они сейчас, потому и Леху упомянули...

— Хватит тут рыться, все равно ничего не найдете! — заявила она с внезапной злобой и решимостью. — Деньги в надежном месте.

— И где же надежное место? — высокомерно вздернул подбородок плечистый переросток.

— Деньги — в УЭП!

— Опять в мусорской? — недоверчиво прищурился старший бандит. — Это... как?

— А так, — грубо ответила она. — В доле — начальник отдела... Он нам рубли на экспертизу прислал, с ним и договор был... А вот что дебила Леху я в дело впутала — теперь каюсь...

— Значит, не будет бабок, — многозначительным тоном подытожил начинающий гангстер.

— Почему? Раз такой расклад — треть отдадим, — сказала Людмила.

— Да врешь ты, сука гнутая! — зарычал, брызгая слюной, дегенерат. — Да мы тебя ща распнем, как каракатицу, и...

— И что? — спокойно посмотрела она в его бешено округлившиеся мутные зрачки. — В кармане от этого прибавится? — добавила примирительно: — Вы же ребята с головами, а потому думайте... Хотя — чего тут думать? Коли влипла я, то уж и влипла. Коли обещаю вам денег — то куда денусь? Мне бежать некуда. Всего сразу лишусь. Работы, квартиры, мужа. И еще: идет следствие. И вдруг исчезает эксперт. Что следствие делает? Объявляет эксперта в федеральный розыск, поскольку автоматически выдвигается версия: у эксперта не выдержали нервы. Ну и так далее... Чего вам дальше воду лить, не дураки, сами все понимаете...

Старший бандит кивком указал юнцу на дверь, проронил:

— Посмотри, чего там на кухне нарыли...

— Крупую с кастрюлями, — не удержалась от равнодушной реплики Собцова.

— Так-с... — Жутковатый собеседник сокрушенно покачал своей бедовой головенкой. Произнес: — Поешь ты складно, но с бабками так будет: притаранишь все...

— Всех уже нет, — возразила Людмила.

— Это почему?

— Деньги имеют обыкновение тратиться.

— Ну, объяснишь, как дело было, менту своему из УЭП, он, наверное, парень тоже сообразительный, добавит...

Такого рода предложение, связанное с личностью мифического поделщика, Людмила одобрила:

— Хорошо, потолкую...

— Завтра в семь часов вечера выходи на лестничную клетку, — недовольно пробурчал бандюга, направляясь к двери. — Там и встретимся. Но учти — холостой прогон выйдет, ставим на счетчик. Все! — И с силой всадил дверь в покачнувшуюся с треском коробку.

Донеслось:

— Сваливаем!

С трудом что-либо соображая, Собцова привела себя в порядок, запудрив выступившие на щеке красные полосы от хлесткого удара пальцев; после лихорадочно запихнула на место вывороченные из серванта, комода и кухонного гарнитура ящики и — поплелась, как в тумане, на работу.

Отдаленно, словно вопреки растерянности и страху, она испытывала удовлетворение от своей находчивости и воли.

Да, она не врала этой мрази, когда говорила, что попытайся сбегать, проиграет всю свою прошлую жизнь... Но только что было в той жизни? Унылая работа, унылый и нелюбимый муж, мечта о жалкой дачке с грядками и о сытенной пенсии...

Людмилу переполняли отчаяние и удалая, истерическая решимость.

И она уже знала, каким будет ее следующий ход в той большой игре с множеством жестоких правил, что называется жизнью человека.

Она не шла на работу. Она шла к сейфу, куда сегодня положила двенадцать тысяч предназначенных для экспертизы долларов.

ПАКУРО

Домой вернулся Пакуро под утро: всю ночь, проведенную в кабинете на Шаболовке, ему поступали сообщения о суете в чеченской группировке, контролирующей банк, где работала убитая Валентина Рудакова.

Судя по техническим записям разговоров, для руководящего звена чеченцев убийство представляло весьма неприятный сюрприз, поскольку речь шла о недостатке в сто тысяч наличных долларов, числившихся за ответственной работницей и неизвестно куда канувших. По данному поводу учинилось разбирательство в нижних звеньях, контактировавших с покойной и, возможно, сподобившихся на махинацию. В разговорах мелькали имена двух персонажей, живущих в столице с просроченной регистрацией, и, используя данный факт, Борис задержал обоих, решив поработать с залетными кавказскими субчиками в одном из ОВД.

Чем закончилась эта "пробивка", Пакуро еще не знал.

Лег спать под утро, и, едва забылся в непрочной дреме, в сознание ворвался, остервенело дребезжа длинными зовущими трелями, телефонный, явно междугородний, звонок.

Схватил ватными пальцами трубку, пробормотав истомленно:

— Д-да, слушаю...

Бодрый голос знакомого коммерсанта, жителя Крыма, у кого в доме майор во время отпуска снимал комнату и кого не видел уже лет пять, со смущенным смешком произнес:

— Чего, милиция, дрыхнем?

— Да вот... с ночи я...

— Не оправдывайся! Как жизнь-то, рассказывай...

Пакуро посмотрел на будильник: семь часов утра... Экая непосредственность, а? Возмущенно скрипнув зубами, промолвил недовольным голосом:

— Ну чего у тебя?

— Слушай, тут дело такое, — отозвался собеседник, — у меня три бочки с подсолнечным маслом, я с трассы звоню. А говорят, в Москве цены упали. Так или нет?

— Да я-то откуда знаю?!

— Понятно... Так может, мне с маслом в Ульяновск лучше, как думаешь? Угадаю? Я прямо на развилке стою... Или, может, выяснишь оптовые цены? Слетай, купи газетку, а? Я тебе перезвоню через час...

— Давай! — согласился Пакуро с одобрением и выдернул из розетки телефонный шнур.

Наконец пришел сон. Тревожный, смутный. И — снова звонок. На сей раз — в дверь.

Качаясь от слабости, с плавающими в глазах золотистыми точками, Пакуро, хватаясь за стены, в одних трусах вышел в тамбур.

За рябым, с залитой проволочной сеткой, стеклом общей двери маячили какие-то рожи.

— Что надо? — спросил Пакуро слабым голосом.

— Поговорить с вами, — донесся неопределенный ответ.

— О чем?

— О Библии...

Позволив себе фразу, в которой упоминалась символическая мать сектантов-вербовщиков, Пакуро, остервенело крутя головой и изумляясь своей востребованности всем праздным шалопаем мира, вновь улегся в постель. Да уж куда там со сном...

Включил телефон, позвонил Борису, уже прибывшему на службу:

— Что с твоей чеченской парочкой?

— Да анекдот! Меж двух огней они попали... Свои шефы пресуют, а тут еще мы... Ну побеседовали жестко... Нет на них крови, нет, уверен.

— А в чем анекдот?

— Они из ОВД свою машину вызвали, мы за ней "наружку" наладдили... Потом к себе на квартиру приехали, сразу за телефон... Ну и выяснилось: вышли из ОВД разгоряченные, напустились на шофера, что в машине бардак — пакеты с остатками пиццы, журналы разодранные с порнухой... В общем, сядешь в тачку, сразу ясно, кто как жил, кто что ел... И у поста на выезде встучу эту дребедень рядом с урной вышвырнули... А приехали — хватать, ненароком кулек с тремя тысячами баксов вместе с мусором на волю выпустили...

— И чего? — невольно улыбнулся Пакуро.

— Ну, я к посту. Там сержант. Да, говорит, сначала одна машина остановилась, обьедки и бумага из нее полетели, а потом джип тихонько подкатил, вышел человек, изучил мусор, что-то из него взял, и — поехал джип дальше... Белый, спрашиваю, джип? Белый, отвечает. Ясно, говорю. А потом, значит, опять "чехи" подъехали, стали в своих отходах копаться... Какой у "чехов" результат — понимаешь... Мат поднимался выше уровня облаков!

— А чего "наружка"?

— Я намекнул... Но они же, сам знаешь, — коли прикинутся шлангами, то и не отвечивают... Когда появишься?

— Уже одеваюсь, — буркнул Пакуро, натягивая брюки.

— Давай быстрее, есть у меня еще новостенка — ахнешь!

Пакуро уже направлялся к двери, когда телефон зазвонил вновь.

— Ну чего там с маслом? — услышался недовольный голос развезжего бизнесмена. — Звоню тебе, звоню...

— Выяснил! — с мстительной радостью ответил Пакуро. — Ты просто ясновидец, вот чего доложу!

— Это... в смысле?

— Самые высокие цены по России — именно в Ульяновске! — выждав паузу, Пакуро доверительно прибавил: — Сведения из Интернета...

— Иди ты!.. — выдохнул собеседник растерянно и восхищенно.

— Опять угадал. Я именно на выходе.

Прибыв на Шаболовку, майор с удовлетворением выслушал приготовленную ему неутомимым Борисом новость: пули из "мелкашки", застрявшие в головах жертв, претерпели, что было редкостью, лишь незначительную деформацию конфигураций, и из центральной пуле-гильзовой картотеки пришло сообщение: выстрелы производились из газового пистолета "маузер", переделанного для боевой стрельбы и ныне хранящегося в ЭКО одного из столичных округов.

— Как в ЭКО? — удивился Пакуро.

— Вот именно! — вдумчиво молвил Борис. — Из ЭКО его свистнули. Вместе с деньгами и с кучей других стволов. И в расследовании принимают участие наши ребята из "десятки"...

Десятый отдел РУБОП занимался делами, связанными с бандитизмом и незаконным оборотом оружия.

— И что в "десятке"? — спросил Пакуро.

— Ждут нас! — картинно развел руки Борис, озаряясь широкой улыбкой. — Обещали чай с домашним пирогом.

— Чай — это ладно, — отмахнулся Пакуро, в который уже раз с удивлением и возрастной завистью созная, что на лице его боевого, извечно жизнерадостного соратника нет ни единой приметы тяжелой бессонной ночи. — Сдвиги какие-нибудь у них имеются?

— Да еще какие!

Пакуро резко поднялся со стула.

— Пошли!

СОБЦОВА

Помимо двенадцати тысяч долларов, присланных для экспертизы, Людмила достала из сейфа один из заграничных паспортов, хранящийся в качестве вещдока и выписанный на имя сидящей под следствием аферистки.

Среди всякой всячины в железном шкафу хранились всевозможные печати, оттиски, туши и спецклеи, а покопавшись в картонном ящике, набитом инструментом фальшивомонетчиков, Собцова достала пинцеты, кривое тонкое лезвие, раздвиж-

ной транспортир, после чего, заперев дверь кабинета на замок, в течение часа, благо позволяли навыки, аккуратно переклеила в паспорт мошенницы свою фотографию, точно подогнав к ее уголку необходимый фрагмент печати.

Рассмотрев документ в ультрафиолете, под лупой, мрачно и удовлетворенно кивнула: никакой пограничный контроль не прицепится... А до истечения срока действия зелененькой шенгенской визы — европейского вездехода, остается неполный месяц... Вполне достаточно!

Вслед за тем замелькали мысли: что, если номер паспорта, изъятого у арестованной неудачницы, сидит в памяти компьютеров, расставленных на рубежах страны необъятной?

В этом случае комфортабельный вылет в зарубежные дали из аэропорта или же уют купе международного вагона — категорически исключены.

Она пересечет условную границу братской Белоруссии, после, путая след, переберется на Украину, а в безопасном Киеве смело возьмет билет либо на самолет, либо на поезд. Купить же банковскую справку на валюту — не проблема. И, кстати, ведь были же у нее бланки этих справок со всеми необходимыми штампами, и нет, чтобы оставить себе на всякий случай хотя бы парочку, сдала все заказчику экспертизы, дура! Хотя кто знал, что ей предстоит столь внезапно и сказочно разбогатеть?

На подходе к дому встретила соседку, выгуливающую во дворе овчарку.

С соседкой она общалась редко и неохотно, однако на сей раз подошла, поздоровалась, побрела рядом, сетуя, что часто ломается лифт и надо бы написать убедительную жалобу в управу округа, а кроме того на лестничной площадке разбито стекло форточки, и до зимы общими усилиями надо бы вставить новое — от жилищной конторы подарков не дождешься...

Она говорила, присматриваясь к заплонившим двор машинам, подозревая, что за ней сейчас наблюдает если не милицесская, то бандитская "наружка".

Одна из машин — перламутровая сиреневая "девятка" с непроницаемо черным остеклением кузова, вызвала у нее тревогу, и, подхватив соседку под руку, она направилась в сторону автомобиля, высматривая горку окурков у обращенных к бордюру камню дверей — верный признак методично ведущейся слежки.

Окурков не заметила, как не смогла разглядеть за вязкой тьмой лобового стекла и очертаний своих возможных соглядатаев.

Как истязюще жутко ощущение расплаты и витающей вокруг тебя зловещей тайной силы, подкарауливающей за каждым углом... Зачем она все это сделала, зачем?!

Явившись домой, застала возбужденно ходящего по комнате мужа. Трагическим голосом муж сообщил, что только что звонила Лехина жена: на днях ее супруг таинственно исчез.

— Все вещи на месте, документы... — недоуменно цедил он. — Куда делся? Они на ферму ушли, а Леха во дворе с бензопилой копался... Приходят — пила лежит разобранная, дверь в дом открыта, а его нет... Думали сначала, что запил, в загул подался, бывало такое, но вот уже сколько времени...

— Я должна с тобой поговорить, — торопливо проговорила она. — И очень серьезно.

— Чего-то знаешь? — насторожился он.

— Да, знаю...

И она рассказала ему все, от начала и до конца.

— Да что же у вас зачесалось-то! — с чувством промолвил супруг. — Вроде, нормальные люди, вроде, никаких заскоков... А уж от тебя такого авантюризма, дорогая, ожидал, как от нарзана похмелья...

— Сама не ожидала, — бесстрастно согласилась она. — Но что сделано, то сделано. Надо уезжать. Загранпаспорт у тебя есть, ты словно чувствовал, что пригодится тебе...

Муж оформил выездной документик в расчете на турпутевку, предлагаемую ему как гонорар за очередную халтурку.

— Постой-постой! — поднял он руку. — Куда уезжать-то?

— Да ты в Европе по своей специальности... — с чувством начала она, но муж перебил, вращая из стороны в сторону головой, будто разминал шейные позвонки:

— Ну, Людка! Аферы из тебя, как из нарыва перезревшего прут... Какая еще Европа?! Я в своей-то стране, как мышь пугливая, а ты вон чего удумала!

— Но у меня-то выбор какой?! — воскликнула она. — Если бы не бандюги эти... — шмыгнула носом.

— Ну, тогда что ж... — Он сокрушенно почесал затылок. — Тогда — беги. А я Славке позвоню, есть у нас мордovorot на заводе, развелся месяц назад, по друзьям кантуется. Пусть ко мне перебирается. Вооружимся топорами да монтировками, начнем отбиваться. Ну втянула меня в историю!

— Подумай, может, вместе... — вымолвила она сквозь слезы, хотя отрезвленно, с гулкой пустотой безысходности, уяснилось, что скитания с этим увальнем, конечно же, будут ей в тягость.

— Чего мне думать? На мне греха нет...

Муж как всегда был непробиваемо туп и невозмутим. Вот же, осел упрямый... И еще телевизор включил, новости дня его интересуют!

Она всплеснула руками, готовясь выпалить гневную тираду, но осадила себя: что взять с насекомого? Да и вообще... все уже в прошлом, о чем ты, Люда?..

Произнесла безучастно:

— Я должна собрать сумку.

— На антресолях какой-то баул... — донесся ответ. — Забирай.

Вечер провели в отчужденном молчании.

Она взяла только самое необходимое — все остальное купит, отныне мелочиться не стоит, отныне — жизнь для нее, а не она для жизни...

Надела джинсы, кроссовки, легкую спортивную куртку.

— Если что, — напутствовала, целуя тяжело вздыхающего супруга, — ты ничего не знаешь. Я, мол, сказала, что преследуют бандиты, вынуждена временно уехать, буду звонить...

— А звонить-то будешь?

— Конечно...

В три часа ночи, обвязавшись длинной бельевой веревкой, она скользнула мимо сонных окон в черноту тыльной, неосвещенной стороны дома. Подхватив заранее спущенную на землю сумку, аллеей побрела к перекрестку, поймала "левака".

Усевшись на заднее сиденье, оглянулась на пустую ночную улицу. Никакие подозрительные фары ее не преследовали.

— Тут недалеко, к парку езжай, — сказала она водителю.

— В такое время? К парку? — выразил тот сомнение. — Чего ж там делать-то?

— Клад откапывать! — заявила она с насмешливой злобой.

— А... Ну только если так... — раздалось со смехом.

Ей захотелось закурить. И только тут она вспомнила, что забыла на подоконнике пачку сигарет и дорогу позолоченную зажигалку, с которой не расставалась уже лет пять...

Вот незадача!

Было особенно жаль элегантно и безотказно зажигалки. Прямо — хоть возвращайся!

"Хотя... сгорел дом, гори и сарай!" — подумалось отчаянно и безысходно.

Расплатилась с водителем ночной машины, и побрела еле заметной тропкой в темень трепетавшей под вороватым легким ветром листвы.

Вот и знакомый, слабо белеющий во мраке березовый ствол...

Надев резиновые перчатки, она ухватила под корни — вслепую, но уверенно и наверняка — пласт дерна, словно сердцем опознав его расположение на темной земле.

Точно... Угадала. Все-таки существует нечто потаенно-мистическое, интуитивное, и — главное... Что? Душа?

Когда банка с долларами перекопывала в сумку, она, тревожно вглядываясь в темноту, поднесла к лицу "вальтер" и передернула затвор, послав патрон в ствол. Подумала механически, что в ее положении оружие в ночном городе — штука незряшная, а уж если кто-то попытается отобрать у нее деньги, означающие отныне всю дальнейшую жизнь, то на спуск она нажмет бестрепетно и — не раздумывая...

Вновь вышла на трассу, подняла руку на приближающийся свет фар.

Вот тебе — на! Патрульный бело-синий “форд”.

— Ваши документики, гражданочка...

Она предъявила милицейское удостоверение. Сказала:

— Свои...

— Свои дома сидят, — заметил на это добродушного вида худощавый майор лет сорока, вглядываясь в документ.

— Наш дом — Россия, — нашла в себе силы для остроты Собцова.

— О, экспертов я уважаю, без науки нам никуда! — произнес патрульный, возвращая ей корочки. — Может, подвезти? А то ведь ночь, а тут женщина с сумкой... Что же вы так рискуете?

— В отпуск собралась, поезд через час отходит, — сокрушено поделилась Собцова. — Ждала машину, а та сломалась. Вот и кувыркаюсь теперь.

— Ну так и быть — довезем, — кивнул милиционер. — Садитесь сзади, ребята потеснятся. А сумочку в багажник давайте... Боря, багажник открой... Какой вокзал нужен?

— Белорусский. На бензин, как говорится...

— Да ладно, — отмахнулся майор Пакуро. — Бензин казенный... И для нужд казенных людей предназначен. Поздравляю, кстати, с первым днем заслуженного отпуска.

— Спасибо большое...

ПАКУРО

Проверку на полиграфе, устроенную следствием для сотрудников ЭКО, Собцова прошла успешно: то бишь, показания прибора не оставляли ни единого сомнения в ее причастности к преступлению, однако прежде чем провести жесткий и откровенный допрос, решено было проработать личность исполнителя, которой, благодаря тому же полиграфу, соответствовал брат мужа Людмилы, живший во Владимирской области и часто навещавший столицу.

Правильность версии подтвердил печальный факт внезапного исчезновения Алексея из дома. Ни вещей, ни одежды, ни документов он с собой не взял, что наводило на мысль о его убийстве. Только кем? Покупателями оружия?

Лишенный за пьянку водительских прав, Алексей последнее время посещал столицу на машине своего знакомого Виктора, способного, исходя из логики ситуации, выступать в роли его подельника, тем паче, парень был неоднократно судим; однако куда-то исчез и Виктор — правда, на сей раз его пропажка никакой таинственностью не отличалась: сам передал соседке на попечение сторожевую собаку, закрыл дом и, сказав, что отбывает на заработки, уехал на личном автомобиле в неизвестном направлении.

Номера у автомобиля были московские, машину Виктор приобрел по доверенности, запомнить их местные жители не удосужились, а потому, раскатывая он сейчас по Первопрестольной или же вне ее, мог чувствовать себя в одинаковой безопасности, не страшась никаких розыскных мероприятий. Кстати, практически неосуществимых.

Допросы Собцовой, взятой с поличным и не ставшей запираться перед очевидными фактами, прояснили еще одно ответвление истории с похищением оружия и денег: накануне неудавшегося побега к ней домой заявили бандиты, точно осведомленные о сумме находившихся на экспертизе рублей, и потребовали бандиты данную сумму, плюс — иностранную валюту в качестве компенсации за обман исполнителя акции. Предлог, ясное дело, формальный и смехотворный. Обычный наглый “развод”. Однако — с реальной перспективой успеха, поскольку апеллировать к кому-либо в данном случае запутавшаяся в машинациях дура попросту не могла.

Утечка информации относительно размеров похищенного явно происходила из того же ЭКО, где сидел если не осведомитель гангстеров, то активный болтун, что подтверждалось и фактом неявки злодеев за оговоренной мздой на лестничную площадку.

А жаль! Ухватившись за данную ниточку, можно было бы уверенно размотать весь клубок, включающий в себя и таинственное убийство Рудаковой, которым непосредственно занимался Пакуро.

Как уяснили себе коллеги из “десятки”, Алексей, прибыв после кражи из ЭКО в родной поселок, оставил свои сумки в машине Виктора, что означало острую необходимость поисков канувшего в неизвестность шофера и подробное выяснение фактов его криминальной биографии.

Если бывший зек имел выход на покупателей огнестрельного товара, то связи с этими покупателями наверняка обрелись им в течение обитания за колючей проволокой. А потому, поразмыслив, Пакуро отрядил Бориса в командировку по местам земного воздаяния Виктору за его прошлые грехи, а сам поехал на встречу с вдовцом Рудаковым, вновь собирающимся отбыть на свою посольскую работу.

Никакой взаимосвязи между оставленным убийцей рисунком исламского символа и профессиональной деятельностью дипломата ФСБ установлено не было, а помимо того, надпись, предлагавшая позвонить сыщикам по редакционному телефону ведущего рубрики “Невозможных встреч”, была сделана на азербайджанском языке, практически аналогичном языку турецкому. То есть, злодей, вероятно, являлся выходцем из нерушимого, как недалновидно утверждалось, Союза.

Посвятив ответственного сотрудника редакции в некоторые аспекты расследования, Пакуро предложил разместить в иско-

мой рубрике копию оставленного убийцей послания, сопровождаемого номером одного из телефонов РУБОП.

Конечный смысл такого мероприятия был, чего греха таить, спрогнозирован довольно смутно: дескать, а вдруг душегуб и позвонит? Тогда на пленке зафиксируется его голос — если не зацепка, то будущее косвенное доказательство... Чуть, конечно, но — вдруг? Если держишься на плаву, то почему бы не ухватиться за соломинку? Хотя бы и любопытства ради?

Послание начали печатать, причем — в каждом выпуске рубрики.

Предположение о мести чеченцев подлой растратчице Рудаковой окончательно отпало: кавказские группировщики находились в унынии от канувших в никуда средств и вели собственные поиски убийцы — покуда, естественно, безуспешные.

Проработка связей убитой с сотрудниками редакции также ничего не дала — знакомств с журналистами Валентина Рудакова не водила, на искомое издание ни разу за свою жизнь не подписывалась, и все средства массовой информации ей с успехом заменял телевизор.

Не увенчались успехом и поиски каких-либо знакомых ей азербайджанцев.

Пролить свет на таинственное убийство мог скрывшийся Виктор, а потому, прихватив его фотографии, полученные из УВД Владимирской области, Пакуро поехал в знакомую квартиру, застав в ней корректного, явно угнетенного свалившимся на него несчастьем человека лет пятидесяти — мужа покойной.

До сей поры с Рудаковым он не общался, опрашивал дипломата Борис.

Прошли на кухню, и майор невольно посмотрел на то место, где, как ему отчетливо помнилось, сидела, закинув простреленную голову к стене, убитая женщина.

— Вот здесь... она? — спросил, болезненно покривившись, хозяин.

Пакуро сумрачно кивнул. Достал папку, предъявил фотографии:

— Узнаете? Прошу вас — очень внимательно посмотрите...

— Я понимаю... — Рудаков, ознакомившись с фотокарточками, решительно отложил их в сторону. — Никогда не видел... Лицо характерное, я бы запомнил. Кто он?

— Да так, сельский житель.

— У меня нет знакомых среди сельских жителей.

— А во Владимирскую область ваша жена, случаем, не ездила?

— Нет... Хотя... Нет.

— Ну, в отпуск, в деревню... Или к друзьям?

— Что-то припоминается, что-то крутится... — Рудаков щелкнул пальцами. — Но вот что?..

— Вы ведь в курсе, что куда-то пропали сто тысяч... — продолжил Пакуро.

Рудаков раздраженно поморщился.

— Да при чем здесь я? Валя была человеком очень скрытным и очень самостоятельным, понимаете? И ответственным. Кроме того — требовательным и порядочным. В свои банковские передряги меня не посвящала, говорила, что это нудно и неинтересно. Деньги, в отличие от меня, она зарабатывать умела, хотя никакими сравнениями таких наших способностей не грешила. Была семья... — Он сжал зубы и кадык его скользнул по перехваченному судорогой горлу. Повторил с невольной хрипотцой, словно преодолевая боль: — Была семья, в которой все трудились, складывая доходы в общий, что называется, котел... Никто друг друга... — Внезапно он замолчал, словно осененный какой-то догадкой. Незряче уставившись на Пакуро, выдавил: — Я вспомнил... Да. Владимирская область. Совершенно верно. Там живет муж, то есть, бывший муж ее сестры. Юра Хвастунов. Я, правда, с ним не виделся уже лет пять, но слышал, что после развода потянуло его в деревню. Квартира у него в Москве роскошная, пятикомнатная, еще от деда осталась... Так вот. Квартиру он, кажется, сдал, купил себе хороший дом в области... Там и живет.

— От кого слышали? От жены?

— Да, конечно. А сестра ее вышла замуж за француза, уехала в Париж; я, собственно, даже не знаю ее телефона, записной книжки не нашел, потому ничего не сумел сообщить...

— Записную книжку забрал убийца, — вздохнул майор. — Нисколько в этом не сомневаюсь. А Хвастунов... Что за человек?

— Абсолютно нормальный парень. С норовом, правда, обидчив... Занимался торговлей мебелью, собственный магазин имел... А потом — опять же по слухам — заработал большие деньги и от дел отошел.

— То есть переехал в деревню, купил козу и на том успокоился?

— Я не знаю... — устало промолвил Рудаков, утомленный этим малоприятным для него разговором. — Валя, кстати, к нему относилась очень хорошо. Говорила, что человек он основательный и прямой. А вот сестричка ее — вертихвостка, сама дело до развода довела своими шурами-мурами.

— Его адрес во Владимирской области вам известен? — Пакуро поднялся со стула.

— Понятия не имею. Мы были не настолько близки, чтобы... Пойдите! Вы его подозреваете? Это — чушь! Уверенно заявляю!

— Подозрительность в моей профессии — очень полезное качество, — ответил Пакуро. — Более того: объективная необходимость.

Перед тем как ехать в командировку под Владимир, Пакуро навел справки о Хвастунове. Почерпнутая из справок информа-

ция была обескураживающе внезапна: во-первых, пятикомнатную квартиру деда Хвастунов продал, ибо прогорел в коммерческих катастрофах. Так что переселение на периферию носило для него характер вынужденный, и ни о какой благой жизни рантье речи тут быть не могло. Во-вторых, родом происходил Хвастунов из семьи в незапамятные времена перебравшихся в Россию турков. Предки Хвастунова поначалу получили фамилию Осьмакиных, чей корень указывал на их происхождение из недр Османской империи, а после, благодаря задиристому характеру прадеда-забияки, фамилия переменялась на Хвастуновых... За данной информацией стояла бездна кропотливой архивной работы.

И наконец третья, самое банальное: дом Юрия Хвастунова располагался буквально в нескольких шагах от дома пропавшего Виктора.

Вместо безнадежно оборванной нити в руках Пакуро отныне оказался прочный канат. С основательным крючком...

Приехавший из командировки по местам заключения Борис доложил, что во время последней отсидки Виктор находился на побегушках у авторитетного блатного по кличке Чума, и проходил Чума по делам, связанным с квартирными разбоями.

Памятуя рассказанную Собцовой историю о проникновении в ее квартиру вымогателей, прохлопанных "наружкой", Борис предъявил опальной сотруднице милиции, томящейся под следствием, фотографию Чумы.

По словам экс-эксперта в число разбойников, посетивших ее жилье, тот не входил. Хотя доверять адекватности Собцовой было трудно: она пребывала в оступевшем, полувменяемом состоянии, раздавленная арестом и предстоящим сроком.

Передав данные Чумы в "десятку", усердно занимающуюся розыском похищенных стволов, Пакуро и Борис, заручившись санкцией прокурора, ясным утречком покатали во Владимирскую губернию.

— Ты знаешь, — говорил Борис, пристально глядя на несущуюся под капот автомобиля трассу, бывшую дорожку российских каторжников, — смущает меня это послание... Ну откуда этому Хвастунову знать тюркский язык?

— Хотел запутать дело, разберемся, — отмахивался майор.

— Что дело хотел запутать — не сомневаюсь, — отвечал Борис. — Но кто автор надписи? Ведь он — свидетель, так? Может, какие азербайджанцы в поселке живут?

— А может, приезжали помидорами торговать, — бесстрастно отозвался Пакуро.

— В любом случае, давай сначала наведемся к участковому.

Постучав в дверь дома, где жил участковый, облокотились на перила крыльца, слыша неспешный скрип половиц и сонное покашливание бредущего через сени хозяина, до сей поры, видимо, наслаждавшегося послеобеденной дремой.

— Во где служить надо! — шепотом позавидовал Боря.

— Да как сказать, — возразил Пакуро. — У них в этом колхозе целый бандитский выводок, тут впору филиал РУБОП открывать...

Раздался лязг запора, и на пороге появился одетый в одни лишь длинные цветастые трусы до колен тучный, загорелый человек — черноволосый, с ухоженными густыми усами.

Кавказское происхождение хозяина дома было очевидным.

Представившись, извинились за нарушенную тишину и прошли в просторную чистую комнату, оклеенную голубенькими обоями в веселых цветочках.

Пакуро вкратце объяснил суть дела. Затем, выложив перед участковым копию послания убийцы, спросил:

— Как думаете, кто в поселке мог это ему перевести?

Усы участкового возмущенно зашевелились. Округлились глаза.

— Да я ему и перевел! — выпалил с негодованием. — Пришел, попросил... Я же под Баку родился...

Борис захохотал, откинув назад голову.

— Вы чего смеетесь? — опешившим тоном произнес блюститель сельского правопорядка.

— Ваша улица полна неожиданностей, — нейтральным тоном пояснил Пакуро.

— Галифе у вас есть? — спросил Борис хозяина дома, кивнув на его семейное нижнее белье.

— Конечно...

— Советую надеть. Фуражечку возьмите. И — пойдем к нашему общему подопечному. Заждался, небось...

Хвастунов, облаченный лишь в плашки и в пластиковые ратерзанные шлепанцы, лежал на надувном матрасе в гамаке, установленном посередине садика, с вниманием читая детектив в характерной убого-пестренькой обложке.

Узрев идущих к нему двух мужчин в аккуратно выглаженных брюках, одинаковых белых рубашках с короткими рукавами и строгих галстуках, за которыми, отдуваясь, отирая пот со лба, семенил тучный участковый, небрежно отбросил книжку в сторону и, болезненно и понятиливо кривясь, привстал.

В его глазах, уныло и пусто взирающих поверх голов незваных гостей, читалось столь откровенное осознание сути данного визита, что Пакуро, не утомляя себе преамбулой знакомства, коротко и отчужденно спросил:

— Пистолет в доме?

— Нет, — отвернувшись, буркнул убийца.

— В доме Виктора? — Пакуро кивнул на соседний дом.

— Не знаю. Братва с ним какая-то приезжала, отобрали... Деньги вернули.

Борис, несший в руке служебную папочку, раскрыл ее, вытащил фотографию Чумы:

— Этот?..

Вскользь посмотрев на фотографию, Хвастунов, устало щурясь, обронил:

— Точно. — И добавил разочарованно и с тоской: — А все-таки — умеете...

— Сто тысяч долларов здесь? — спросил Пакуро.

— Да какие сто тысяч... — Махнул рукой. — Неполная десятка осталась...

— Долги по прошлым мебельным прогарам? — вступил в беседу Борис.

Хвастунов удивленно хмыкнул:

— И это знаете...

— Ну, — Пакуро обернулся к участковому, — давайте понятых, уважаемый переводчик, начнем обыск, потом обед, а после проедемся с арестованным до места его нового жительства. Увы, Юра, согласия у вас не спрашиваю...

— Каждую минуту вас ждал... — поведал тот невпопад.

— Сказать вам одну вещь? — доверительно произнес Пакуро. — Эту фразу мне приходилось слушать ровно столько же раз, сколько и другую... Другая фраза такая: "Ненавижу вас!"

— Лично я... не вас, а — себя, — бесстрастно отозвался убийца.

На следующий день к вечеру, оставшись в одиночестве в пустом кабинете, Пакуро ткнул пальцем в клавишу диктофона, и тесное пространство помещения заполнил глухой и мерный голос Хвастунова:

— Почему я сразу на признание пошел? А как увидел ваши лица, походку, глаза... От всего этого такое знание и такая уверенность исходили, что сразу уяснил — амба! Клещи! Да и чего крутить, время терять? На гриве не удержался — на хвосте не удержисься!

А почему Валуху убил? До сих пор не разберусь... Я же у нее деньги постоянно брал. И все получалось с их оборотом, честь по чести возвращал долги с процентами... А после — срыв за срывом... Квартиру пришлось продать. А когда склад с мебелью сгорел, начал выкручиваться из последних сил... Кредит на мне висел сумасшедший. Ей, конечно, ничего не сказал, взял сто тысяч, думал, выкручусь, а не вышло — пришлось долги проплатить. Скучная, в общем, песня. Таких, как я — сотни. А тут и она наезжать стала... Давай деньги и все! А я был в курсе: банк, где Валька работала, чеченский, сдаст меня хозяевам — выводы будут плачевные... Кстати, она так и сказала: не обижайся, Юра, сдать тебя придется. Да ладно бы так сказала, а то такой грязью полила... Ну я твердо заверил, что все будет в порядке, попросил еще недельку, тем более, знал — обо мне никто ни гу-гу, она женщина замкнутая была, волевая, все в себе держала... А уж если банковские деньги втемную крути-

ла, то кому же о том скажет? Ее это, личное. К тому же — злоупотребление...

И вот лежу как-то ночью, не спится, думаю... И всякая чушь в голову лезет... Ну ведь кто она мне? Бывшая родственница? Да какая еще родственница — сестра какой-то бляди... Да, гуляла моя женушка, был грех. И злоба меня берет: хлебнул я сначала от одной сестрички, а теперь вот — от другой. А потом о предках своих почему-то вспомнил. Ведь кто предки-то были? Янычары! Вам смешно? А вот мне — нет. У нас в роду все мужики горячие, прадед был, тот вообще — чуть что — за нож. Ну, думаю, ведь не боялись крови они, эти предки. А я, славянскими генами разбавленный, трусоват стал, всю жизнь всем навстречу иду, кланяюсь, проплачиваю, как фраер... Раб и приспособленец! И что в результате имею? Хибару в захолустье? И ту чечены отцапают со дня на день... Ну, думаю, давай-ка, правнук турецкоподданного, решать вопрос дедовским способом. А тут вижу — у Витька, соседа, пистолет имеется. Ну поторговались, купил. Сел на электричку на следующий день, поехал к Вальке. Да! Тут как раз участковый зашел, а я газету читал, рубрику эту — про невозможные встречи... И — сам не знаю почему, говорю ему: переведи, мол, на азербайджанский, он же с турецким — один в один; переведи, мол, фразочку: кто хочет со мной встретиться, звоните по такому-то телефону...

Тот перевел. Я бумажку с текстом в карман положил и — поехал. И все-таки убивать ее не хотел. Дай, думаю, куплю хорошего вина бутылку, арбуз... Посидим, я ей все расскажу как есть, может, подсобит, войдет в положение...

Встретил ее у подъезда — она из магазина возвращалась.

Сначала разговор шел ровный; я все как есть, описал, пообещал долг со временем отработать и предложил: внеси пока свои деньги в банк, ведь есть же у тебя, знаю. У них вообще семейка такая была... накопителей. Муж за границей, как понимаю, счет в хорошем банке открыл, туда доходы и стекались. Ну это личное дело каждого, тут не мне судить. А все же не то чтобы зависть, а озлобленность меня душила. Вот они — благополучные, здоровые, все у них получается, капиталец нарастает день ото дня, а я — в полном дерьме утопаю глубже и глубже... А они, суки сытые, еще и душат меня планомерно. И ведь задушат, точно! Но — убивать?.. Нет, не хотел я ее убивать. И не убил бы, если бы не начала она орать и с грязью меня смешивать. Ты, дескать, ничемная тварь, трепач, подлец, подставил меня. И снова чеченами стала угрожать — причем, всерьез. Я, говорит, проплачу деньги в банк, я порядочная и обязательная, но из тебя за это душу с корнем вырвут. Ну тут я уже чисто механически... Достал пистолет, она и сообразить не успела, что к чему, а я — бах! И все, закончился гневный монолог, просто все оказалось... Ну так мне виделось тогда... А тут девочка вошла, дочка ее... А

я — будто робот — абсолютно никаких эмоций... Даже умудренная снисходительность какая-то нахлынула. И ощущение силы. Необыкновенное, чарующее... Наваждение просто. После, конечно, все это надстояние над смертными в такую темень души обратилось, в такую тоску стылую... Ну взял я девчонку за плечо, развернул, меня она знала, не боялась, и — в голову, в упор... Два раза. Почему два, когда одного бы хватило? Не знаю... То ли любопытство, как пуля в плоть входит, то ли вновь эту техническую простоту убийства ощутить... Бах — готово! Нда... Деньги, какие в квартире были, забрал, записную книжку в карман сунул, а золотишко не тронул, вас запутать хотел. Мол, не ограбление, а типа мести...

Арбуз и винишко, кстати, обратно забрал. Поднял гильзы с пола и вышел. Дверь приоткрытой оставил, лифт вызывать не стал, спустился по лестнице. А! Надпись еще оставил, чтобы воду замутить. Вы говорите, что объявление в газете поместили? Не знал... А ведь, наверное, и позвонил бы... Да, точно бы позвонил, если бы прочитал, не удержался бы...

Куда гильзы выбросил? А у вокзала, пока электричку ждал, шлялся, там забор какой-то бетонный, на одном пролете надпись: "Весь мир — говно!" Вот я за тот пролет и бросил. Все три штуки. Одну за одной. Методично...

Окончание записи Пакуро слушал уже в компании Бориса и двух вернувшихся из оперативных скитаний по городу сотрудников.

— Вот чего предлагаю! — выслушав признания Хвастунова, громогласно подытожил неугомонный Боря. — Поехали сейчас к вокзалу, найдем гильзы.

Пакуро взглянул на плотную вечернюю темень за окном.

— Давай завтра, с утра, там же сейчас ничего не разглядеть...

— У меня завтра дел — во! — Борис провел указательным пальцем по горлу. — И у ребят беготни не впрокорот. Поехали, хотя бы в общем посмотрим...

Плутая в окрестностях вокзала и проклиная начавшийся дождь, обогнули внешнюю сторону упомянутого Хвастуновым забора, который Боря охарактеризовал, как "описанный им"; наткнулись на обвисшие заржавленные ворота; по колдобинам разбитой узкой дороги въехали на загадочную пустынную территорию, окружавшую темный стеклянный модуль запертого на замок строения — вероятно, третьесортной закуской.

— Вроде, здесь, — усердно подсвечивая фонариком, говорил Борис, стряхивая с пиджака дождевые струи. Сел на корточки. Слепо вода ладонями по почве и оглядываясь на дымный свет фар, посетовал: — Тут хрен чего разберешь... Железяки какие-то, листва еще прошлогодняя... По-моему, погорячились мы, придется завтра утренний график на часок пораньше сдвигать...

Присоединившийся к напрасным поискам гильз Пакуро внезапно с настороженным вниманием обнюхал свои ладони. Растерянно произнес:

— Тьфу, дерьмо... — И тут же, толкнув локтем в бок неугомонного соратника, еле удержавшего равновесие, с негодованием продолжил: — Все ты! К хирургу тебе надо!

— Это зачем? — обиженно спросил Боря.

— Шило из одного места вынуть!

— Ты — осквернитель высоких порывов, — сказал Борис.

— Э, мы колесо прокололи! — донесся горестный возглас мокнувшего под дождем шофера.

— А запаска?

— Тоже... Того...

— Ну и чего я теперь жене доложу?! — с гневом обратился Пакуро к истекающим противной влагой небесам и косясь на Бориса. — Что уже был на выходе, сказал ей, чтобы разогревала ужин и ждала, хотя ей к семи утра на работу вставать, а сам покатил с энтузиастами в золотари переквалифицироваться? А?!

С неведомой, плохо освещенной территории буксовавшую в глинистых лужах машину вытаскивали едва ли не час. Далее созвонились с жившим неподалеку товарищем, подвезшим запаску.

Стояла ночь, когда Пакуро, уже на собственной машине, подъехал к посту ГАИ, находящемуся неподалеку от дома. Ставить автомобиль в гараж, от которого потом предстояло топтать под дождем темной улицей минут пять, не хотелось.

Дежурили знакомые инспекторы, указавшие майору место парковки среди нагромождения изувеченных в авариях кузовов.

Стоя у поста и сетуя на превратности неожиданно нагрянувшего ненастья патрульному лейтенанту, Пакуро рассеянно смотрел, как подкатывает к обочине новенькая “ауди”, остановленная для рутинной проверки.

Лейтенант подошел к машине, козырнул, скороговоркой представившись. Затем до Пакуро донесся уверенный, даже слегка развязный голос водителя:

— Ребята, торопимся, МУР...

Инспектор, наклонив голову, всмотрелся в предъявленные ему из бокового оконца корочки.

Пакуро, отслуживший в МУРе не один год, также подошел к машине, надеясь узреть старых знакомых.

Мордатый тип, сидевший за рулем “ауди”, был ему неизвестен.

— Из какого отдела? — дружелюбно спросил Пакуро.

— Из девятого...

— Правда? А я ваших ребят знаю, довелось один раз с ними... — Пакуро наморщил лоб. — Забыл только начальника вашего фамилию...

Мордатый без запинки назвал фамилию начальника. Назвал верно.

— Точно! — улыбнулся Пакуро. — Я, правда, с ним мало общался... А вот опер у вас там еще был, Боря Гуменюк... Как он? Жив-здоров?

— А его это... — кашлянув, сообщил мордатый. — На повышение его, в министерство...

— Жаль, толковый был сыщик, — хохотнул Пакуро. — Теперь в бумагах закопается! Стонет, небось?

— Да, вроде, как... ничего.

— А Акимов Серега? Он тоже, вроде, в девятом?..

— Перевелся в округ! — доложил мордатый.

Пакуро, выхватив пистолет, направил оружие в окаменевшую от неожиданности и страха рожу.

— Выходим из машины! — боковым зрением отметил, как секундное замешательство на лице инспектора сменяет понятливая готовность к действию...

Вынырнул из-за спины автомат патрульного, щелкнул затвор...

— Вы чего, ребята?!

— Без шуток! Руки в гору!

— Да ты кто такой?!

Уместив на мокрый асфальт с заложенными на затылки руками водителя и пассажира "ауди", Пакуро, оставив их под присмотром инспектора, прошел на пост.

Набирая номер дежурного, рассмотрел удостоверения — вроде, подлинные, вроде, все совпадает в мелочах... Только вот Боря Гуменюк и Сережа Акимов никогда сотрудниками девятого отдела не являлись, а потому его проверочку эти хмыри не прошли, и, кто бы они ни были, он все равно будет прав...

Через час ситуация прояснилась: документы — безукоризненная липа, и импровизация Пакуро имеет далеко идущие последствия...

"Ауди" запарковали по соседству с его машиной, муровцы увезли своих лже-коллег на необходимую для повышения их информационного уровня экскурсию по Петровке-38, а майор наконец-таки добрался до дома.

Съев холодный ужин, улегся в постель и под обреченный вздох проснувшейся жены погрузился в краткое забвение...

А в восемь часов утра хмурая и невыспавшаяся группа гильзоискателей вновь явилась к искомому месту.

Нежный утренний свет замечательно и всецело озарял вчерашнее слепое пространство, предназначенное для поисков трех металлических цилиндров со впадинками, оставленными на их краях пистолетным бойком.

Позади сыщиков приземисто распластался знакомый модуль из серого пыльного стекла, оказавшийся дешевой пивнушкой, а

предназначенный для исследования подзаборный ландшафт являл собой местность, пересеченную обломками бетонных плит, прикопанной ржавой арматурой, обрывками кабеля и буквально горами испражнений, оставленными, без сомнения, завсегда-тайми питейного заведения.

Пакуро, вооруженный лишь детской лопаткой, одолженной у ребенка, печально вздохнул...

Поиски гильз на загаженной, смрадно вонявшей почве, концентрированно пропитанной аммиаком на данном участке, по мнению Бориса, аж до центра планеты, велись два дня. При этом от места поисков ежеминутно отправлялись по известному адресу претенденты на подзаборное облегчение своих организмов от разного рода накоплений. Претендентами являлись ожидавшие поездов пассажиры, местные бомжи и посетители пивной, судя по всему, пользующейся огромной популярностью в районе.

Через два дня облагороженный ландшафт идеально соответствовал площади, предназначенной для высадки английского газона.

— Центральный РУБОП на субботнике по благоустройству города, — бормотал Борис, разглядывая две лежащие на ладони гильзы. — Чем не название газетной статьи, а?

— Ладно тебе, — отвечал Пакуро, утирая пот со лба и набирая телефонный номер курирующего расследование прокурора.

Воодушевленно сообщив прокурору о найденных гильзах, услышал:

— Так вы нашли две?

— Да...

— А он три раза стрелял?

— Три. Но мы тут все перерыли... Как кроты... И потом — двух же достаточно...

— Мало! — донеслось категорическое заключение.

— Мало ему! — скрипнув зубами, сообщил Пакуро истерзанным поисками сотрудникам. Взглянул на закатное небо, отчетливо заволакивающееся пеленой дождевых облаков. Сказал решительно: — Завтра продолжим! На сегодня — все!

На следующий день, посетив уже изученную до квадратного миллиметра площадку, с обреченным унынием воззрились на характерные возвышения, напоминавшие картину начала строительства пирамид в ровной плоскости пустыни египетской с высоты птичьего полета...

К полудню с помощью чуткого металлоискателя извлекли из ядовитого грунта третью гильзу.

Дело об убийстве Валентины Рудаковой и ее дочери в компетенции РУБОП было завершено, хотя орудие убийства, находящееся ныне в руках головореза Чумы, означало лишь продолжение цепной реакции последующих преступлений.

А потому Пакуро с холодным и удрученным пониманием со­знавал, что развенчал лишь тайну одного эпизода обширной, со­ставленной из множества человеческих трагедий истории.

ВИТЁК

После отъезда Чумы из поселка Витёк вернулся к себе домой, преисполненный черной и липкой, как печная сажа, ненавистью к изощренно-вероломному бандюге.

Не зажигая свет, уселся на веранде, механически поглажи­вая лобастую голову сенбернара, сочувственно уткнувшуюся ему в колени, и, глядя на ночную темень за оконным стеклом, приза­думался.

Со всей очевидностью вырисовывался тот факт, что, навесив на него, дурака, долг в пять тысяч зеленых, Чума от своих наме­рений хапнуть деньги на ровном месте не откажется. Придется продать все, и сырым бродягой отправляться в гибельную неиз­вестность жестокого мира.

А мразь пропьет-прогуляет эти денежки, нисколько судьбой какого-то там деревенского Витька — тупого и корыстного бара­на, возомнившего себя волком, не удручаясь...

Далее. Следообразующие детали оружия, похищенного из ЭКО, криминальные оружейники изменят, номера выкорчуют, однако это не изменит главного — работы следствия по факту громкого, надо полагать, преступления. И он каким-то нутря­ным безошибочным чувством угадывал неотвратимость появле­ния в своем доме тех, кто сумеет раскрутить эту историю со все­ми участвующими в ней персонажами...

Это не было опасением, это была уверенность — ясная и жут­кая.

И тут созрел план... Рискованный донельзя, но, как пред­ставлялось, единственно верный в своей спасительной перспек­тиве.

Выждав два дня, когда улеглась милицейская суматоха, свя­занная с исчезновением Лехи, он, дав участковому показания, что уже давно не общался с арендатором своей машины и о при­чинах его таинственного исчезновения ничего, даже приблизи­тельно, не ведает, начал собираться в дорогу.

Уложил в багажник все ценные вещи и инструмент, запер дом и отвел сенбернара к соседке, оставив ей деньги на прокорм собаки. Пояснил, что отъезжает на заработки в Питер.

С тоской посмотрев на дом, оставляемый, видимо, навсегда, уселся в машину и тронулся в Москву.

А вот и знакомая дверь логова, за которой ему довелось поси­деть в качестве изнемогающего от страха пленника...

Открыл дверь Весло — явно опешивший от его внезапного по­явления.

— Ну, зайти-то можно? — Витёк бесцеремонно протиснулся в коридор, поставил на пол сумку с вещами.

И тут же наткнулся на опустошенно-изучающий взор Чумы, сидевшего за пустым обеденным столом в комнате.

— Прибыл для разговора, — скучным голосом доложил Витёк.

— Ну умедай зад... — Чума, скрестив на груди руки, кивнул гостю на стул.

— Значит, подумал я хорошенько, — начал Витёк, — и решил так: приговор ты мне вынес серьезный, противоречить ему не стану, но без хаты и без тачки мне хоть в петлю, терять нечего...

— Не мои проблемы, — разлепил свои бледные губы Чума.

— Верно, — кивнул Витёк. — Но хочу спросить: что лучше — получить пять штук, от которых ты ни беднее, ни богаче не станешь, и сгубить верного человека, или — дать ему возможность должок отработать, и — как запасную опору для дальнейшей жизни оставить? Ведь жизнь-то — она по-всякому обернуться способна... Вон, я винт ржавый лет десять назад на дороге подобрал, в ящик кинул, а тут начал глушак на тачке менять, крепеж хомута — чпок, и лопасти, сгнил, падла; я туда-сюда, нет замены, а потом спохватился, в ящик полез, а винтик-то тот оказался, родной... Затянул им хомут и — покатыл куда надо. А?

— Грамотно гонишь, — согласился Чума. — Только ведь поджилочки у тебя того... тряские, для наших дел негодные... Нам народ с твердой поступью нужен... Коли через мертвяков шагаешь, споткнуться нельзя!

— А я в те дела, где негоден, нос совать не стану, — сказал Витёк. — Но одну работенку для себя вижу: водилой в бардаке твоём... Девочек-то тьма, а клиенты по всему городу горохом рассыпаны. Только и успевай задницы развозить.

— А чего... — подал голос Весло. — В точку!

— Да? Тогда бери его к себе в квартиранты. — Чума поднялся из-за стола. Посмотрел на часы. Буркнул рассеянно: — Пора... Надо к Крученому лететь, вызывал папа... Кстати! — Тревожно зыркнул на Витьку. — Как там насчет этого... Лехи?

— Подергались менты чуток да затихли...

— У тебя были?

— У всех были. А мне-то чего? Я ему не сторож и не приятель.

— Понятно. В общем, кантоваться у Весла будешь, он — старший. Телкам мы как раз сегодня хату снимаем. Вроде как... диспетчерский пункт, во. Телефончик с определителем, то-се... И завтра, думаю, начнешь развозы. Насчет бабок решим.

— Хотя бы на бензин, а то ж я голый... — жалостливо вымолвил Витёк.

Чума брезгливо покривился.

— Весло отстегнет. Все! Я уехал. — И, сутулясь, направился к двери.

Когда за шефом хлопнула дверь, Весло, качнув головой, вдумчиво произнес:

— А ты, Витюха, умник. И с бабками не расстался, и у кормушки пристроился.

— Кстати, пожарь-то чего есть? — спросил находчивый сельский житель.

— Ну, ты хорек! В холодильнике бациллы... И наш цирроз там. Наливай за свиданьице...

— Это — момент!

На свою новую работу развозчика проститутток Витёк не жаловался: к полудню он подъезжал в диспетчерскую — огромную неухоженную квартиру, арендованную у хозяина-пропойцы, ютившегося в одной из комнат, выслушивал указания миловидной “мамочки” Аллы — ухоженной, налитой зрелой чувственной красотой украинки, развозил безнравственных девчонок по указанным адресам, взывая с клиентов плату и предупреждая их об ответственности за всякого рода силовые извращения, получал деньги на карманные расходы и ремонт машины, бесплатные сексуальные утехы в любое время дня и ночи, и — усердно вынашивал дальнейший рискованный план, составивший суть его будущего...

Постепенно в голове его накапливалась полезная информация: Чума и Весло подчинялись вору в законе Крученому, одурившему богатую коммерсантку, ныне пребывавшую в психбольнице, и с удобством расположившемуся в ее квартире. Малолетняя дочь коммерсантки стала сожительницей старого гангстера, а сын — порученцем-шестеркой.

Вор, судя по всему, контролировал несколько хлебных точек, а кроме того, крутил с Чумой откровенно уголовные делишки.

Обо всем этом по пьянке Витьку проболтался Весло, надзирающий за нелегальной фирмой досуга, доходы от которой также шли в распоряжение криминального авторитета. Кроме того, через проститутток поступали наводки на перспективные для совершения налетов частные квартиры. Аналитическо-информационное препарирование наводок осуществлялось все той же ушлой “мамочкой” Аллой.

С некоторой обескураженностью Витек уяснил и тот факт, что группировка, о которой не раз хвастливо упоминал Чума, не принимает никакого прямого участия в деятельности его шефов, лишь косвенно примыкающих к иерархии глав того криминального сообщества, что ныне неотвратимо вступало на путь вполне легального бизнеса.

Демаркационные пограничные линии между мафиозными организациями и откровенно уголовными бандами с каждым днем приобретали все более четкий и отчуждающий характер.

И, как понимал Витёк, случись что с Крученым или с Чумой, особо усердствовать в помощи им новая поросль беловоротничковых бандитов не станет.

“Новые” вынужденно считались с “синими”, во-первых, из-за их отороженной непредсказуемости, а во-вторых, из-за традиционного главенства блатных над миллионной массой зековского покорного быдла.

Данный факт сугубо практического и формального симбиоза также поселял в смекалистом Витьке некоторые надежды...

Вскоре в бардаке разгорелся скандал: попавшая в поле зрения “мамочки” Аллы тридцатилетняя Надежда, также провинциальная украинка, работавшая продавцом на рынке, который курировал Крученый, наотрез отказалась работать в качестве шлюхи, хотя поначалу дала на это согласие.

Согласие было вынужденным, ибо у Надежды украли выручку за неделю торговли, и вербовку привлекательной одинокой женщины, кормившей своими московскими заработками престарелую мать и малолетнего сына, живших в селе под Харьковом, осуществлял лично Крученый — бестрепетный и грозный, как демон.

Витёк привез Чуму в квартиру, где ныне обитал вор, топтался в просторной прихожей, прислушиваясь к глухо доносившимся из-за остекленной цветным витражом двери кухни рассуждениям высшего руководителя:

— Отказывается, сука? Ну и хорошо! Алка тоже хвостом крутит, самостоятельная больно стала... Вот и научим ее нашим выводам... Девка к батарее прикована? Так... Вечером собираетесь в хате втроем: ты, Антон и — Алла. Девке кляп в рот, и режьте ее на лоскуты. А Алка пусть смотрит, запоминает. Мясо в пакет упакуете и — на свалку. Подальше от дома только... Водилу своего этого... Пусть в стороне будет, чего-то не нравится мне колхозник твой... Или смотри — пусть тоже вымажется...

Витек с силой сцепил в замок хрустнувшие пальцы. Вот жизнь... Ведь когда впервые увидел он эту Надежду, трепыхнулось у него возбужденно и гулко сердце: какая баба! Вот бы с такой жить-поживать... Не из этих ведь шкур липких...

А потом враждебная отчужденность нахлынула: коли здесь, то — такая же, и нечего в лазоревые хламиды ее наряжать... Да завтра же ее окучит! В любом варианте. А оно — вон как... Конец бабе! Да еще и его в мясники припашут... Вот погань!

Выйдя в прихожую, Чума внушительным тоном произнес:

— Лети в диспетчерскую, Алке скажешь, что буду в семь вечера. Телка там к батарее наручниками приклепанная сидит — можешь попользоваться. Легко. Противиться станет — пасть заклеи и бей, как кузнец оковалок... Но — чтобы не сдохла, у нас воспитательное мероприятие с ней намечается. Что еще? Путан по ночным страдальцам развезешь, гребни к Веслу. И жди меня у него на хате завтра утром, дело есть.

Витёк услужливо наклонил голову, выражая полнейшее согласие с полученными указаниями. Относительно рекомендации пользования пленницей глумливо проронил:

— Благодарствую... Отметимся. Оторвемся, вернее! Баба — шик!

— Ну давай-давай, — гадливо покривился Чума, подталкивая его к выходу.

Сев в машину, Витёк в сердцах ударил себя кулаком в ладонь. Произнес потерянно:

— Ну, уроды без привязи!

Пройдя тюрьмы и зоны, став наблюдателем бесчисленного множества измывательств, подлости, кровавой жестокости, он, удачливо избегнув многих пронесшихся над самой макушкой напастей, однако закаленно приемля насилие как неизбежную данность, сейчас, пребывая в тесноте колючих бандитских пут, вдруг отчетливо осознал весь мрак того ада, в котором вынужденно оказался. Но ведь — вынужденно, с расчетом... А Надежда? Незадачливая несчастная дуреха...

Приехал в диспетчерскую.

Алла сидела на кухне, попивая сухой martini, и смотрела телевизор. Хозяин квартиры, мертвецки пьяный, спал в своей комнате.

— Чума сказал, — развязно начал Витёк, обращаясь к хозяйке проститутки, — что Надя в отказ пошла, сегодня воспитывать ее будут...

— Когда он придет? — не отрываясь от экрана, спросила “мамочка”.

— Велел, чтобы ты тут в семь часов вечера присутствовала.

— Что с ней делать будем? — Алла коротко указала рукой себе за спину. Ее целиком занимала эротическая сцена мыльной оперы.

— Чума сказал, для начала я могу попользоваться...

— И то верно... — Порывшись в кармане халата, она достала ключи от наручников.

— Да я с ней и так слажу, — хмыкнул Витёк. — Даже интереснее...

— О, тогда и я посмотрю! — оторвалась старая развратница от телевизора. — Страсть люблю акробатов...

— Зенки вывалятся! — угрюмо молвил Витёк. — Обойдешься! Дай нож!

— Зачем тебе?

— К глотке приставлю, чтоб не дергалась, гнида...

— Возьми вон... На мойке...

Войдя в комнату, наткнулся на затравленный, исполненный ненависти взгляд женщины, сидевшей на полу возле батареи.

Смущенно приблизившись к ней, Витёк поднес палец к губам в предостерегающем жесте, затем, наклонившись, зашептал на ухо:

— Сиди тихо, поняла?.. У Чумы приказ: порезать тебя сегодня на куски. В назидание... Короче — труба! Прямая, без изгибов. — Перегнувшись, он рассмотрел наручники. Усмехнул-

ся: — Китайское железо... — И, вытащив из кармана щипчики для ногтей с вмонтированным в них кривым дугообразным лезвием, вставил его острие в паз замка, сноровисто провернул приученными слесарить пальцами. Замок открылся. — Делаем так, — продолжил Витёк. — Я отвлекаю Алку, закрываю дверь на кухню, а ты — в коридор. Запор — на защелке... Дверью не хлопай. Вот... — Он судорожно порылся в карманах, достал сто долларов: — На, большего нет... Я тут сам в рабах... — И добавил виновато, глядя в ее серые, настороженно распахнутые глаза: — Нравишься ты мне, Надежда... Как увидел тебя, так сразу и... Такая история. — И — внезапно для самого себя, осторожно поцеловал ее в висок.

— Так, может, вместе?.. — прошептала она.

— Не время... Адрес мне свой скажи...

Она произнесла название поселка под Харьковом.

— А улица?

— Октябрьская, два...

— Ну бывай! — Он стиснул ее плечо. — И учти — приеду.

Скоро.

Вышел из комнаты, вернувшись на кухню. Закрыв за собой дверь.

— Больно ты скоро.... — произнесла бандерша, истомленно потянувшись всем телом.

— А ну ее, тварь!.. — отмахнулся виновато Витёк. — Дергается, как на пружинах... Неинтересно!

— А чего интересно? — с озорством посмотрела на него Алла.

— Вот с такой бы женщиной, как ты... — Витёк, присев рядом, обнял многоопытную жрицу плотской любви.

На него пахло бабьим потом и дорогой парфюмерией.

— Да иди ты! — отодвинула она его руку.

— Это почему?

— Не в моем вкусе, понял?! — В глазах ее блеснула отчужденная злость.

— А если за пятьдесят баксов?

Взгляд Аллы тут же кокетливо залучился.

— Это предложение можно рассмотреть...

Витёк, усердно прислушивающийся к долгожданному осторожному скрипу ведущей в квартиру двери, наконец расслышал его — боязливый, краткий... И, небрежно взбивая кончиками пальцев локоны повелительницы чаровниц, громогласно продекламировал:

— Кудри вьются, кудри вьются, кудри вьются у блядей... Почему они не вьются у порядочных людей? Потому что у людей, — объяснил с горестным нажимом, — нету средств для бигудей... Ведь порядочные люди тратят деньги на... Эх! — прибавил. — Были бы сейчас эти пятьдесят! Может, в долг, а?

Взор бандерши снова посуровел:

— Ага, монгольскими тугриками по перечислению...

— Ну, как знаешь, главный пункт проката...

Попили кофе, покалякали о тяготах жизни и о проблемах эпидемии охвативших столицу венерических заболеваний, чья профилактика концентрированным раствором марганцовки искушенная Алла считала самым действенным средством.

Наконец, зевнув, Витёк сказал, что пора ему начинать объезд точек — девчонки свое отработали...

Выходя из квартиры, он даже не обернулся на дверь комнаты, за которой, по идее, томилась предназначенная для кровавого заклания жертва бандитских амбиций.

Однако вечером, выпивая в компании Весла, был потревожен истерическим телефонным звонком.

Звонил пышущий негодованием Чума:

— Ты зачем телку от магистрали отковал?!

— Да ты чего?.. — возмущенно произнес Витёк. — Ну лепись! Извини, конечно... С какого еще хрена я бы ее...

— Ко мне! Срочно! На полусогнутых!

— Чума, да ты совсем... Тачка на стоянке, мы с Веслом кирием... О чем базар? В бега она, что ли, подалась?

— Ладно, утром приеду, объясню, — внезапно сбавив обороты, промолвил Чума. — Упорхнула канарейка...

— Как?!

— Хрен знает... Браслеты распрягла... До завтра, в общем!

— Надька сбежала! — с изумлением доложил Витёк неторопливо раскуруивающему косячок Веслу.

— А... Ну... Алке — пиздец! — вынес тот невозмутимое резюме.

Приехавший утром Чума выглядел удрученным и озлобленно-задумчивым, однако никаких претензий по поводу побега строптивой пленницы Витьку не высказал, приняв, вероятно, версию о некачественных кандалах. Усевшись за стол, повелительно объявил:

— Собираемся скоренько и шлепаем на дело. Будем брать ха-ту. Всё под прицелом, Антон пасет выход, Ольга уже в машине. Наводка ее, кстати. Ты, — небрежно кивнул Витьку, — идешь с нами, ствол получишь... — И выжидательно замолчал, ковыряя ногтем заусенец на пальце.

Витёк также молчал, понимая, что, начни он сейчас противоречить, ссылаясь на былые благостные договоренности, дело может обернуться самыми плачевными для него выводами.

Вчерашние слова Крученого о недоверии новому водиле, а также его, Витька, вероятное, хотя и недоказанное соучастие побегу Надежды, скорее всего вынудили бандитов привлечь новичка к тем акциям, после которых о роли стороннего свидетеля ему уже не следовало и мечтать.

— Ну, что молчим? — задал вопрос Чума, не поднимая глаз на собеседника. — Или, думаешь, покручусь, должок отобью,

и — в сторону? Ошибочка, Витя! От нас не уйдешь, ты не в аптеке работаешь.

— Я отвечу, — твердым голосом начал Витёк. — На воровское дело батраков не берут, так понимаю. И, значит, коли подписываюсь, то должен быть в честной доле. Чтоб знать, за что грустить в неволе...

— Ты мне чего, условия ставить будешь? — откинувшись на спинку стула, надменно молвил Чума.

— Ладно, Чума, хорош разводить парня, — неожиданно подал голос Весло. — Коли уж он с нами канат тянуть ухватился, другой конец не отвязывай! Мне лично Витюха по душе.

Чума удивленно поиграл бровями. Сказал:

— Ишь, как спелись... Кто бы знал! Но да ладно. — Строго взглянул на Витьку. — Коли Весло по такому течению погреб, я сворачиваю паруса. Но ты, Весло, и в ответе за него будешь... — Вытащив из-за пояса два пистолета, положил их на стол — потертый "Макаров" с треснутой щечкой рукоятки и знакомый элегантный "маузер"-мелкашку.

Корявая лапа Весла накрыла некогда милый сердцу Витька пистолетик. Пришлось довольствоваться расхожим армейским оружием.

— Ну, полетели! — Чума сладко потянулся. — Расклад такой: меняем номера и едем к хате. Ольга, как всегда, звонит в дверь. Лох, вроде, один... Ее узнает, откроет. Тут чисто психологически... У фраера женушка, он Ольгу с тротуара свинтил, попользовался, а теперь — нате — явилась... Вопрос: зачем? Забыла что? Колечко, к примеру, потерялось... А вдруг претензия какая? Или блажь? Вдруг пришепает вновь, когда супружница в доме?.. Тут Крученный все точняком прикинул... Мы с тобой, — подмигнул Веслу, — за Ольгиной попкой хоронимся. Как обычно. Влетаем и — понеслось. Антоша и Витюха — следом. Прессуем фраера, начинаем шмон. Ольга с рацией отваливает на "атас". Такая азбука.

Витёк хотел задать вопрос о возможности крайне нежелательной для него "мокрухи", но прикусил язык... В любом случае, отступить было некуда. Добиться от лживого насквозь Чумы правды о его истинных замыслах не смог бы и дьявол, а попытка торга означала бы потерю лица... И, соответственно, голы.

Расчет Крученого оказался точен: увидев в дверном "глазке" безобидную девчонку, с которой он провел незабвенное времечко, хозяин квартиры, ошалев от десятка спутанных версий, касающихся сути такого визита, однако опасного подвоха не заподозрив, отодвинул задвижку замка, и в следующую секунду банда ворвалась в коридор.

Чума привычно, без промаха, ударил жертву кулаком в кончик носа, использовав таким образом свой любимый прием: кровь, невольные слезы, растерянность и ослепленность...

Не теряя зря времени, Весло коротко и пружинисто толкнул незадачливого кавалера ладонями в грудь, отчего тот, потеряв равновесие, отлетел к стене и сверзился на пол.

— А теперь — тихо! — зловеще молвил Чума, уперев ствол пистолета ему в лоб. — Коротко обернувшись на входящих в квартиру Витька и Антона, распорядился: — Оба шмон по сусекам; один — на рации... — Затем, вновь обратившись к поверженному человеку — молодому, симпатичному крепышу лет тридцати, до сей поры лучившемуся уверенностью и благополучием, с угрозой продолжил: — Значит, так. Буду задавать вопросы. Один неверный ответ — пуля у тебя в башке, обещаю твердо. Вопрос первый: где бабки?!

— Спокойно, ребята, все понимаю... — утерев кровь с подбородка ладонью и с досадой на ладонь посмотрев, отозвался хозяин. — Деньги и драгоценности в сейфе, сейчас открою, бить не надо, все отдам... — Держась неверной рукой за край антикварного, в искусной резьбе, комода, приподнялся, подошел, покачнувшись, к сейфу, вмонтированному в стену над письменным столом. Растерянно чертыхнувшись, произнес:

— Ключ в столе... — И потянулся уже открыть ящик, но был остановлен бдительным выкриком Чумы:

— Я сам! Не дергаться, гнида!

Хозяин квартиры послушно замер на месте.

Чума выдернул на пол ящик стола, рассыпавшегося разной всячиной: бумаги, скрепки, компьютерные дискеты, зажигалки, авторучки, ключи...

— Который? — указав глазами на ключи, спросил Чума.

— Вот этот... — ответил хозяин, ткнув пальцем в лежащий поодаль от вываленной россыпи мелочевки, — плоский, с хитрыми, извилистыми бородками...

Чума механически наклонился, поднимая указанный предмет.

Витёк и Весло, зазевавшиеся на украшавшую стену коллекцию старинных мечей, даже не заметили, как покорная до сей поры жертва вдруг молниеносно и жестко ударила наклонившегося к ключу Чуму умело вывернутой стопой в лоб.

Чума отлетел под ноги подельников; мгновенно, впрочем, поднялся, однако коварный хозяин времени зря не терял: сунув руку за боковую стенку стола, извлек наверняка с давним расчетом спрятанный за ней никелированный "ТТ", незамедлительно грохнувший оглушительными выстрелами...

Дернулся, потерянно схватившись за грудь, Весло; завыл, вращая глазами, Чума, которому пуля угодила в руку; почувствовал, как упруго обожгло висок, Витёк, в следующее мгновение, пригнувшись, выскользнувший в прихожую...

Далее все происходило, как в тумане...

Едва не сбив с ног выскочившего из соседней комнаты Антона, они скопом выбежали из квартиры; понеслись под ногами

ступеньки лестницы, ведущей к выходу из подъезда, где прохаживалась, блаженно щурясь под солнышком в темных очках и чаруя прохожих стройными, загорелыми ножками, едва прикрытыми легким платьицем, стоящая на "атасе" Ольга.

Не сговариваясь, попрыгали в машины: Антон и его ничего не понимающая сестрица уехали на своей; Витёк, Чума и Весло покатали, куда глаза глядят, в прежнем составе.

Ехали, матерясь и исходя исступленной злобой. Витёк, впрочем, помалкивал, косясь на сидящего на переднем сиденье раненого, чье смуглое лицо на глазах приобретало мучнистый оттенок, а лоб покрылся крупными каплями пота.

Пуля, выпущенная из "ТТ", прошла его грудь навывлет, он терял кровь, уже обильно расплзающуюся на чехле сиденья, а постукивающий на заднем сиденье Чума, обнажившийся до пояса и свирепо разглядывающий сине-багровые округлые раны входных и выходных отверстий на бицепсе левой руки, чувствовалось, обрел способность вновь принять на себя командование.

— Рули в Люблино! — сквозь стиснутые от боли зубы приказал он Витьку. — Лепила там у меня... Аптекарь, мать его так...

— Быстрее... — прохрипел Весло и в следующее мгновение, уронив голову на грудь, замолчал.

Перегнувшись через сиденье, Чума охватил ладонью его шею. Скривившись, молвил на выдохе:

— Кончился, дуралей...

Остановившись возле пустыря, выволокли из машины убитого соратника, обыскали, забрав ключи и бумажник, отволокли тело в кусты.

Для верности Чума перерезал покойнику горло. Свое действие прокомментировал так:

— Тяжело расставаться со старыми товарищами, но уж коли такая судьба — надо гуманно, чтоб если очнется ненароком, не мучился... Мы же люди...

Подъехав по указанному адресу в Люблино, Витёк выключил движок, глядя, как Чума, бережно прижимая к туловищу простреленную конечность, покачиваясь, бредет к подъезду, где жил известный ему врач.

Вернулся через час — взвинченно-веселый, явно под действием наркотика. Приказал:

— Домой меня вези, на Красносельскую...

По пути отрывисто наставлял:

— Теперь ты — на месте Весла, понял? Сиди в хате, нос не высовывай, обмозгуем с Крученым, как и чего, тебе сообщу... Салон отмой, чехлы — в помойку. Но не у дома, хотя бы за квартал отъедь... Пистолет давай...

Витёк протянул бандиту так и не пригодившийся, слава Богу, "Макаров".

— Э-э! — крикнул Чума изумленно. — А мелкашка где?

— В смысле?

— Ну та, что у Весла была?..

— Откуда мне знать?

— Там оставили... — Чума досадливо закусил губу. — Весло выронил! Точняк — выронил!

— И чего? — испуганно обернулся к нему Витёк.

— Там номер не запилили... Ладно. Авось, пронесет!

Витек почувствовал холодок в груди. Это "авось" означало одно: если пистолет идентифицирует приехавшая на место неудачного преступления милиция, то в тлеющие угли ведущегося следствия полетит новое сухое поленце, взвив россыпь искр прибавившегося у сыщиков энтузиазма...

На Красносельской Чума жил в основательном, послевоенной постройки, доме.

Квартира, куда он пригласил подняться Витька, оказалась снабженной двумя входными дверями из толстой стали, а в металлической раме проема тускло горела контрольная красная лампочка сигнализации: Чума тоже боялся разбойников.

— Вот тут и обитаю, — говорил Чума, подталкивая компаньона в гостиную, заставленную дорогой, но разномастной пыльной мебелью, напрочь лишенной какого-либо ухода.

На зеркальной полировке обеденного стола в пивных лужах валялись порожние бутылки и селедочные головы, из переполненных окурками хрустальных пепельниц несло прогорклым табачным смрадом. Смятые серые простыни и скрученное винтом одеяло свисали с пухлого кожаного дивана на затоптанный грязными каблуками ковер.

Обнаженные дамы, населявшие многочисленные живописные полотна, теснившиеся на обтянутых гобеленами стенах, недоуменно взирали на неряшливое убожество бандитского быта.

— Ну, пить будем? — доставая из секретера коньяк, спросил Чума. — Помянем Весло, полагается...

— Стремный сегодня день, — отрицательно покачал головой Витёк. — Вдруг менты зацепят... А на тачке номера шальные... Не, поеду к себе на хату, там нервы уйму.

— Ну, твое право... — Чума глотнул коньяк из горлышка. Сморщившись, ощупал простреленный бицепс руки, просунутой в петлю надетой на шею подвязки. Подытожил: — Завтра едем к Крученому. Про то, что пушку посеяли — молчи! И без того лютовать станет... Долю твою всерьез обсудим, коли вместо Весла впрягаешься... — Он вытащил из-за пояса пистолеты, положил их на стол. Прибавил сокрушенно: — Вот тебе и наводочка... Напоролись, как овцы в загоне на вилы... Верткий фряерок попался, удалой. А ты, Витюха, того... — Сузил презрительно глаза. — Сразу в бега... Как таракан ошпаренный.

Витёк указал на красный рубец, оставленный пулей на виске. Произнес запальчиво:

— Меня, как хлыстом... Сразу в сторону повело... Думал, в черепушку свинец ввинтился!

— Все еще впереди! — многозначительно пообещал Чума, вновь отхлебнув коньяк. — В сторону его повело... А в какую? На срочный свал, к калитке...

Витёк, уже собиравшийся покинуть компанию бандита, передумал. Присел за стол, отрешенно воспринимая язвительные нарекания, склонность к которым с новой силой вспыхнула в оправляющемся от потрясений тяжкого дня шефе.

Взял со стола "Макаров". Механически передернул затвор.

— Э-э! — заполошно вскинулся на взведенный курок Чума. — Не шали, лапоть!

Тупая пуля "Макарова", обладающая при выстреле с близкого расстояния таранной ударной силой, попав ему в лоб, повалила на пол вместе со стулом.

Витёк, нагнувшись, с брезгливым и зачарованным вниманием смотрел, как медленно и удивленно гаснут, застывая в беспомощном негодовании, желтые, подергивающиеся остекленной поволокой, беспощадные глаза упыря.

Смутный план завладеть сколь-нибудь значительной суммой воровских денег, подобравшись к ним поближе, ничуть не противоречил, как ныне казалось Витьку, его заветному желанию одновременного избавления от диктатуры кровавого изверга, будущего своего погубителя, которого с недавней поры он ненавидел беззаветно и люто.

Он стер с пистолета отпечатки пальцев и приступил к планомерному обыску квартиры, нещадно куроча мебель, отдирая плинтусы, выстукивая паркет и снимая облицовки входных дверей, под одной из которых обнаружился первый ожидаемый сверток с долларами.

После многочасового труда, завершившегося лишь под утро следующего дня, он нашел три тайника и, вывалив на столик стоящего в прихожей трюмо — высоченного, в кружевах завитушек красного дерева, пачки валюты и россыпи украшений, замер, устало и опустошенно сознавая, что, вот наконец и все...

Теперь — свободен!

Вернее, он завоевал свободу, но ее еще предстояло многотрудно и бдительно отстаивать.

КРУЧЕНЫЙ

Тяготили предчувствия... Скорой и неизбежной беды. В голове нудно и тревожно стучало:

"Что-то случилось, что-то не так..."

И оснований для самых худших предположений после незадавшегося ограбления квартиры и последующего за ним исчезновения Чумы с подручными имелось с лихвой.

Как объяснили Антон и Ольга, лошок, попавшийся на уловку, дверь открыл, был запрессован, но затем каким-то неясным

образом сумел затеять пальбу, в результате которой бригада грабителей, получив огнестрельные ранения, ринулась наутек, растаяв в неизвестности.

На телефонные звонки в квартирах Чумы и Весла никто не отзывался, посещать соратничков с визитом было небезопасно, а потому оставалось лишь ждать, строя самые унылые версии по поводу их исчезновения.

Попытка выяснения событий, произошедших после стрельбы в квартире, в частности, вызывал ли хозяин или его переполошившиеся соседи милицию, не задалась: глава группировки, способный помочь ему в предоставлении такого рода информации, ответил отказом, причем сквозило в отказе откровенное пренебрежение — дескать, мараться сопричастностью к подобного рода романтике — ниже его достоинства...

Крученный затаил обиду, хотя втайне справедливость такого пренебрежения признал: благосклонность к нему циничной, расчетливо мыслящей криминальной молодежи диктовалась всего лишь необходимостью тюремной страховки, но не более; он был не у дел в новом, тщательно перекраиваемом мафиозном пространстве, где физическое насилие признавалось не как приоритет, а как крайняя необходимость.

Так что пора было отдать себе отчет, кем именно он является в группировке. И он уяснил: да никем... Материальным воплощением затухающих отголосков прежних пещерно-уголовных традиций.

Униженная злоба терзала Крученого и подогревалась она сопутствующими неудачами: оклемалась в больнице Ирина, принялась названивать домой, с тревогой выясняя — как, мол, дети, чем заняты, ходят ли в школу?..

Ну с Ириной он разберется, не впервой. Спишет в утиль. Способов много: ночное нападение хулиганов на улице или передозировочка... Придумается! С Аптекарем еще посоветуется...

Аптекарь, кстати, сообщил, что Чума приезжал к нему для осмотра простреленной клешни. Необходимые медицинские процедуры были проведены, а вот куда Чума отправился впоследствии — загадка. Был с ним водила деревенский, но и водила пропал... А может, водила — стукач? Может, оттого и с хатой пролет случился? Нет, вряд ли... Там бы всех и повязали, с личным. Тогда почему Чума не выходит на связь?

Ответа не находилось.

Довершением всех незадач стал звонок Аллы, хозяйки подведомственного вертепа. Со слезой в голосе бандерша сообщила, что трудно налаженный бизнес находится на грани срыва. Причина — хозяин съемной квартиры, превращенной в диспетчерский пункт и одновременно в место постоянного прожигания проституток.

Хозяин заявил, что оговоренные в устном контракте с Крученым деньги не получает, довольствоваться водкой, выдаваемой ему в качестве гонорара, не желает, а потому забирает у жрицы любви паспорта и изгоняет их на улицу. Паспорта готов возвратить за обещанное вознаграждение, а что же касается возобновления деятельности притона — то более рассчитывать на его благосклонность не следует, общежитие шлюх пришлось ему не по нраву.

Это наглое заявление словно кипятком ошпарило и без того уязвленные амбиции обуянного гордыней вора.

— Устраивай девок по временкам, и — срочно ко мне! — срывающимся от негодования голосом приказал он бандерше. — Сегодня же отшибем рога козлу запойному! Счеты со мной вздумал вести, короед гнусный! Пламенный, говоришь, привет мне послал?! Хорошо, в долгу не останемся!

Спустя час, Крученный давал необходимые инструкции спешно собранной зондер-команде, состоящей из бандерши, Антона и его спарринг-партнера по занятиям каратэ — тупого и мощного, как трактор, Дениса, на днях завербованного в банду в качестве надзирателя и охранника проституток.

Схема воздаяния зарвавшемуся в своих претензиях алкашу, задуманная Крученым, ни малейшего практического смысла в себе не несла, однако ее воспитательная составляющая, в первую очередь предназначенная для повышения дисциплины в рядах подчиненных, отличалась безусловной значимостью.

Алкаша следовало забить до смерти, затем уложить в сумки все более-менее ценное из того, что хранилось в квартире, а далее, включив газовые форсунки, надлежало квартиру поджечь, возвратив таким образом оппоненту его же пламенный привет в реальном, а не в голословном воплощении.

С задания каратели вернулись к полуночи — возбужденно-запыхавшиеся и весьма довольные собой. Сообщили, что подняли пьяницу с постели, сказав, что принесли ему долг, затем отметели его с таким задором, что тот захлебнулся собственной кровью; после, согласно предписанию, облили мебель бензином и, включив газ, запалили бывшую диспетчерскую.

— Он точноюк окочурился? Проверили? — выслушав доклад, настороженно спросил Крученный.

— Я ему ногой в репу так задвинул, что кровь из ушей потекла! — хвастливо заверил Денис. — И эта, — кивнул на Аллу, — попрыгала на нем, как на батуте, ребра, как хворост, трещали...

— Слушайте, вы, гимнасты! — проревел Крученный. — Я как вам сказал жмурика проверить? Пульс щупали? Зеркало к хлебозеке подносили?

— Да готов он был... — небрежно отмахнулся Антон. — А еще и поджарился, как антрекот... Даже думать не надо!

— Думать надо всегда, щенок бестолковый! — вскинулся на него Крученый, спешно одеваясь. — Вот же... Родина ждет героев, п...да рождает дураков! Гоним туда...

Подъехав на место недавней кровавой разборки, застали возле подъезда толпу зевак, машины милиции и скорой помощи.

Потолкавшись среди любопытствующих лиц и глядя на черные подпалины оконных проемов, Крученый получил противоречивую информацию: кто-то говорил, что пострадавший мертв, а кто-то запальчиво утверждал, что его отвезли в больницу в крайне тяжелом состоянии.

Уловив на себе испытующий взор одного из милиционеров, Крученый решил, что вдаваться в дальнейшие расспросы — означает привлечение к своей персоне крайне нежелательного внимания, и удалился прочь, кипя яростью от халатности легкомысленных палачей.

Сел в машину, влепил оплеуху взвизгнувшей Алле, затем — Антону...

— Сволочи! По зоне соскучились! Жив скот! Я так и знал!

— Да не может быть... — залепетал Денис, но тут же получил жестким и злым кулаком в зубы и заткнулся, чмокая разбитыми губами.

— Всех вас урою! — продолжал бушевать Крученый, размахивая руками. — А ты, Алла, сучка поганая, завтра же по больничкам поедешь его искать! Найдешь и вколешь ему дурь под завязку! И если не сделаешь это, на куски, падлу, порву!

В своих безудержных угрозах Крученый переусердствовал: бандерша, уже всерьез тяготившаяся своей вовлеченностью в откровенно бандитские мероприятия, помышляла выйти из игры, вернувшись на Украину с солидной суммой комиссионных, выреченных от трудов подчиненных ей потаскух.

В уютном украинском городке, раскинувшемся над живописной речкой, имелся у Аллы собственный ладный домик со всеми удобствами, где проживали всецело подчиненный ее капризам и решениям муж и неопишуемая красавица дочь Лена, занимавшаяся проституцией с тринадцати лет. Что, кстати, Аллу ни в малейшей степени не смущало: профессия как профессия, не хуже иных.

Клятвенно заверив патрона в готовности отыскать чудом выжившего алкаша и, переодевшись медсестрой, гарантированно умертвить его уколом надлежащего снадобья, она вернулась на свою личную съемную квартирку и начала спешно укладывать в чемодан вещи: поезд в ее родные края отправлялся из обрыдшей и ставшей крайне опасной столицы государства российского ранним утром.

МАЙОР РОДИОНОВ

Оперативное совещание в кабинете Пакуро, на котором присутствовали сотрудники, ведущие расследование хищения оружия из ЭКО, и майор Родионов, с недавних пор занятый персонай Крученого, продолжалось недолго — завеса криминального тумана неуклонно рассеивалась, и цели будущих разработок выдвинулись отчетливо и уязвимо.

На днях в квартире, оформленной на имя родственника-инвалида, был обнаружен труп Чумы. Соседи, обратившие внимание на незапертую входную дверь, полюбопытствовали, в чем причина этакой беспечности хозяина, и, обнаружив его бездыханным, вызвали милицию.

В квартире все было перевернуто вверх дном: видимо, кто-то из соратников Чумы искал тайники убитого.

Орудие убийства — пистолет “Макаров”, находящийся в розыске, лежал на обеденном столе в гостиной. Помимо того, на трупе было обнаружено огнестрельное ранение, полученное незадолго до смерти.

“Мерседес” Чумы, оформленный на имя того же родственника, был найден в одном из боксов автостоянки, расположенной неподалеку от дома.

В боксе обнаружилось похищенное из ЭКО оружие и боеприпасы.

Среди найденного арсенала отсутствовал лишь один ствол — переделанный для стрельбы мелкокалиберными патронами “маузер”.

Днем позже в кустах на пустыре ребяташки наткнулись на труп неизвестного мужчины, впоследствии идентифицированного как сподвижник Чумы по кличке Весло. Бандит скончался от сквозного огнестрельного ранения в грудь.

Возникла версия: Чума и Весло побывали в переделке, где получили достойный отпор. Но что это была за переделка? Разборка? Незадавшееся разбойное нападение? Так или иначе, с бандитами был некто третий, и именно этот третий решил покончить с Чумой, завладев ценностями из его тайников. Кто же он?

Вероятно, ответ на данный вопрос мог дать Крученый, под чьим патронажем с давних пор находились убитые злодеи.

Однако оперативные данные, имеющиеся на старого вора у майора Родионова, ни малейшей сенсационностью не отличались: выйдя из тюрьмы, уголовник приписался к одной из мощных группировок в статусе пенсионера-внештатника; получил, благодаря прошлым заслугам, под личный контроль один из процветающих рынков, где директорствовал его старый знакомый, и на том успокоился. В делах группировки не участвовал, вращался среди криминальных авторитетов на правах праздного тусовщика, находящегося в резерве, а вскоре сошелся с переехавшей в Москву коммерсанткой из Сибири, начав едва ли не

благостную семейную жизнь. Бизнесменка, впрочем, ныне пребывала в одной из психиатрических клиник.

Узнав о подведомственном вору рынке, Пакуро засомневался в его причастности как к делишкам Чумы, так и к каким-либо рискованным преступлениям. Даже по расчетам весьма общего свойства рынок должен был приносить вору столь огромный и постоянный доход, что главной проблемой Крученого становилось не участие во всякого рода криминальных акциях, а легализация и вложение получаемых средств, способных, к примеру, легко трансформироваться в недвижимость под пальмами оффшорных островков, чьи прибрежные воды неуклонно чернели благодаря отмываемым на тропических берегах долларам российских нуворишей.

Однако майор Родионов, внимательно изучивший материалы по чрезвычайному происшествию в ЭКО, особо отметил показания бывшего эксперта Собцовой, касающиеся проникновения в ее квартиру рэкетиров. В показаниях фигурировал молодой румяный человек атлетического сложения и девочка, представившаяся соседкой с нижнего этажа.

Лицо девочки Собцова не рассмотрела, а вот на представленных ей фотографиях Весла и сына скоропостижно спятившей коммерсантки Антона опознала физиономии ворвавшихся в ее жилище бандитов.

Таким образом, последнее звено цепной реакции покуда еще неизвестных преступлений, совершенных, в частности, с помощью похищенного из ЭКО оружия и наверняка числившихся в категории "висяков" по разным районам столицы и ее пригородов, предстояло выявить майору Родионову. Ему же заодно надлежало разгадать тайну гибели Чумы.

Внешность майора Родионова прямо ассоциировалась со стереотипом уверенного в себе, эlegantного донельзя и чуткого, как натянутая струна, тореодора. От его предков, выходцев с Кавказа, майору достались карие, сосредоточенно спокойные глаза, тонкий нос с едва заметной горбинкой, прямые черные волосы и... неукротимо-бесстрашное устремление к победе над любым противником в любых обстоятельствах, за что частенько, как за неоправданный риск, майор получал гневные начальственные нарекания.

Первым делом Родионов установил, что Ольга и Антон уже давно не появлялись в школе, а позвонившему домой завучу неприятный мужской голос ответил, будто подростки переезжают в другой район, и данный номер телефона взволнованным педагогам следует позабыть. Без сомнения, такого рода рекомендацию дал Крученый.

Мысль о том, что старый бандюга начал подготовку несмышленишей в свои сподвижники, была очевидной... Как и факт привлечения акселератов в криминальные деяния Чумы и Весла.

С Олей Родионов познакомился на улице. Рассыпаясь в комплиментах и одновременно удивленно постигая вторым планом, что выглядит симпатичная девчонка весьма зрело, лет на девятнадцать, предложил перекусить в ресторанчике, получив на это моментальное и благожелательное согласие.

За обедом, шутливо расспрашивая, чем занимается юная красавица и где живет, услышал вялые ответы о внезапно прихворнувшей маме, лежащей в больнице, и о заботливых отчине и старшем брате, чьими стараниями закрываются ее материальные проблемы. А вот к предложению поехать домой к внезапно возникшему возле нее кавалеру, напротив, отнеслась с живостью и полнейшей готовностью.

— А не боишься, что буду ухаживать? — подмигивая, спросил коварный красавчик.

— А как же без этого? — кокетливо поигрывала она хрупкими плечиками, на которых подрагивали узенькие бретельки короткого невесомого платья.

— Оля! — тон Родионова стал вдумчиво-серьезен. — Тебе всего пятнадцать лет, а не восемнадцать, как ты утверждаешь. Скажи, с какой поры ты столь легко и непринужденно соглашаешься лечь в постель с незнакомыми мужчинами?

Глаза девчонки растерянно округлились.

— А что такого... Я... Ты же сам предложил...

— А теперь я предлагаю другое, — продолжил Родионов. — Мы сейчас сядем в мою машину и поедем ко мне на работу. В РУБОП. Ты слышала о такой организации?

— Зачем? — голос ее сорвался на испуганный шепот.

— Затем, что я очень хочу тебе помочь. Затем, что тот, кого ты именуешь отчимом, может в любой момент перерезать тебе горло, как нежелательному свидетелю. Затем, что представляется соседкой с нижнего этажа, квартиру которой заливают соседи сверху, чтобы тебе открыли дверь, а в дверь ворвались бы твои сообщники-бандиты, — означает сесть рано или поздно в тюрьму. Достаточно объяснений?

На нежных плечиках появились отчетливые мурашки. Блеснули слезы в глазах, наполненных отчаянием и страхом.

— И если ты захочешь помочь мне, то обещаю помочь тебе, — заверил Родионов. — Где сейчас, кстати, этот твой якобы отчим и Антон?

— Их уже два дня нет, на какой-то даче... — внезапно севшим голосом пояснила она. — Звонили, сказали, если что произойдет... ну, милиция там... В общем, чтобы мелом входную дверь пометила... А... вы меня сегодня в тюрьму?..

— Успокойся, никаких тюрем ни сегодня, ни завтра не будет, — сказал Родионов, подсовывая под ресторанный счет деньги. — И — проснись! Кошмар закончился... Все. Поехали.

Через час она вздохнула рассказала ему и о своем изнасиловании, и о вовлечении ее и Антона в банду, и о череде разбоев,

которые под руководством Крученого осуществляли Весло и Чума, и о сгоревшей диспетчерской подпольной фирмы досуга...

Не успевая записывать потоком хлынувшие признания, Родионов, глядя на нее — словно в действительности очнувшуюся от гипноза, отчетливо представлял, что ныне творится в душе этой девчонки.

Уже прижившаяся в ее сознании "наука" Крученого, напроць отвергавшего какую-либо мораль рода людского и упивающегося той властью, что даруют оружие и деньги, отторгалась, как короста засохшей крови от раны, и пусть с трудом, но все-таки постигалось ей существование в этом мире тех, кто способен противостоят ей уже прошлому покровителю и погубителю. И суть неожиданности такого ее открытия Родионов понимал с философской удрученностью...

Еще в ресторане Родионов приметил розовые косые шрамики на предплечьях девочки, невольно насторожившие его, и, улучив паузу в беседе, как бы между прочим спросил, кивнув на подживающие раны:

— А теперь вот об этом расскажи... — И небрежно, имитируя секущие удары ножа, провел кончиком пальца по своей руке.

На мгновение она замялась. Произнесла вяло:

— И это заметили?

Родионов выжидающе молчал.

— У него проблемы последнее время начались... Ну, мужские. И он... В общем, он мне надрезы делал и кровь пил... Возбуждало его... — Она отвела глаза от майора, всеми силами пытавшегося скрыть свою ошеломленность подобным признанием. — А потом, — продолжила неуверенно, — себя резал и меня заставлял... вот.

В восемь часов вечера Родионов встал из-за стола. Убрал документы в сейф. Сказал:

— Сейчас едем к тебе домой, дождемся наших офицеров, они останутся с тобой в квартире. Будет звонить Крученый или Антон, скажешь, что никто не приходил, что скучаешь, пусть приезжают. Поняла?

Она послушно кивнула. В глазах ее стояли боль и усталость.

— Тогда — поехали...

На подъезде к дому Ольга ухватила Родионова за руку, с заполошным испугом пролепетав:

— Они здесь... Вон машина...

И майор, невольно притормозив, увидел припаркованное возле подъезда БМВ, возле которого стояли, угрюмо о чем-то беседуя, Антон и Крученый.

На мгновение Родионов растерялся. Что делать? Бандиты, вероятно, поджидают Ольгу, а может, не застав ее, уже собираются отъезжать...

Да, Антон, похоже, садится за руль...

— Из машины не выходить! — прикрикнул Родионов на Ольгу и выскочил из машины, не без досады уясняя, что оставил оружие на службе.

Схватил Крученого, уже протискивающегося в салон, за локоть.

— Не торопитесь, Александр Иванович, есть разговор...

— Ты чего, фраер?! — В колючих глазках, уставившихся исподлобья на майора, читалась яростная готовность к отпору.

Родионов показал удостоверение. Невозмутимо пояснил:

— РУБОП. Вам и Антону придется проехать со мной.

— Клал я на твою ксиву вонючую, — с терпеливым презрением отозвался вор, совершая новую попытку влезть в автомобиль. — А на тебя... — Договорить он не успел: Родионов, ухватив его за плечо пиджака, рывком выдернул из салона. Дружелюбно предупредил:

— Ты меня, Крученый, не зли, а то — допросишься... Больно ведь будет...

— Да ты чего тут быкуешь?! — Кулак Крученого поднялся для удара, однако противник, искушенный в искусстве восточных единоборств, широко и косо взмахнул ногой, угодив каблук в подбородок оказывающего сопротивление задержанного.

Крученый рухнул на асфальт.

Боковым зрением майор усмотрел вылезавшего из автомобиля здоровяка Антона.

Лицо Антона выражало гамму сложных чувств: во-первых, его откровенно поразило, что могущественный и грозный кумир и хозяин в ответ на свое неподчинение приказу какого-то там мента получил от него — профессионально и без излишних препирательств — по физиономии; во-вторых, спешить на помощь своему патрону — означало атаковать сотрудника милиции, что не поощрялось уголовным кодексом; и, в-третьих, появился этот сотрудник со своими требованиями в данное время и в данном месте, конечно же, не случайно.

Крученый между тем встал на ноги и бросился на майора.

Родионов провел подсечку, вновь повалив противника, в ком чувствовалась, несмотря на возраст, могучая физическая сила и готовность стоять в своем сопротивлении до конца.

Антон между тем сделал первый робкий шаг к месту схватки. То, что за первым последует второй и третий, сомнений не вызывало.

Вновь атака Крученого, вновь удар майора, сваливший неутомленного вора наземь, и его нутряной рык:

— Антон, сука, фас!

Переросток, как сомнамбула, двинулся на Родионова, в эту секунду с неудовольствием припомнившего о самозабвенном увлечении будущего противника таинствами каратэ. Полумеры в отношении поклонника профессионального рукопашного боя

были недопустимы: в Антоне мог привычно проснуться слепой агрессивный азарт бескомпромиссной схватки.

Подскачив к покуда еще мешкавшему с активными действиями неприятелю, Родионов нанес ему сокрушительный удар сгибом локтя в челюсть.

Юнец тут же принял горизонтальное положение, в то время как Крученый вновь обрел устойчивость своей вертикальной позиции.

Дальнейшие передвижения Родионова от противника к противнику сопровождались удручающе однообразными и рутинными результатами: падал Крученый, вставал Антон; падал Антон, вставал Крученый...

Майор чувствовал, что затянувшаяся игра в эти опасные ваньки-встаньки отнимает у него последние силы.

Между тем события происходили во дворе респектабельного дома и выглядели со стороны так: человек лет тридцати пяти, явно спортивного телосложения, одетый в джинсы и легкую шелковую рубашечку, методично избивает изысканно одетого пожилого господина и — пусть переростка, однако явно мальчишку, вступающегося за своего, предположительно, папу.

По тротуару в изобилии проходили разнообразные люди, в том числе — крепкие мужчины; из окон за потасовкой наблюдали не одна пара глаз, однако со звонком в милицию и даже с трусливым выкриком-требованием прекратить безобразия никто категорически не спешил.

Перед глазами упревшего от метаний Родионова уже плавали мутные, сплетающиеся между собой кольца, но вот наступил тот долгожданный момент, когда оба недруга, совершая попытки подняться с асфальта, никак не могли достичь в этом своем устремлении положительного результата.

Неверной рукой майор отстегнул от брючного ремня упакованный в кожаный чехольчик мобильный телефон, судорожно набрал номер дежурной части и, скороговоркой промолвив адрес, попросил срочного подкрепления.

Этот момент бандитам наконец-таки удалась попытка одновременного обретения почвы под ногами. Телефон полетел на травку газона, и драка вспыхнула с новой силой.

“Только бы продержаться... — думал Родионов, пропуская удар Антона и нанося ответный. — Ну, быстрее, ребята, быстрее...”

Заветный вой сирены и визг тормозов оперативной машины прозвучал в ушах Родионова сладким победным маршем... А затем последовала увертюра новой рапсодии: язг автоматных затворов, короткие и отчетливо-глухие удары прикладов спецназа, всхлипы и стоны...

Всё...

Наказав Ольге утром идти в школу, а после приехать в РУ-БОП, Родионов вернулся на службу: следовало немедленно допро-

силь деморализованного арестом Антона, не давая ему опомниться от шока.

Результат допроса майора обескуражил: предъявив юнцу фотографию мертвого Весла, в ответ он услышал историю о неудавшемся ограблении, в котором участвовал некто Витек — один из подручных Чумы.

Покопавшись в папках, Родионов извлек фото скрывшегося со своего постоянного места жительства селянина.

— Этот?

— Ну да... — шмыгая носом, ответил юный бандит, с водворением в стены РУБОП незамедлительно вставший на путь безудержного раскаяния.

“Значит, — рассуждал Родионов, рассматривая прокисшую физиономию допрашиваемого, — Весло отдал концы в машине, после чего, бросив труп на пустыре, подельнички отправились на квартиру Чумы, где, вероятно, сообразительному Витьку пришла в голову мысль порвать связи с бандой и одновременно овладеть финансовым наследием своего босса... Что же, разумно и, главное, вовремя... Теперь — ищи-свищи этого озорного Витька...”

— Адрес, где вы нарвались на ствол, помнишь? — спросил Родионов.

— Конечно, пишете...

— А теперь, Антон, если не хочешь в камеру, а хочешь, дав подписку о невыезде, вернуться сегодня домой, то выкладывай про все налеты. Договорились или как?

— Пишете... — вздохнув, повторил Антон.

Он рассказал все, что знал, включая эпизоды с убийством незадачливого Лехи, поджогом бывшего вертепа и беспощадным избиением строптивого хозяина-алкоголика, скончавшегося, кстати, от побоев.

Руку майора, державшую авторучку, уже начинала сводить судорога от непрерывной и судорожной писанины.

Уже поздним вечером он отвез Антона домой. Сказал на прощанье:

— Утром — в школу. После — вместе с Ольгой — ко мне на коллоквиум... За то, что получил от меня по загривку, прощения не прошу. Ни Крученого, ни дружков его не бойся — они для тебя уже так... призраки.

Антон разлепил разбитые губы:

— И сколько мне дадут... лет?

— Не знаю, — честно признался Родионов.

Через день из больницы выписалась Ирина Ганичева, усилиями врачей обретшая способность к адекватному восприятию действительности. Действительности, увы, ужасающей.

Разговора с этой сломленной, истерзанной невзгодами женщиной, напрочь утратившей былую привлекательность и ка-

кую-либо уверенность, не получилось: она выбралась из бездны, но утраченное ею было безмерно и его восполнение после неизбежного осуждения детей виделось Родионову уже непоправимо безнадежным, хотя в этакое мнение ему очень хотелось ошибаться...

Долгий и тяжкий труд души, мучимой стыдом и раскаянием — окажется ли он ей под силу? И как тут не вспомнить о той самой мистической карме?..

Подписала необходимые документы, робко, словно не веря, что ее отпустят, спросила: "Могу идти?" — и скрылась за дверью, оставив после себя ощутимый след темного знака безысходной беды.

Крученый, напротив, держался крайне уверенно и дерзко: причастность к разбоям отрицал, показания Ольги, касающиеся ее изнасилования, называл бредовыми измышлениями, придуманными Родионовым и каждодневно отправлял из камеры записочки, то бишь, "малявы", шефам группировки.

В письменных посланиях вор просил о том, чтобы голова проворного мента "Родиона" лежала до похорон отдельно от туловища, а малолетней сучке, с потрохами его заложившей, устроили передозировочку героина...

Перехваченные рекомендации майор с удовлетворением подверстывал к неуклонно распухающему делу, однако по оперативным сведениям, в разговорах группировщиков начала подозрительно часто повторяться его фамилия, и потому в целях профилактики непредсказуемых действий противников Родионов вызвал в РУБОП Олега — главу сообщества.

— Есть повод для доверительного разговора, — сообщил он мафиозо в предварительном телефонном разговоре. — Приезжайте, если хотите, с надежным свидетелем, дабы вас не обвинили... ну, понимаете...

— Понимаю, — холодно согласился собеседник.

Олег, происходивший из семьи профессоров-медиков — личность, от которой буквально за версту веяло интеллектом, несокрушимой уверенностью и ледяной логикой, с брезгливостью ознакомился с показаниями подростков: Ольги, Дениса и Антона. Дойдя до эпизода о склонности Крученого к вампиризму, озадаченно хмыкнул.

Далее прочитал просьбу вора о том, чтобы грустной головой майора братки сыграли в веселый футбол.

— Ну и?.. — вопросительно поднял Олег безучастные глаза на Родионова.

— Вот и у меня тот же вопрос, — отозвался тот.

— Тогда — отвечаю, — молвил глава группировки. — Может, он и Крученый, но разровняли вы его в плоский блин. Со всеми подробностями. Для меня, по крайней мере. Теперь — вывод: зовут его — мразь, и он — никто...

— На данный момент и по данному поводу наши точки зрения абсолютно и отрадно совпадают, — откликнулся Родионов. — Не смею задерживать. Пока!..

Оценив двусмысленность последнего слова, собеседник усмехнулся:

— Хотел бы сказать вам “прощайте!”, но вдруг неправильно поймете... Сказать “до свидания” — язык не поворачивается. А потому остановимся на варианте: честь имею...

— Хотелось бы надеяться, — заметил Родионов.

ВИТЁК

Выскользнув из квартиры Чумы с сумкой трофейного барахла, прикрывающего пачки валюты, Витёк уселся в автомобиль и доехал до крытой автостоянки, где обычно оставлял на ночь машину.

Договорившись с частниками-автослесарями, промышленными мелкими ремонтами на территории гаражного комплекса, въехал в их бокс, оснащенный подъемником и необходимым оборудованием для производства кузовных работ.

Умело подрезал тонким диском шлифовальной ручной машины сварные точки короба, оттянул его в сторону монтировкой и — одну за другой запихнул в глубь образовавшейся прорехи обернутые в плотный полиэтилен пачки валюты, связанные между собой, подобно сосискам, суровой нитью.

Закрепив разъехавшийся шов струбцинами, вновь прихватил его сваркой, а затем аккуратно заровнял и зачистил следы своих манипуляций.

Обмакнул кисть в тягучий деготь масляной отработки и тщательно промазал нижний край коробов и днище.

Теперь оставалось промчаться на приличной скоростенке по сухому разъезженному проселку, дабы масляную пленку подернули взбитые колесами клубы дорожной пыли.

Первым таким проселком для Витёка стала дорога, ведущая к одному из пригородных частных домов, где обитала свора цыган — фальшивомонетчиков и наркодилеров, “закрышенных” Чумой.

До сей поры Чума и Витёк посещали криминальный табор не единожды, а потому незваный гость был встречен толстой и усатой супругой главы вечно безработного и делового сообщества крайне предупредительно и, вместе с тем, вполне по-свойски.

Устроившись в просторной гостиной, уставленной мебелью из ценных древесных пород и псевдо-античными статуями, Витёк сквозь зубы поведал, что прибыл, во-первых, по поручению Чумы за очередной данью; во-вторых, ему нужна доверенность на машину и паспорт, фотографию для которого он незамедлительно готов предоставить; а, в-третьих, происхождение и качество поддельного документика обязано выдержать любого рода

проверку, поскольку он, Чума и Весло отправляются в ближнее зарубежье на разборки.

Выслушав данное заявление, произнесенное безапелляционным тоном, толстая ведьма, щуря хитрющие масляные глазщи, ответила, что бланки доверенностей и подходящий паспортшко у нее имеются, и сейчас она востребует для исполнения поставленной задачи необходимого рукодельника, своего брата, отдыхающего ныне в одной из спален второго этажа. Однако с выплатой регулярной mzды существует проблема: денег сейчас нет. К тому же обозначенный срок выплаты наступает лишь через неделю, и требование многоуважаемого Чумы представляется ей, мягко говоря, странным.

— Сказал же! — оскалась и имитируя интонации убиенного шефа, с угрозой промолвил Витёк. — Едем в пампасы, нужны бабки... Старайся-напрягайся!

Поканючив о несправедливости подобного рода требований, цыганка, вздыхая, отправилась на второй этаж — дескать, вдруг да сумеет перехватить необходимую сумму у родственника-фальшивомонетчика.

Вернулась минут через пять, вручив наглому посетителю три тысячи долларов и сообщив, что работа по внедрению в ответственный документ фотографии Витька уже началась. Попутно задала меркантильный вопрос: кто и когда за изготовление данного удостоверения личности заплатит?

— Это — с Чумой... — отчужденно покачал головой Витёк. — Мне — что сказано, то и передал...

Цыганка вновь обморочно и смиренно вздохнула.

При первом же взгляде на искусно вклеенную фотографию с безукоризненным оттиском Витёк понял, что в этом вертепе находятся профессионалы высочайшей квалификации и всесторонней уголовной ответственности. Он даже хотел проронить вполне естественное "спасибо", однако, вновь вспомнив Чуму, удержался: внезапная вежливость бандита могла поневоле насторожить прожженную мошенницу своей несообразностью.

Вежливость среди таких, как Чума, была признаком слабости — это Витёк уяснил прочно.

А потому, лишь холодно кивнув, сунул деньги в карман и отправился вальяжной походкой к машине, ощущая на спине испытующий взор хозяйки дома...

Цыганка, поднявшись на второй этаж, наверняка отзвонила по связному телефону Чумы, отключенному Витьком, и, не получив подобающего подтверждения, ныне испытывала смутные сомнения по поводу правомерности требований залетного ухара и своего покорного подчинения ему.

Однако Витька данные сомнения уже не касались, тем более что дальнейший график напряженного дня взывал к сосредоточенности на будущих актуальных целях.

Приехав на бывшую квартиру Весла, он вымылся под душем, собрал необходимые вещи и позволил себе несколько часов сна, весьма освеживших его после бдительного производства ночного шмона в квартире Чумы.

После заехал в уже закрывающийся банк, купил справку на выманенные у цыганки доллары.

К ночи, спрятав машину в знакомой до слезливой сердечной истомы березовой рожице рядом с поселком, двинулся согбенным призраком к дому соседки-любовницы. На свой дом старался не смотреть — больно...

Взбреднул сенбернар, заслышав шорох ночных шагов, и тут же взвизгнул — радостно и нетерпеливо...

— Тихо, малыш, тихо... — зажимая ладонью пасть любимца, с неумным ликованием вылизывающего его лицо, шептал Витёк, отстегивая от ошейника цепь. — Ну, пошли гулять... Рядом! Да что же ты скачешь козлом! Вот обрадовался... Ну! Рядом, тебе говорю! Разбудишь лихо на мою голову...

Уложив на заднее сиденье возбужденного от возвращения хозяина пса, тронулся в обратный путь.

А солнечным полднем следующего дня его "жигуленок" стоял в веренице выстроившихся у пограничного украинского пункта машин.

Подошедший к Витьку белобрысый таможенник с презрительной гримасой на щекастой, толстогубой морде, кивнув на выглядывающую из оконного проема радостную собачью морду, недовольно процедил:

— А это еще что за пассажир? Какого хрена?

— Везу на международную выставку, — смиренно доложился Витёк. — Родословная, сертификат этот... ветеринарный — все в норме, наши вон проверили...

— *Ваши* мне по барабану! На выставку, говоришь? — В свинных глазках охранника украинской экономики мелькнуло подозрение. — Ну-ка, пусть выйдет...

— Зачем?

— Я сказал!

— Ага... — Витёк с покорностью раскрыл дверцу, уязвленно постигая истину, что там, где начинается свобода одного человека, кончается свобода другого.

Пес с готовностью выпрыгнул из машины; встав у переднего колеса, задрал лапу, остудив тормозные колодки.

— Десять часов без оправки... — извиняющимся тоном произнес Витёк.

— Десять часов! — повторил за ним молодой парень, сидящий вместе с девицей в машине неподалеку. — Прикинь, — кивнул на собаку, — какая у него релаксация...

Покосившись на комментатора, таможенник молвил загадочную фразу:

— Это как раз хорошо...

Пес между тем прошел на газончик, разбитый возле таможенной будки, и с естественной непосредственностью разместился на пяточке травы в позе готовящегося к взлету орла.

Удобрив газончик, вновь вернулся к хозяину.

Таможенник, подняв с земли пыльный обломок узкой доски, прошел на газон, поковырял палкой собачье дерьмо и растерянно произнес, неизвестно к кому обращаясь:

— Извините...

Этакое проявление бдительности заставило Витька буквально поперхнуться неумным позывом нервного смеха.

Впрочем, смешного покуда было мало. Застраившие в пограничной полосе машины украинские молодчики исследовали всесторонне, а по носившимся среди страдальцев слухам очереди на осмотр здесь можно было дожидаться еще сутки.

Попытка дать взятку также несла в себе определенный риск: сунешь свиной роже, допустим, сотню, а он и решит: коли сотни не жаль, то и на другую расколешься... А то и вновь чего заподозрит...

Следы свежей точечной сварки на крае короба покрылись густым и ровным слоем въевшейся в масло пыли, в чем Витек тщательно удостоверился, остановившись за десяток километров на подъезде к российской границе, однако как начинающий контрабандист, не ведающий таможенных оперативных технологий, он уже всерьез начинал сомневаться в удаче своего первого и, как надеялся, последнего предприятия такого рода.

Побродив около часа в сомнениях вокруг машины, все-таки сунул в будку, где сидел, степенно и вдумчиво изучая какие-то бумаги, облеченный полномочиями изверг.

Пролепетал:

— Извините... Пса жаль... Мается ведь, бедолага... — И тут же наткнулся на вспыхнувший лютым негодованием взор отвлеченного от дел государственной важности обормота, перед которым в ту же секунду легла пятидесятидолларовая купюра.

Злой и ленивый человек, целиком поглощенный созерцанием бумаг, автоматически купюру накрывших, мгновенно превратился в заботливого и дружелюбного ассистента.

— Справочка на ввозимую валюту имеется?

— Вот декларация... Я там заполнял... — Витек кивнул в сторону российской границы.

— Очень хорошо... Будьте любезны паспорт... Очень хорошо... Вот вам штампик... Все, езжайте!

— А... очередь? Меня ж четвергуют...

— Естественно, я иду с вами...

И — понеслась под горячие колеса заветная украинская трасса, ведущая в то затерянное село, где жила Надежда...

Только как встретит она его? Вдруг да пошлет куда подальше? А если еще не добралась, еще в Москве бедует? Тогда куда? За ней?

Успокаивало одно: тот большой кошелек, что представлял собой набитый купюрами короб машины, кошелек, позволявший смело смотреть в будущее, не заботясь о тяготах хлеба настоящего и ночлега ни для себя, грешного, ни для верного сенбернара с его чистой собачьей душой...

В село он приехал под вечер. Осторожно постучал в дверь дома, невольно озираясь на ухоженный огород и покосившуюся крышу сарая — надо бы перебраться... Да и кладка фундамента разъехалась... Ну, кладка — пара часов работы, был бы крепкий цемент да песочек поядреней...

Дверь открыла она, Надя, тут же растерянно и со страхом отступившая назад...

— Ну чего? — беспечно проговорил Витёк. — Я тоже сдернул, как и обещал. Если не ко двору — извини, тревожить не стану, не беспокойся даже...

Закрыв глаза, она растерянно мотнула головой:

— Входи...

— Не, — уточнил Витёк, — я ведь всерьез приехал... Вот какой, понимаешь, анекдот... Так что с приглашением подумай...

— Входи!

СЛЕДСТВИЕ

О смерти Чумы и Весла Крученый не знал, как и не знал о побеге бандерши Аллы, чей адрес на Украине через ее землячек-путан Родионов вскоре выяснил. Это были козыри, которые майор пытался использовать для изобличения тертого уголовника.

Упорно напирая на факты разработанных и лично осуществленных Крученым разбойных нападений, Родионов внезапно менял тактику, отступая от них, и возвращался к показаниям Ольги о ее изнасиловании, предоставляя тем самым бандиту своеобразный выбор в признаниях.

Поневоле сознавая бесперспективность тупого отнекивания от очевидных реалий, тот пошел на уступку, сознавшись в насилии над малолетней. Однако свое участие в налетах по-прежнему отвергал, требуя очных ставок с Чумой и Веслом.

О сельском жителе Витьке отозвался с недоумением: ну вертелся какой-то чувырло на побегушках у того же Чумы, я-то при чём?

Какие еще вопросы, начальничек? Об убийстве владельца снятой под диспетчерскую разъездного борделя квартиры? Не убивал... А то, что показывают сопляки — Денис и Антон, — чушь! Или сами накуролесили, или вы их подучили, запугали... Алла там была? Давайте очную с Аллой...

На очередном допросе Родионов положил перед вором одну из фотографий, обнаруженных в квартире Ганичевой. Фотография отображала веселое застолье, где Крученый, сидя за столом, обильно заставленным явствами, обнимал за плечи широко известного в стране песнопевца.

— И чего ты мне эту картину суешь? — надменно спросил Крученый.

— Эта картина дорогого стоит, — ответил Родионов, убирая фотокарточку в сейф. — Певец, конечно, личность известная, но прежде всего тем, что он — педик, соображаешь?

— Не понял...

— Прокол, Александр Иванович... Кошмарный прокол! Ты, вор, делишь трапезу с петушком... Да еще в обнимку... Вот что с людьми честолубие творит... Стремление, так сказать, к сопричастности элите... А это — говно, а не элита! Во всех смыслах. И измарался ты в этом говне, Александр Иванович, с головы до ног! Все, ты уже не вор в законе. Ты — петушку подобный. И коли запушу я эту, как ты выражаешься, картинку по зонам да по авторитетам...

— Чего тебе надо? — Взгляд Крученого мертво остекленел. Затряслись губы.

— Надо, чтобы ты всерьез подумал о сотрудничестве со следствием...

— В камеру давай... — Крученый поднес ладонь к перехваченному судорогой горлу.

— Так думать будем?

— Да...

В камере Крученый перегрыз себе вены, но откачали, спасли гуманисты-медики...

Допросы из-за плохенького состояния неудавшегося самоубийцы временно прервались, и Родионов переключился на розыск потерпевших в тех разбоях, в которых участвовал лично Крученый.

Розыск был безуспешен: жертвы надежно молчали, живых свидетелей старый бандит не оставлял...

В неведомых эпизодах, таящихся за кадром следствия, вполне могла участвовать Алла, однако каким образом вызвать в Москву гражданку иностранного государства, с большой неохотой идущего на сотрудничество с российскими правоохранителями?

В жилище Чумы были обнаружены паспорта тех украинских путан, которые, по словам Антона, ранее проживали в выгоревшей "диспетчерской", причем одна из женщин, попавшая в долги рыночная торговка, принуждаемая Крученым к проституции, сумела еще накануне разборок из логова бежать...

В тот момент, когда Родионов задумчиво изучал удостоверение личности беглянки, лежавшее перед ним на столе, ему позвонил Пакуро, поинтересовался ходом расследования.

Изложив новости, Родионов услышал от коллеги, что на днях тот собирается в командировку в Харьков, и если в течение его отсутствия возникнут те или иные вопросы, их способен решить Борис Гуменюк.

Харьков...

Родионов, преодолев секундное замешательство, вновь перелистал паспорт скрывшейся от бандитской мести украинки.

Точно! Село, в котором она была прописана, находилось в Харьковской области...

Идея навестить указанный в паспорте адрес, коли уж Пакуро скоро очутится в данных краях, представилась майору весьма заманчивой. Вдруг прольется свет на какие-либо неведомые махинации Крученого?

— Услугу мне не окажешь? — спросил он Пакуро. — Надо на Украине кое-кого навестить... — И вкратце изложил суть дела.

— Тогда давай паспорт... — подытожил собеседник. — Вручим его хозяйке, как награду за откровенность...

— И то верно!

После встречи с Пакуро Родионов навестил квартиру, где проживал хозяин, сумевший дать отпор Чуме, Веслу и Витьку.

В квартире майор застал несостоявшегося пострадавшего — удалого молодца, бывшего командира разведроты морских пехотинцев, а ныне — коммерсанта.

Не моргнув глазом, тот дал следующие объяснения: да, познакомился с девочкой, пригласил к себе; девочку, если для протокола, то и пальцем не тронул; далее случайная знакомая заявила вновь, уже в качестве наводчицы, и привела с собой бандитов.

Одного из бандитов он сумел обезоружить, выбив из его руки "ТТ", находящийся на боевом взводе, и незамедлительно открыл огонь, обратив налетчиков в позорное бегство.

Истекая кровью от полученных ран и утратив газовый пистолет "маузер", переделанный под мелкашку, незваные гости скрылись, а следом за ними прибыла милиция, вызванная переполошенными стрельбой соседями. Он, пострадавший, чинно-благородно передал представителям власти трофейное оружие и написал требуемое объяснение.

Выслушав данную версию, Родионов позволил себе сдержанный аплодисмент в адрес находчивого боевого офицера в запасе и отправился в ОВД округа, где согласно словам отбившего разбойничью атаку молодца находилось и его объяснение, и "ТТ", и незабвенный "маузер" с богатой криминальной биографией.

Тщательно просмотрев книгу учета происшествий и журнал учета информации, никаких отметок о вооруженном разбойном нападении майор не обнаружил. Хотя... Вот адрес удалого флотского пехотинца, а вот и запись о его... Что?! О его стычке с неизвестными хулиганами на лестничной площадке, куда он вышел с мусорным ведром.

Хулиганы, как следовало из краткого пояснения, подебоширив, скрылись и больше не появлялись. И — ни малейшего упоминания о стрельбе...

Родионов почесал затылок: здорово шифруются местные работнички... Недаром во многих ОВД бытует принцип: искусство раскрытия преступления — ничто в сравнении с искусством его сокрытия.

Проклятые бюрократы с их неистребимой тягой к благостной отчетности и запредельной ленью!..

После нелицеприятного и энергичного разговора с начальством в местных милицеских сусеках отыскался и "ТТ", и "маузер", и объяснение потерпевшего.

Кипя негодованием, Родионов отправился по иному адресу, где согласно словам Ольги произошел один из первых разбоев, в котором она принимала участие под непосредственным руководством Крученого. Чем закончился разбой, Ольга не знала — как только бандиты проникли в жилище, ее отправили к машине.

В квартире майор застал бледного, явственно изнуренного хворью пожилого человека, едва передвигающегося на костылях.

С трудом ворочая языком, человек пояснил, что два месяца назад подвергся жестокому разбойному нападению, получил восемь тяжелых ножевых ран и жив остался благодаря то ли чародеям-хирургам, то ли воле Всевышнего, испытывающего его страданиями долгого и мучительного выздоровления, которому не видно конца.

Из колоды предъявленных фотографий инвалид безошибочно выбрал четыре: Ольга, Чума, Весло и Крученый!

Воодушевленный этим весомым достижением, Родионов тотчас отправился в местное ОВД.

И вновь ознакомился с документом, заставившим его лишь потерянно и беспомощно усмехнуться...

В ту минуту, когда изувеченный и изрезанный бандитскими ножами человек лежал на операционном столе, золотое милицеское перо хладнокровно выводило строки отказного материала, в котором фигурировал незадачливый гражданин, проводивший ремонт собственной квартиры и по неосторожности упавший со стремянки на разбившиеся при его падении пустые пивные бутылки...

Майору невольно припомнилась история об участковом, которому принесли из подведомственного зоопарка заявление о краже муфлона — дикого барана, предка домашней овцы. Что такое муфлон, участковый не ведал и, расспросив на сей счет коллег, получил расплывчатый ответ, будто муфлон — разновидность некоей пернатой дрофы. Отказ в возбуждении уголовного дела был сформулирован так:

"В связи с тем, что муфлону вовремя не подрезали крылья, он улетел с перелетными птицами".

Ну что же... Каждый живет сообразно собственной совести.

Этим выводом Родионов в который раз и утешился, спеша на доклад к начальству с предложением попытаться вызволить из недоступных украинских просторов столь необходимую в производстве дальнейшего следствия Аллу.

Выслушав предложение майора, начальство категорически заключило:

— Авантюризм!

— Хорошо, я возьму отпуск за свой счет. Вы — ничего не знаете...

— Нам не хватало только обвинений в похищении иностранного гражданина с территории его проживания!

— Она придет добровольно.

— Ох, Родионов... Даю пять дней. И учти: эти пять дней могут быть квалифицированы, как самоволка. Что скажешь на это?

— Спасибо!

— Ох, Родионов...

ВИТЁК

Ночью Витька разбудил зашумевший стук в дверь.

Привстав с постели, он настороженно всмотрелся в молочные рассветные сумерки за кружевной занавесочкой, аккуратно приткнул край одеяла под оголенное плечо встрепенувшейся Надежды и, шепнув ей: "Спи!", на цыпочках прошел в прихожую, механически прихватив стоящий возле отопительного котла топор.

— Витюха, подъем! Срочно! — послышался за входной дверью возбужденный голос соседа.

На сыром от утренней росы крыльце стоял, приплясывая от непонятного, однако явного нетерпения, раскрасневшийся селянин, одетый небрежно и наспех.

Дыша перегаром, сосед, с кем Витёк уже успел наладить дружеские отношения, сулящие столь необходимую в сельском проживании взаимовыручку, заговорщески поведал, что неподалеку на трассе потерпела аварию, слетев в кювет, автомобильная фура, груженная импортной электроникой.

— Шофера с пассажиром в больницу увезли, там Сашка-гаишник ошивается... — лихорадочно озираясь по сторонам, пояснил он. — Тот, что через два дома от тебя...

— Ну? — ошарашенно мотнул тяжелой со сна головой Витёк. — Я-то при чем?

— Да там добра — на целый город! — запальчиво продолжил увлеченный идеей мародерства сосед. — Сашка говорит, скидывайтесь по двести баксов, и даю вам час... Понял? Одолжи деньжат, а? И сам собирайся... За час мы с тобой гору перетаскаем!

— Ты, вообще-то, как, сидел? — скучно спросил Витёк.

— В смысле?

— В смысле, не в сортире, а в тюряге...

— Да ладно тебе! — возмущенно развел руки собеседник. — Там же Сашка, говорю тебе...

— Ну и чего твой Сашка? — сонно моргая, спросил Витёк. — Такой же недоумок... Только в форме с лычками. Трех дней не пройдет, как появится тут уголовка, выдернут тебя, как репу из грядки, и начнут шкуру снимать... На фуре украинские номера?

— Да...

— Значит, еще круче говна гора! Значит, коли не менты тебя припутают, так братки, если коммерсы, кому товар везли, под ними ходят...

— Думаешь? — в голосе соседа появилось сомнение.

— Вот именно — думаю, — ответил Витёк. — И зону попутно вспоминаю. И еще половицу: на чужой каравай хлебоборезку не разевай... И вообще... три украинца — это уже партизанский отряд... С предателем.

— Ты это... — собеседник криво усмехнулся. — Осторожный! И дрочишь в гондоне?

— А мне ни того, ни другого не надо, — кивнув вглубь дома, заверил его Витёк. — Это для тюряги, кстати, хороший вопрос. Запомни, авось пригодится. Все, по койкам давай... Завтра едем с тобой будку на развилке смотреть... — И закрыл перед носом незваного посетителя дверь. Ругнулся беззлобно, укладываясь в постель: — Вот дурак...

— Кто? — спросила проснувшаяся Надежда.

— Да Колька заходил, добавить клянчил...

— Вот же пьянь неугомонная! Утро на дворе!

— Да и я о том же...

— Не бери ты его на работу к себе, Виктор! Намаешься!

— Посмотрим...

С утра Витёк планировал осмотреть бетонную будку недостроенной подстанции, которую в своих планах он предназначал для переустройства под пункт придорожного автосервиса, благо автотрасса проходила в двух шагах. Сосед Колька, незадавшийся мародер, мужик рукастый и в настоящее время безработный, виделся в этакое начинании в качестве наемного автослесаря.

Отоспавшись, Витёк позавтракал, растолкал страдающего от недосыпа и похмельного недомогания соседа и поехал к руинам прошлой социалистической стройки — позабытой и позаброшенной, подобно миллионам иных на бывшем пространстве канувшей в Лету Совдепии.

Побродив в затхлых бетонных стенах между куч засохшего дерьма, оставленных придорожной публикой, прикинул, что затраты на реконструкцию и взятки местным властям должны оправдаться в самое ближайшее время, если взяться

за дело с умом и приложить к строительству собственные руки.

— Узнай, почем доска, кирпич и три грузовика с бетоном, — отдал распоряжение понурому подчиненному.

— Вить, на бутылочку пивка... как? — осторожно задал тот вопрос о заветном.

— Вот... — Витёк сунул ему купюру. — Но учти: еще одна такая просьба, и ты уволен. Плачешься, что работы нет? Во, — кивнул на строение, — твоя работа. И охотников на нее найдется, сам знаешь, сколько...

— Я все понял, Вить... Ты — человек авторитетный, понимаю...

— Сгинь! Паскуда льстивая! И чтобы сегодня с ценами поспел!

После обеда, переодевшись в драные брюки и застиранную рубашку, Витёк замешал цемент, принявшись за ремонт разъехавшейся кладки опорного столба под сараем.

Присев на низенький табурет и перемешивая мастерком цемент в старом оцинкованном корыте, неожиданно увидел подтянутого худощавого человека в аккуратной белой рубашке и модного покроя брюках, проходящего через калитку во двор. В руках человек держал обтекаемый и плоский портфельчик с хромированными застежками утопленных замков.

Зашелся грозным брехом сенбернар Понтыра, выскочивший из-под веранды, где доселе дремал в холодке.

— Место! — урезонил собаку Витек.

— Простите, Надежда Шепитько здесь проживает? — поинтересовался незнакомец, и тут же, при взгляде на Витька, замершего с мастерком, в глазах его появилась настороженная тень *узнавания*...

Узнавания! Это Витёк уяснил сразу и дрогнуло беспомощно сердце: достали, влип!

— Ну... здесь, — выдавил хрипло.

Незнакомец, явно и бесспорно — мент, внимательно оглядев корыто с цементом, произнес безучастно:

— А вы, значит, хозяин дома?

— Ну... — Витёк откашлялся, не в силах унять внезапную осиплость голоса.

— И давно здесь проживаете, если не секрет?

— Ты знаешь что? — совладав наконец с судорогой голосовых связок, устало отозвался Витёк, опуская мастерок в раствор. — Ты не юли... Вопросы есть, задавай прямо...

— Хорошо, — согласился незнакомец, доставая из кармана рубашки удостоверение. — Вот, ознакомьтесь. И... начнем что ли с Лехи... Помнишь такого?

— А чем закончим? — вызывающим тоном спросил Витёк, вытирая ладони о рабочие штаны.

— Закончим? Историей, к примеру, как отошел в лучший мир Чума... Хотя едва ли для него он будет лучшим, благодаря земным его похождениям...

— Ага. Ну тогда слушай, чего уж... Мы ж на территории иностранного государства беседы ведем, так?

— Соображаешь.

— А портфельчик твой... Я извиняюсь, конечно, но в машинку куда положи, и дверцу закрой... Вот так...

Завершив свой рассказ, Витёк, с горьким прищуром глядя на приезжего майора из московского РУБОП, спросил:

— У вас, конечно, свои расклады. Но что моей вины касаемо, то лично я в одном ее вижу: польстился ствола поганые эти продать... Тут — да, каюсь. А что Чуму хлопнул, это мне искупление, а не грех, так рассуждаю. Дальше ваш вывод...

— То есть в твердой завязке? — внезапно спросил опасный гость.

— Да. С Россией вот распрощался, это — жаль...

— Портфель из машины вытащить можно?

— Ну-у... вытаскивай.

Покопавшись в портфеле, сыщик извлек из него украинский паспорт. Вручил Витьку:

— Передай Надежде... Ее.

— А она уже новый выхлопотала...

— Значит, на память.

— Так что, гражданин начальник, прощаемся или до свидания?

— Честно?

— Конечно, я ж не кривил...

— Ну, что ж... В Москву тебя калачом не заманишь, а заманишь — будешь в несознанке, верно?

— Обязательно.

— Значит, считаешь, что совесть твоя чиста? Зря. Из "маузера", который ты соседу своему Юре продал, он женщину убил и ребенка. Женщине должен был денег, а ребенок свидетелем оказался...

— Да ты чего лепишь?!

— Ладно, клади цемент без халтуры... Для себя же, поди, стараешься?

— Это — так...

РОДИОНОВ

Приехав в благостный украинский городок, где проживала Алла, Родионов без труда устроился в дешевой и полупустой местной гостинице, откуда, побрившись и сменив рубашку, первым делом отправился к представителям местной милиции.

Свое посещение иностранной провинции в состоявшемся разговоре с начальником уголовного розыска объяснил тем, что

гостил у знакомых в Донецке, а после завернул сюда, где, по слухам, можно провести недельку отпуска, предавшись лову крупного сома в живописных рыбных местах. А как не навесить при этом коллег-единомышленников? Даже неудобно не представиться... Тем более — подсказут, посоветуют... А если главный сыщик городка не возражает, то хорошо бы и отметить знакомство в каком-нибудь ресторане... Выбор ресторана — естественно за всезнающим местным милиционером, а угощает — столь же естественно он, майор Родионов...

От приглашения провести вечер в компании своего московского коллеги сыщик не отказался, и вечер в ресторане провели на славу.

Выпили крепко, от души.

— Видел тут одну дамочку... Очень, скажу тебе, даже... — доверительно проговорил Родионов, поднимая очередную рюмку. — Обменялись с ней взглядами... Ну... в общем, хотя и в зрелом возрасте тетя, а весьма... Хочу познакомиться.

— Где живет? — деловито осведомился компетентный собеседник.

— Там то ли водокачка, то ли... Через улицу от гостиницы. А рядом с водокачкой — дом двухэтажный, желтый...

— Темненькая такая и глаза голубые, да? — уточнил сыщик.

— Голубые-голубые... — мечтательно протянул Родионов.

— И цепей золотых на шее штук пять... — фыркнул милиционер. — Так?

— Ну... — озабоченно подтвердил майор.

— Так это ж — Алка! — Сотрапезник расхохотался. — Вот ты молодец, что мне сказал! А то бы сунулся!

— А чего?

— Уникальный бабеч! — последовал ироничный ответ. — Только она — что?.. Отработка. А вот дочурка ее — это, скажу тебе, матерьял! Увидишь — остолбенеешь! Какие там топ-модели, вот кого бы на обложки всех секс-журнальчиков! Обе, кстати, профессионалки... Понял, да? На этом деле — помешаны.

— А муж у этой Аллы есть?

— Да чего муж?.. Свыкся. Ее и при нем можно, глазом не моргнет.

— А чего ты тогда насчет “вот бы сунулся!”?

— Ну, слушай историю... — откликнулся сыщик. — Алка, значит, у нас еще при социализме платным развратом грешила. Но — грамотно. Охмурила нашего прокурора, и он ей, сам понимаешь, “крышу” и не хотел, а предоставил. Потом перестройка пошла, мутная водичка хлынула и поехала она ловить в ней золотую рыбку в Донецк. Открыла бордель, начала дело. Крутилась там долго. Приезжает, а ей сюрприз: дочка Лена в родных краях маму заменила... Не знаю, какой у них разговор вышел, но в Донецк вскоре отправились обе... А там вскоре с бандитами

переругались: подсунула Алка какому-то авторитету шлюху, а у нее — сифилис. Тот ей за тухлый товарчик и обман покупателя — неустойку. Как они расплевались — не в курсе, но скоренько вернулись мама с дочкой обратно. А к нам как раз один парень из Армении подкатил, бизнесмен. Устроился тут, развернулся, торговлишку под себя подмял... И выставляет ему Алка, не долго думая, дочку... В качестве любовницы. Армянин — семейный, кстати, дядя, ее поит-кормит, но в кровать тащить не спешит. Месяц проходит, два, крепится кавказский переселенец. А потом, конечно, не удержался... А Леночка прямоком из его койки спешит домой и докладывает маме: получилось! Срочно на медэкспертизу! Съездили на экспертизу, а оттуда к прокурору — выше, так сказать, упомянутому... Прокурор репу почесал — дело сомнительное, судебная перспектива туманна, да и говорит: чего тебе от армянина надо? Денег? Тогда и затеваться — глупость, давай его сюда на беседу... Поговорили. Ну, насчет уголовного преследования кавалер и сам не очень-то опасался, но шум ему лишний был ни к чему, и согласился он уладить дело полюбовно. Заплатил, короче. А Алка, не будь дура, вторую жертву избрала: начальника, представь, милиции. Уж не знаю, чем руководствовалась, но на шантаж пошла. Ну и — нарвалась! Нервы у начальника крепкие, норы крутой, а возможностей всяких — сам понимаешь... Кончилось дело тем, что поддериживает Алка юбочку и срочно линяет на заработки то ли в Москву, то ли в Питер... Покуда у начальника озлобление пройдет... А сейчас снова вернулась. Потому, майор, не исключено, что, запав на маму, познакомился бы ты с ее дочкой, а после — с прокурором...

— Моя милиция меня бережет... — засмеялся Родионов. — Воистину!

— Ну, давай на посошок... Насчет рыбалки — подскажу, с людьми познакомлю. А этим щукам в пасти свою блесну не бросай...

Вернувшись в гостиницу, Родионов лег на кровать, задумавшись. Первоначальный план знакомства с Аллой, предполагавший ресторанный кутеж, комплименты, ухаживание и наконец предложение съездить погулять в кабаках столицы, все это виделось ныне если не чушью, то откровенно пустой авантюрой.

Ушлая дамочка наверняка сообразит, что его приезд неслучаен, и туманом любовных чар ее не проймешь. Нет, надо подругому... И выход, собственно, один...

Он пришел к ней домой в полдень: изыскан, тщательно побрит... Словом, красавец. Представился прямо с порога:

— Я из Центрального РУБОП, майор Родионов. Хотелось бы, Алла, с вами поговорить. Желательно, наедине. Вашему мужу и дочери о сути нашего разговора, думаю, знать не надо.

На ее ухоженное молодежавое лицо легла тень озабоченности. Однако глаза оставались беспечно лукавы и смешливы:

— Мужа нет, а Леночка в своей комнате, проходите.

Усевшись в предложенное хозяйкой кресло, Родионов дружелюбно продолжил:

— У нас в Москве беда... Найдены две ваших подруги. Увы, убитыми. В записной книжке одной из них — ваш адрес.

— Кто это? — дрогнувшим голосом спросила она.

Родионов хладнокровно описал внешность проституток — бывших подопечных Аллы, в настоящий момент пребывающих если не в полном, то в относительном здравии, и проходящих свидетельницами по эпизоду убийства хозяина квартиры-диспетчерской.

— Оксана из Донецка и Тanya из Кривого Рога, — выслушав майора, заключила она. — Но как же... Что произошло?

— Понятия не имею, ведется следствие, — вздохнул Родионов. — Они сняли квартиру, занимались там... сами понимаете, чем... Я, в общем-то, не скрою, — добавил бесстрастно, — что мы беседовали с их подругой, прекрасно известной и вам — некоей Риммой Евсеевой, и она сказала, что одно время вы были у девочек "мамочкой"... Но я не из полиции нравов, и меня это не интересует. Меня интересует другое: человек, который еще раз опознает трупы. Вот и все.

— То есть? — смешинки в ее глазах потухли.

— То есть — вы... — развел руками Родионов.

— И что вы предлагаете?

— Предлагаю поехать со мной в Москву, я на машине... — Посмотрел на часы. — Если сейчас тронемся, то завтра утром подпишите все бумажки, и я провожу вас на поезд. Или на самолет, как угодно. Проезд, гостиницы и питание оплачу, насчет расходов не беспокойтесь. — Выразительно посмотрел на нее — и в самом деле привлекательную, как зрелый, сочный плод, безо всякого притворства произнес: — Очень жаль, если получу отказ от *такой* женщины...

И в устремленном на него изучающем взгляде внезапно почувствовал неуклонно разгорающееся желание...

— А если откажусь? — словно нехотя произнесла она.

— Тогда начнется созвон между моим начальством и вашими местными ребятами, прочая чепуха... — равнодушно проронил он. — Вам это надо? Городок у вас небольшой, потянутся грязные слухи... Нет, вы смотрите... — поправился вдумчиво. — Я не настаиваю... В конце концов, вы — всего лишь свидетельница, и вас никто ни в чем не обвиняет. Но, по-моему, лучше решить проблему раз и навсегда, чтобы к ней не возвращаться через барьеры и тернии. Мне — что? Я — человек служивый, увы... Могу, конечно, пойти к вашим милицейским начальникам, решить все с ними, но — зачем? Вы же не дура... Я бы сказал — отнюдь... — И Родионов вновь недвусмысленно и откровенно уставился на загорелые, слегка полноватые, но оттого особенно волнующие своими зрелыми линиями, ноги хозяйки.

Суть его взора она превосходно поняла. Встала, неловко и торопливо поправив прическу.

— Но я должна собраться... Хотя бы принять душ... И дочь надо предупредить!

— Пожалуйста... Спешки нет.

— Вы здесь подождите...

— Я лучше в машине...

Алла вышла из комнаты, послышался в отдалении ее голос, обращенный к дочери, после зажурчала вода в ванной, и майор, осторожно перекрестившись, поднялся с кресла, двинувшись к входной двери узким и длинным коридором.

В коридоре его ожидало нечто... Длинноногое, ясноглазое и русоволосое создание, облаченное лишь в белоснежные прозрачные трусики с просвечивающим темным треугольным пятном внизу нежного живота и в просторную, свисающую до колен мужскую рубашку, в вырезе которой виднелась упруго приподнятая, идеальных очертаний, грудь с розовыми, как лепестки шиповника, сосками.

Это называлось: остановись на мгновение, ты прекрасна! — хотя нужды в том, чтобы удержать рядом с собой этот ослепительный в своей красоте экземпляр рода человеческого, который того и гляди, стыдливо прикрывшись, скользнет вглубь дома, не было: воззрившись смеющимися серыми глазами на оторопевшего Родионова, искусительница нежным, как звон хрустальных колокольчиков, голоском проворковала:

— Вы не хотите кофе? Составьте компанию... Мама будет собирать минимум полчаса... А? — И вздернула прелестную головку, уставившись на гостя уже с вызывающей прямотой приглашения отнюдь не к распитию бодрящих напитков...

Родионов почувствовал, что теряет контроль над ситуацией.

Злой дух будто шептал — горячо и увещающе — на ухо: пошли ты к чертям собачьим все эти вьезшиеся в мозг полицейские установки, хватай это диво за точеные плечи, целуй, словно в беспамятстве, носи в спальню, от тебя только этого и хотят, истукан неповоротливый!

Но сознание профессионала одержало верх над естественными поползновениями природы.

— В следующий раз, когда мы встретимся, а встретимся мы обязательно... — бормотал он, протискиваясь в тесном пространстве и чувствуя с мучительной и сладкой истомой через тонкий шелк своей рубашки упоительно совершенное тело прелестницы, — так вот... В следующий раз мы обязательно что-нибудь выпьем...

Очутившись за дверью, утер со лба пот горького разочарования в своей жестокой профессии...

А затем машинально открыл дверь вновь.

Отвергнутая мечта уже упорхнула, однако сквозь шум льющейся в ванной комнате воды он расслышал ее срывающийся от негодования голос:

— Ты — сволочь, поняла?! Ты с ним в Москву едешь, у тебя времени — лом! Ты его уже через час попользуешь! А мне что, двадцать минут с ним нельзя?! Где тут таких сыщешь? Ты чего мужика напугала?!

— Не пугала я его... Леночка... Он сам... Он же — мент...

— Да мне по хрену! Хоть папа римский! И если ты...

Родионов поспешил притворить дверь. Изумленно присвистнув, спустился к машине. Включил приемник, дабы отвлечься от сумятицы мыслей.

Вскоре, в одной руке держа сумку с пожитками, а другой поправляя спадающую с ноги туфлю, в салон уселась раскрасневшаяся, смущенная Алла. Вытащила сигареты, прикурила от поданной ей зажигалки. Сказала — упрямо и твердо:

— Слушай. Иди в дом. Ленка за полчаса все успеет. Иначе — не еду. У нас свои расклады...

— Ну да. И я тут же привлекаюсь за совращение малолетней, — насмешливо прокомментировал Родионов.

— Да иди ты... — поморщилась она. — Тут бабские дела. Втрескалась она... Давай, иначе дела не будет... Я ей обещала.

— Не могу.

— Тогда и я — не могу... — Алла решительно взялась за петли сумки, намереваясь вылезти из машины.

— Алла, да ты чего, серьезно? — взмолился Родионов.

— Ты попросил, я не отказала. Так? А теперь я прошу. Вот и все. Резинка тебе для спокойствия нужна? — Она покопалась в одном из кармашков сумки. — На!

— Ты сошла с ума!

— Это она, стерва, сошла...

До границы Украины и России оставалось пятьдесят километров.

Родионов остановил машину возле придорожного кафе. Он был обеспокоен состоянием Аллы — ее была нервная дрожь, и она внезапно и отчужденно замкнулась.

Не хватало, чтобы на пропускном пункте она заявила пограничникам, что ее увозит из страны для дачи свидетельских показаний офицер иностранной спецслужбы... Это — конец!

Уселись за столик, заказали обед. Для своей попутчицы Родионов попросил официанта принести водки — пусть расслабитс...

— А ведь ты арестовывать меня везешь... — неожиданно произнесла она. — Врун несчастный... На погибель! Знаю... Не было у девчонок моего адреса, понял? Не давала я его им...

— Чего ты вибрируешь? — устало отозвался Родионов, наливая в ее рюмку алкоголь. — Давай, дерни... Хватит себя накручи-

вать... Арестовывать! Ха! Надо мне очень! Тебя бы на другой машине в Москву привезли... Да и за что арестовывать? Что девками торговала? Таких, как ты... Адрес она никому не давала! Да эта Римма Евсеева знаешь какими подробностями на тебя располагает? Тебе только кажется, будто никто ничего не ведаёт, а среди этих девочек информация блуждает, как ручьи под землей...

— И какие же это подробности?

— Как ты армянина какого-то, например, изнасилованием Ленки шантажировала... И начальника милиции... Было? Или врет? Что на меня смотришь, пей...

— А ты?

— А я обещаю: выпью в России... С тобой. Здесь как-то не по себе... Вот — чушь, да? Еще недавно нас только дорожные указатели разъединяли, а сейчас я — иностранный подданный. Как думаешь, объединимся?

Майор цеплял слово за слово, фразу за фразу, мучительно и холодно сознавая, что все сейчас зависит от ее настроения и капризов — пошлет его к черту, выйдет из-за стола, подхватив сумку с пожитками, и — все...

Да это, считай, легко отделался...

— Объединимся? — Она задумчиво завела глаза к потолку. Неожиданно засмеялась. — Ну, мы сегодня с тобой — точно... — И, устремив на него исполненный прежнего желания и страсти взгляд, проговорила: — Я, когда тебя увидела, сразу усекала: мой... Как только в дом вошел, уже знала: сегодня буду с ним спать... Понял? — И продолжила — с убежденностью и напором: — Давай в мотель, а? А завтра с утра — к границе... Ну, Родионов?! Прощу...

— Мотель — после границы, — сказал он. — Не устраивает — извини.

— Ладно...

Границу, на удивление, прошли быстро и спокойно. На вопрос пограничника о цели визита в Россию хмельная Алла уверенно и насмешливо ответила, кивнув на Родионова:

— Трахаться! Все?!

Прапорщик, невозмутимо пожав плечами, вернул ей паспорт.

И наконец опустился за багажником автомобиля шлагбаум уже российской границы, и Родионов, понимая, что выиграл, однако почему-то ничуть от этого выигрыша не ликуя, прибавил газку, настороженно и пусто глядя на несущуюся в глаза вечернюю, мокрую от редкого пасмурного дождя, трассу.

— Ну что? — внезапно спросила она, охватив его плечи руками. — Добился? Вывез?

— Ты о чем?

— Ладно, сворачивай... Тут гостиница и ресторан. Обещал? Или ты — мент поганый? Или правду воры талдычат?

— Где гостиница?

Уже на кольцевой дороге, опоясывающей Москву, в сгущающихся над миллионами огней сумерках, Алла сказала:

- Ладно, хорош финтить. Давай ответ: о Крученом знаешь?
- Конечно.
- И все? Без комментариев, да?
- И все.
- Другой вопрос: я вместе с ним по делу прохожу?
- Да.
- Девочки живы? Врал?
- Врал.
- Классно врал! Тогда слушай...

И не запинаясь, мерно и скучно, она рассказала о десяти нераскрытых квартирных налетах с убийствами, проведенных Крученым, Чумой и Веслом.

В долгой паузе, заполненной рокотом бегущих под пупырями асфальта шин, была безысходность и, как казалось, понимание ими обоими неизбежности той самой мистической, но исподволь постигающей каждого живущего кармы... Или же — осознание неизбежности испытаний и воздаяния...

— Как я сумею, так и помогу тебе, — промолвил, не задумываясь, Родионов.

Сердце его теснила отчаянная, опустошенная горечь: ну почему?! Что же мы делаем с собой в этом мире — предбаннике преисподней? Кто виноват? И кому повезет спастись? Где бесспорный ответ? И нужен ли он? Или, может, нужны лишь его поиски? И в них — смысл?

Наверное, так.

Сказка
его
ЖИЗНИ

*И невозможное возможно,
Дорога дальняя легка...
(А. Блок)*

Перу великого датчанина Ганса Христиана Андерсена (1805-1875 гг.), кроме прочего, принадлежит также большая книга о самом себе. К какому же выводу подводит в ней автор своих читателей? Счастливее человека на свете, чем он, нет, оказывается, и вряд ли когда будет. Но, если сравнить этот вывод с тем, как складывалась его жизнь на самом деле, нам, потомкам, остается лишь развести руками. Видимо, он знал о мире и людях нечто такое, что доступно только избранным...

Судьба подвергнет Ганса Христиана испытаниям, едва он появится на свет: выживет ли, сумеет ли проявить свои таланты? То, что Андерсен родится в бедной каморке, на кровати, сколоченной из досок, на которых несколько дней назад стоял гроб с бренными останками какого-то датского вельможи, то, что отец мальчика, башмачник по профессии, а затем вольнонаемный солдат, окажется хроническим неудачником и умрет, будучи совсем молодым, — все это лишь прелюдия невзгод Ганса Христиана. Мало ли в ту пору в обманчиво тихом городе Оденсе, где он родится, ютится в лачугах и перебивается с хлеба на воду людей, мало ли по улицам и пустырям этого города, что расположен на острове Фюн, бродит полуголодных, полубеспризорных, как и Ганс Христиан, детей: Дания в те времена была бедной, отсталой страной... Но маленькому Андерсену выпадет еще более унылая доля. Подобно герою его, пожалуй, самой известной сказки "Гадкий утенок", он родится не просто некрасивым, а — отталкивающим некрасивым. Еще мальчиком (и это при скудном питании!) он вымахает в долговязого колченогого малого с руками, похожими на грабли, несоразмерно большим носом и крохотными, словно надрезанными глазками. Прибавьте к этому, что он ходит в отцовых обносках, вечно обо что-нибудь спотыкается или подолгу стоит и с большим интересом, словно чудо из чудес, разглядывает обыкновенный лопух или старый башмак, валяющийся на дороге. При этом он не замечает (или делает вид, что не замечает?), что за ним, бывает, гурьбой ходят зеваки. Кто-то из них, давась от смеха, пародирует его неуклюжую походку, кто-то выкрикивает ему вслед слова, одно обиднее другого. В связи с тем, что дед Ганса Христиана по отцовской линии известен всему Оденсе как безобидный, но психически больной человек, мальчишке не раз намекают, что у него тоже не все дома. Когда Андерсен пойдет в школу, его за что-то невзлюбят педагоги, а одна старая, но, очевидно, крутая учительница даже однажды выпорот его, после чего мать Ганса Христиана заберет сына из школы.

Что испытает, чего натерпится Андерсен в детские годы, когда человек раннее всего, — одному Богу известно. Надо полагать, что насмешки и трепки порядком отравляют ему жизнь, но все же не настолько, чтобы он озлобился и возненавидел людей. Нет, Ганс Христиан по натуре мягок и незлобив, на все старания унижить его смотрит свысока — в буквальном и переносном смыслах слова. В то же время он достаточно замкнут и, что называется, себе на уме. Не говоря уж о его сверстниках, многие взрослые не понимают, чего он хочет от жизни. Мать Ганса Христиана, добрая, несчастная, с годами пристрастившаяся к вину женщина, довольно быстро придет к выводу, что выучился сын грамоте — и довольно с него. Ей кажется, что, если он станет портным, у него в жизни будет все необходимое для счастья: работа, деньги, положение в обществе. И не одна она так считает. Случится, что Ганса Христиана, благодаря хлопотам одного влиятельного в Оденсе человека, примет сам губернатор острова Фюн, датский кронпринц Кристиан, в недалеком будущем король Дании — прямо как в старой доброй сказке. “Чего бы тебе, мальчик, хотелось?” — милостиво спросит его королевское высочество. “Помогите мне получить образование!” — попросит отрок. Наследному принцу это не понравится. Он холодно посоветует юному простолюдину заняться каким-нибудь полезным делом, например, токарным, и быстро даст понять, что аудиенция окончена. А что же Ганс Христиан? Он не внемлет советам старших, как будто знает про себя нечто такое, что делает его упрямым и несговорчивым. Когда тот самый господин, что устроит ему встречу с кронпринцем, тоже посоветует Андерсену не залетать мыслями слишком высоко, подросток вежливо, но твердо возразит: “Нет, нет, мне надо развивать свои способности... Иначе это будет большим грехом”.

Но как их развивать, если в школу он не ходит, если на фабрике, куда его устроит мать, царят такие грубые нравы (тамошние подмастерья однажды разденут Ганса Христиана догола, чтобы воочию убедиться, не является ли он, краснеющей от непристойных шуток и песен... девочкой), что мать вскоре забереет его и оттуда. Однако сидеть сложа руки мальчик физически не может — ходит по богатым домам Оденсе и вместо милостыни просит дать ему почитать какие-то книги, жадно прочитывает их и, как ни в чем не бывало, приходит за новыми. Ему ничего не стоит посреди улицы вступить в разговор с каким-нибудь господином, известным своей образованностью, и на глазах у всех беседовать с ним, будто с равным. Существовавший в Оденсе театрик станет его вторым домом. Правдами и неправдами он проходит на все спектакли и, ни живой, ни мертвый от восторга, наблюдает за игрой актеров. Однажды, заметив его страстный интерес, директор театра поручит ему сыграть маленькую роль пажа.

Но в конце концов знающий себе цену Ганс Христиан решит, что Оденсе слишком мал для него — пора ему ехать в столицу. Бедная мать боится отпускать сына, до последней минуты надеется, что он, испугавшись вида бурного моря, вернется домой. Нет, долговязый мальчишка не побоится, на каком-то судне доплывет до материка и к вечеру пешком добредет до столицы. Увы, Копенгаген при первой встрече не приветит его. В те времена ворота города на ночь закрывались, а ключи от них до утра хранились во дворце короля. Придется “гадкому утенку” из Оденсе заночевать прямо на земле...

На что он рассчитывает, прибыв в столицу? За плечами у него — всего четырнадцать лет. В кармане — несколько монет. Правда, есть у него в Копенгагене родственница, но, к своему ужасу и стыду, Ганс Христиан обнаружит, что она живет и работает... в публичном доме. Но есть у него один козырь — святая, порой даже смахивающая на манию величия, убежденность, что он талантлив. Чуть ли не в первый день пребывания в столице он приходит в дом к известной в ту пору танцовщице и с порога сообщает ей, что решил посвятить жизнь балету. Это при его-то фигуре! Не дав хозяйке дома опомниться, юноша разуется (“Боюсь, фрёкен, в сапогах я буду недостаточно воздушен!”), ударит по своей шляпе, как по тамбурину, и пустится в пляс. Когда прима-балерина обретет дар речи, она похвалит его за усердие, но решительно откажет в протекции. Это огорчит Ганса Христиана, однако не помешает ему на следующий день нанести визит директору столичного театра и предложить свои услуги в качестве актера. С жаром, свойственным его возрасту, он пообещает хорошо сыграть любую трагическую роль. В директоре что-то шевельнется. У него не хватит духу сказать юнцу, что тот одним своим нелепым видом способен превратить любую трагедию в комедию, и лишь с грустью заметит: “Ты слишком худ для актерской работы”. “Это не беда! — горячо заверит его Ганс Христиан. — Если вы дадите мне хорошее жалованье, я быстро поправлюсь!”

Какие представления о жизни и нравах столицы имеет этот юный провинциал, хорошо показывает случай, происшедший с ним у входа в театр.

— Нужен билет на сегодняшний спектакль? — спросит его какой-то человек.

— Конечно! — Андерсен возьмет билет, рассыпаясь в благодарностях.

— А деньги?! — возмутится театральный барышник и забрет билет обратно...

Кто хоть однажды наблюдал косяк идущих на нерест рыб, наверняка восхищался, с каким упорством, изранивая себя в кровь и в клочья, они преодолевают встречающиеся на их пути перекаты, отмели, заломы. Что-то подобное происходит и с Ан-

дерсеном. Каждая неудача лишь подхлестывает, удесятерляет его душевные силы. (А физический голод он, живущий на копейки, глушит мечтательными прогулками по прекрасным паркам датской столицы.) Его, когда вежливо, когда с раздражением, выпроваживают за двери, а он, в полном соответствии с известной пословицей, лезет в окно! Если люди не верят, что в нем погибает великий трагический актер, почему бы ему самому не написать трагедию и не представить ее на суд сведущих людей? Когда по поводу одного его опыта в этом жанре в редакции журнала заметят, что он позаимствовал целые куски из чужих пьес, Ганс Христиан от всей души признается: "Но ведь они так хорошо написаны, и я не мог поступить иначе!.." В рабочий кабинет известного драматурга-переводчика он войдет со словами: "Вы прекрасно переведите Шекспира, я читал, но я тоже пишу трагедии, вот послушайте!" И с большим воодушевлением, изображая в лицах героев и злодеев, королей и слуг, мужчин и женщин, примется читать свое сочинение от начала до конца...

Да, уже в те времена встречались назойливые графоманы, уверенно переступающие пороги редакций с пухлой папкой под мышкой с гениальными, на их взгляд, рукописями. Вне всякого сомнения, такой беспокойной страстью одержим и наш герой. Чтобы написать трех-четыреактную пьесу, ему достаточно двух-трех недель. Поэмы он пишет и того быстрее... И что же? Перелистывая страницы рукописей долгоязого, с длинными, до плеч, волосами юнца, редакторы тоскливо морщатся. Какая-то бредятина, дикая мешанина стилей и невообразимая орфография. Так хочется этот опус побыстрее и поглубже затолкнуть в корзину для бумаг!.. Но вдруг в потоке слов, словно в руде кимберлитовой трубки, сверкнет что-то чистое, нестерпимо яркое. Всего одна-две страницы, но они написаны явно божественной рукой! И нет, они ни у кого не позаимствованы, так еще никогда и никто не писал. Сознает ли сам этот парень, какой в нем заложен дар?! (Это предчувствие великой судьбы и высокого призвания Андерсен впоследствии прекрасно опишет в "Гадком утенке": "Вечером, когда солнце так красиво закатывалось, из-за кустов поднялась целая стая чудных больших птиц; утенок сроду не видал таких красавцев: все они были белы как снег, с длинными гибкими шеями!.. Они испустили какой-то странный крик... поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватило какое-то смутное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и выпустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался...)

Непросто людям с Андерсеном. Поначалу он вызывает в них еле сдерживаемое недовольство, но минуту-другую спустя — безотчетную симпатию. "Огромные силы, движущие этой пламенной душой, непосредственно влияли на людей, словно излу-

чение, от которого невозможно укрыться, — пишет о магнетизме его личности один из биографов. — Никто не мог устоять против искренне добрых, умоляющих глаз и отделаться от навивной назойливости, которая не останавливалась ни перед какими соображениями — он в высшей степени нуждался в помощи, для него это был попросту вопрос жизни, и он обладал безоговорочной уверенностью, что заслуживает помощи и что Дания создана, чтобы ему помочь. Его невозможно было оттолкнуть”... Не пройдет и года, как Андерсен станет известен всему Копенгагену. И в каких кругах! Его принимают у себя дома, его судьбой занимаются советник короля, адмирал в отставке, знаменитые артисты, певцы. Скоро о нем, как о юноше, способном прославить Данию, доложат самому королю. Все эти важные особы озабочены тем, как Андерсену дать хорошее образование. В конце концов они для него выбивают стипендию ученика престижной гимназии.

Ну вот и конец злоключениям судьбы? Не спешите с выводами. Ректор гимназии пылко невзлюбит великовозрастного Андерсена. словно злой индюк, он беспрестанно клюет и травит “гадкого утенка”, называя его при всех то уродом, то лодырем, то бумагомаракой. Да, переросток выглядит белой вороной среди ухоженных благовоспитанных соучеников. Он не все схватывает на лету, потому что мыслями, как правило, на уроках отсутствует, — это и приводит в ярость ректора-индюка. Однако Андерсен ничего не может поделать с собой: не он, а его воображение управляет им. (Позже, объясняя некоторые странности своего поведения, он напишет: “Моя фантазия была постоянно возбуждена, я почти никогда не осмеливался ходить в темноте”.) Как все писатели, он погружается в выдуманный им мир, который ему кажется интереснее и реальнее, чем все происходящее вокруг. И — до спряжения ли глаголов или таблицы умножения ему?! Украдкой от всех он лихорадочно описывает все, что мерещится ему, и ничего не может поделать с собой даже тогда, когда ректор гимназии, стремясь во что бы то ни стало перевоспитать Андерсена, на некоторое время поселяет его у себя дома... Одинокий, всеми шпыняемый и здесь, Ганс Христиан теперь уже тоскует по острову Фюн, с которого когда-то сбежал. При каждом удобном случае он навевается к несчастной, пьющей матери и издалека, обливаясь слезами от жалости к самому себе и надеясь тронуть сердце ректора, пишет ему пространные письма о том, как тяжело жить, когда тебя не любят...

Короче говоря, годы учебы в гимназии станут тем временем, когда Дания и все мы могли потерять Андерсена как самобытную личность. К счастью, все попытки ректора постричь нашего героя под одну гребенку не увенчаются успехом. Окончив гимназию, Андерсен свободно вздохнет и заделается, что тогда

еще было внове, профессиональным писателем. В скором времени в одном из журналов появится его первая повесть, весьма необычная по манере. В ней читатель встретит кошку, которая сочиняет стихи, сам автор повествования улетит на триста лет вперед, встретится с обитателем звезды Сириус... Что ни год, из-под пера Андерсена, точно пушечные ядра, вылетают романы, пьесы, путевые очерки. Он так много пишет, что друзья советуют ему отдохнуть с полгода. И, думается, уговаривают неспроста. Его романы, как правило, отдают излишней чувствительностью, пьесы очень громоздки. Другое дело — путевые очерки. (А Андерсен больше всего на свете любит путешествовать.) Очерки блистательны по мыслям и наблюдениям. Правда, даже им чего-то не хватает, чтобы мы могли сказать, что они написаны рукой гения...

Тем не менее писательская судьба Андерсена складывается нередко удачно. Крупнейшие книгоиздатели Европы соревнуются между собой за право первыми напечатать его очередную книгу. Газеты зачислят его в разряд выдающихся писателей времени. "Герцоги, епископы, виднейшие в мире люди разговаривают со мной так, словно я выдающаяся личность", — потрясенный тем, как его принимают за границу, сообщает он датским друзьям. И что герцоги! Сам новый король Дании (тогда самый Кристиан, что когда-то советовал ему пойти в токари) считает за честь принять его в своей летней резиденции. Андерсен станет одним из тех, кто положит начало эпохе бурного поклонения (ныне доходящего до фанатизма) кумирам от искусства. Каждая его поездка превращается в триумф. В родном Оденсе горожане и власти в честь него устроят факельное шествие и грандиозный фейерверк. В Германии писателя приветствуют толпы почитателей, одна экзальтированная немка, не обращая внимания на стоявшего рядом мужа, протягивает к Андерсену руки и безостановочно повторяет: "Я вас люблю! Я вас люблю!.." ("Я не знал, что мне отвечать, — вспоминает он этот эпизод в автобиографии, — и пожал руку мужу, чтобы он не чувствовал себя обделенным".)

В то же время писательская судьба Андерсена трагична. Большую часть жизни и сил он отдаст тому, что его сделает известным человеком, и лишь малую тому, что обесмертит его имя. Речь идет о его сказках и историях. Ведь благодаря именно им маленькая Дания станет великой литературной державой, а их автор уже при жизни будет признан классиком мировой литературы. "Найдутся, пожалуй, люди, которые скажут, что начало этой славы следует, скорее, отнести к 1835 году, когда Андерсен со словами: "Шел солдат по дороге: раз-два, раз-два!" вступил в царство сказок", — так напишет о нем один его друг. Но писатель далеко не сразу согласится с ним. Он долго сочиняет сказки, рассматривая их как всего лишь литератур-

ную забаву. И только к концу жизни поймет, что именно в них он велик более всего...

Многие произведения современной литературы, обжигающие нас своей социальной остротой, блестящие точно увиденными приметам компьютерно-виртуального века, со временем осядут на книжных полках и покроются пылью. А сказки и истории Андерсена, в которых действуют ведьмы, тролли, эльфы, крохотные, меньше мизинца, девочки и прочие выдуманные существа, — не устареют никогда. Величиной с орех, как выразится один критик, они вмещают в себя весь вечный мир со всей его красотой и ужасами, гармонией и противоречиями. Благодаря Андерсену мы реже обманываемся, видя перед собой “голых королей”, тверже помним, как опасно давать слишком много воли своей “тени”, сильнее верим, что лишь непритворная, горячая, как у его Герды из “Снежной королевы”, любовь способна воскресить заблудшее сердце. Впрочем, для того, чтобы перечислить все, чем мы обязаны Андерсену, согласитесь, надо быть “стойким оловянным солдатиком”!

С ним как писателем произойдет настоящее чудо: все недостатки, свойственные его крупным произведениям, станут величайшими достоинствами в маленьких сказках. Так, чувствительность пера, помноженная на фантазию и тонкую иронию, тотчас утрачивает некоторую приторность и рождает литературу, читая которую одновременно хочется плакать и смеяться. Если герои многих его романов пресноваты из-за нарочитой определенности, персонажи его сказок мерцают, словно светлячки в ночи. Вот в начале одной его сказки перед нами предстает заношенный Воротничок. Но стоит ему попасть в таз с мыльной водой и оказаться рядом с дамской Подвязкой, как он превращается в завязтого хвастливого волокиту. А еще минуту спустя — это уже добрый, искренний в своих чувствах человек, жестоко раненный бесцеремонной Утюжной плиткой. И наконец после переработки макулатуры он становится листом белой бумаги, на которой и написана вся эта история... Больше того, в сказках Андерсена мерцает и сам их смысл! К примеру, кто такая его “принцесса на горошине”? Донельза избалованная жеманница? Или особо устроенная натура, страдающая от соприкосновения с грубым, все обезличивающим бытием? Или?..

По правде говоря, сказки Андерсена не в полном смысле сказки. Скорее, это жанр, которому не придумано более точного названия. Взятые вместе, они составляют огромный, как вселенная, кукольный театр, в котором каждый персонаж, вроде бы давно знакомый, вызывает у тебя прежде неведомые чувства, а каждая его реплика звучит как истое откровение. У Андерсена не только люди, но и животные, вещи, деревья, морские волны, облака и т.д. — все думают, радуются, страдают, завидуют, танцуют, философствуют, случается даже, говорят по-французски. Он очеловечит, одушевит весь мир, считав-

шийся до него косным и неживым. У него вещи порой разумнее людей, а некоторые люди чем-то напоминают игрушки. Вот что он сам напишет о поэзии сказок, когда она наконец станет любимой музой его творчества: "...она простирается от кровавых могил древности до разноцветных картинок простодушной детской легенды... и тот, кто ею овладел, может вложить в нее и трагическое, и комическое, и наивное, и иронию, и юмор, к услугам его и струны лиры, и лепет ребенка, и речь естествоиспытателя..."

В сказках стопроцентно воплотится уникальная суть личности писателя: как и дети, он не видит принципиальной разницы между выдумками и реальностью. "Иногда мне кажется, — признается он однажды, — будто каждый забор, каждый маленький цветок говорят: "Взгляни на меня, и тебе откроется история моей жизни". И действительно, стоит мне сделать, как они велют, рассказ о любом из них готов". Обладая феноменальным даром перевоплощения (видно, не даром он когда-то рвался в артисты!), Андерсен, сидя за письменным столом, становится, кем хочет. Он видит мир глазами старых улиток, что тихо-мирно живут под лопухами в его "Счастливом семействе", испытывает страдания старого уличного фонаря, не знающего, что с ним будет, когда он совсем состарится, превращается в шаловливую бурю, которая так перевесит все вывески в городе, что на здании театра появится афиша "Суп из хрена и фаршированной капусты", а на дверях бильярдного клуба окажется объявление "Здесь дети приучаются к бутылочке". ...Словом, летая на крыльях своего несравненного воображения, Андерсен как бы уравнивается во всемогуществе с фантастическими существами из его же сказок. Да он и сам был — фантастический человек...

Но если в "Гадком утенке", в автобиографичности которого не приходится сомневаться, его прототип в конце концов превращается в "прекраснейшую из прекраснейших птиц", то самто Андерсен и после того, как взойдет на вершину мировой славы, как был, так и останется нескладным, внешне малопривлекательным человеком. И жизнь еще не раз устроит ему хорошую трепку.

Однажды, возвратясь в Копенгаген из очередной поездки за рубеж, он услышит, как за его спиной один датчанин скажет другому:

— Смотри, вернулся наш знаменитый орангутанг!

Надо отдать должное Андерсену: он с доброй иронией относится к досужим разговорам о его наружности. Но на большее его не хватит. Первой девушкой, которая завладеет его воображением, окажется сестра его школьного товарища. Она — красивая, темноглазая, зовут ее Риборг и, что больше всего льстит Андерсену, знает его стихи. Они охотно общаются друг с дру-

гом, прогуливаются по живописным окрестностям. Но, оставшись наедине с собой, он при мыслях о Риборг ощущает лишь страх и тревогу, и вопрос, как ему вести себя с ней дальше, буквально преследует его. Рассуждает он примерно так: если он влюблен, то долг чести велит ему признаться в этом девушке, а если она скажет, что это взаимно, он обязан сделать ей предложение. Мысль о том, что, женившись, он будет вынужден оставить литературу, пойти служить, содержать жену, детей, короче, превратится в обычного буржуа — вот что ужасает его! Но напрасно наш герой не спит ночами, мучается. Риборг еще до знакомства с ним влюбится в другого человека и вскоре выйдет за него замуж...

Увы, он боится не только женитьбы, но и самих женщин. (Психоаналитики говорят, что такой комплекс у Андерсена мог возникнуть из-за душевных травм, полученных в детстве.) Причем он, словно монах, принявший схиму, постоянно борется с искушениями плотской любви. Чтобы остудить жар в крови, он обливает себя ледяной водой. Находясь в Неаполе, еле-еле уходит от случайной связи. Но от кого мы обо всем этом узнаем? От самого Андерсена, из его эпистолярного и автобиографического наследия. И непонятно, то ли он этими признаниями хочет вызвать жалость к своей персоне, то ли это с его стороны то самое унижение, которое паче гордости...

Андерсен решится на все, готов пойти на любые жертвы, когда встретит на своем пути Йенни Линд, выдающуюся шведскую певицу того времени. (Композитор Мендельсон, знавший ее, скажет, что за все столетие не родилось личности, подобной ей.) Но вряд ли Андерсена покорают одни лишь ее артистические способности. Йенни была обольстительно красива и, наверное, говоря о ней, Мендельсон имел в виду именно это... С некоторых пор маршруты путешествий писателя подозрительно часто совпадают с адресами гастролей певицы. Он появляется — и чаще всего как бы случайно — в тех же салонах и гостиных, где бывает и она. Скоро только слепые не видят, что гениальный датчанин наконец-то нашел принцессу своего сердца. Находясь однажды в Берлине, он отважится позвать ее на сочельник к себе в гостиничный номер, приготовит стол. Красивая, как сказка, Йенни не придет, а когда он, встретив ее в другом месте, спросит, почему, она непринужденно засмеется и скажет, что забыла о приглашении. Да, она в восторге от его книг, обожает его бесподобный юмор, но самого его так и не полюбит. Возможно, обладая, как многие женщины, обостренным чутьем, она догадается, что смешной и неуклюжий Андерсен еще в юности стал старым холостяком и что исправить в нем это она уже не сможет...

Наверное, сама судьба уготовит ему этот удел: быть на виду у всех, иметь много друзей и в то же время всю жизнь оставать-

ся одиноким. Андерсеном зачитываются миллионы, но как человека его выносят немногие. Временами от встреч с ним уклоняются самые близкие люди, но еще чаще делает это он сам. Он страдает тяжелой обидчивостью, мнителен и порой невыносимо серьезен. Не раз, находясь в кругу друзей и превратно поняв чьи-то слова, он молча вставал из-за стола и с серым от горя лицом так же молча уходил. Каждую критическую строчку о себе воспринимал как подкоп под него. Андерсен всю жизнь считал (без особых на то оснований), что Дания — единственная страна в мире, где его не понимают и не ценят...

Странностей в нем — многовато для одного человека. Его взрывной темперамент, повышенная эмоциональность часто приводят в замешательство степенных датчан: в каком-то смысле он выглядит иностранцем в собственной стране. Однажды, краем уха услышав, что при взрыве на корабле чудом спасся какой-то молодой офицер, Андерсен стремительно вбежит в его дом, на глазах ошеломленных родственников расцелует счастливицу и так же стремительно, весь в слезах, убежит. В другой раз помертвеет от страха, увидев, что его друг опасно накренился над балюстрадой — потом Андерсен скажет ему, что заранее представил его летящим вниз головой в пропасть и от этого чуть не потерял сознание. Возможно, писатель по натуре был живым проводником чужих болей и радостей. Согласитесь, счастье, но и беда родиться таким...

Но сильнее всего он всю жизнь переживает за свои писательские дела. Ведь, кроме как сочинять, он ничего другого не умеет. И когда с годами его силы, прежде всего творческие, начинают убывать — несчастнее человека, чем он, нет на свете. В последние годы, безвыездно живя в Копенгагене, он переезжает с одной улицы на другую. Возможно, он делает это в наивной надежде, что таким образом можно уйти от проблем, встающих со старостью перед каждым человеком. (Если пользоваться лексикой его сказки "Счастлирое семейство", Андерсен принадлежал к числу "улиток без домика". С первых и до последних дней самостоятельной жизни он обитает в гостиницах, снимает частные квартиры, подолгу живет у друзей, но своим домом, хотя и мог бы, так и не обзаведется и даже умрет на чужой квартире.) Когда-то сверхнаделенный и даже временами страдавший от излишка воображения, он начинает жаловаться друзьям, что ничего не может придумать... "Сказки больше не приходят мне в голову", — пишет он, словно вынося самому себе смертный приговор. В письмах и разговорах с друзьями он то открыто, то в завуалированной форме говорит о желании добровольно уйти из жизни. В то же время — ужасно боится смерти. Так, с молодых лет преследуемый страхом перед пожаром в гостинице, он во всех своих путешествиях и переездах с места на место никогда не расстаётся с толстым канатом — чтобы в случае чего с его помощью выбраться через окно...

Но с кем ему всегда хорошо и покойно (и кому с ним сладко и тепло) — это с детьми. Так и не познавший, что такое отцовство, он стремится почаще бывать в семьях, где много детей. Он пленяет их всем — высоким ростом, огромными ботинками (а калоши у него так просто гигантские и кто-то про них скажет, что их нет смысла воровать), своим мягким глуховатым голосом и абсолютной неспособностью им в чем-то отказать. Можно сказать, желая угодить детям своих друзей, он и начнет писать сказки. Похвалами детей он только что не питается. Общаясь с ними, весь так и светится от удовольствия, и говорят, что не было в такие минуты человека красивее, чем он. Его душу и сердце дети чувствовали за тысячи миль, многие приглашали его к себе в гости, а одна американская девочка, стремясь обеспечить его старость, пришлет ему по почте свой доллар...

Умирать он будет долго и тяжело. От боли (у него был рак печени) и чувства обреченности он, бывало, целыми днями сидит у окна, смотрит на улицу, прохожих и молча плачет. Но, соединивший в себе, казалось, несоединимое, он в то же время не упускает случая поиронизировать, в том числе и над самим собой. Так, после того, как пьеса одного драматурга, давнишнего его соперника, с треском провалится в театре, Андерсен напишет в дневнике: "Кажется, мое здоровье пошло на поправку". С кем-то из друзей он поделится такой мечтой: "Ах как мне хотелось бы хотя бы одним глазком посмотреть на свои похороны!"

И что же бы он увидел, произойди с ним такое чудо? Что его, бывшего оборвыша с острова Фюн, хоронит вся Дания, что у его гроба во время отпевания стоит сам датский король с семьей, что проститься с ним придут министры, генералы, иностранные послы, ремесленники, ученые, художники, а в порту в знак траура приспустят свои флаги корабли...

Но нет, не хочется завершать наш рассказ об Андерсене на торжественно-скорбной ноте. Столько в жизни хлебнувший лиха, столько вытерпевший унижений судьбы, столько из-за любви к сочинительству самого себя лишивший, он так и уйдет в небытие, настаивая на том, что прожил счастливую, дай Бог каждому, жизнь, похожую на сказку. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в этом, он и назовет книгу о самом себе — как бы вы думали? — "Сказка моей жизни"...

Неслышим

**преследуют нас всюду,
но о неприятностях,
которые они несут,
мы не подозреваем...**

Что такое инфразвук и почему он опасен для человека? Как его обнаружить? Можно ли уберечься от инфраволновой чумы?.. Об этом беседа нашего корреспондента с доктором технических наук **Василием СЕЛЕЗНЕВЫМ**.

— Василий Петрович, прежде всего хотелось бы понять, почему наш организм болезненно реагирует на волны низкой частоты?

— Не надо забывать, что наши важнейшие органы чувств — зрительный, вестибулярный и слуховой аппараты связаны между собой в единую информационную систему. И, назалось бы, этой удивительной гармонией, которой добились природа в процессе эволюции, можно только восхищаться. Но и у столь совершенной системы есть слабые места. Дело в том, что наши органы чувств имеют собственную частоту колебаний, то есть настроены на определенный режим работы. Когда же они оказываются в условиях резонансных колебаний, начинаются сбои, выводящие организм из равновесия. Особенно это проявляется в вестибулярном аппарате: он, напомним, определяет нашу вертикаль, подсказывая, где верх и низ. По принципу действия он похож на обычный маятник. Собственная частота его колебаний око-

ло шести герц. (Об этой цифре стоит помнить, она — ориентир вашего благополучия.)

Попробуйте, к примеру, раскачивать головой в ту или иную сторону: чем выше частота таких колебаний, тем сильнее будет качаться ваш внутренний "маятник". Подобный эффект возникает при катании на качелях, в движущемся транспорте. С этими неудобствами можно как-то смириться. Однако существует и другой способ воздействия на вестибулярный аппарат — со стороны органа слуха. Как известно, мы слышим звуки в диапазоне от 20 до 20 000 герц, не улавливая ухом те, что ниже нижней границы — область инфразвука (от 0 до 20 герц), или выше верхней — область ультразвука. Между тем на нас обрушиваются и звуки, которые близки или совпадают с резонансной частотой вестибулярного аппарата, из-за чего он и выходит из строя. Если оказаться в зоне интенсивного инфразвука, то картины, воспринимаемые левым и правым глазами, будут качаться независимо друг от друга. Запляшут отолитовые маятники — начнет ломаться, поглыбнет горизонт, возникнут проблемы с ориентировкой в пространстве. Вы решите, что у вас "поехала крыша"! И чем сильнее инфразвук,

ые звуки

тем губельнее его воздействие на нервную систему и мозг.

Кстати, если человек наблюдает пульсации света или колебания зрительных образов с резонансной частотой около 4-8 герц, то они вызывают те же психические расстройства, что и инфразвук. Это хорошо знали еще египетские жрецы. Дабы выбить из пленника какие-то важные сведения, человека привязывали к столбу и с помощью зеркала освещали глаза пульсирующим солнечным лучом. Через некоторое время человек начинал дергаться, у него появлялась пена на губах, словом, наступала полнейшая психическая деградация и он, не выдерживая, выдавал все секреты. Подобные методы пыток применялись и в средние века, особенно инквизицией. Возвращаясь к инфразвuku, вспомним Гомера — эпизод путешествия аргонатов за Золотым руном, когда царица Цирцея не только предупреждала их об опасных местах, где можно повстречаться с Сиренами, но и давала советы, как противостоять их смертельному пению...

— *Что вы имеете в виду?*

— Места обитания Сирен — области инфразвука особой силы, где и проявляется так называемый губительный "голос моря". Его жертвами становились команды многих судов, чаще всего — в Бермудском треугольнике, где исчезали не только корабли, но и самолеты. Вот почему в 1975 году в ООН было внесено предложение о создании специальной комиссии по исследова-

нию загадочных явлений с трагическими последствиями, происходящих как в Бермудском треугольнике, так и в других районах Мирового океана. Губительным может быть не только "голос моря". Например, оглушительный рев Ниагарского водопада слышен на многие километры, рев этот не каждый экскурсант выдерживает более пятидесяти минут — настолько там интенсивен инфразвук. И не удивительно, что местные жители избегают места, где Ниагара ревет и пенится в котле у подножия водопада...

— *Но есть ведь и другая точка зрения на последствия инфразвукoвого воздействия. Например, по мнению академика Л. Бреховских, влияние инфразвука слишком слабо, чтобы вызывать гибель людей...*

— Известная точка зрения, но она, поверьте, не без греха. Ведь принято считать, что в Мировом океане инфразвук появляется исключительно во время бурь и ураганов — от волн цунами... Но как быть с тем, что большинство известных трагедий произошло как раз в тихую погоду — когда, казалось бы, для появления инфразвука не было никаких причин.

Как мы теперь знаем, направление инфразвука, рождающегося в океане во время шторма, зависит от температурных перепадов атмосферы: при ее инверсии верхние потоки инфразвука распространяются быстрее нижних. Один из них разворачивается и резко уходит вниз — "ныряет" в воду. А в тол-

цах Мирового океана имеются звуководные каналы. Оказавшись в таком канале, инфразвуковой поток не может его покинуть — он находится в физических тисках — и распространяется вдоль него с очень большой скоростью — около 6 000 километров в час. Причем без существенного затухания и рассеивания. При определенных условиях (действие солнечной радиации, перемешивание воды различными течениями) инфразвуковой поток, просочив тысячи километров, вырывается из подводного плена наружу. И вновь устремляется в воздушное пространство, пораженная своей мощью все, что встречается на пути, в том числе корабли и самолеты. Хотя перед этим на море и в воздухе были тишь да благодать. В этом случае инфразвук очень опасен для человека.

Инфразвуковой поток может столкнуться и с суши. Обычно он рассеивается скалами, рифами, прибрежной растительностью. Однако, если береговой откос и дно прибрежной полосы имеют вогнутую форму, напоминающую параболическую, а поверхность — песчаная или каменная, то достаточно ровная и без подводной растительности, то такой рельеф служит естественным гигантским отражателем, собирает и фокусирует попавший в него инфразвуковой поток. Вырвавшись в атмосферу, он поднимается до 50-километровой высоты. Причем поток этот может не только раз обогнуть Землю — пока не потеряет энергию. И если с ним сталкивается самолет, то, разумеется, проблем не избежать. С одной стороны, экипаж не сможет работать в нормальном режиме, теряет ориентацию, а с другой — из строя могут выйти приборы, двига-

тели, а также элементы конструкции самолета, имеющие низкие частоты собственных колебаний.

Потеря ориентации пилотами ведет к тому, что снажем, наклонная кромка облака может быть принята за естественный горизонт, а сверхающие капли на лобовом стекле или наземные огни могут восприниматься как звезды на небе...

— А как долго такие иллюзии могут длиться?

— От нескольких секунд до десяти и более минут. Между тем условия полета могут быть и сложнее, когда нет ни горизонта, ни видимых ориентиров, летчик управляет самолетом по приборам... Именно из-за инфразвука, как мне думается, и погибли многие воздушные суда, хотя, по официальным сообщениям, причины были иные...

— Мы говорили об инфразвуке естественного происхождения, но на человека воздействует и инфразвук рукотворный. Поскольку его разрушительное действие известно специалистам, возможно ли создание на этих принципах нового вида оружия?

— Такое оружие можно создать, снажем, против авиации, кораблей, подводных лодок. Когда я занимался этой проблемой, но мне на консультацию приезжали два адмирала, которые попросили разобраться в одной весьма загадочной истории. Дело в том, что военные, отправив к берегам США подводную лодку для замены агентуры, попали впросак. Когда люди в снафандрах погрузились в воду, то через некоторое время они вдруг начали метаться, дергаться, рвать на себе акваланги, кто-то при этом погиб... По приборам военным удалось установить, что со стороны бе-

рега в их сторону шел направленный инфразвук, но в этом месте его никогда ранее не было... Выяснилось, что в этом районе естественного инфразвука быть не может — не то очертание береговой линии. Тогда откуда он? Можно предположить, что у американцев на берегу были установлены генераторы инфразвука, в нужный момент они включались. У нас тогда тановых не было, о чем, кстати, адмиралы крепко задумались...

Как специалист могу сказать: особых трудностей для создания нового оружия нет. Оно, между прочим, не требует больших затрат.

— *А нанова может быть его эффективность?*

— По максимуму — инфраволновое оружие равнозначно атомной бомбе. Спасения от него нет. И можно не сомневаться, что в этой области развитые страны проявляют интерес... Но переключим внимание на другую проблему. Многие из нас давно находятся под инфразвуковым "колпаком". Увы, условия нашего существования тановы, что мы, ничего не подозревая, живем под постоянным воздействием инфразвуковых потоков различной мощности. В зависимости от этого вы можете ощущать общий дискомфорт, пониженную остроту органов чувств, повышенное потоотделение, головную боль, усталость, испытывать состояние укачивания... А самое худшее — это необратимые повреждения здоровья...

— *Где же мы сталкиваемся или можем столкнуться с инфразвуком?*

— Прежде всего там, где проявляются ощутимые вибрации. Это производится с высоким уровнем ручного труда, те, где используется устаревшее оборудование. Это

транспорт: автомобили, трамваи, самолеты... Хотя при конструировании и стремятся снизить воздействие вибраций и шумов, остаточный уровень резонансных возмущений весьма высок. Сельскохозяйственные тракторы на резиновых шинах и грузовые автомобили имеют максимальные вибрации в диапазоне 2-6 герц, легковые автомобили — в пределах 1,5-3,5 герц, гусеничные тракторы — около 5 герц. А у вертолетов уровни резонансных возмущений заходят в область труднопереносимых...

В свое время я в составе одной комиссии оказался на солидном заводе. Смотрим технику, оборудование — вроде бы все в норме. И тут вдруг рабочие нам говорят: вы у нас долго не задерживайтесь, поберегите здоровье. Выяснилось, что у них по непонятным причинам вдруг начинает кружиться голова, поташнивает. Правда, через какое-то время все эти неприятные ощущения исчезают. Оказалось, все беды от ... вентиляционной системы, которая регулярно включалась в обеденный перерыв. Заслонки болтались, звук пульсировал, вознивал свист... Смотрим частоту колебаний. Восемь герц — инфразвук, его действие мы почувствовали на себе. А нанова было рабочим? Ведь они с ним сталкивались ежедневно. С вентиляцией, разумеется, пришлось поработать...

А вот другая ситуация. Новоселье в трехкомнатной квартире. Шампанское, бокалы, все, как полагается. В какой-то момент рюмки, посуда вдруг начинают звенеть... сами по себе, ложки подсакивают. Списали все на музыку и пляски — гуляние продолжалось. Среди приглашенных был опытный летчик, который с недоумением за-

метил: ерунда какая-то, я ощущаю то, что переживал не раз в самолете. Потом выяснилось, что и в других квартирах время от времени случаются те же чудеса. В доме ничего подозрительного не обнаружили, а вот на дворе оказалась мастерская, где были установлены молоты и прочее тяжелое оборудование, которое и являлось источником инфразвука. Мастерскую, разумеется, закрыли. Представляете, люди, находясь в квартире, испытывали все прелести полета!

— Выходит, в самолете нас укачивает и от инфразвука?

— Совершенно верно. И его источник известен — двигатели, ревущие на уровне низких частот. А на novo трактористам? "Стальной конь" дает максимум инфразвука, отсюда и инвалидность механизаторов. Не сладко приходится и машинистам, работникам железной дороги, с которой рядом лучше не жить, грохот проходящих составов не прибавляет здоровья.

— Стало быть, и метро — источник инфразвука?

— Да, но пассажиры, как правило, в нем находятся недолго. Инфразвуковую гадость они, конечно, впитывают, но не в той мере, что машинисты. Однако метро — не только шум вагонов... Как известно, мимо станции зачастую проходят пустые составы, вызывающие эффект мелькания, что также влияет на самочувствие. Так что лучше на них не смотреть и подальше держаться от кромки перрона. Как понимаете, с инфразвуком можно столкнуться где угодно, его хватает на любом производстве. Зайдите в любое учреждение и вы обязательно найдете комнаты, освещаемые лампами дневного света. Никому в голову не приходит, что они посте-

ленно отравляют здоровье, так как пульсируют на инфрачастотах: 10 — 12 герц. И там, где эти лампы светят, не может быть нормальной производительной работы. А возьмите современную музыку.

— Вы про тяжелый рок?

— Разумеется. Когда инструменты визжат и хрипят, раздается грохотание барабанов, а в зал направляется каскад пульсирующих огней, ничего полезного для здоровья тут нет. Это явное проявление инфразвуковых эффектов. Но есть и скрытые. Вспомним не так давно разразившийся в Японии скандал, когда в этой стране по телевидению демонстрировался оригинальный компьютерный мультик со множеством фонов и эффектов, сопровождаемых бесчисленными звуковыми и световыми трюками. Уже середине фильма многие из детей начинали волноваться, беспокоиться, вскакивать с мест и даже падать в обморок — в судорогах и с пеной на губах. Многие дети попали в больницы: около 700 юных японцев оказались в тяжелом состоянии. Учитывая массовый характер бедствия, средства массовой информации забили тревогу: на земном шаре появилась новая и очень опасная болезнь — телевизионная эпилепсия... И вскоре стало ясно, что на детей действовала пульсация световых и звуковых сигналов, частота которой вполне соответствовала частоте сигналов инфразвука.

— Технологии египетских жрецов?

— Именно. Если Бермудский треугольник создает ограниченную угрозу, то бездумное использование технических достижений может вызвать бедствие глобальных масштабов.

— Такая реакция на инфразвук свойственна только человеку?

— Нет, конечно. С "прелестями" инфразвука знакомы все животные, у которых биологическая навигационная система имеет такой же принцип, как и у людей. Животные бывают более чувствительны к инфразвукам и вибрациям — они гораздо раньше человека реагируют даже на слабые вибрации почвы, вызванные начинающимся землетрясением. Особенно страдают от инфразвука большой интенсивности морские млекопитающие. Киты и дельфины в таких ситуациях ищут спасения в прибрежных мелководьях, а иногда, потеряв ориентацию, выбрасываются на берег. Люди же, в панике оставляя корабли, бросаются в воду и гибнут. Так что, где бы вы ни были, надо избегать опасностей, связанных как с инфразвуком, так и с пульсацией света.

— А как их избежать, если они всюду? Даже в квартире своя "светомузыка": чего стоит гудение холодильника ...

— Когда гудит холодильник — это высокочастотные звуки, но какая-то их доля уходит в низкие частоты. Еще раз повторяю: инфразвук мы не слышим. Это — не шум улиц или транспорта... И автомобиль для нас опасен не тогда, когда ревет, а когда его двигатель работает на холостом ходу, что обычно происходит перед светофором. В этом режиме машины в основном и издают инфразвук. Держитесь от них подальше.

— И все же, как уберечься от инфразвуковой чумы в домашних условиях? Быть может, необходимо усилить остекление окон? Или — последовать советам Цирцей?

— Для инфразвука стекла — не препятствие. Защититься от не-

го не так-то просто, если не сназать — невозможно. Ведь он проходит через мягкие и костные ткани и совершенно свободно проникает через слуховой аппарат. Надо учитывать и другое. Поражающее воздействие инфразвука зависит от места и площади контакта с вибрирующим источником, позы тела. Ткани частично рассеивают или поглощают энергию вибрации, и в вестибулярный аппарат проникает уже уменьшенная доля энергии резонансных возмущений. Закрыв слуховые проходы, в какой-то мере действие инфразвука можно ослабить, хотя полностью исключить все равно не удастся. Как быть? Первое — надо обязательно найти инфразвуковую источник. Им может быть холодильник, стиральная машина, трубопровод (ногда он "рычит" при включении воды)... Возможно, что-то достаточно отремонтировать или переставить...

— Не слыша инфразвука, как же узнать о его присутствии в квартире?

— Проще простого. Сделайте элементарный прибор: подвесьте на нитке шарик из любого материала — его можно сделать даже из бумаги. И пусть он у вас постоянно висит, допустим, на кухне, в столовой. А вы посматривайте за его состоянием: если шарик закачается с частотой 5-10 колебаний в секунду (5-10 герц), значит, у вас появился инфразвук — ищите источник. На него хорошо реагирует и посуда — обычно она звенит. Прислушайтесь и к своему самочувствию, анализируйте его. Инфразвук — это серьезно, относиться к нему надо соответственно. ■

Беседу вел

Сергей КАЛЕНИКИН.

Итоги конкурса "Строки века"

Пришла пора подвести итоги литературного конкурса, задания которого публиковались в январском-мартовском номерах журнала. Задания были сложнейшие: в поэтическом безбрежье XX столетия участникам состязания предстояло по нескольким строкам определить авторов и названия 75 стихотворений. Тем приятнее отметить высокие результаты победителей — они свидетельствуют о любви и глубоком интересе к русской поэзии многих и многих читателей "Смены".

ИТАН, РЕШЕНИЕ ЖЮРИ:

1-е место — 73 очка: Е.Н. АРУТЮНОВ, Москва; И.Е. ГЛУШЕНКОВ, Санкт-Петербург.

2-е место — 72 очка: А.А. КАЧУРА, Т.В. КЛИМОНТОВИЧ, Санкт-Петербург; Л.И. МЕЙНСОН, Москва.

3-е место — 71 очко: Г.Л. КАЛЛЕР, В.В. КОЗЛОВ, Санкт-Петербург.

4-е место — 69 очков: Ю.С. БОРОДОВСКИЙ, Г.С. НАТЫХИН, Санкт-Петербург; Ю.Б. ШУВАЛОВ, Саратов.

5-е место — 60 очков: М.С. СМОРОДИНОВА, Н.Э. БАУМАН, Москва.

Участники, занявшие 1-5-е места, награждаются подарочными изданиями, почетными дипломами "Смены" и подпиской на журнал на 2001 год.

Годовой подпиской на "Смену" и почетными дипломами журнала награждаются наиболее активные участники: Т.П. ИГНАТЬЕВА, Пермь; Т.А. НИТАЕВА, Л.Г. ОСИПОВА, Саратов; Г.Ш. САФИУЛЛИНА, Уфа; Р.Н. ФЕДОРОВА, п. Белоусовна, Назахстан; В.Г. ХАБУТДИНОВ, Тула.

Поздравляем победителей и благодарим всех, кто принял участие в конкурсе.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОНКУРСА "СТРОКИ ВЕКА"

Первый тур

1. Дон Аминадо. Тост.
2. Игорь Шняревский. Много добрых людей на Руси...
3. Александр Солодовников. На Пасхе.
4. Иннокентий Анненский. Зимний романс.
5. Георгий Адамович. Холодно. Низкие кручи...
6. Борис Пастернак. Вахханалия.
7. Ирина Одоевцева. Но была ли на самом деле...
8. Маргарита Алигер. Лось.
9. Зинаида Гиппиус. Стужа.
10. Михаил Кузмин. Сколько лет тебе, скани, Психея?..
11. Даниил Андреев. Вижу, как строится, слышу, как рушится...
12. Ольга Берггольц. Приятелям.
13. Евгений Рейн. Взор через окуляр.
14. Александр Нушнер. Танцует тот, кто не танцует...
15. Вячеслав Иванов. Русский ум.
16. Алексей Недогонов. Такая любовь.
17. Алексей Сурнов. В смертном ознобе под ветром трепещет осина...
18. Александр Яшин. Я обречен на подвиг...
19. Борис Слуцкий. Голос друга.
20. Сергей Ченмарев. Размышление на станции Нарталы.
21. Михаил Исаковский. Зимний вечер.
22. Владимир Высоцкий. Наши помехи эпохе под стать...
23. Вадим Шефнер. Успоение.
24. Константин Случевский. В глухом безвременье печали... (Из цикла "Прекде и теперь")
25. Мать Мария. Вот голый куст, а вот голодный зверь...

Второй тур

26. Владимир Набонов. Будущему читателю.
27. Николай Гумилев. Нанциона вторая.
28. Константин Бальмонт. Вселенский стих.
29. Белла Ахмадулина. Свеча.
30. Валерий Брюсов. Будущее.
31. Владислав Ходасевич. Перед зеркалом.
32. Анатолий Чинков. Утром.
33. Марина Цветаева. За девами доглядывать, не смис...
34. Осип Мандельштам. На розвальнях, уложенных соломой...
35. Константин Симонов. Если бог нас своим могуществом...
36. Анатолий Жигулин. Стихи Ирине.
37. Дмитрий Сухарев. Нукушна.
38. Сергей Марков. Знаю я — малиновою ранью...
39. Виктор Соснора. В твоих очах, в твоих снегах...
40. Геннадий Шпалинов. Городок провинциальный...
41. Федор Сухов. Провожали меня на войну...
42. Михаил Львов. Чтоб стать мужчиной, мало им родиться...
43. Николай Тuroверов. Уходили мы из Крыма...
44. Давид Самойлов. Сороньевы.
45. Александр Люнин. Просьба старого солдата.
46. Юрий Левитанский. В онидании дел невиданных...
47. Юлия Друнина. Заслуженный отдых.
48. Леонид Мартынов. Душа беспокоится...
49. Александр Блок. Поднимались из тьмы погребов...
50. Арсений Тарновский. Словарь.

Третий тур

51. Юрий Кузнецов. Нольбельная.
52. Велимир Хлебников. Звенят голубые бубенчики...
53. Иван Бунин. Мы рядом шли, но на меня...
54. Наум Норнавин. Песня, которой тысяча лет.
55. Анна Ахматова. Другие уведят любимых...
56. Иосиф Бродский. Подсвечник.
57. Николай Тихонов. Я люблю тебя той — без прически...
58. Георгий Иванов. Холодно бродить по свету...
59. Илья Сельвинский. Заклинание.
60. Александр Твардовский. Не стареет твоя красота...
61. Зинаида Шаховская. Как легон ласточек полет...
62. Андрей Вознесенский. Сон.
63. Дмитрий Недрин. Ты говоришь, что наш огонь погас...
64. Мария Петровых. Ты думаешь, что силою созвучий...
65. Николай Старшинов. Только вспомню тебя — затоскую...
66. Александр Межиров. Запретный Плод, не сорванный нимем...
67. Владимир Солоухин. Я тебе и верю и не верю...
68. Сергей Есенин. Какая ночь! Я не могу...
69. Николай Рубцов. Прощальная песня.
70. Олег Чухонцев. Прощание с осенью.
71. Ярослав Смеляков. Натюша.
72. Владимир Соколов. Когда смеются за спиной...
73. Владимир Маяковский. Схема смеха.
74. Николай Заболоцкий. Уступи мне, скворец, уголок.
75. Новелла Матвеева. Все сказано на свете...

Редакция выражает благодарность поэту Геннадию Красникову за подготовку конкурсных заданий.

Имя Владимира Назарова, руководителя прославленного Государственного ансамбля фольклорной музыки, вот уже несколько десятилетий не сходит с афиш.

Коллектив Назарова объездил практически весь мир. Но с развалом Союза, когда и искусства коснулись перестроечные реформы, ансамбль Назарова на какое-то время оказался в тени.

О перипетиях судьбы, которая, по словам Назарова, все же была ему верной, он вспоминает с горечью, но продолжает оставаться оптимистом.

“Ах, ка

— Владимир, как получилось, что вы — ярый сторонник фольклорной музыки, сделали крен в сторону эстрады?

— Эстрада довольно широкое понятие. Сегодня же ее сузили только до исполнения песен, исключив пантомиму, инструментальные и танцевальные жанры, цирк и т.д. А ведь все это когда-

то было. Любой концерт в тех же 70-80-х подразумевал обязательное присутствие всех перечисленных жанров эстрады. Существовал некий дивертисмент. Если сегодня организовать концерт по старому рецепту, то эстрадная песня займет всего лишь процентов 30, а все остальное — разные жанры. Но из-за того, что

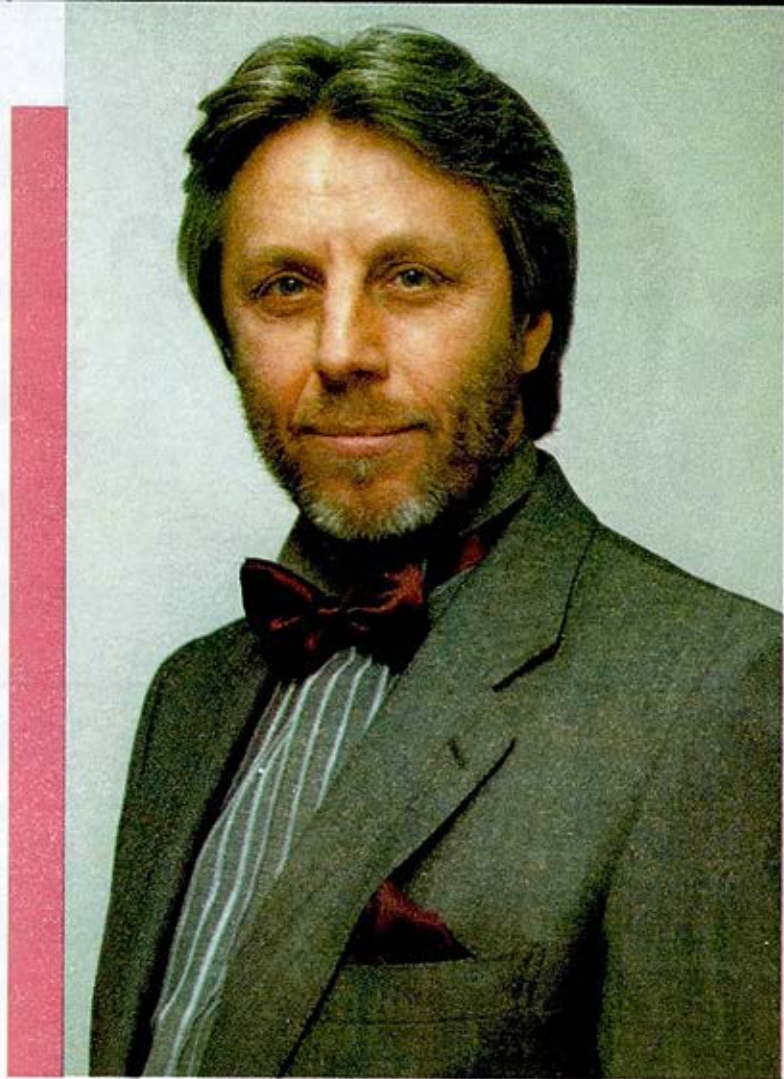
рनावал...

наибольшим "потребителем" эстрады является молодежь, продюсеры, держа нос по ветру и не думая о будущем, стали давать то, что просят. А ведь есть зрители, и есть толпа... Если идти на поводу у толпы, то рано или поздно это ударит риношетом по обществу, а затем перенос будет болезненно исправляться, но уже с большими

жертвами. В первую очередь, моральными.

Действительно, когда-то мы исполняли только народную музыку и песни. У нас был свой зритель, популярность... Гастроли моего коллектива проходили настолько интенсивно, что подчас в один день давали концерты в нескольких городах. Сейчас востребованность

наша меньше, как, собственно, и у моих коллег (у великого Игоря Моисеева теперь уйма свободного времени, ансамбль работает от случая к случаю) и, может быть, поэтому произошел, как вы выразились, крен. Но таново веление времени...

И еще хочу добавить. Мне не стыдно за мои песни, потому что я не пишу мелодию в два аккорда,

музыкальное прошлое просто не позволяет делать это. На дух не переносу примитивных тенстов. Пишу музыку на талантливые стихи. Я оптимист и верю, что вернется время высокой поэзии.

— Сейчас многие композиторы
взялись сами исполнять свои песни.
Это что, недоверие к исполнителям или желание "объявить лицо
народу"?

— Думаю, сочинители запели не от хорошей жизни. Посмотрите, что происходит? Выступает какой-нибудь популярный певец. Объявляют его имя и название песни. И все. Авторы забывают даже упомянуть. Вот и приходится заниматься саморекламой, которая, как известно, двигатель всего...

— *Как все начиналось?*

— На первом курсе института культуры я организовал ансамбль "Жалейка", который играл на старинных духовых инструментах, причем только русскую музыку. Мы в составе других советских народных коллективов впервые выехали в Париж представлять наше искусство. Уникальность нашего коллектива заключалась в том, что мы единственные владели игрой на старинных инструментах. Нас задействовали в одной из сцен пугачевского бунта, в спектакле "Песни и танцы русских революций", где мы играли музыкантов в крепостном оркестре графа Шереметева. Великолепное зрелище. Париж пришел в восторг. После такого триумфа Министерство культуры снарядило нас на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване. Вернувшись с Кубы, выступали вместе с Надеждой Бабкиной и ее "Русской песней". И уже в 1982 году на базе "Жалейки" создали ансамбль фольклорной музыки. С тех пор начали исполнять многонациональную музыку и работать с сольной программой. После победы на конкурсе артистов эстрады карьера ансамбля взлетела стремительно. (Но, к сожалению, коллектив наш с той поры несколько раз обновлялся. Причины на то были разные. Кто-то уехал за границу, а кто-то ушел "на заслуженный отдых".) Визитной карточкой коллек-

тива была песенка "Танец маленьких утят".

— *То есть, у вас пошли сплошные аншлаги?*

— Как ни странно, нет. Я столкнулся с удивившим меня фактом, что несмотря на суперпопулярность, зритель неохотно шел на нас. Не могли затащить публику на концерты. Конечно, те, кто однажды побывал на них, приходили еще раз, но ведь необходимо заманить именно в первый раз! И лишь благодаря песне "Ах, карнавал", ее исполняли "под занавес", нас запомнили и стали узнавать.

— *Владимир, откуда вы родом?*

— Я родился в Новомосковске Днепропетровской области. Вырос в окружении музыки, ведь у нас поют все, причем так, что некоторым солистам Большого театра стоит поучиться. Играл я на баяне. Сидел тихонечко в уголок и аккомпанировал. За десять рублей приглашали играть на свадьбах. Семья наша жила небогато, поэтому мои "свадебные" заработки приходились кстати. Но зато пахал так, что ладони стирались. Впрочем, 10 рублей в неделю — это, я вам скажу, были деньги по тем временам немалые.

— *А на похоронах не приходилось играть?*

— К счастью, нет, да и баян — инструмент не кладбищенского формата.

— *Нем были ваши родители?*

— Отец — шофер, а мама до сих пор работает в регистратуре стоматологической клиники в Новомосковске. Отец у меня русский, мама — украинка. Музыкальный слух я унаследовал от украинской родни, для которых петь — естественное состояние души. Так вот отец, частенько возвращаясь с ра-

боты, затыгивал "Расся — родина моя", тем самым утверждая себя в "чуждой для него среде" — так он называл Украину. Главным его "врагом" в этой среде была мама, потому что она ему не давала выпить. Несмотря на свою скудную зарплату, отец купил баян (правда, я его "отработал" буквально за пару недель), отдал меня в платную музыкальную школу.

— А в Москву как попали?

— Служил в Польше, где познакомился с одним парнем, он родом из Москвы. Собственно, приятель и надоумил меня перебраться в столицу.

— Наверное, всю службу пробыли в полном оркестре?

— Поначалу служил в военном ансамбле и был любимчиком у командования полка. Но желание узнать, что же там, за воинским забором, просто раздирало меня. И я повадился ходить в самоволку вместе с другом. Но попался, и из ансамбля меня исключили, оказался в стройбате, копал траншеи и строил казармы. Вы, наверное, представляете законы, царящие в этих родах войск. За то, что одному из любителей власти я сломал челюсть, меня чуть не упрятали в дисбат. Слава Богу, военачальники вовремя одумались и не загубили мою молодую жизнь. В общем, кое-как "дембельнулся". Подался в Москву.

Пытался устроиться на работу, но без прописки нигде не брали. Потом выяснилось, что и прописку нельзя получить, если нигде не работаешь. Вот такой получался замкнутый круг. Кое-как устроился наладчиком токарных автоматов на завод "Знамя труда". Дали койку в общежитии. Мастер мой, узнав, что я музыкант, сказал, чтоб я немедленно

уходил с завода, пока не заполил себе руки. Друзья нашли мне работу в Доме отдыха в Опалихе. Там я и познакомился со своей будущей женой Лидой, с которой мы вместе уже 27 лет.

— Она отдыхала там?

— Нет, работала поварихой и была самой красивой девушкой на кухне. Увидев ее, я не удержался и сделал ей предложение раньше, чем познакомился.

— Это как?

— Сначала я предложил ей выйти за меня замуж, а уж потом спросил, как ее зовут. Она так вкусно готовила, что я все время просил у нее добавки. Благодаря этим добавкам и завязался наш роман.

— Расскажите о ваших испанских гастролях, которые продлились аж 10 лет.

— С 89-го по 96-й, а потом наездами. В России мы были не нужны, равнодушия со стороны концертных организаций просто не могли вынести. В Испанию напросились сами. Наши друзья, вхожие в муниципалитет Мадрида, договорились о наших гастролях там. За два месяца получили 30 тысяч долларов. Жили, как цыгане. Внешне все выглядело чинно, приобрели шинарный трейлер, на котором и ночевали по испанским землям.

— Владимир, как участники вашего коллектива исполняют песни различных народов? Они что, владеют многими языками?

— Нет, сначала заучивается текст песни, затем этот текст прорабатывается с "носителями" языка, которых мы специально приглашаем. Однажды в Греции мы исполнили старинную песню. После концерта к нам подошли местные жители преклонного возраста и выразили удивление и восхище-

ние услышанным. "Где вы отыскали эту песню, она же очень старая?" — спрашивали они. Это был для нас наилучший комплимент. Исполняем мы и цыганские песни, которые собирали, кочуя вместе с цыганами по стране в течение двух лет.

— Говорят, вы большой любитель конной езды?

— Да, держу на даче четырех рысаков. Правда, не всегда удается вырваться за город, но если удастся, то с удовольствием мчусь верхом на коне по лесным дорогам. Поначалу, конечно, как и положено, несколько раз мои "залетные" сбрасывали меня, но спустя несколько месяцев я унотил их строптивый нрав. Особенно нравятся сначки зимой, когда кругом белым-бело, и ты несешься по снегу, а вокруг снежная пыль. Удивительная картина, напоминающая сцену из сказки.

— Вы пишете музыку многим нашим эстрадным исполнителям: Нобзону, Бабниной, Малинину,

Гвердцители. Чем руководствуетесь при выборе артиста?

— Исключительно талантом. И потом, я чувствую певца, чувствую голос и отдаю песню тому певцу, кому моя песня подходит больше всех и кто исполнит ее так, как я это представлял и хотел. Но иногда хочется петь свои песни самому, чтобы зритель видел во мне и автора, и исполнителя.

— Отчего такая страсть к славе?

— Так ведь приятно, когда тебя знает вся страна. У меня была давняя история, связанная с песней "Ах, карнавал". В разгар выпускных вечеров я отправился в город Нурган к доктору Илизарову с просьбой прооперировать одну мою знакомую. В пять часов утра меня разбудили знакомые нотки. Поверите, даже слезы потекли, и захотелось кричать: "Ребята, да это же я написал эту песню!" Так что однажды я уже "купался" в лучах славы. ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Масло льняное — наше здоровье сегодня, завтра и всегда

В дореволюционные времена в России сердечно-сосудистые заболевания распространены не были. И это потому (наряду, конечно, с другими факторами), что люди употребляли в пищу льняное масло.

Врачи отмечают, что сейчас у многих атеросклероз развивается из-за несбалансированного питания. А растительные масла — именно такие биологически активные антисклеротические продукты, которые способны предотвратить серьезные заболевания.

Льняное масло — самое ценное из них, ибо содержит наибольший процент **витамина F**, который в свою очередь является единственным витамином, не образующимся в организме, а получаемым с питанием.

Витамин F в потребляемых человеком растительных маслах содержит две кислоты — линолевую и линоленовую. Исследования показали, что линоленовая кислота оказывает положительное действие при атеросклерозе, снижает уровень холестерина в крови, нормализует артериальное давление.

Давайте сравним: в подсолнечном масле линоленовая кислота отсутствует; в рапсовом и горчичном масле ее содержание — до 5%, в соевом до 25%, в льняном же — 60-65%!

Кроме того, в льняном масле больше, чем в других, **витамина E**. Снова сравним: в подсолнечном масле этого витамина — 40 мг на 100 г продукта, а в льняном — 120-140 мг! Витамин E наряду с положительным воздействием при лечении сердечно-сосудистых заболеваний оказывает нормализующее влияние на функции печени, кишечника, щитовидной и предстательной желез, а также омолаживает кожу (мечта всех женщин бальзаковского возраста и старше).

**Одобрено и рекомендовано
институтом питания РАМН**

Внимание! Указанные лечебно-профилактические свойства характерны только для льняного масла, изготовленного по защищенной технологии директора предприятия "Вера" — Л.Г. Болобана (товарный знак — летящий сокол балобан).

**Производство ООО "Вера",
г. Кашин Тверской области.
Тел.: (08234) 6-26-18, (095) 237-86-74, (0742) 46-22-80.**

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Нижний Новгород, 1997 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Брюссель, "ЭВРИКА-98"

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Санкт-Петербург, 1998, 1999

"100 ЛУЧШИХ ТОВАРОВ
РОССИИ", 1998 г.

СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ
Женева, 1999 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Питсбург
Пенсильвания, США, 1998 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Касабланка, Марокко, 1999 г.

Мы сделаем
Ваш веб сайт -
Ваше лицо в Интернете!

студия веб дизайна "Крон"

RON
STUDIO

www.cron.ru

т. (095)737-7057

интернет

окно в мир информации

Мета-навыки И Ваша карьера

Почему при прочих равных обстоятельствах (образование, возраст, стаж и т.д.) у одного человека быстрее и качественнее получается работа, легче происходит процесс обучения, а другой тратит на те же операции значительно больше времени и энергии? И при этом первый зачастую еще выдает букет свежих идей и решений.

Один из ответов на этот вопрос может состоять в том, что у этих двух людей разный уровень развития **МЕТА-НАВЫКОВ**.

Что такое **МЕТА-НАВЫКИ**? Вы впервые слышите такое словосочетание? Возможно. Хотя многие западные менеджеры по персоналу уже давно при приеме на работу тестируют уровень развития **МЕТА-НАВЫКОВ** у претендента на вакансию, и при прочих равных достоинствах место получает тот, чей суммарный уровень развития мета-навыков выше, чем у остальных претендентов. Конечно, ведь они понимают, что человек с высокоразвитыми **МЕТА-НАВЫКАМИ** будет работать в десятки раз эффективнее и принесет компании ощутимую прибыль. Даже если человек с высокоразвитыми **МЕТА-НАВЫКАМИ** и не обладает всеми необходимыми для данной должности знаниями и умениями, то все равно могут предпочесть его, так как такой человек очень быстро и легко обучается. Одним словом, наиболее ценными работниками считаются те, кто обладает высоким уровнем мета-навыков, увеличивающим темпы обучения и облегчающим профессиональную деятельность.

Итак, что же такое **МЕТА-НАВЫКИ**? Это те навыки, которые не связаны со спецификой какой-либо деятельности, а являются базой, основанием для осуществления любых других более специализированных операций. Традиционно к мета-навыкам относят **ПАМЯТЬ, ВНИМАНИЕ, СКОРОСТЬ ЧТЕНИЯ, СПОСОБНОСТЬ К САМОРЕГУЛЯЦИИ**, сюда иногда добавляют скорость печати и быстрый счет в уме. Кроме того, на современном этапе к мета-навыкам относят еще три, которые раньше называли метаспособностями. Это мобильное мышление, творческое (нестандартное) мышление, а также логическое мышление. Без высокого уровня развития всех этих качеств в современном мире, с его постоянно ускоряющимся информационным потоком, просто не обойтись.

Вам интересно узнать, каким уровнем развития мета-навыков обладаете именно вы? Можно ли вас назвать человеком с нестандартным мышлением?

На эти и многие другие вопросы вы получите ответы, пройдя тестирование уровня развития **МЕТА-НАВЫКОВ** в московской фирме **"ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ"**. Тестирование для читателей журнала "Смена" проводится бесплатно по предварительной записи.

Кстати, там же, в "Зеленом острове", вы сможете существенно развить память, внимание, скорость чтения, мобильное и нестандартное мышление, воображение и способность к саморегуляции. Причем все эти навыки вы можете улучшить одновременно и за короткий срок, пройдя семинар-тренинг "Глобал Т.Э.М.П." или занимаясь с одноименной мультимедийной компьютерной программой.

Более подробную информацию вы получите, позвонив по телефону 176-9655, 8-901-759-89-34 или посетив сайт в Internet по адресу: <http://www.gi.ru> e-mail: gi@gi.ru

**Для тех,
кто хочет с комфортом
отдохнуть**

**рыбалка и охота
в дельте Волги**

**Дамчикский
заповедник**

**Приглашаем круглый год в гостиницу на воде
уровня 4* — "ЗАПОВЕДНАЯ СКАЗКА".**

- В гостинице проведен евроремонт.
- В номерах — импортное оборудование, санузел, спутниковое TV (14 каналов), холодильник, кондиционер.
- Повар-перуанец (рыбные блюда — его конек).
- На каждый номер — лодка с мотором "Джонсон и Маринер" — мощностью 30 л/с и егерское обслуживание.
- В вашем распоряжении: бар, варьете, русская баня, гидроцикл "Бомбардье" + лошади + верблюды; "банан", оборудованные пляж и купальня; трансферы — на микроавтобусе "Мерседес" или вертолете.

**Представительство гостиницы "Заповедная сказка" в Москве,
тел.: (095) 583-03-95, 586-74-52.**

Для жизни необходимы условия

785•07•07

Газетный переулок,
дом 17/9, строение 2

www.mian.ru

УПОЛНОМОЧЕННАЯ КОМПАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ И СБЕРБАНКА РФ

- **ВСЕ ВИДЫ ОБМЕНА** ● **РАССЕЛЕНИЕ**
- **ПОКУПКА** ● **ПРОДАЖА КВАРТИР**
- **БЕСПЛАТНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ**

ТЕПЕРЬ ЭТО ПРОСТО.
Московское Инвестиционное
Агентство Недвижимости

МИАН

Аудиотеатр "Чистые пруды" предлагает записи литературных и литературно-музыкальных произведений:

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".

Музыкально-поэтическая композиция по роману в стихах А. С. Пушкина и одноименной опере П. И. Чайковского.

Читает **Яков Смоленский**, участвуют солисты, хор и оркестр ГАБТ СССР.

Дирижер **Марк Эрмлер**.
Продолж. зв. 1 час 56 мин. 36 сек. В 2-х кассетах.

АРНАДИЙ АВЕРЧЕНКО.

Рассказы.

Читает **Александр Котов**.
В сборник включены рассказы: "День человеческий", "Под столом", "Костя", "Страшный мальчик".

Продолж. зв. 1 час 07 мин. 1 кассета.

"СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА".

Литературная композиция по произведениям А. К. Толстого.

Читает народный артист России **Рафаэль Клейнер**.

"Средь шумного бала", "То было раннею весной", "Колокольчики мои" и другие стихи, отрывки из романов "Нянька Серебряный", "Царь Борис", "Смерть Иоанна Грозного".

Продолж. зв. 1 час 29 мин. 40 сек. 1 кассета.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

Рассказы о любви.

Читает **Александр Котов**.
"Рассказ о старом дураке",

"Жениться — не напасть, как бы не пропасть", "Мелкий случай из личной жизни", "Свадебное происшествие", "Забавное приключение". Послесловие.

Продолж. зв. 57 мин. 1 кассета.

"НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ".

Стихи Лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского.

Автор композиции и исполнитель народный артист России **Рафаэль Клейнер**. В сборник включено 21 стихотворение.

Продолж. зв. 1 час 21 мин. 56 сек. 1 кассета.

САША ЧЕРНЫЙ.

Солдатские сказки.

"Штабс-капитанская сласть", "Солдат и русалка".

Читает **Виктор Шимановский**.
Продолж. зв. 55 мин. 48 сек. 1 кассета.

"РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА"

(на русском языке).

Аудиоспектакль по трагедии Вильяма Шекспира

в переводах **Александра Соколовского** и **Бориса Пастернака**

Продолж. зв. 2 часа 10 мин. 37 сек. В 2-х кассетах.

По вопросам приобретения обращайтесь письменно по адресу: 117218, г. Москва, а/я 95 или по телефону: (095) 125-03-08.

НАШИ ЦЕНЫ ДОСТУПНЫ!

М. Зощенко
РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

Аркадий Аверченко
РАССКАЗЫ

Режиссер - Ю. Науменко
Читает - А. Котов
Музыкальное оформление -
П. Работодский

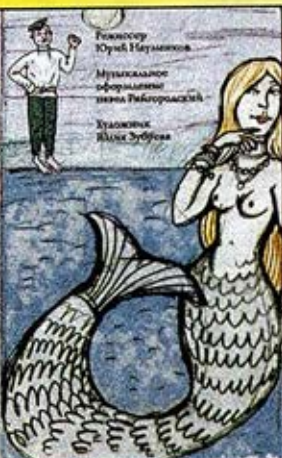
День человеческий
Под столом
Костя
Страшный мальчик

Саша Черный
из цикла "Солдатские сказки"

Саша Черный
из цикла "Солдатские сказки"

Штабс-капитанская саляга
Солдат и руссака

Музыкальное оформление
Юрий Науменко

Монументаль
Читает
В. Шимоненко

Уважаемые читатели!

Издательский дом журнала "Смена" совместно с издательством "Мир книги" начинают выпуск новой серии **"Коллекция современного детектива"**. Ее открывает четырехтомник лучших произведений Андрея Молчанова.

В первый том вошли романы **"Падение "Вавилона"** и **"Брайтон-бич-авеню"**.

Второй том: романы **"Схождение во Ад"** и **"Канарский вариант"**.

Третий том: романы **"Перекресток для троих"**, **"Ядерные материалы"** и повесть **"Дао"**.

Четвертый том: романы **"Побег обреченных"**, **"Кто ответит?"**

Часть этих произведений знакома постоянным читателям "Смены". Теперь у вас появилась возможность прочесть без сокращений, в авторской редакции и другие романы Андрея Молчанова, оценить их многоплановость и оригинальность.

Книги исполнены в ярко оформленном твердом целлофанированном переплете.

Все четыре тома выйдут из печати до ноября.

Приобретая один том, вы получаете два романа по цене редакции, без всяких наценок. Для этого необходимо заполнить заявку и отправить ее в "Смену".

Редакция принимает заявки как на все тома серии, так и на отдельные.

Книги будут высланы в ваш адрес наложенным платежом. При получении оплачивается редакционная стоимость книги — 40 рублей плюс стоимость пересылки почтой.

Укажите "галочкой" необходимые вам тома и кол-во экземпляров

Бланк-заказ

101457, Москва, Бумажный проезд, 14., редакция журнала "Смена"

	Кол-во экз.
1 том. "Падение "Вавилона", "Брайтон-бич-авеню"	
2 том. "Схождение во ад", "Канарский вариант"	
3 том. "Перекресток для троих", "Ядерные материалы"	
4 том. "Побег обреченных", "Кто ответит?"	

Адрес с указанием индекса _____

Ф.И.О. _____

Адвокатское бюро Московской городской коллегии адвокатов

оказывает гражданам
и предприятиям всех форм собственности
все виды юридической помощи,
в том числе:

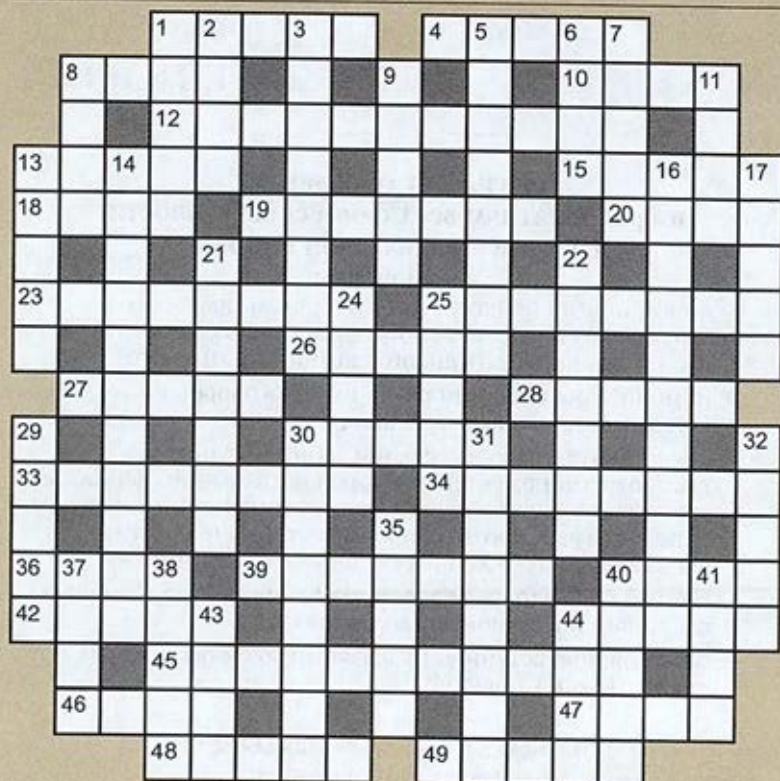
- консультации по различным вопросам правового характера (брачно-семейного, гражданского, жилищного, наследственного, трудового, административного);
- помощь в составлении различных договоров и контрактов, включая брачные;
- представительство в судах и в арбитраже при рассмотрении различных споров и взыскании денежных средств, по делам о наследстве, о возмещении ущерба от дорожно-транспортных происшествий, по делам, вытекающим из брачно-семейных отношений;
- защита по уголовным делам в стадии предварительного следствия и в судебных заседаниях;
- обжалование вступивших в законную силу судебных решений и приговоров.

Москва, ул. Миклухо-Маклая, 20.
Тел./ факс (095) 336-51-17.

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам
257-30-55,
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров по
рекламе.**

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Поэт, "Декарт метафоры" (О. Мандельштам). 4. Круглый открытый пирожок с мясной начинкой. 8. Нучер собачьей упряжки. 10. Не раз встречаемое в произведениях Н. Некрасова мужское имя. 12. Спортсменка, способная одной рукой поднять слона. 13. Ценитель, даже грязь любящий чистый. 15. Автоинспектор, улыбающийся водителю. 18. Повторение трагедии в истории. 19. Цивилизованный наследник конки. 20. Птица, неразумно уничтожаемая из-за пуха. 23. Главный мотив в изобразительном искусстве мусульман. 25. Наука парламентского сотрясения воздуха. 26. Река, в которую Эдита Пьеха заставила бросать цветы весь соцлагерь. 27. Способ подводного захоронения леса. 28. Членистый придаток во рту насенных с разными органами чувств. 30. Место самых трагических действий в трагедии "Ро-

мео и Джульетта". 33. Марко Вовчок по национальности. 34. Осетинский писатель. 36. Известный французский дирижер и скрипач. 39. Постоянный носитель одежды с чужого плеча. 40. Обычное название стихотворца у А. Пушкина. 42. Король пред рыцарями "Круглого стола". 44. Древнегреческая русалка. 45. Имя индийского писателя, чьим "любимцем" был Остап Бендер. 46. "Приласняйте ..., и он сразу станет порочным" (Э. Ионеско). 47. Навалерист из стихотворения М. Лермонтова "Бородино". 48. Животоносец. 49. Нотлеты с начинкой.

По вертикали. 1. Карамельная груша. 2. Трудяга за тугрики. 3. Индийский финик. 5. Итальянский анатом, нашедший в ушах трубу. 6. Квартира, способная провалиться. 7. Гибкая трубка из прорезиненной материи. 8. Атрибут ходячей Смерти. 9. Многократная литературная кража. 11. Вата, разбросанная Дедом Морозом. 13. Всегда считали, что Абрам Ганнибал — ..., но теперь выяснилось, что он суданец племени котоно. 14. Набор слов, посаженных на кол. 16. Процесс подключения особняков "новых русских" к голубому топливу. 17. Чертогон. 21. Зимний дом для пчел. 22. Попка. 24. Роль, в какой Винни-Пух был на высоте. 25. Первоклассный рюкзак. 29. Южный плод, вяжущий рот. 30. "Буренна". 31. Танец четырех исполнителей в балете. 32. Группа прихлебателей у царского стола. 35. И тонкий длинный ствол, очищенный от веток, и высокий худой человек. 37. Таежный пернатый певец. 38. Гвоздь с извилинами. 40. Непроходимые дебри не только для расчески, но и для пятерни. 41. У Лондона — герой романа, в Лондоне — премьер-министр. 43. Во Франции — блюдо из чистого мяса, в нашем общепите — из чистых костей. 44. Украшательная деталь сбруи под шеей лошади, куда в старину прятали оберег.

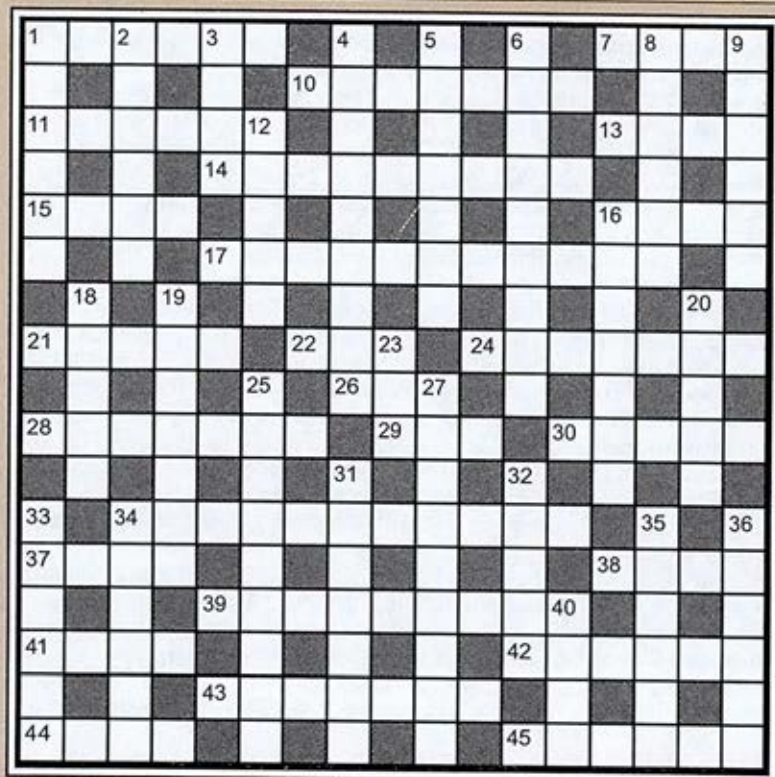
Составила **Б. ХАРЛАМОВА,**

Хабаровск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 3 Шпана. 6. Холуй. 9. Лаос. 11. Чревоугодие. 12. Жинлер. 13. Отпадение. 18. Кунштюк. 22. Мандрагора. 26. Экватор. 29. Сусанин. 30. Маргаритка. 31. Онколог. 35. Радиомаяк. 40. Шнитне. 41. Звончатость. 42. Янни. 43. Пруст. 44. Цацна.

По вертикали. 1. Флажок. 2. Боткин. 4. Пирр. 5. Навет. 7. Огове. 8. ...усики. 10. Щуна. 11. ...черт... 14. Опарина. 14. Подсок. 15. Диас. 16. Неон. 17. Еман. 19. Утна. 20. Шлаг. 21. ...юмор. 23. Руан. 24. Гало. 25. Риго. 26. Эмир. 27. Вред. 28. Тахо. 32. Конь. 33. Латунь. 34. Гнедич. 36. Абвер. 37. Износ. 38. Мран. 39. Ягода. 40. Штык.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Превращение каменной глыбы в произведение искусства. 7. Каждый петровский документ, написанный, как казалось А. Пушкину, кнутом. 10. Целый мир для выпускников Лицея, если "отечество нам Царское Село" (А. Пушкин). 11. Его снимали с головы врага еще скифы. 13. Проданная мера мха для конопатки срубов на Руси. 14. Римский писатель, хаотично описавший жизнь и творчество софистов. 15. Первое животное, одомашненное человеком. 16. Время, когда в Древнем Риме обручали жениха и невесту. 17. Первая древнейшая профессия. 21. Правитель, властитель племени. 22. Продукт, ка- ним в древности на Мальдивах, по свидетельству Ибн Баттуты, платили жалованье воинам. 24. Молодой человек в древней Индии, совершивший обряд купанья и получивший право покинуть дом гуру. 26. Представитель религиозного течения в Индии, считающего, что шептание молитв делает недоступным путь к истине. 28. Посудина, на которую подходили самые первые колокола. 29. Французский маршал, за битву под Бородином получивший титул князя Московского. 30. Часть дерева,

которую носили магистраты в Риме, веря, что в ней — большая сила. 34. Самое страшное в лишениях беспризорника или бомжа. 37. Помещение, где свинство никто не осуждает. 38. Латиноамериканская столица, где не бывает дождей. 39. Величина, неизменная по отношению к преобразованиям. 41. В Европе — картель, в Северной Америке — ... 42. "Старый джентльмен" англичан. 43. Гора, где похоронен Адам и где принял муки Иисус Христос. 44. Жертва мышьяна во рту. 45. Музыкальный инструмент, какой на Востоке использовали в парадных выездах хана.

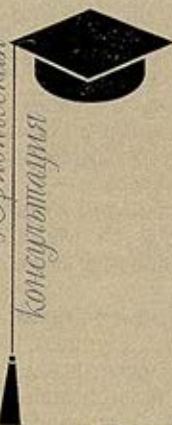
По вертикали. 1. У А. Пушкина — "горит зарею новой", в китайском гимне — "алеет". 2. Островной народ, у которого муж, как и у кетов, до рождения ребенка зовет жену безлично — "место", а после рождения — "мать сына" или "мать дочери". 3. Советский сатирик, заявивший: "Жить на такой планете — только терять время". 4. Поэт, на чей написанный К. Брюлловым портрет, разыгранный в лотерею, выкупили на волю Т. Шевченко. 5. Монах-схимник, давший слово молчать или не выходить из нельи. 6. Первый восьмимысячник, поноренный альпинистами. 8. Рука после вынужденного сокращения. 9. Индикатор наркомана. 12. Жена Девкалиона (эта пара уцелела после второго в греческих мифах потопа). 16. Американский художник, называвший свои картины "аранжировками", "ноктюрнами" и "симфониями". 18. Самое большое добро для полиса, по Солону. 19. Филолог и историк, написавший в Петропавловской крепости монографию об "утаенной любви" А. Пушкина. 20. Японский физик, которого почитали почти так же, как императора. 23. Постоянное состояние героев А. Платонова. 25. Важная короткофокусная линза в оптических приборах. 27. Жидкость, заменяющая моллюскам кровь. 31. Репрессивная мера ООН в отношении государства, несущего угрозу международной безопасности. 32. Показушник, любящий выставиться. 33. Болотистая рена в Аиде, через которую Харон перевозил души умерших. 34. Французская антриса с девизом: "Во что бы то ни стало!" 35. Феодалное государство в Азербайджане, побывавшее в составе Грузии и Персии. 36. Сенатор, которого Натон, будучи цензором, исключил из сената за поцелуй жены в присутствии дочери. 40. Множество во мраке веков. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. Цитрус. 7. ...мощь... 9. Занорюна. 10. Першерон. 11. Гарь. 12. Аджеми. 14. ...ломна. 15. Ясак. 18. Жулин. 19. Сильф. 22. Гуниб. 23. Тмин. 24. Фаберже. 26. Ретро. 27. Астеник. 30. Чалма. 31. Кербедз. 32. Баул. 33. Бунин. 35. Шулер. 37. Сикль. 38. Хром. 41. Шемая. 42. Яшвили. 45. Эпос. 46. Орощение. 47. Исповедь. 48. Фавн. 49. Откорм.

По вертикали. 1. Цель. 2. Торр. 3. Узелок. 4. ...Пан. 5. Мордвин. 6. Нюхельбекер. 7. Магия. 8. Щурна. 9. Зойна. 13. Губач. 14. Либерал. 16. Сумо. 17. Нино. 19. Сувенир. 20. Лирик. 21. Джамбудвипа. 23. Треббия. 25. Есаул. 28. Удила. 29. Обух. 30. Чудо. 34. Неелова. 36. Вепрь. 37. Самшит. 39. "Репна". 40. Мясин. 43. Юнно. 44. Гейм. 46. Одр.

Какие права у иностранца?

"Я — гражданин другого государства. Проживаю с женой, российской гражданкой, в муниципальной квартире. Она собирается расторгнуть брак и грозит выписать из квартиры. Могут ли меня лишить регистрации?"

К. Нигматуллин,
Московская обл.

Согласно ст. 53 Жилищного кодекса РСФСР бывшие члены семьи нанимателя квартиры (в том числе разведенный супруг) сохраняют право пользования жилой площадью, если продолжают проживать в занимаемом жилом помещении. В связи с этим сохраняется и регистрация по месту жительства. Ст. 7 Закона РФ от 25.06.93 г. "О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации", содержащая основания для снятия с регистрационного учета, не предусматривает такого основания, как расторжение брака с нанимателем жилого помещения.

Согласно ч. 3 ст. 62 ст. 562 ГК РСФСР иностранные граждане пользуются гражданской право-

способностью наравне с гражданами РФ, изъятия из этого правила могут устанавливаться только федеральным законом или международным договором. Вышеуказанный Закон от 25.06.93 г. не предусматривает ограничений для иностранных граждан в праве пользования жилым помещением.

Поможет ли расписка?

"Я отдал в долг некоторую сумму денег, а взамен взял расписку с обязательством вернуть деньги. Должник отказывается отдать деньги, ссылаясь на их отсутствие. Могу ли я подать на него в суд, имея на руках расписку? Как при этом застраховаться от отсутствия средств у должника?"

Н. Терехов,
Нижегородская обл.

Вы можете обратиться в суд с иском о взыскании долга по договору займа на основании ч. 2 ст. 808 Гражданского кодекса РФ, которая предусматривает, что в подтверждение договора займа и его условий могут быть представлены расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу денежной суммы.

Следует иметь в виду, что одного судебного решения недостаточно для того, чтобы вернуть денежные средства. Для того чтобы обеспечить исполнение решения суда, вы вправе ходатайствовать перед судом о наложении ареста на имущество должника на основании п. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в порядке обеспечения иска.

Не покупайте кота в мешке

"Я собираюсь приобрести земельный участок с домом у частного лица. Могу ли я получить какую-то официальную информацию об имуществе, которое покупаю?"

А.Привалова,

Краснодарский край

Официальную информацию об объекте недвижимости можно получить в органе, который осуществляет государственную регистрацию прав на недвижимое имущество. В соответствии со ст.7 Федерального закона от 21.07.97 г. "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" сведения могут быть предоставлены любому лицу, предъявившему удостоверение личности и заявление в письменной форме. В таком порядке выдаются выписки из реестра, в которых содержится описание объекта недвижимости, зарегистрированные права на него, а также ограничения прав. Регистрирующий орган должен предоставить информацию в течение пяти дней или выдать мотивированный отказ, который может быть обжалован в судебном порядке. Информация о зарегистрированных правах на недвижимое имущество предоставляется за плату.

Если брак аннулируется

"После нескольких лет совместной жизни муж предъявил мне иск о признании брака недействительным. Что будет с нашим общим имуществом?"

Л.Корнеева,

Белгородская обл.

Брак, который признается судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, предусмотренных нормами Семейного кодекса РФ, за исключением содержания одним супругом другого, а также раздела имущества, приобретенного совместно до признания брака недействительным. Суд при рассмотрении дела вправе применить к такому имуществу положения статей 34, 38 и 39 Семейного кодекса о разделе совместной собственности супругов. При разделе имущества доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между ними. В том случае, если супруги в период действительности брака заключали брачный договор, суд может признать договор действительным полностью или частично.

Ребенок будет услышан

"Мой сын разводится с женой. Ребенок, которому 12 лет, хочет жить с отцом. Прислушается ли суд к его мнению?"

Н. Филатова,

Ростовская обл.

Суд будет обязан выслушать мнение ребенка: с кем он будет проживать после расторжения брака родителей. Статья 57 Семейного кодекса РФ прямо предусматривает право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также в ходе любого судебного или административного разбирательства. Более того, если ребенок уже достиг десяти лет, его мнение обязательно должно быть учтено. Учет мнения ребенка выражается

в том, что оно непременно будет заслушано в ходе судебного разбирательства. Кроме того, одного несогласия с мнением ребенка для решения вопроса будет недостаточно. Необходимо обоснование того, по каким причинам желание ребенка не ляжет в основу судебного решения.

Помощь для опекунов

"Я являюсь опекуном ребенка, родители которого лишены родительских прав. Полагается ли мне выплата какого-либо пособия на содержание ребенка?"

А. Федорова,

Краснодарский край

В соответствии с Положением о порядке выплаты денежных средств на питание, приобретение одежды, обуви, мягкого инвентаря для детей, находящихся под опекой (попечительством) от 19.08.99 г. денежные средства выплачиваются на детей, родители которых неизвестны или не в состоянии лично воспитывать ребенка. В том числе по причине лишения (или ограничения) родительских прав. Не выплачиваются средства на содержание тех детей, родители которых могут лично воспитывать ребенка, но добровольно передают его под опеку (попечительство) другим лицам.

Для того, чтобы получить денежные средства на ребенка, необходимо обратиться в орган опеки и попечительства по месту жительства и представить следующие документы: заявление, копию свидетельства о рождении ребенка, документы об отсутствии попечения родителей и установлении опеки, справку о совместном проживании с ребенком, об обуче-

нии ребенка старше 16 лет в образовательном учреждении, а также справку органа социальной защиты о прекращении выплаты ежемесячного пособия.

Вред возмещает работодатель

"Муж работал судебным приставом. Погиб при исполнении служебных обязанностей. Обратилась за получением страховки, но мне отказали. Сослались на то, что он не был застрахован из-за отсутствия средств в управлении юстиции. К кому я должна обращаться за получением страховки?"

Кузнецова М.И.,

Саратовская обл.

В соответствии с ч.1 ст.20 Федерального закона от 21.07.97 г. "О судебных приставах" жизнь и здоровье судебного пристава подлежат обязательному государственному страхованию за счет средств бюджета на сумму, равную 180-кратному размеру среднемесячной заработной платы судебного пристава. В описанной вами ситуации управление юстиции нарушило данное положение законодательства, но это не снимает с него обязанностей по возмещению вреда семье погибшего судебного пристава.

Вы можете обратиться в суд за взысканием возмещения вреда в размере, предусмотренном Федеральным законом "О судебных приставах". Исковое требование о возмещении вреда основывается на положениях статей 1064, 1084-1094 Гражданского кодекса РФ и обращается к соответствующему управлению юстиции. ■

Ольга КОРЫТКО,

*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

Вниманию подписчиков!

В первом полугодии 2001-го года цена за один номер журнала — 31 руб., за три — 93 руб., полугодичная подписка — 186 руб. (по каталогу “Роспечати” без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество комплектов

на 2001 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)   (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество комплектов

на 2001 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

103. А. ШОНХОЛЬЦЕР
 Швейцария

2

104. В. ШАНЬШИН
 г. Ош, Киргизия

2

105. М. МАТРЕНИН
 г. Колпино
 Ленинградской обл.

2

106. Е. БОГДАНОВ
 Львов, Украина

3

107. А. ВАРИЦКИЙ
 Брест, Беларусь

3

108. Г. КОЗЮРА
 Макеевка, Украина

3

109. В. ИВАНОВ
 п. Повенец, Карелия

4

110. Е. БОГДАНОВ
 Львов, Украина

4

111. А. ЕПИФАНОВ
 с. Новотроицкое
 Кировской обл.

5

**Приз
М. МАРАНДЮН**

**Приз
Л. ГРОЛЬМАН
В. ИВАНОВ**

б-в) Kpd5-d6, Kpd5-a4,
г-с) Фd7-c8

**Приз
Ю. СУШКОВ**

б) Krc3-d3

**Специальный приз
А. ВАРИЦИЙ**

Трехходовка-99

В конкурсе трехходовок 1999 года участвовало 109 задач 41 автора, опубликована 51 миниатюра. Из конкурса исключены: №№ 34, 83, 106, 107, 115, 148, 153 — из-за предшественников, № 8 — как ранее опубликованная, № 11 — из-за дуали.

Призы на равных получают следующие задачи.

Приз — М. МАРАНДЮН (Украина)

1. Cd6! — цугцванг. 1...a5 2. Hpb7 a4 3. Фc5x, 2...Hpa4 3. Фc4x, 1...a6 2. Фc5 Hpa4 3. Фb4x, 1...Hpb6 2. Фc4 a5 3. Сс5x, 2...a6 3. Фc5x, 2...Hpa5 3. Сс7x (1...Hr — 2.Фc4)

Идейные варианты с блокированием черной пешкой a7 полей для своего короля усилены объединительным вариантом с теми же защитами, но на втором ходу. Мы уже предлагали назвать такой комплекс вариантов темой Марандюна.

К достоинствам задачи относятся: хорошее вступление, три правильных мата, последовательный цугцванг и возврат белого слона.

Приз — Л. ГРОЛЬМАН (Назавь) и В. ИВАНОВ (Повенец, Наревия)

а) 1... Hpa6 2. Фc7 Hpb5 3. Фa5x
1. Kpd6 Hpa6 2. Hrc7 Hpa7 3. Фa4x
б) 1. Kpd5. В этой позиции иллюзорная и действительная игра из а) поменялись местами.

а) 1.Hpb3 Hpa6 2.Фс7 Hpb5 3. Фb7x

г) 1.b5 Hpa7 2. Hpb4 Hpb6 3. Фb8x

Удачное "сцепление" известных четырехфигурных позиций! Два первых близнеца — блок с "вечным движением". Два других — объединены эхо-хамелеонными матами.

Приз — Ю. СУШКОВ (Санкт-Петербург)

а) 1...d6 2.Фe8! Hrc5 3.Фс6x

1.Hrd3! d6 2.Фe1! Hrc5 3.Фa5x

б) В этой позиции белый король возвращается на свое место в позиции а): 1. Hrc3!

Снова блок — маятник! Вариантов здесь меньше, чем в предыдущей задаче, но размашистые маневры белого ферзя в противоположных направлениях очень красивы!

Специальный приз — А. ВАРИЦИЙ (Брест, Беларусь)

1.Фf7! (2.Фb3) a1K 2.Фa2! Kpa2 3.Hc3x, 1...Hrc2 2.Фf2 Kpd3 3.Hc5x

Центральный вариант со слабым превращением и жертвой ферзя дополнен еще одним с правильным матом.

1-й почетный отзыв — В. ЖЕГЛОВ (Москва)

1.Hf5! Hpe6 2.He5, 1...Hrc8 2. Hb8, 1...Hpe8 2.Фg8

Очень симпатичен первый вариант с синхронным перемещением двух белых коней на соседнюю горизонталь.

2-й почетный отзыв — А. Григорян (Ереван, Армения)

а) 1.f7 Hpg4 2. f8K Hph5 3.Сf3x

б) 1.e7 Hpg4 2.e8K Hph5 3. Hf6x

в) 1.d7 Hpg4 2. d8Ф Hpg5 3.Фd1x

Три приятных близнеца с превращениями белой пешки на смежных полях заканчиваются разными правильными матами.

3-й почетный отзыв — В. КОВАЛЕНКО (г. Большой Намень, Приморский кр.)

1-й почетный отзыв
В. ЖЕГЛОВ

2-й почетный отзыв
А. ГРИГОРЯН

3-й почетный отзыв
В. КОВАЛЕНКО

6-в) n.f6-e6-d6

1...H — 2. Фh4 Лh2 3. Фh2x, 1...Hf4 2. Cf4 Kpg1 3. Фе1x

1. Сb6 — цугцванг. 1...H — 2. Фе1 Лg1 3. Фg1x, 1...Hc5 2. Сc5 Kph2 3. Фh4x, 1...Hf4 2. Kpf4 Kph2 3. Фh7x.

Перемена игры с правильными матами. Последний вариант хорош сам по себе, но главное — счастливо нарушает симметрию игры!

К сожалению, на 1...He5, кроме 2. Фе1, возможно и 2. Kpe5 — дуаль, неприятная в задачах на цугцванг.

1-й похвальный отзыв — В. ЖЕГЛОВ (Москва)

а) 1. Ke6! Kpe6 2. Лh5, 1...Kpd5 2. Фf5, 1...Kpe4 2. Kpc6

б) 1. Hd5! Kpd5 2. Фf4, 1...Kpd4 (e4) 2. Kpd6

Близнецы с переменной игры, увы, не равноценные.

2-й похвальный отзыв — А. МИРОНОВ (Могилев, Беларусь)

1. Hf4 — цугцванг. 1...Kpe8 2. Ke6 f4 3. Ле7x [2...Ла8? Kpd7 3. Лd8x, но 2...Kpf7!], 1...Kpg8 2. Kgb f4 3. Лg7x [2. Ла8? Kph7 3. Лh8x, но 2...Kpf7!]

Избитую схему автору удалось "дополнить" двумя иллюзорными правильными матами.

3-й похвальный отзыв — А. СТЕПОЧКИН (Тула)

1. Kpg4? — пат! 1.f4! — цугцванг. 1...gf 2. Kpg4 f2 3. Hf4x, 1...gh 2. Kpg4 h2 3. f5x, 1...Kpf5 2. Kph5 gh 3. Ле5x

Известная антипатовая идея в хорошем механизме с тремя различными матами. Наль, что в двух вариантах совпадает второй ход белых.

Специальный почетный отзыв — В. ИВАНОВ (пос. Повец, Нарелия)

Kpg7, Лb2, Лd2, — Кра1, Hf7, пп.g5, h6;

1. Лb5, угрозы: 2. Лd7 и 3. Ла7x, 2. Лd4 и 3. Ла4x, 2. Лf5 и 3. Лf1x,

1...Hd8 2. Лd8 и 3. Ла8x, 1...Hd6 2. Лd6 и 3. Ла6x, 1...He5 2. Ле5 и 3. Ле1x

Известный механизм с линейными правильными матами "оформлен" темой Оянена (назается, впервые).

Специальный похвальный отзыв — Е. ФОМИЧЕВ (Нижегородская обл.)

Kpf5, Фа5, Сс3, Се6 — Kpd1, Кс1, п.c2;

1. Kpe4 H — 2. Фh5, 1...Hd3 2. Сg4, 1...He2 2. Фа1

Переработка собственной "большой" задачи в миниатюру.

В. ЧЕПИЖНЫЙ,

международный арбитр

1-й похвальный отзыв
В. ЖЕГЛОВ

б) Лh3-а6

2-й похвальный отзыв
А. МИРОНОВ

3-й похвальный отзыв
А. СТЕПОЧКИН

Архангел Михаил

Его красивые, нарядные пейзажи радуют глаз. В них много света, солнца, а синева неба словно растворяется в изумрудной зелени морских волн. Вадим Конев пишет Крым. И, кажется, не осталось на полуострове ни одного местечка, которое бы не перенес художник на свое полотно. В них любовь и восхищение благодатной землей, и Крым предстает перед нами поистине земным раем. И даже зимнее промозглое ненастье в работах Вадима таит скрытое очарование, природа как бы затаилась, отдыхает, дает себе возможность собраться с силами, чтобы затем поразить разнообразным великолепием красок. В контрастных, многоцветных полотнах Вадима — гармония и какое-то оптимистическое восприятие мира: земля щедра, солнце не обжигает, морские волны беззаботно плещутся об отвесные скалы, покрытые кое-где пушистым мхом.

Вадим живет в Крыму, в Форосе, более двадцати лет. А родился и вырос он в маленькой деревушке Вологодской губернии, где природа, как известно, не балует экзотическим разнообразием и буйством красок. Потому, наверное, Крым и очаровал художника.

До Крыма у Вадима была совсем другая жизнь. В Чебоксарах он закончил художественное училище. Делал офорты, гравюры, сотрудничал в газете — иллюстрировал очерки, а в местном издательстве — книги. Затем работал в книжном издательстве в Мурманске, куда вместе с ним переехала и его многочисленная семья. Вообще, за всю свою жизнь им проиллюстрировано более 150 книг. А за альбом гравюр "Мое Заполярье" Вадим Конев отмечен дипломом международной выставки в Москве и всемирной — в Монреале. И только в Крыму он состоялся как художник. Но пи-

шет Вадим не одни пейзажи. Есть у него акварели, на которых и скромные полевые цветы, и роскошные букеты садовых цветов в изысканных фарфоровых вазах; портреты юных девушек, и бывает трудно определить, то ли это конкретные модели, то ли некое воплощение мечты о прекрасном в образе женщины. Так они хрупки, возвышенны и "не по-земному" прелестны.

Но главное в творчестве художника, как он сам считает — символические философские картины: "Се — градет день", "Амазонки в Тавриде", и портреты — трагически погибшего архимандрита Петра, настоятеля церкви Воскресения Христова в Форосе, философа и ученого Николая Данилевского. Кстати, именно в Крыму в своем имении Мшатна Данилевский завершил основной труд своей жизни — книгу "Россия и Европа". Сейчас уже мало кто знает, что Мшатна во времена Данилевского для России была тем местом, каним впоследствии стала по значимости Ясная Поляна Льва Толстого. Именно отсюда "просвещенная Россия" ждала слов Данилевского, "как нищий нуска хлеба", по выражению Достоевского. Время безжалостно поступило с наследием великого человека — имение его сожгли, а могила была поругана. И вот Вадим Конев создал в Крыму движение по возрождению памяти и наследия Данилевского, стал первым лауреатом премии его имени. В 1996 году могилу Данилевского восстановили, а позже, по инициативе Конева здесь заложили мемориальный камень будущей часовни Николая Чудотворца.

Весной этого года в столичном Манеже прошла выставка работ Вадима Конева. И неизбалованные щедротами тепла москвичи смогли увидеть, как ярко сияет многоцветьем радуга в Коктебеле, как осенний Бахчисарай утопает в золоте и багрянце деревьев, как осенний ливень, раскаленное за день солнце сползает за горизонт, онутывая прощальными лучами стройные кипарисы, а бухта Ласпи ослепляет своей синевой...

Радуга в Коктебеле.

Натюрморт с гранатом.

Людмила КАНДАЛОВА

2-я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА "ЭКВИРОС-2000"

21-25 сентября

Москва, парк "Сокольники",
павильоны 3, 11

ВЫВОДКА ЛОШАДЕЙ

*
АУКЦИОН

*
ВСЕ ДЛЯ ВЫРАЩИВАНИЯ
И СОДЕРЖАНИЯ ЛОШАДИ, СПОРТА
И СКАЧЕК

*
ВЕТЕРИНАРИЯ

*
КОРМА

*
СЕМИНАРЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

Лошади
Амуниция
Все для ухода за лошадью
Одежда и обувь для
верховой езды и работы
с лошадью
Оборудование конюшен

Качалки
Юлажи
Ипподромное
оборудование
Оборудование для
проведения конных
соревнований

Коневодство
Снаряжение для конки
Ветпрепараты
и ветоборудование
Корма и кормовые
добавки
Конный туризм

Иппотерапия
Кумыс
Перевозка
лошадей
Книги
Видео
Компакт-диски

К участию в выставке приглашаются отечественные и зарубежные фирмы, государственные и частные структуры, конные заводы, ипподромы, вузы и научные учреждения, конноспортивные ассоциации, клубы, школы, фармакологические фирмы, производственные и торговые компании, предлагающие оборудование, товары и услуги для коневодческой отрасли.

Организаторы выставки

ФЕДЕРАЦИЯ
КОННОГО
СПОРТА РФ

АССОЦИАЦИЯ
КОННО-
СПОРТИВНЫХ
КЛУБОВ

КВЦ
"СОКОЛЬНИКИ"

При поддержке Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ, Правительства Москвы

Информационный спонсор:
журнал "Золотой мустанг"

Директор выставки:
Арошова Любовь Петровна
Тел./факс: (095) 268-7605, 268-7603
Факс: (095) 268-0891
E-mail: info@exposokol.ru
http://www.exposokol

Приглашаем Вас принять участие в выставке «ЭКВИРОС-2000».